

Фрш $\frac{20-87}{103}$

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XV.

Подъ редакціей кн. С. Н. Трубецкого и Л. М. Лопатина.

Книга III (73).

МАЙ — ІЮНЬ 1904 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Обоснованіе мистическаго эмпиризма. Н. Лосскаго . . .	197
Философскіе взгляды Эрнста Маха. Давида Викторова .	229
—	
Основы энергетическаго міросозерпанія. (W. Ostwald, Vorlesungen ueber Naturphilosophie. - Leipzig, 1902). В. Воробьева	289
Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ. Посвящается памяти Н. К. Михайловскаго. М. Шайкевича	309
Психическій подборъ. (Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ). А. Богданова	335
О реалистическомъ міровоззрѣніи. (Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія. С.-Петербургъ, 1904). Сергѣя Булгакова	380

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

Vaumann S. Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. Ein Buch zur Orientirung auch für Gebildete. Gotha, 1903. VIII+533.	
Н. Виноградова	404

- Zu Kants Gedaechniss.** Zwölf Festgaben zu seinem 100-jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Troeltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Runze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin. Verlag von Reuther v. Reichard 1904. S. 350. **Г. Шпетта** 406
- II. Библиографическій листокъ.
- III. Обзоръ журналовъ.
- Revue philosophique** 1903-году №№ 1—8. **В. Волковичъ**
и **З. Столица** 420
- Rivista filosofica** май—декабрь 1903. **Н. К. Вальденбергъ** . 429
- Психологическое Общество.** (Отчетъ о соединенномъ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества и Общества Невропатологовъ и Психіатровъ, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Докладъ Соединенной комиссіи Психологическаго Общества и Общества невропатологовъ и психіатровъ по вопросамъ, представленнымъ на ихъ разрѣшеніе постояннымъ Бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, принятый въ соединенномъ засѣданіи обоихъ Обществъ 28-го февраля 1904 года 434
- Объявленія.**

Обоснованіе мистическаго эмпиризма ¹⁾.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Догматическія предпосылки докантовскаго рационализма.

Декартъ начинаетъ свою философскую систему доказательствомъ того, что всякое переживаніе, поскольку мы относимъ его къ внѣшнему міру, можетъ оказаться недостовернымъ. Палка, погруженная въ воду, кажется переломленною, а на самомъ дѣлѣ она цѣла; во снѣ я вижу, что гуляю въ лѣсу, а на самомъ дѣлѣ я лежу въ постели; раненый воинъ чувствуетъ боль въ пальцахъ ноги, между тѣмъ какъ вся нога уже ампутирована. Въ то же время всѣ эти переживанія вполне достоверны, если считать ихъ состояніями моего я: палка можетъ быть и не переломлена, я можетъ быть и не гуляю, ноги можетъ быть и нѣтъ, но ужъ безъ сомнѣнія достоверно то, что я представляю себѣ переломленную палку, что мнѣ *резится* прогулка, что я *чувствую* боль. Найдя во всѣхъ переживаніяхъ, какъ нѣчто абсолютно несомнѣнное, состоянія познающаго субъекта, Декартъ рѣшилъ, что всякое переживаніе *цѣликомъ* принадлежитъ познающему субъекту, и потому, когда мы относимъ его къ своей душѣ, мы навѣрное не дѣлаемъ ошибки, мы констатируемъ фактъ; если же мы относимъ переживанія къ внѣшнему міру, то это значить, что мы допускаемъ существованіе внѣ насъ явленія, подобнаго тому, какое разыгралось въ нашей душѣ; такого рода предполо-

1) „Вопр. Фил. и Псих.“, № 72.

Вопросы философіи, кн. 73.

женіе есть наша догадка, наше умозаключеніе и, какъ такое, оно можетъ быть ложнымъ ¹⁾. Поэтому, знакомясь съ цвѣтами, звуками, запахами и т. п. явленіями, мы изучаемъ свойства своей души, заключающей въ себѣ эти процессы, а вовсе не свойства внѣшняго міра.

Отсюда видно, что Декартъ начинаетъ съ тѣхъ же предпосылокъ, что и эмпиристы. Онъ полагаетъ, что я и не-я обособлены другъ отъ друга, и что всѣ состоянія познающаго субъекта цѣликомъ суть личныя субъективныя состоянія сознанія его. Поэтому, стремясь приобрѣсти адекватное знаніе о внѣшнемъ мірѣ, Декартъ принужденъ предполагать, что это знаніе есть *копія* внѣшней дѣйствительности, строящаяся въ познающемъ субъектѣ. Иными словами, онъ долженъ считать знаніе *трансцендентнымъ*.

Совершенно такъ же представляютъ себѣ отношеніе между я и не-я Спиноза и Лейбницъ. Человѣческая душа, по мнѣнію Спинозы, есть идея (духовный эквивалентъ) человѣческаго тѣла, и всѣ состоянія человѣческаго я суть не что иное, какъ духовные эквиваленты состояній этого опредѣленнаго тѣла.

Всего яснѣе развиты и обоснованы эти предпосылки докантивской гносеологіи въ философіи Лейбница. „Монады вовсе не имѣютъ оконъ, черезъ которыя что-либо могло бы войти туда или оттуда выйти,“—говоритъ Лейбницъ. „Акциденціи не могутъ отдѣляться или двигаться внѣ субстанцій, какъ это нѣкогда у схоластиковъ дѣлали чувственные виды (*species sensibiles*). Итакъ, ни субстанція, ни акциденція не могутъ извнѣ проникнуть въ монаду“ ²⁾. Слѣдовательно, всѣ познавательные процессы монады суть ея личныя духовныя состоянія, ея акциденціи. Если, несмотря на это, познаніе монады адекватно внѣшнему міру, то это значить, что міръ воспроизводится познающею монадою въ

¹⁾ Descartes, Principia I, 68, 70. Метафизическія размышленія, пер. подъ ред. проф. А. И. Введенскаго, II, стр. 34.

²⁾ Лейбницъ. Избранныя философскія сочиненія, пер. подъ ред. Преображенскаго. Монадологія, 7, стр. 339.

видѣ *копи*, а вовсе не въ оригиналь данъ въ актахъ знанія. И въ самомъ дѣлѣ Лейбницъ говоритъ, что воспріятіе есть „внутреннее состояніе монады, воспроизводящее внѣшнія вещи“¹⁾. Онъ полагаетъ, что „всякая душа непрерывно бываетъ своеобразнымъ зеркаломъ вселенной и содержитъ въ своемъ существѣ порядокъ, соотвѣтствующій порядку вселенной“, такъ что „души, такъ сказать, умножаютъ вселенную во столько разъ, сколько это возможно“²⁾.

Ученіе Лейбница особенно интересно тѣмъ, что въ немъ открываются глубочайшія, скрытыя основанія, предрасполагающія и философвъ, и не философвъ къ перечисленнымъ выше предпосылкамъ. Эти основанія заключаются въ понятіи субстанціи. Здѣсь не мѣсто заниматься окончательнымъ анализомъ и установленіемъ этого понятія. Ссылаясь на него, мы будемъ говорить теперь лишь о тѣхъ сторонахъ его, которыя несомнѣнно обнаруживаются во всякомъ мышленіи. Безспорно, во всякомъ человѣческомъ мышленіи есть наклонность считать событія, процессы, явленія и т. п. не самостоятельными сущностями, а свойствами, состояніями какихъ-то носителей, субстанцій. Такимъ образомъ весь феноменальный міръ распадается для насъ на группы явленій, принадлежащихъ различнымъ субстанціямъ. Даже и тогда, если мы придерживаемся чисто феноменалистическихъ ученій, это представленіе о структурѣ міра не исчезаетъ. Феноменалистъ не можетъ отрицать, что всѣ явленія распадаются на опредѣленныя группы, опредѣленныя стойкія единства; отрицая, на примѣръ, существованіе субстанціи кислорода, онъ не можетъ отрицать однако, что существуетъ особое единство дѣйствительныхъ и возможныхъ кислородныхъ явленій, непохожее на единство водородныхъ и т. п. явленій и не производимое изъ нихъ. Эти представленія склоняютъ къ нѣкоторымъ опредѣленнымъ

1) Тамъ же, „Начала природы и благодати, основанныя на разумѣ“, 4, стр. 326.

2) Тамъ же, „Размышленія относительно ученія о единомъ всеобщемъ духѣ“, стр. 237.

ученіямъ о взаимодѣйствіи между субстанціальными группами явленій. Если всѣ процессы суть свойства, принадлежности различныхъ субстанцій, не существующія безъ нихъ самостоятельно, то отсюда слѣдуетъ, что они не могутъ *переходить* изъ одной субстанціальной группы въ другую. Если воспитатель, жестоко обращающійся со своимъ воспитанникомъ, пробуждаетъ въ немъ звѣрскія наклонности, то это не значитъ, что часть жестокости воспитателя отщепилась отъ его души и перекочевала въ душу воспитанника; жестокость воспитанника, есть *его собственное свойство*, возникшее изъ нѣдръ его души, хотя и подъ вліяніемъ воспитателя. По мнѣнію Лейбница даже и такіе процессы, какъ движеніе, не передаются прямо изъ одной субстанціальной группы въ другую, а возникаютъ въ каждой субстанціи изъ нея самой. „При ударѣ тѣлъ каждое изъ нихъ, — говоритъ Лейбницъ, — претерпѣваетъ дѣйствіе только по причинѣ своей собственной упругости, вслѣдствіе движенія въ немъ уже существующаго“ ¹⁾. Собственно, Лейбницъ идетъ еще дальше; по его мнѣнію, также и тѣ, кто думаетъ, что новыя явленія хотя и развиваются изъ самой субстанціи, но все же возникаютъ *подъ вліяніемъ* другой субстанціи, не правы. Такъ какъ всякое вліяніе есть обнаруженіе силы, а сила есть внутреннее свойство субстанціи, то, по его мнѣнію, не только передача свойствъ отъ одной субстанціи къ другой, но и какое бы то ни было вліяніе ихъ другъ на друга совсѣмъ невозможно, а потому реального *взаимодѣйствія* между субстанціями вовсе *нѣтъ*, онѣ замкнуты совершенно.

Если даже и не послѣдовать за Лейбницемъ и остановиться на популярныхъ смутныхъ представленіяхъ о связи между субстанціями, все равно эти представленія должны оказать глубокое вліяніе на теорію знанія. Они неизбѣжно склоняютъ къ мысли, что адекватное знаніе имѣетъ *транс-*

¹⁾ Тамъ же, „Новая система природы и общеніе между субстанціями“, 18, стр: 128. См. также „О природѣ въ самой себѣ“ 14, стр. 165.

цендентный характеръ, или даже приводитъ къ совершенному *отрицанію адекватнаго знанія*. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что познающій субъектъ есть субстанція (все равно какая, духовная или матеріальная), и всѣ процессы въ немъ, между прочимъ и познаніе, суть его свойства, его принадлежности, неотдѣлимая отъ него; допустимъ также, что ему противостоитъ міръ другихъ субстанцій съ ихъ принадлежностями, также неотдѣлимыми отъ нихъ, такъ что свойства одной субстанціи ни въ какомъ смыслѣ не могутъ войти въ жизнь другихъ субстанцій. Стоитъ только представить себѣ эту картину, чтобы тотчасъ же понять, что теорія знанія при этихъ предпосылкахъ должна встрѣтить непреодолимая затрудненія и запутаться въ противорѣчійхъ. Попробуемъ, напримѣръ, рѣшить коренную для этой гносеологіи проблему адекватности знанія, т.-е. изслѣдуемъ вопросъ, складывается ли знаніе о внѣшнемъ мірѣ изъ процессовъ, сходныхъ съ процессами внѣшняго міра, или изъ процессовъ, не воспроизводящихъ внѣшняго міра. Отвѣтъ можетъ быть трехъ родовъ: да, нѣтъ, не знаю. Первый изъ этихъ отвѣтовъ приводитъ къ затрудненіямъ, которыя можно преодолѣть только съ помощью самыхъ эксцентричныхъ фантастическихъ допущеній, при чемъ приходится отказаться отъ эмпирическаго подтвержденія этихъ теорій, тѣмъ болѣе желательнаго и необходимаго, что теоріи эти имѣютъ слишкомъ необычный характеръ, а два остальные отвѣта заключаютъ въ себѣ саморазрушительныя противорѣчія.

Если допустить, что адекватное трансцендентное знаніе существуетъ, то вслѣдъ за этимъ возникаетъ чрезвычайно затруднительный вопросъ: какъ возможно, чтобы *мое* познавательное состояніе, *моя принадлежность* была повтореніемъ, точною копіею того, что составляетъ принадлежность другихъ, не похожихъ на меня субстанцій, и что изъ этихъ субстанцій въ меня перекочевать не можетъ? Если же намъ удастся отвѣтить на этотъ вопросъ съ помощью какихъ-нибудь хитроумныхъ гипотезъ, то вслѣдъ за этимъ

тотчасъ же возникаетъ другая, уже совершенно неразрѣшимая вслѣдствіе своей противорѣчивости задача. Если мое знаніе есть моя копія съ не моею дѣйствительности, то какъ могу я фактически убѣдиться въ томъ, что копія похожа на оригиналь; для этого нужно взять (т.-е. въ данномъ случаѣ фактически пережить) и копію и оригиналь и путемъ непосредственнаго сравненія убѣдиться въ томъ, что они сходны. Однако, именно этого-то и нельзя сдѣлать согласно основной предпосылкѣ такой гносеологіи.

Ученіе о неадекватности знанія страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ; оно также не подлежитъ эмпирической проверкѣ. Но кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ убійственное противорѣчіе. Тотъ, кто утверждаетъ, что знаніе внѣшняго міра не можетъ быть адекватнымъ, такъ какъ свойства субстанцій внѣшняго міра не могутъ переходить въ субстанцію познающаго субъекта, основываетъ свою гносеологію *уже на нѣкоторомъ адекватномъ знаніи*, именно на знаніи о дѣйствительномъ существованіи внѣшняго міра, о сложности его изъ субстанцій съ неотдѣлимыми отъ нихъ акциденціями и т. п. Если въ этомъ отношеніи познавательный процессъ можетъ быть адекватнымъ, то почему ему не быть адекватнымъ и въ другихъ отношеніяхъ?

Наконецъ, если бы какой-либо скептикъ сталъ утверждать, что онъ лишень всякой возможности сравнить состоянія познающей субстанціи съ состояніями внѣшняго міра и потому вовсе не можетъ рѣшить вопроса объ адекватности ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону, то и это не спасло бы его отъ противорѣчія. Если въ самомъ дѣлѣ всѣ состоянія, входящія въ познавательный процессъ, *цѣликомъ* суть акциденціи, принадлежности самого познающаго субъекта, то тогда не можетъ быть и разсужденій о какомъ-то внѣшнемъ мірѣ, а слѣдовательно не можетъ быть и рѣчи объ адекватности или неадекватности знанія; самая постановка этого вопроса показываетъ, что предпосылки скептика, склонившія его къ отрицанію знанія, были ложны или же, что скептикъ, рассу-

ждая объ адекватности знанія, произносишь какія-то фразы, лишенныя всякаго доступнаго человѣческому уму смысла.

Подобныя же затрудненія и противорѣчія встрѣчаются и въ рѣшеніи другихъ гносеологическихъ вопросовъ при упомянутомъ ученіи о субстанціи и вытекающемъ отсюда представленіи о принадлежности знанія познающему субъекту. Всѣ они зависятъ отъ одной и той же причины: *знаніе о внѣшнемъ мірѣ и самый внѣшній міръ при этихъ предпосылкахъ не совпадаютъ*, отношенія между ними или вовсе нѣтъ, или оно *трансцендентное*, а если такъ, то гносеологія никоимъ образомъ не можетъ свести концы съ концами. Однако фактъ знанія внѣшняго міра налицо и, слѣдовательно, если при какихъ-либо предпосылкахъ онъ становится необъяснимымъ, или если его приходится отрицать, то это значитъ, что гносеологія должна вернуться къ своимъ предпосылкамъ и пересмотрѣть ихъ, пользуясь анализомъ этого факта. Быть можетъ, намъ возразятъ, что понятіе субстанціи, сколько бы мы ни пересматривали свои предпосылки, все равно должно сохраниться въ мышленіи, а потому не все ли равно, начнемъ ли мы теорію знанія безъ всякихъ предпосылокъ или съ указанными выше предпосылками: рано или поздно понятіе субстанціи выступитъ на сцену, а вмѣстѣ съ нимъ и тѣ положенія, которыя затрудняютъ ученіе о познаніи и даже дѣлаютъ его неизбѣжно противорѣчимымъ. Въ отвѣтъ на это замѣтимъ, что несомнѣнно въ опытѣ есть что-то заставляющее насъ все возвращаться къ этому понятію, но фактическіе матеріалы его еще вовсе не всѣ рассмотрѣны философіею; это видно изъ того, что философія подъ влияніемъ все новыхъ и новыхъ анализовъ и углубленія въ сферу дѣйствительности постепенно преобразуетъ это понятіе. Если догматически положить въ основу гносеологіи это понятіе въ той формѣ, какъ оно установлено на основаніи рассмотрѣнія непознавательныхъ процессовъ, то, безъ сомнѣнія, оно можетъ оказаться камнемъ преткновенія для теоріи знанія. Наоборотъ, если пойти по пути, указанному Кантомъ и соответствующему

требованіямъ логики, именно начать гносеологію безъ всякихъ предпосылокъ, съ анализа факта знанія, тогда возможно, что на пути этого анализа у насъ сложится новое понятіе субстанціи, которое перестанетъ быть препятствіемъ для теоріи знанія.

Впрочемъ, вернемся къ раціоналистамъ, чтобы окончательно убѣдиться въ томъ, что перечисленные выше предпосылки ставятъ философа въ безвыходное положеніе при изслѣдованіи гносеологическихъ вопросовъ. Раціоналисты были увѣрены въ томъ, что адекватное трансцендентное знаніе существуетъ. Но какъ оно возможно? Если знаніе о внѣшнемъ мірѣ цѣликомъ есть принадлежность познающаго субъекта, какъ субстанціи, то мыслимы только два пути возникновенія его. Оно или возникаетъ въ познающемъ субъектѣ, какъ результатъ дѣйствія на него субстанцій внѣшняго міра, или же развивается изъ нѣдръ самого познающаго субъекта, благодаря его собственной дѣятельности и собственнымъ свойствамъ. Самостоятельная познавательная дѣятельность субстанціи есть мышленіе, т.-е. обнаруженіе разума. Итакъ, въ первомъ случаѣ знаніе есть результатъ *опыта*, а во второмъ случаѣ — результатъ дѣятельности *разума*. Въ первомъ случаѣ оно есть копія, произведенная, такъ сказать, толчками самого внѣшняго міра, во второмъ случаѣ эта копія производится самою познающею субстанціею изъ собственныхъ матеріаловъ своего духа.

Считая опытъ результатомъ воздѣйствія внѣшняго міра на я¹⁾, раціоналисты опять проявляютъ сходство въ своихъ предпосылкахъ съ эмпиристами. Изъ этого однако не слѣдуетъ, будто они необходимо должны были оцѣнивать опытъ точь въ точь такъ же, какъ и эмпиристы. Въ основѣ ихъ построеній есть одна предпосылка, дающая имъ возможность развить совершенно иную теорію опыта. Понятія дѣйствія и причины оцѣниваются ими совершенно иначе,

¹⁾ Наприм., см. Декартъ, Мет. разм., VI, стр. 84 с.

чѣмъ эмпиристами. По мнѣнію эмпиристовъ, причина и дѣйствіе могутъ вовсе не походить другъ на друга, могутъ относиться къ совершенно различнымъ видамъ дѣйствительности; поэтому, зная свои ощущенія, мы вовсе еще не знаемъ природы тѣхъ внѣшнихъ силъ, которыя ихъ произвели. Наоборотъ, рационалисты думаютъ, что между причиною и дѣйствіемъ существуетъ точное соотвѣтствіе. Они относятся другъ къ другу, какъ основаніе и слѣдствіе, такъ что въ дѣйствіи не можетъ быть ничего, что бы не заключалось уже въ причинѣ. Дѣйствіе не представляетъ собою дѣйствительности совершенно иного порядка, чѣмъ причина: въ немъ *есть* налицо элементы причины. Поэтому, утверждая, что опытъ есть результатъ дѣйствія не-я на я, рационалисты вовсе еще не были обязаны утверждать полную субъективность опыта и непригодность его для пріобрѣтенія адекватнаго знанія о внѣшнемъ мірѣ. Они могли бы допустить, что въ опытѣ внѣшній міръ, хотя бы отчасти, познается *непосредственно*, имманентно и при томъ съ такою же непосредственностью, какъ собственныя наши душевныя состоянія. Однако напрасно мы бы надѣялись найти у рационалистовъ теорію непосредственнаго воспріятія внѣшняго міра. Безотчетное противоположеніе міра я міру не-я, если оно предшествуетъ сознательному построенію теоріи знанія и ложится въ основу ея, неизбѣжно склоняетъ къ скептическому ученію о субъективности опыта въ духѣ взглядовъ Юма. Къ тому же рационалисты, какъ и эмпиристы, разсуждая объ опытѣ, имѣютъ въ виду не столько *воспріятіе въ цѣломъ его составѣ*, сколько *ощущенія*, т.-е. чувственные элементы воспріятія, изслѣдованіе которыхъ особенно легко склоняетъ къ мысли, что матеріалы опыта неадекватны внѣшнему міру. Наконецъ, и онтологія рационалистовъ, лежащая въ основѣ ихъ гносеологіи, заставляетъ ихъ скептически относиться къ чувственному опыту. Подъ влияніемъ этихъ разнообразныхъ мотивовъ они приходятъ къ мысли, что опытъ складывается изъ *состояній познающаго субъекта, не адекватныхъ процессамъ внѣшняго міра.*

Такъ какъ онтологіи ихъ различны, то каждый изъ нихъ устанавливаетъ эту важную предпосылку по своему. Декартъ подкрѣпляетъ ее главнымъ образомъ съ помощью эмпирическихъ доводовъ въ родѣ того, какъ это дѣлаетъ Локкъ, опираясь на физику и физиологію. Онъ ссылается на оптическія иллюзіи, сновидѣнія, состоянія ампутированныхъ людей и т. п.; особенно характерны въ этомъ отношеніи его разсужденія, почему мы нерѣдко неправильно локализуемъ ощущенія ¹⁾. Такимъ образомъ онъ, повидимому, противорѣчитъ раціоналистическому ученію объ отношеніи между причиною и дѣйствиємъ, и это противорѣчіе не примирено у него въ достаточной степени, такъ какъ вообще его ученіе о чувственности не достаточно развито.

Спиноза не считаетъ человѣческой духъ субстанціею и потому его гносеологія свободна отъ одной изъ важнѣйшихъ предпосылокъ, склоняющихъ къ отрицанію непосредственности знанія въ чувственномъ опытѣ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ признаетъ, что въ чувственномъ опытѣ *есть объективные элементы*. Это необходимо слѣдуетъ изъ аксіомы, согласно которой всѣ состоянія, какія принимаетъ какое-нибудь тѣло отъ дѣйствія другого тѣла, вытекаютъ изъ природы подверженнаго дѣйствию тѣла и вмѣстѣ изъ природы тѣла, производящаго дѣйствіе ²⁾. Слѣдовательно, когда человѣческое тѣло подвергается воздѣйствію другихъ тѣлъ, то въ немъ возникаетъ перемѣна, содержащая въ себѣ отчасти элементы природы внѣшняго міра, отчасти элементы самого человѣческаго тѣла. Изъ этого, однако, Спиноза не дѣлаетъ вывода, что изъ чувственнаго опыта можно извлечь адекватное знаніе о внѣшнемъ мірѣ. Такой продуктъ взаимодѣйствія тѣлъ заключаетъ въ себѣ объективные и субъективные элементы въ отрывочной и спутанной формѣ; онъ сознается человѣческою душою, какъ смутная идея, въ которой нельзя разобраться, какъ „заключеніе безъ посы-

¹⁾ См. „Метафизическія размышленія“, VI, стр. 92 с.

²⁾ Спиноза. „Этика“, перев. подъ ред. Модестова, II, аксіома I, послѣ леммы III, стр. 71.

локъ“. Такое знаніе,—говорить Спиноза,—не даетъ адекватнаго представленія не только о внѣшнемъ мірѣ, но даже и о самой душѣ познающаго субъекта ¹⁾). Такимъ образомъ Спиноза еще меньше цѣнить чувственный опытъ, чѣмъ Декартъ.

Лейбницъ также думаетъ, что опытъ складывается изъ чувственнаго знанія, что это знаніе обусловлено взаимодѣйствіемъ нашего тѣла съ другими тѣлами (какъ извѣстно, Лейбницъ отрицаетъ реальное взаимодѣйствіе между субстанціями, но онъ допускаетъ идеальное взаимодѣйствіе между ними въ нѣкоторомъ особомъ смыслѣ этого слова), и что оно заключаетъ въ себѣ объективные элементы. „Существуетъ извѣстная связь, — говоритъ Лейбницъ,— между воспріятіями цвѣтовъ, теплоты и другихъ чувственныхъ качествъ съ одной стороны и соотвѣтствующими имъ движеніями въ тѣлахъ съ другой; между тѣмъ какъ картезіанцы и нашъ авторъ (Локкъ), несмотря на всю его пронизательность, считаетъ наши воспріятія этихъ качествъ какъ бы произвольными, т.-е. какъ будто Богъ даровалъ ихъ душѣ, какъ ему заблагоразсудилось, безъ всякихъ соображеній о какой-либо существенной связи между воспріятіями и ихъ предметами: мнѣніе, которое поражаетъ меня и кажется мнѣ мало достойнымъ премудрости Создателя, не творящаго ничего безъ гармоніи и разумнаго основанія“ ²⁾). Однако Лейбницъ, какъ и Спиноза, думаетъ, что чувственный опытъ даетъ всегда смутныя идеи, непригодныя для полученія адекватнаго знанія о внѣшнемъ мірѣ, но причину этой смутности онъ усматриваетъ не въ смѣшеніи объективныхъ элементовъ съ субъективными, а въ сложности внѣшняго міра. „Воспріятія нашихъ чувствъ,—говоритъ Лейбницъ,— даже тогда, когда они бываютъ ясны, необходимо должны заключать въ себѣ нѣкоторое смутное чувствованіе; такъ какъ всѣ тѣла во вселенной, такъ сказать, сочувствуютъ

1) Тамъ же II, положенія XIV, XVI, XXV, XXVI, XXVIII, XXIX.

2) Новые опыты о человѣческомъ разумѣ. Предисловіе, стр. 199.

другъ другу, то и наше тѣло получаетъ впечатлѣнія отъ всѣхъ другихъ и, хотя наши чувства находятся въ отношеніи со всѣмъ, но душа наша не можетъ обращать вниманіе на каждую частность всего“¹⁾. Примѣромъ такого смутнаго знанія могутъ служить воспріятія цвѣтовъ и запаховъ. „Въ воспріятіи цвѣтовъ и запаховъ мы не имѣемъ ничего иного, кромѣ воспріятія фигуръ и движеній, которыя однако такъ многообразны и такъ малы, что нашъ духъ въ его настоящемъ состояніи не способенъ отчетливо созерцать ихъ въ отдѣльности и потому не сознаетъ, что его воспріятія состоятъ лишь изъ воспріятій очень малыхъ фигуръ и движеній,—подобно тому, какъ при воспріятіи зеленаго цвѣта, составленнаго изъ пылинокъ желтыхъ и синихъ, мы въ дѣйствительности воспринимаемъ лишь мельчайшія смѣшенія синяго и желтаго, хотя мы этого не знаемъ и представляемъ себѣ скорѣе нѣчто совершенно новое“²⁾.

Слѣдовательно, чувственный опытъ складывается изъ объективныхъ элементовъ, но сложность міра такъ велика, что всякое чувственное воспріятіе заключаетъ въ себѣ безконечное количество элементовъ; вслѣдствіе своей ограниченности мы не можемъ разобратъся въ этой безконечности, не можетъ одновременно направить свое вниманіе на всѣ составныя части ея, и потому она всегда представляется намъ, какъ спутанное, смутно представляемое цѣлое. Это, смутное представленіе обусловлено, поскольку оно отличается смутностью, *субъективными условіями* воспріятія, именно *степенью развитія монады*, степенью вниманія ея, и *въ этомъ смыслѣ* можно сказать, что чувственный опытъ каждой монады состоитъ изъ личныхъ субъективныхъ состояній ея, не пригодныхъ для познанія объективнаго міра.

Эти во всякомъ случаѣ скептическія ученія объ

1) Разсужденіе о метафизикѣ. Избр. соч. Лейбница, перев. подъ ред. Преображенскаго, стр. 104.

2) Размышленіе о познаніи, истинѣ и идеяхъ, стр. 47.

опытъ должны были привести къ тому, что рационалисты признали невозможнымъ допустить происхождение изъ опыта очень многихъ идей, но списокъ этихъ идей отражаетъ на себѣ неопредѣленность и двойственность ихъ ученія объ опытѣ. Съ одной стороны, сюда входятъ всѣ идеи, отличающіяся характеромъ полной отчетливости, характеромъ математической ясности и прозрачности: таковы идеи тождества, единства, протяженности, числа, движенія, фигуры и т. п.; но, съ другой стороны, сюда входятъ тоже идеи, вовсе не отличающіяся характеромъ математической ясности, однако такія, происхождение которыхъ представляется загадочнымъ, если разсматривать опытъ, какъ процессъ взаимодѣйствія между субстанціею я и субстанціями не-я и при томъ, согласно съ эмпиристами и популярнымъ міровоззрѣніемъ, полагать, что дѣйствіе и причина разнородны. Таковы всѣ идеи отношеній, а также идеи, относящіяся къ бытію внѣшняго міра: идеи Бога, бытія, безконечности, идеи субстанціи, акциденціи, причины и силы, даже идеи сосуществованія и послѣдовательности.

Мы видѣли уже, что эмпиристы также не допускаютъ, чтобы отношенія, мыслимыя въ понятіяхъ субстанціальности и причинности, передавались чувствами, и считаютъ своимъ долгомъ объяснить, какъ могли возникнуть въ нашемъ умѣ эти идеи. Они предполагаютъ, что чувства даютъ намъ послѣдовательность и сосуществованіе субъективныхъ ощущеній, и на почвѣ этой данной послѣдовательности и сосуществованія вырастаютъ въ видѣ вторичнаго наслоенія субъективности идея субстанціальности и причинности. Рационалисты не могутъ согласиться съ этимъ: они полагаютъ, что даже и такія связи, какъ послѣдовательность и сосуществованіе не даются чувствами, а потому ссылка на отношенія во времени вовсе не объясняетъ, какъ могли возникнуть изъ опыта идеи причины и субстанціи; къ тому же они замѣчаютъ болѣе глубокое содержаніе этихъ идей, несводимое къ привычной связи во времени, и знаютъ, что всякое такое ученіе о субстанціальности и причинности приводитъ къ

скептицизму. Итакъ, чтобы отстоять возможность адекватнаго знанія и объяснить происхожденіе нечувственныхъ идей, имъ остается прибѣгнуть къ единственному остающемуся при ихъ предпосылкахъ средству—предположить, что всѣ идеи такого рода возникаютъ изъ собственныхъ нѣдръ души, что онѣ прирождены и заключаютъ въ себѣ адекватное знаніе.

Въ ученіи о прирожденныхъ идеяхъ у рационалистовъ замѣчаются два различныя, но недостаточно дифференцированныя теченія. Многія нечувственные идеи, по мнѣнію рационалистовъ, возникаютъ, такъ сказать, изъ внутренняго опыта души: душа сама есть субстанція, бытіе, единство и т. п., а потому, познавая себя, она можетъ получить эти идеи безъ помощи внѣшняго опыта. „Можно ли отрицать,—говоритъ Лейбницъ,—что въ нашемъ духѣ есть весьма много врожденнаго, какъ скоро, мы, такъ сказать, врождены самимъ себѣ?—И что въ насъ существуетъ бытіе, единство, субстанція, продолжительность, измѣненіе, дѣятельность, воспріятіе, удовольствіе и тысяча другихъ предметовъ нашихъ интеллектуальныхъ идей?“¹⁾ Однако у насъ есть также нечувственные идеи, которыя не выражаютъ свойствъ души, а передаютъ лишь свойства внѣшняго міра. Какъ извѣстно, рационалисты также считаютъ ихъ врожденными²⁾, но для объясненія ихъ возможности, а также истинности нельзя прибѣгнуть къ самопознанію души; впрочемъ, появляясь у рационалистовъ на сцену рядомъ съ первыми идеями, объясненными очень удачно, онѣ уже не привлекаютъ къ себѣ особеннаго вниманія и вмѣстѣ съ первыми идеями объясняются, какъ результатъ „врожденныхъ склонностей, расположеній, привычекъ или естественныхъ потенцій“, которыя пробуждаются къ дѣятельности внѣшнимъ опытомъ.

1) Тамъ же. Новые опыты о человѣческомъ разумѣ, стр. 192.

2) Ces idées qu'on dit venir de plus d'un sens, comme celle de l'espace, figure, mouvement, nous sont plutôt du sens commun, c'est à dire de l'esprit même, car ce sont des Idées de l'entendement pur, mais qui ont du rapport à l'extérieur et que les sens font apercevoir; aussi sont-elles capables de définitions et de démonstrations“. Leibnitz, Nouv. Ess., кн. II., гл. V.

Чтобы объяснить процессы знанія, недостаточно объяснить происхожденіе различныхъ идей, нужно еще показать, какъ онѣ примѣняются на дѣлѣ. Допустимъ, что рационалисты доказали происхожденіе идей субстанціальности, причинности, числа и т. п. изъ разума; вслѣдъ за этимъ нужно показать, какъ мы пользуемся ими въ разныхъ конкретныхъ случаяхъ. И вотъ оказывается, что гипотеза прирожденныхъ идей не даетъ никакихъ разъясненій по этому поводу или для достиженія этой цѣли требуетъ такого расширенія, которое придаетъ ей фантастическій характеръ.

Въ опытѣ на каждомъ шагѣ встрѣчается конкретное примѣненіе идей субстанціальности, и т. п., напр. когда мы говоримъ „листья пожелтѣли“ (субстанція и ея свойства), „стекло разбито брошеннымъ камнемъ“ (причинная связь). Казалось бы, рационалисты очень удачно объяснили происхожденіе такихъ сужденій: чувственная ихъ сторона получается изъ опыта, а нечувственная изъ нѣдръ самой души. Однако присмотримся ближе: какъ произошло сочетаніе между этими разнородными матеріалами знанія? Почему желтизна объединена въ моемъ сознаніи съ формою листа, а не съ формою ствола въ одно субстанціальное цѣлое? Если бы на ощущеніяхъ были *отмѣтки*, показывающія, какія изъ нихъ должны быть объединены въ одну группу, то тогда вопросъ рѣшался бы просто, но рационалисты не имѣютъ права допускать это: вѣдъ самую гипотезу прирожденныхъ идей они строили потому, что не нашли въ данныхъ опыта, т.-е. въ ощущеніяхъ, никакихъ связей, никакихъ отмѣтокъ, что къ чему причленяется. Поэтому имъ приходится или совсѣмъ пренебрежительно отнестись къ опыту, пытаться строить все знаніе исключительно изъ нечувственныхъ матеріаловъ и утверждать, что нечувственные идеи, хотя онѣ и составляютъ скелетъ всего чувственного знанія, примѣняются къ нему случайно, или же, такъ какъ это ученіе о чувственномъ знаніи невѣроятно предположить, что познающему духу прирождены не только

идеи субстанціальности, причинности и т. п. въ общей формѣ, но и отдѣльные конкретные акты ихъ примѣненія; иными словами приходится признать, что *все знаніе во всемъ его объемъ прирождено*, а это возможно лишь въ томъ случаѣ, если *весь міръ прирожденъ* познающему субъекту, если весь міръ въ видѣ копіи заключенъ въ душѣ его, такъ что, развиваясь внѣ познающаго субъекта, онъ въ то же время развивается и въ самомъ познающемъ субъектѣ *имманентно*. Такая теорія знанія, составляющая послѣдовательное и необходимое развитіе гипотезы прирожденныхъ идей, въ самомъ дѣлѣ была создана послѣднимъ представителемъ докантовскаго рационализма, Лейбницемъ ¹⁾, который утверждалъ, что міръ состоитъ изъ монадъ, и что всякая монада есть микрокосмъ, т.-е. цѣлая вселенная въ миниатюрѣ.

Гипотеза прирожденныхъ идей не только рѣшаетъ вопросъ, какъ возможно трансцендентное адекватное знаніе. Она пытается отвѣтить еще и на другіе вопросы, напр. на вопросъ, какъ возможно всеобщее и необходимое знаніе. И рационалисты, и эмпиристы полагали, что всеобщее и необходимое знаніе возможно лишь тамъ, гдѣ есть аналитическія сужденія. Но эмпиристы не могутъ объяснить, какъ возможны такія сужденія въ отношеніи къ фактамъ внѣшняго міра: матеріалы знанія о внѣшнемъ мірѣ складываются, по ихъ мнѣнію, изъ разрозненныхъ ощущеній S, P и т. п., и никакой анализъ не можетъ показать связи S съ P. Рационалисты имѣютъ право смотрѣть на процессы

¹⁾ „Je crois même que *toutes les pensées* et actions de notre ame *viennent de son propre fond*, sans pouvoir lui être données par les sens, comme vous allez voir dans la suite. Mais à present je mettrai cette recherche à part et m'accommodant aux expressions reçues puisqu'en effet elles sont bonnes et soutenables et qu'on peut dire dans un certain sens, que les sens externes sont cause en partie de nos pensées, j'examinerai comment on doit dire à mon avis, encore dans le système commun (parlant de l'action des corps sur l'ame, *comme les Coperniciens* parlent avec les autres hommes du mouvement de soleil, et avec fondement) qu'il y a des idées et des principes, qui ne nous viennent point des sens, et que nous trouvons en nous sans les former, quoique les sens nous donnent occasion de nous en apercevoir“. Leibnitz. Nouv. Ess.

знанія иначе. Если въ душѣ отъ природы содержатся сложныя понятія, каковы, напр., понятія субстанции, пространства, числа и т. п., и если эти понятія содержатъ въ себѣ неразрывное единство своихъ элементовъ, то, высказывая о нихъ сужденія путемъ разложенія ихъ на части, мы должны сознать эти сужденія, какъ необходимыя: въ предикатѣ они высказываютъ то, что уже чувствуется въ субъектѣ (въ прирожденномъ понятіи), какъ его необходимая составная часть.

Наконецъ, и самое сильное возраженіе противъ эмпиризма, состоящее въ томъ, что при субъективности всѣхъ матеріаловъ знанія не могло бы быть даже и догадки о существованіи внѣшняго міра, не страшно для рacionalesтовъ. Они всегда могутъ сослаться на прирожденную идею существованія внѣшняго міра. Правда, на это можно отвѣтить, что въ опытномъ знаніи мы имѣемъ дѣло вовсе не съ абстрактною мыслью о существованіи внѣшняго міра, въ опытномъ знаніи передъ нами встаютъ *не мысли, а объекты, вещи*, какъ что то необходимое, чуждое нашей душѣ, между тѣмъ согласно теоріи знанія рacionalesтовъ это невозможно. Они строятъ всю познавательную дѣятельность изъ состояній познающаго субъекта, изъ его принадлежностей: опытъ даетъ лишь субъективныя ощущенія, а прирожденные идеи образуютъ систему необходимыхъ мыслей субъекта; сколько бы мы ни комбинировали этотъ матеріаль, изъ него не получатся конкретные объекты, которые, *какъ не-я*, противостоятъ мнѣ въ опытѣ. Философія Декарта не можетъ отвѣтить на возникающій здѣсь труднѣйшій изъ философскихъ вопросовъ, но стоитъ только рacionalesтамъ расширить гипотезу прирожденныхъ идей до послѣднихъ предѣловъ, именно утверждать, что все знаніе прирождено, и они могутъ справиться даже и съ этою проблемою, хотя бы чисто внѣшнимъ образомъ. Для этого нужно допустить, что по поводу всякаго взаимоотношенія между я и не-я въ познающемъ субъектѣ возникаютъ изъ нѣдръ его духа *не просто мысли, а мысли-объекты*, т.-е. процессы, повторя-

Вопросы философіи, кн. 73.

ющіе въ видѣ копій всю внѣшнюю дѣйствительность, какъ она есть. Именно этотъ смыслъ имѣетъ лейбницевская гипотеза монадъ-микрокосмовъ, удваивающая міръ, или, вѣрнѣе, умножающая его во столько разъ, сколько есть монадъ.

Непосредственной цѣли своей—показать, какъ возможно трансцендентное знаніе съ всеобщимъ и необходимымъ значеніемъ—эта гипотеза достигаетъ, однако полного удовлетворенія она доставить не можетъ. Слишкомъ очевидно, что она не можетъ быть обоснована, что она многое предполагаетъ и въ то же время застраховываетъ себя отъ возраженія только тѣмъ, что предположенія ея по самому существу своему не могутъ быть подвергнуты опытной повѣркѣ: вѣдь она предполагаетъ, что копія, находящаяся въ субъектѣ, и оригиналь внѣ субъекта не могутъ быть поставлены рядомъ и подвергнуты сличенію ни въ одномъ человѣческомъ сознаніи. Между тѣмъ требованіе эмпирическаго обоснованія въ настоящемъ случаѣ не есть только методологическая придирка. Оно обусловливается сознаніемъ противорѣчивости и неразрѣшимости самой проблемы, поставленной теоріею знанія рационалистовъ. И въ практической жизни, и въ наукѣ мы на каждомъ шагу опредѣляемъ отношеніе между какимъ-либо даннымъ a и x , но при этомъ разрѣшимая задача характеризуется тѣмъ, что въ ней x не есть нѣчто абсолютно неизвѣстное; для разрѣшимости задачи необходимо, чтобы было извѣстно какое-либо отношеніе x къ третьему явленію b , связанному опредѣленным образомъ съ a . Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ проблема теоріи знанія рационалистовъ: они хотятъ построить теорію *трансцендентнаго* знанія: это значитъ, что они задаются цѣлью построить ученіе о соотношеніи между a (познавательный процессъ въ y) и нѣкоторымъ абсолютнымъ x (міръ внѣ познавательнаго процесса). Ссылки на то, что не только знаніе прирождено, но и сама гипотеза прирожденности знанія тоже прирождена, нисколько не дѣлаютъ эту гипотезу болѣе убѣдительною. Они только избавляютъ ее отъ чрез-

чуръ грубаго противорѣчія и въ лучшемъ случаѣ лишь показывали бы, что въ силу врожденной склонности мы принуждены мыслить эту гипотезу, но вовсе не ручаются за истинность ея.

Противорѣчивая задача, поставленная раціонализмомъ, приводитъ въ конечномъ итогѣ къ противорѣчивому результату, который можетъ быть выраженъ въ слѣдующей формулѣ: адекватное *трансцендентное* знаніе складывается исключительно изъ такихъ матеріаловъ, которые возникаютъ *изнутри* познающаго духа, т.-е. *имманентны* ему по своему составу и происхожденію. Эта формула прямо противоположна конечному итогу эмпиризма, который мы выразили въ слѣдующемъ положеніи: всѣ матеріалы знанія получаютъ благодаря воздѣйствію на познающій субъектъ *извне* (трансцендентны по условіямъ возникновенія), поэтому знаніе не имѣетъ трансцендентнаго значенія, все оно имѣетъ *имманентный* (по составу) и при томъ *субъективный* характеръ. Противорѣчивыя формулы, къ которымъ пришли раціоналисты и эмпиристы, несмотря на свою противоположность, совпадаютъ въ одномъ признакѣ: противорѣчіе въ нихъ обусловлено столкновеніемъ понятій имманентности и трансцендентности, которое является необходимымъ слѣдствіемъ предположенія, что субъектъ и объектъ обособлены другъ отъ друга. Замѣчательно также, что въ нѣкоторомъ другомъ очень важномъ вопросѣ взгляды раціоналистовъ и эмпиристовъ уже прямо совпадаютъ: они признаютъ, что свои собственные чувства и идеи душа познающаго субъекта познаетъ вполне адекватно, такъ, какъ они есть въ дѣйствительности, и „душа достигаетъ этого безъ мукъ труда и дедукціи, съ перваго взгляда, своею природною способностью воспріятія и различенія“¹⁾. Здѣсь подъ словомъ воспріятіе разумѣется не воздѣйствіе идеи или чувства на душу и познание путемъ замѣщающихъ сигналовъ или копирования, а дѣйствительное *вос-пріятіе*, при которомъ познаваемый

1) Локкъ: Опытъ о человѣческомъ разумѣ, кн. IV, гл. 1, 4, стр. 525.

объектъ находится въ оригиналѣ въ самомъ процессѣ знанія. Познаваемый объектъ здѣсь имманентенъ процессу знанія, между объектомъ и субъектомъ нѣтъ непроходимой пропасти, они составляютъ одно цѣлое въ процессѣ знанія, а потому вопросъ о трансцендентномъ значеніи знанія не имѣетъ здѣсь смысла; вмѣстѣ съ этимъ, по крайней мѣрѣ при рѣшеніи этой частной проблемы, исчезаютъ всѣ затрудненія и противорѣчія въ теоріи знанія, а также разногласія между рационализмомъ и эмпиризмомъ. Такимъ образомъ и противорѣчія внутри эмпиризма и рационализма, и разногласія между ними, и согласіе ихъ въ одномъ изъ пунктовъ теоріи знанія одинаково и опредѣленно указываютъ на то новое направленіе, въ которомъ должна пойти гносеологія, чтобы выйти изъ затрудненія. Въ общихъ чертахъ это направленіе можно обрисовать слѣдующимъ образомъ. Гносеологія должна также и въ ученіи о знаніи внѣшняго міра отказаться отъ противорѣчиваго представленія о томъ, что знаніе есть процессъ трансцендентный по своему происхожденію или значенію. Иными словами, она должна отказаться отъ предпосылки рационализма и эмпиризма, согласно которой субъектъ и объектъ обособлены другъ отъ друга такъ, что объектъ находится за предѣлами процесса знанія и посылаетъ въ сферу этого процесса только свои дѣйствія или свои копии, прирожденные субъекту. Она должна снять перегородки между субъектомъ и объектомъ, признать ихъ первоначальное единство и въ этомъ смыслѣ примирить ихъ другъ съ другомъ. Начиная съ Канта, философія вступила на этотъ совершенно новый путь. Однако объединеніе субъекта съ объектомъ можно произвести различными способами и, такъ какъ у насъ нѣтъ основаній думать, что Кантъ избралъ наилучшій изъ нихъ, то мы должны познакомиться со всѣми способами и оцѣнить ихъ.

Можно представить себѣ три различныхъ формы объединенія субъекта съ объектомъ. Во-первыхъ, субъектъ можетъ быть отождествленъ съ объектомъ; во-вторыхъ, объектъ можетъ быть включенъ въ субъектъ; наконецъ, въ-третьихъ,

объектъ и субъектъ могутъ быть примирены не путемъ подчиненія одного другому, а путемъ признанія, что они, сохраняя свою самостоятельность въ отношеніи другъ къ другу, все же образуютъ неразрывное единство. Первая изъ этихъ теорій невозможна, такъ какъ заключаетъ въ себѣ саморазрушительное противорѣчіе: если бы субъекта не было, то и знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и теоріи знанія не было бы. Такимъ образомъ остаются возможными только вторая и третья теоріи. Вторая изъ нихъ подчиняетъ объектъ субъекту или, вѣрнѣе, процессу знанія и рассматриваетъ объектъ, какъ порожденіе самаго процесса знанія, не имѣющее самостоятельнаго бытія въ отношеніи къ знанію. Эта теорія знанія развита Кантомъ и въ разнообразныхъ модификаціяхъ, созданныхъ его послѣдователями, фигурируетъ на первомъ планѣ въ исторіи философіи XIX вѣка. Наконецъ, третья теорія знанія, которую мы называемъ мистическимъ эмпиризмомъ, постепенно подготавливается къ жизни критическою философіею и даже построена уже нѣкоторыми философами, вышедшими изъ школы Канта, однако не выражена еще въ чистой формѣ. Эта теорія знанія болѣе свободна отъ предпосылокъ, чѣмъ критицизмъ Канта, и могла явиться на сцену только послѣ того, какъ критицизмъ въ своемъ вѣковомъ существованіи изжилъ и исчерпалъ до конца всѣ противорѣчія, неизбѣжно порождаемыя предпосылками рационализма и эмпиризма. Вскрыть присутствіе этихъ предпосылокъ въ критицизмѣ легче послѣ знакомства съ мистическимъ эмпиризмомъ, чѣмъ до него, а потому мы и приступимъ теперь прямо къ изложенію первыхъ, самыхъ основныхъ положеній теоріи знанія мистическаго эмпиризма.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Первоначальный очеркъ основныхъ положеній теоріи знанія мистическаго эмпиризма.

I. Отношеніе объекта знанія къ знанію.

Теорія знанія должна быть свободною отъ предпосылокъ. Во всякомъ случаѣ въ наше время она должна осво-

бодиться, по крайней мѣрѣ, отъ предпосылокъ, найденныхъ выше въ докантовской философіи. Это значить, что, приступая къ ней, мы должны начинать прямо съ анализа фактовъ, мы не имѣемъ права давать никакого опредѣленія знанія и не можемъ указать никакихъ свойствъ его, кромѣ тѣхъ, которыя прямо усматриваются въ фактическомъ матеріалѣ переживаній и будутъ приняты нами за основаніе, опредѣляющее, какіе именно факты подлежатъ нашему изслѣдованію. Кто въ самомъ началѣ теоріи знанія заявляетъ, что будетъ изучать то *отношеніе между я и не-я*, то *воздѣйствіе* внѣшняго міра на чувственность (или, еще хуже, на нервы, органы чувствъ познающаго субъекта, которое приводитъ къ возникновенію знанія, тотъ навѣрное уже строить не теорію фактовъ, а теорію теоріи: онъ уже знаетъ о существованіи важныхъ условій знанія (я, не-я) и объ ихъ отношеніи другъ къ другу (о дѣйствиіи не-я на я). Точно также тотъ, кто заявляетъ, что будетъ изучать процессъ копирования дѣйствительности, или процессъ символизированія ея, или процессъ, приводящій къ возникновенію *всеобщихъ и необходимыхъ* сужденій и т. п., уже знаетъ, что такое знаніе, уже построилъ зачаточную теорію его и хочетъ обосновать эту теорію, а вовсе не изслѣдовать прямо факты.

Намъ могутъ возразить, что, не пользуясь никакими опредѣленіями знанія, нельзя найти самыхъ тѣхъ фактовъ, которые подлежатъ изслѣдованію. Если же, несмотря на это предостереженіе, мы все-таки займемся анализомъ первыхъ попавшихся фактовъ, то можетъ оказаться, что мы построимъ какую-либо теорію, однако это будетъ вовсе не теорія знанія, а теорія какихъ-либо другихъ процессовъ. Въ отвѣтъ на это замѣтимъ, что до извѣстной степени всякій изслѣдователь, берущійся самостоятельно за обработку какого-либо фактическаго матеріала, находится въ такомъ же положеніи; изслѣдуя группу фактовъ, онъ приходитъ къ новымъ опредѣленіямъ и разграниченіямъ, измѣняя при этомъ смыслъ прежней терминологіи. Впрочемъ, въ настоя-

щемъ изслѣдованіи мы займемся анализомъ группы фактовъ, распространенной до такой степени широко, что мы вовсе не рискуемъ построить теорію совсѣмъ иныхъ фактовъ, чѣмъ это обыкновенно принято въ гносеологіи; вѣроятно же всего, что мы построимъ теорію, въ которую войдутъ всѣ факты, рассматриваемые въ другихъ гносеологіяхъ, да кромѣ того еще нѣкоторые очень простые факты, обыкновенно не принимаемые въ расчетъ гносеологіею.

Мы будемъ заниматься анализомъ не только такихъ переживаній, какъ утвержденіе закона Ньютона или какихъ-либо математическихъ теоремъ и аксіомъ, но и такихъ переживаній, которыя кроются подъ словами „здѣсь свѣтло, мнѣ больно“ и т. п. Предметомъ нашего анализа будетъ служить всякое переживаніе, поскольку оно изслѣдуется, изучается, наблюдается, констатируется и т. п. Иными словами всѣ факты, изучаемые во всѣхъ наукахъ и наблюдаемые во всѣхъ областяхъ жизни, подлежатъ и нашему изслѣдованію, поскольку они таковы, что приводятъ къ возникновенію процесса изслѣдованія, наблюденія и т. п. Это значитъ, что количество фактовъ, подлежащихъ изслѣдованію теоріи знанія, дѣйствительно чрезвычайно велико: оно, по крайней мѣрѣ, равняется количеству всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ фактовъ, потому что *извѣстный* фактъ есть фактъ не только существующій, но еще и познанный.

Вся эта необозримая громада фактовъ характеризуется слѣдующимъ общимъ признакомъ. Всякое знаніе есть знаніе о чемъ-либо; иными словами, всякое переживаніе, называемое словомъ знаніе, заключаетъ въ себѣ явственно выраженное отношеніе къ чему-то, что можно назвать объектомъ знанія. Отсюда прямо возникаетъ слѣдующій важнѣйшій для теоріи знанія вопросъ: находится ли объектъ знанія, т.-е. то, къ чему относится переживаніе, называемое знаніемъ, внѣ процесса знанія или въ самомъ этомъ процессѣ? Въ первомъ случаѣ знаніе имѣетъ трансцендентный характеръ, а во второмъ оно имманентно. Согласно результатамъ предыдущаго изслѣдованія построить теорію транс-

цендентнаго знанія безъ противорѣчій нельзя, и потому, если бы оказалось, что объектъ знанія не находится въ процессѣ знанія, пришлось бы бессильно опустить руки передъ неразрѣшимою задачею и отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія. Нетрудно убѣдиться однако, что это печальное положеніе не угрожаетъ теоріи знанія. Благодаря трудамъ критической философіи, благодаря феноменализму, широко распространившемуся въ философіи XIX вѣка и проникшему даже въ область точныхъ наукъ, пониманіе и оцѣнка реальности настолько измѣнились, вниманіе къ процессамъ знанія и анализъ ихъ настолько углубились, что доказывать съ помощью какихъ-либо косвенныхъ соображеній (къ тому же эти косвенныя соображенія высказаны уже въ двухъ предыдущихъ главахъ) присутствіе объекта знанія въ процессѣ знанія вовсе не нужно; достаточно пояснить нѣсколькими примѣрами нашу мысль, т.-е. прямо показать присутствіе объекта въ процессѣ знанія, и большинство съ нами согласится. Если мы говоримъ „здѣсь свѣтло“, „здѣсь шумно“, „мнѣ больно“, то эти переживанія (утвержденія) относятся къ шуму, боли, свѣту, и нельзя не признать, что *эти объекты находятся въ самомъ процессѣ знанія, а не внѣ его*: рѣчь идетъ о тѣхъ шумѣ, свѣтѣ, боли, которые тутъ же въ этомъ процессѣ утвержденія и переживаются. Утверждая, что желѣзная вещь, лежащая въ водѣ, покрывается ржавчиною, или что прибавленіе соляной кислоты къ раствору ляписа приводитъ къ образованію хлористаго серебра, мы опять - таки имѣемъ дѣло съ объектами, которые находятся налицо въ самомъ процессѣ знанія: прозрачная, прѣсная на вкусъ жидкость, жгучая жидкость, дымящаяся жидкость съ острымъ запахомъ, бурый землистый налетъ на металлѣ, бѣлыя хлопья осаждающагося хлористаго серебра и т. д. присутствуютъ въ процессѣ утвержденія и составляютъ содержаніе его. Выражаясь терминами школы Юма, это содержаніе въ однихъ случаяхъ бываетъ яркимъ (воспріятія), а въ другихъ слабымъ (воспоминанія), но по существу дѣло отъ этого не мѣняется, такъ

какъ приведенныя утверждѣнія относятся къ этимъ именно содержаніямъ и безъ нихъ становятся пустымъ наборомъ словъ. Если какой-нибудь сторонникъ номиналистическаго ученія о понятіяхъ замѣтитъ, что всякое общее знаніе есть именно подборъ опредѣленныхъ словъ и больше ничего, то намъ незачѣмъ будетъ пускаться здѣсь въ критику всевозможныхъ реалистическихъ, концептуалистическихъ и номиналистическихъ ученій о понятіяхъ; намъ достаточно будетъ указать на то, что даже и наиболѣе на первый взглядъ опасное намъ ученіе, именно крайній номинализмъ, на дѣлѣ вполнѣ согласуется съ нашимъ утверждѣніемъ. Считая общее сужденіе только наборомъ словъ, номиналисты въ то же время полагаютъ, что за этими словами должны скрываться, по крайней мѣрѣ въ потенциальной формѣ, единичныя сужденія, содержаніемъ которыхъ служатъ воспріятія, и если эта связь съ воспріятіями исчезнетъ, то общее сужденіе уже дѣйствительно перестанетъ быть знаніемъ и превратится въ пустой наборъ словъ. Конечно, такая простая и черезчуръ часто встрѣчающаяся истина, какъ $2 \times 2 = 4$, обыкновенно, уже не реализуется въ сознаніи и совершенно замѣщена словами, но все же, какъ только мы захотимъ отдать себѣ въ ней отчетъ и созерцать ее, какъ истину, мы реализуемъ ее всю сполна, и тогда оказывается, что объекты этого знанія — повтореніе повторенія и полаганіе разъ, разъ, разъ, разъ — тутъ же въ этомъ процессѣ знанія даны, переживаются, испытываются въ немъ, а не находятся гдѣ-то внѣ этого событія. Нетрудно найти такое объективное и въ то же время имманентное содержаніе и во всѣхъ другихъ научныхъ истинахъ, наприм., въ основныхъ законахъ химіи, вродѣ закона кратныхъ отношеній и т. п.

Когда знаніе относится къ объектамъ такъ называемаго внутренняго воспріятія, то имманентность объекта знанія самому процессу знанія еще болѣе ясна и неоспорима. Когда совершается процессъ знанія, выражающійся словами „я разсержень“ или словами „умозаключеніе—всякое удли-

неніе маятника замедляетъ ходъ его, теплота удлиняетъ маятникъ, значитъ, она замедляетъ ходъ его — есть умозаключеніе дедуктивное по первой фигурѣ силлогизма“, то несомнѣнно, что объекты знанія „гнѣвъ“ и дедуктивное умозаключеніе переживаются въ самомъ этомъ процессѣ знанія. Даже и докантовская философія признавала это положеніе или, вѣрнѣе, она считала его само собою разумѣющимся и потому даже не обсуждала его. Въ этомъ отношеніи она совершала огромную методологическую ошибку. Если вопросъ о знаніи и условіяхъ возможности его очень трудень, и если есть случаи, когда, наоборотъ, кажется, что знаніе достигается въ совершенствѣ и въ то же время съ такою легкостью, что, повидимому, даже и задумываться не стоитъ, почему и какъ оно достигается, то это значитъ, что эти-то случаи и надо подвергнуть анализу для цѣлей теории знанія. Разсматривая эти процессы такъ называемаго внутренняго воспріятія, нельзя не замѣтить, что они характеризуются присутствіемъ объекта въ самомъ процессѣ знанія, и что безъ этого условія *никакого знанія о нашей душевной дѣятельности у насъ не было бы*. Но этого мало, строй процессовъ знанія всецѣло опредѣляется этимъ условіемъ и потому, какъ только оно замѣчено, тотчасъ же становится ясно, что и воспріятія, такъ называемаго внѣшняго міра должны имѣть и въ самомъ дѣлѣ имѣють такой же характеръ, что и здѣсь объектъ знанія имманентенъ процессу знанія.

Это первое положеніе мистическаго эмпиризма еще все не отклоняется отъ взглядовъ на знаніе, установившихся въ XIX вѣкѣ подъ влияніемъ критической философіи. Критицизмъ также рѣшительно отрицаетъ возможность всякаго трансцендентнаго знанія и настаиваетъ на томъ, что объектъ знанія находится въ процессѣ знанія. Разница между критицизмомъ и мистическимъ эмпиризмомъ вообще обнаружится не столько въ первыхъ основныхъ положеніяхъ, сколько въ выводахъ изъ нихъ; въ чемъ она состоитъ, объ этомъ будетъ сказано позже.

Второй вопросъ, подлежащій рѣшенію, таковъ: если объектъ знанія находится въ процессѣ знанія, то возможны два ученія о составѣ этого процесса: во-первыхъ, можно утверждать, что объектъ знанія не только входитъ въ процессъ знанія, но и составляетъ все содержаніе его; во-вторыхъ, можно утверждать, что знаніе складывается всегда изъ объекта знанія вмѣстѣ съ какимъ-то добавочнымъ процессомъ; иными словами, согласно второму ученію, знаніе всегда есть нѣчто болѣе сложное, чѣмъ его объектъ. Стоитъ только попытаться реализовать мысленно первое изъ этихъ утвержденій, чтобы тотчасъ же убѣдиться въ его несостоятельности. Если бы оно было правильнымъ, то это значило бы, что свѣтъ, шумъ, гнѣвъ, боль сами по себѣ уже суть знаніе о свѣтѣ, шумѣ, гнѣвѣ, боли. Но это невозможно уже потому, что знаніе есть процессъ, имѣющій отношеніе къ объекту и этого отношенія не существовало бы, если бы объектъ знанія былъ тождественъ съ самимъ знаніемъ о немъ; отношеніе возможно только въ томъ случаѣ, если объектъ знанія находится внѣ процесса знанія, или же въ томъ случаѣ, если онъ находится внутри процесса знанія, но составляетъ часть его. Первый случай, какъ установлено уже въ первомъ положеніи, невозможенъ; слѣдовательно, остается лишь второй случай.

Само собою разумѣется, въ нѣкоторыхъ случаяхъ объектомъ знанія становится само знаніе, но это вовсе не противорѣчитъ сказанному выше: также и знаніе о знаніи не складывается только изъ своего объекта, а представляетъ собою процессъ болѣе сложный. Когда является знаніе о томъ, что цѣпь сужденій „все, что удлиняетъ маятникъ, замедляетъ ходъ его и т. д.“, есть дедуктивное умозаключеніе по первой фигурѣ силлогизма, то это знаніе состоитъ изъ своего объекта, именно изъ приведенной выше цѣпи сужденій, и еще изъ какого-то добавочнаго процесса, благодаря которому эта цѣпь разсматривается, какъ дедуктивное умозаключеніе.

Неопредѣленнымъ результатомъ, къ которому мы пришли,

нельзя удовлетвориться. Для окончательнаго обоснованія предыдущихъ соображеній необходимо поставить вопросъ, въ чемъ состоитъ бѣольшая сложность знанія въ сравненіи съ объектомъ знанія, какой процессъ долженъ присоединиться къ объекту, чтобы получилось знаніе? Поставимъ этотъ вопросъ въ конкретной формѣ: если есть переживанія свѣта, шума, боли, гнѣва, то что должно присоединиться къ нимъ, чтобы они сдѣлались знаніемъ? Несомнѣнно переживаніе „свѣтло!“ возможно не иначе, какъ при сопоставленіи переживанія свѣта съ переживаніемъ тьмы, и при отличеніи его отъ этого, а также отъ всѣхъ другихъ смежныхъ переживаній. То же можно сказать и о переживаніяхъ боли, гнѣва, умозаключенія и т. п. Констатированіе „это процессъ дедуктивнаго умозаключенія по первой фигурѣ силлогизма“ только въ томъ случаѣ и возможно, если процессъ такого умозаключенія *выдѣленъ* изъ сферы другихъ переживаній, эмоцій, состояній самочувствія и т. п., если онъ *отличенъ* отъ индуктивныхъ умозаключеній и *уподобленъ* дедуктивнымъ умозаключеніямъ первой фигуры.

Мысль, что процессъ сравниванія входитъ во всякій актъ знанія, чрезвычайно широко распространена. Если нѣкоторые психологи и въ особенности гносеологи мало обращаютъ вниманія на роль этой дѣятельности при возникновеніи знанія, то это вовсе не потому, что они считаютъ ее ненужною для акта знанія, а скорѣе потому, что они считаютъ ея необходимость слишкомъ очевидною и ея составъ слишкомъ простымъ и торопятся перейти къ тому, что менѣе очевидно, и съ чѣмъ не всѣ согласны. Эмпиристы заняты изслѣдованіемъ возникновенія знанія благодаря воздѣйствию внѣшняго міра на органы чувствъ; они разсуждаютъ о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи между идеями и внѣшнимъ міромъ, они стараются конструировать изъ ощущеній и ихъ смѣны такія переживанія, какъ субстанціальность, причинность и т. п.; но, само собою разумѣется, они не могутъ не признать, что всѣ эти матеріалы душевной жизни еще не дадутъ знанія, если не будутъ сравнены

другъ съ другомъ. Локкъ хорошо понимаетъ это и утверждаетъ, что „нѣтъ познанія безъ различенія“ ¹⁾. Въ свою очередь рационалисты въ теоріи знанія обращаютъ вниманіе прежде всего на недостаточность опыта для полученія необходимаго знанія, устанавливають существованіе прирожденныхъ идей и т. п.; однако они не отрицаютъ необходимости различенія для возникновенія знанія; Лейбницъ, отвѣчая на заявленіе Локка, что безъ различенія нѣтъ познанія, вполне соглашается съ нимъ, но не останавливается на роли различенія въ познавательномъ процессѣ, потому что слишкомъ поглощенъ приведенными выше проблемами и торопится перейти къ доказательству того, что необходимость различенія для возникновенія знанія вовсе не исключаетъ прирожденности идей ²⁾. Наконецъ, сторонники критической философіи тратятъ всѣ силы на то, чтобы построить самый объектъ знанія при помощи формъ созерцанія и категорій разсудка; однако и они не могутъ отрицать, что безъ различенія ощущеній, формъ и категорій другъ отъ друга знанія не было бы. Кантъ на каждомъ шагу утверждаетъ, что знаніе есть синтезъ разнообразнаго. Въ ученіи о дедукціи чистыхъ разсудочныхъ понятій онъ говоритъ объ условіяхъ, при которыхъ разнообразное представляется, *какъ таковое*. „Каждое созерцаніе“, говоритъ онъ, „заключаетъ въ себѣ разнообразное, которое, какъ такое, не могло бы быть представляемо, если бы душа не различала времени въ послѣдовательной смѣнѣ впечатлѣній, ибо каждое представленіе, *какъ данное въ одно мновеніе*, никогда не заключало бы въ себѣ ничего, кромѣ абсолютнаго единства. Но чтобы изъ этого разнообразнаго возникло единство созерцанія (какъ напримѣръ въ представленіи пространства), для этого прежде всего необходимо обозрѣніе разнообразнаго, а потомъ соединеніе его. Этотъ синтезъ аппрегензіи долженъ имѣть примѣненіе и a priori, т.-е.

1) Локкъ, „Опытъ о человѣческомъ разумѣ“, кн. II, гл. XI, 1, стр. 131.

2) Leibnitz, Nouveaux Essays, кн. II, гл. XI.

по отношенію къ представленіямъ не эмпирическимъ“¹⁾. Вслѣдъ за этимъ послѣ ученія о репродукціи Кантъ говоритъ также о необходимости отождествленія различныхъ во времени моментовъ мысли другъ съ другомъ. „Безъ сознанія того, что то, что мы мыслимъ, есть то же самое, что мы мыслили за одно мгновеніе передъ этимъ, всякая репродукція въ ряду представленій была бы совершенно напрасною. Ибо тогда въ каждомъ состояніи было бы новое представленіе и оно совершенно не относилось бы къ тому акту, въ которомъ должно возникать постепенно“²⁾.

Итакъ, всѣ эти философскія направленія могутъ согласиться съ тѣмъ, что *знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями*. Мы не расходимся съ ними, утверждая это положеніе. Разногласіе попрежнему состоитъ только въ вопросѣ о трансцендентности объекта знанія. Согласно нашей точкѣ зрѣнія *сравниваемое переживаніе и есть объектъ знанія*; по мнѣнію рационалистовъ *сравниваемое переживаніе есть копія* съ объекта; по мнѣнію эмпиристовъ (Локка) *сравниваемое есть символъ*, замѣщающій въ сознаніи объектъ знанія. Замѣчательно, что всѣ эти философскія направленія, какъ бы они ни смотрѣли на объектъ знанія, должны въ каждомъ актѣ знанія усматривать и тѣ отношенія, которыя найдены нами, поскольку объектъ знанія, *какъ познаваемый объектъ*, долженъ быть переживаніемъ, сравненнымъ съ другими переживаніями, и долженъ находиться въ самомъ этомъ процессѣ сравненія. Положимъ, мы утверждаемъ, что „всѣ явленія имѣютъ причину“. По мнѣнію рационалиста объектомъ знанія здѣсь служитъ отношеніе, находящееся внѣ процесса знанія, но въ сознаніи должна быть копія этого объекта, именно прирожденная идея, и для акта знанія въ свою очередь эта копія должна быть *узнана*, а для этого достаточно *отличить* ее отъ другихъ переживаній, отъ переживанія субстанціальности, про-

1) Кантъ, „Критика чистаго разума“, перев. Соколова, стр. 609 (по 2 изд. Кербаха Transc. Analytik. I. Buch, II. Hauptstück, II. Abschn., 1.).

2) Тамъ же, стр. 611 (по 2 изд. Кербаха, тамъ же 3).

странственныхъ отношеній и т. п. Оригиналы согласно этому ученію навсегда остаются внѣ процесса знанія, и потому мы можемъ утверждать, что въ дѣйствительности такимъ путемъ получается только знаніе „копій“, т. - е. въ дѣйствительности несомнѣнно существуетъ только знаніе въ нашемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію эмпириста объектомъ знанія въ утвержденіи „всѣ явленія имѣютъ причину“ служитъ какое-то отношеніе между явленіями, которое замѣщено въ сознаніи своимъ символомъ, именно привычною послѣдовательностью ощущеній, но для акта знанія этотъ символъ въ свою очередь долженъ быть узнанъ, а для этого достаточно *отличить* его отъ другихъ символовъ, отъ непривычной послѣдовательности ощущеній, отъ субстанціальности и т. п. Трансцендентныя отношенія, согласно этому ученію, остаются навсегда неизвѣстными, и въ дѣйствительности мы узнаемъ только символы, только свои идеи. Иными словами, эмпиристы еще легче, чѣмъ раціоналисты, могутъ примкнуть къ утвержденію, что знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями. Неудивительно поэтому, что въ девятнадцатомъ вѣкѣ мыслители, склонные къ эмпиризму, напр. Бенъ, Спенсеръ, Махъ, отводятъ въ познавательной дѣятельности первое мѣсто акту сравниванія. Наконецъ, по мнѣнію кантіанцевъ, когда мы констатируемъ наличность причинной связи, то объектъ знанія не находится внѣ процесса знанія, онъ еще ближе къ процессу знанія, чѣмъ это утверждаемъ мы, такъ какъ по мнѣнію кантіанца этотъ объектъ самъ есть знаніе, онъ самъ есть познавательный процессъ (категоріальный синтезъ причинности); однако, безъ сомнѣнія, всякій кантіанецъ согласится, что для констатированія „это — причинная связь“ нужна не только *наличность* причиннаго синтеза, но еще и отличеніе его отъ синтеза субстанціальности, взаимодѣйствія и т. п., при чемъ въ этомъ актѣ отличенія и констатированія объектомъ знанія служитъ этотъ синтезъ, который и узнается, такимъ образомъ, какъ существующій.

Если знаніе есть переживаніе, сравненное съ другими переживаніями, и объектомъ знанія служить само сравниваемое переживаніе, то это значить, что объекту познается именно такъ, какъ онъ есть: вѣдь въ знаніи присутствуетъ не копія, не символъ, не явленіе познаваемой вещи, а сама эта вещь *въ оригиналь*. Отсюда получается рядъ чрезвычайно важныхъ для всей теоріи знанія выводовъ, но значеніе ихъ въ полномъ объемѣ можно выяснитъ только послѣ разрѣшенія одного недоумѣнія, вызываемаго даннымъ опредѣленіемъ знанія. Знаніе разсматривается всегда, какъ дѣятельность я. Если объектомъ знанія служить міръ не-я, то какимъ образомъ онъ можетъ быть данъ въ оригиналь познающему субъекту? Этимъ вопросомъ объ отношеніи я къ не-я въ процессѣ знанія мы и займемся теперь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Лосскій

Философскіе взгляды Эрнста Маха.

Для состоянія современнаго естествознанія характерно, по словамъ Рия, преобладаніе въ немъ синтетическихъ интересовъ, стремленіе къ первоначальному единству, исканіе единой философіи, имманентной науки. Къ какимъ бы результатамъ ни приводило это движеніе, оно заслуживаетъ вниманія и сочувствія со стороны специалистовъ философовъ, потому что подобныя исканія и стремленія должны отрывать натуралиста отъ микроскопа, толкать его изъ физическаго кабинета на широкую дорогу общихъ, принципиальныхъ вопросовъ. Взаимодѣйствіе науки и философіи поддерживается этимъ. Интересный типъ такого современнаго натуралиста представляетъ Эрнстъ Махъ, извѣстный физикъ, а впоследствии профессоръ индуктивной философіи въ Вѣнѣ. Побуждаемый чувствомъ „интеллектуальнаго недовольства“, Махъ покидаетъ область своихъ специальныхъ занятій, чтобы набросать картину міра, способную удовлетворить естествоиспытателя, отдать себѣ отчетъ въ основахъ, пріемахъ и цѣляхъ научнаго познанія. Его философскіе взгляды производятъ замѣтное давленіе въ разныхъ слояхъ умственной атмосферы, находятся въ близкомъ родствѣ съ аналогичными теченіями новѣйшей гносеологии, психологии и натурфилософіи, насчитываютъ немало сторонниковъ и противниковъ. Настоящая статья ставитъ себѣ задачей познакомить въ систематическомъ изложеніи съ наиболѣе характерными выводами его міропониманія и наукословія.

І. *Задача Маха.*— „Я естествоиспытатель, я не философъ“,—

Вопросы философіи, кн. 73.

говорить про себя Махъ, желая указать тотъ путь, какимъ онъ долженъ былъ итти въ своихъ философскихъ обобщеніяхъ. Путь метафизическаго умозрѣнія онъ считаетъ за претнымъ для себя; въ исторіи умозрительной философіи, благодаря ея методу, видитъ исторію заблужденій и изъ всѣхъ призраковъ готовъ признать реальными только метафизическіе—по тому вреду, какой они приносятъ познанію. Не собираясь дать новой метафизики, онъ даже принципиально отказывается отъ законченнаго міровоззрѣнія: „естествоиспытатель долженъ умѣть переносить міровоззрѣніе незаконченное“.

Но возможна другая философія, которая не беретъ исходнымъ пунктомъ умозрительную концепцію міра, а отправляется отъ критики выводовъ специальныхъ наукъ, идетъ навстрѣчу ихъ болѣе скромныхъ запросовъ. Такова философія научная. „Философія, философское изслѣдованіе можетъ состоять только во взаимномъ критическомъ дополненіи, проникновеніи специальныхъ наукъ, въ сведеніи ихъ къ единому цѣлому. Подобно тому, какъ кровь разливается по безчисленнымъ сосудамъ, дабы питать тѣло, но съ тѣмъ, чтобы вновь собраться въ сердце, такъ и въ наукѣ будущаго всѣ отдѣльные рукава познанія будутъ все болѣе и болѣе сливаться въ единый потокъ“.

Такъ объясняетъ себѣ Махъ задачу философіи вообще и въ соотвѣтствіи съ этимъ опредѣляетъ свою собственную задачу. Возстановляя исторію научныхъ открытій, гипотезъ, теорій, понятій, методовъ, подвергая критикѣ и взаимному сопоставленію различные виды міропониманія, усвоенные отдѣльными научными дисциплинами, Махъ занятъ, повидимому, достиженіемъ одной цѣли: установить правильныя отношенія между физикой, въ самомъ широкомъ, античномъ смыслѣ этого слова, психологіей, понимаемой столь же широко, и теоріей познанія. Его интересъ направленъ, по его словамъ, преимущественно на то, чтобы отыскать точку зрѣнія, одинаково пригодную для всѣхъ областей научнаго изслѣдованія, обеспечивающую единство науки, чтобы дать

такую картину міра, которую не приходилось бы перекрашивать всякій разъ, переходя отъ физики къ психологіи и наоборотъ. Нѣкоторыя изъ основныхъ, особенно характерныхъ для него положеній, съ которыми придется познакомиться ниже, должны быть продиктованы именно этой задачей, и та степень, въ какой они возвышаются до уровня ея требованій, должна служить мѣриломъ правильной оцѣнки ихъ. Къ числу подобныхъ основныхъ положеній относится въ системѣ Маха отрицаніе матеріи, какъ реальной сущности, въ духѣ крайняго идеализма, низведеніе ея на степень символической связи чувственныхъ качествъ; однако тѣ мотивы, которыми онъ руководствуется при этомъ, отличны отъ намѣреній и доводовъ идеалиста. Такъ какъ матерія, понимаемая въ смыслѣ реальной инертной массы, измѣненія которой возможны только черезъ движеніе и сводятся только къ движенію, нарушала бы связь физики и психологіи, то уже одного этого соображенія достаточно, чтобы покончить съ оплотомъ матеріализма. Другой примѣръ: предъявляя къ наукѣ требованіе чистаго описанія, признавая психологическую однородность и познавательную равноцѣнность описанія и объясненія, Махъ думаетъ снять единствомъ метода противоположность физики и естественной исторіи, устранить дуализмъ наукъ изъяснительныхъ и описательныхъ, ближе придвинуть конечную цѣль своей „научной философіи“, единство науки.

По самому характеру своей задачи Махъ не могъ не придти къ монизму, „монизму методическому“.

2. *Монизмъ натуралистическій.*—Но, какъ учить исторія философіи—есть-ли доводъ, болѣе убѣдительный въ наше ретроспективное время?—трудно удержаться въ рамкахъ научной методологіи. Между методическимъ единствомъ науки и реальнымъ единствомъ природы извиристо вьется межа настолько узкая, что самыя искреннія и серьезныя намѣренія балансировать на ней не всегда вѣнчались успѣхомъ. И дѣйствительно, у Маха за его методическимъ монизмомъ можно разглядѣть зародыши цѣльнаго міровоззрѣнія

съ хорошо знакомыми чертами натуралистическаго монизма.

„Природа есть единое цѣлое... Человѣкъ есть самъ осколокъ природы“. Со всѣми своими мыслями, склонностями, инстинктами человѣкъ составляетъ кусочекъ природы, есть явленіе совершенно натуральное, всецѣло подчиненное условіямъ природнаго существованія. Между нимъ и природой нѣтъ пропасти, нѣтъ антагонизма, между нимъ и животнымъ нѣтъ скачка. Суевѣрно было бы предполагать, что человѣкъ по своему разуму отличается качественно отъ животнаго. Различіе есть, но не больше, чѣмъ въ степени. Чѣмъ ниже спускаемся мы по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ слабѣе становится индивидуальная память, тѣмъ короче ряды ассоціаций, бѣднѣе и неопредѣленнѣе языкъ выразительныхъ движеній. Различіе между человѣкомъ и животнымъ не превышаетъ различій между взрослымъ и ребенкомъ. Работоспособность человѣка можетъ дать нѣсколько больше того, что нужно для удовлетворенія его непосредственныхъ животныхъ запросовъ, и уже одно это ставить его въ несравненно болѣе выгодныя условія, между тѣмъ какъ въ царствѣ животныхъ обычная норма разсудка постоянна, излишка сверхъ нормы не остается, и поэтому животное не можетъ подняться выше общаго уровня и неспособно къ дальнѣйшему развитію.

Нѣтъ также дуализма субъекта познанія—человѣка, и его объекта—природы. Въ рѣшеніи этого чисто гносеологическаго вопроса ясно слышенъ лейтмотивъ натуралистическаго монизма. Что происходитъ, напр., въ процессѣ объясненія? Зависимость нашей психики отъ физическихъ процессовъ есть фактъ, давно общепризнанный, но если взглянуть на обратную сторону такой зависимости, то фактъ этотъ выступаетъ въ новомъ освѣщеніи. Между представленіями и процессами природы физической происходитъ постоянное взаимодействіе, и если первыя отражаютъ въ себѣ послѣднія, то и наоборотъ: иногда явленія физическія зависятъ отъ представленій, опредѣляются, такъ сказать, предста-

вленіями. Какое-нибудь явленіе природы, на которое мы наталкиваемся первый разъ, кажется намъ непонятнымъ, страннымъ, но наши представленія могутъ со временемъ детерминировать его. Накопившіяся въ ходѣ психическаго развитія мысли дополняютъ его, нарушаютъ его изолированность, приводятъ въ соприкосновеніе съ рядомъ другихъ фактовъ. Человѣкъ со своими мыслями присоединяется въ качествѣ новой группы фактовъ къ явленію природы, интересующему его. Подобно сближенію элементовъ въ любой химической реакціи, въ процессѣ объясненія происходитъ такая же реакція, такое же сближеніе мыслей и фактовъ. Внутренняя реакція, называемая объясненіемъ, относится къ числу естественныхъ явленій, подобныхъ многимъ другимъ физическимъ явленіямъ. Самый вопросъ о дополненіи фактовъ мыслями есть вопросъ естественно-научный.

Въ противоположность міропониманію идеализма такой взглядъ на человѣка и природу заслуживаетъ названія натурализма. Если вы ищете основъ научнаго познанія, нѣтъ надобности обращаться къ животнымъ, дикарямъ и дѣтямъ, подобно географу человѣческаго духа, Локку, или „компилятору“ Спенсеру, въ ожиданіи гносеологическихъ открытій отъ этнографическихъ экскурсій, скажетъ сторонникъ критическаго идеализма. У животныхъ нѣтъ ни науки, ни религіи, ни искусства, ни философіи, потому что у нихъ нѣтъ того познавательнаго начала, которое именуется разумомъ. Разумъ — начало сверхприродное — не почерпаетъ изъ природы своихъ законовъ, самъ диктуетъ ей собственные законы, чеканитъ собственные цѣнности; человѣчество хранитъ ихъ въ произведеніяхъ научнаго, художественнаго творчества, чтитъ въ созданіяхъ творчества религіознаго. Разумъ, ревниво оберегая самозаконность, раскрываетъ человѣку въ своихъ идеяхъ новый міръ, противопоставляетъ его природному міру, ставитъ человѣку требованіе объективировать свои идеалы, вносить ихъ въ природу, содѣйствовать торжеству разумнаго сознанія надъ природой...

Напоминаемъ здѣсь этотъ возвышенный полетъ мыслей идеализма только потому, что на его фонѣ выдѣляются болѣе выпукло зародыши натуралистическаго монизма въ философіи Маха. Уголь зрѣнія, подъ которымъ смотритъ на природу Махъ, также предполагаетъ нѣкоторое міровоззрѣніе. Но не Кантъ и не Фихте цитируются имъ, а Дарвинъ и Спенсеръ. Его натуралистическое міропониманіе выросло подъ вліяніемъ биологическихъ теорій этихъ мыслителей и не стоитъ вполнѣ, одиноко. Течения новѣйшаго позитивизма, широко разлившееся ницшеанство, торжество гётевскаго монизма надъ кантовскимъ дуализмомъ относятся къ явленіямъ той же категоріи¹⁾. Выраженія, въ какихъ излагаетъ свое натуралистическое міропониманіе Махъ, напоминаютъ афоризмы Ницше о природныхъ инстинктахъ, дифирамбы природѣ у Гёте, отливаются въ форму эволюціоннаго волюнтаризма. Нѣкоторые критики подозрѣвали его въ сочувствіи метафизикѣ воли.

При изложеніи и оцѣнкѣ системы Маха обнаружится все значеніе натуралистическаго монизма, и для правильнаго пониманія его гносеологическихъ выводовъ не слѣдуетъ терять изъ виду этотъ взглядъ его на отношеніе человѣка и природы.

3. *Теорія элементовъ*.—Если „природа есть единое цѣлое“, то въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть принципіальнаго дуализма. Элементы міра должны быть однородны. Съ точки зрѣнія монизма натуралистическаго подлежитъ устраненію коренная, природная противоположность духа и матеріи, психическаго и физическаго, а монизмъ методическій озабоченъ вытравленіемъ плода такой природной противоположности, принципіальной двойственности наукъ о духѣ и естествознанія. Этотъ коренной дуализмъ выросъ, по мнѣнію Маха, на почвѣ неправильно поставленной проблемы и порождаетъ самъ неразрѣшимая, а слѣдовательно ложныя

¹⁾ Возможную связь міровоззрѣнія Гёте съ философій чистаго опыта объясняютъ *Schmidt*.—Grundzüge d. konstitutiven Erfahrungsphilosophie Brln. 1901.

и мнимыя проблемы. Первичные элементы міра однородны по своей природѣ, и только изъ различія ихъ комбинацій образуется различіе психическаго и физическаго. Въ теоріи элементовъ Маха, къ изложенію которой мы теперь переходимъ, эта сама по себѣ не новая мысль нашла очень своеобразное выраженіе.

Эмпирически, по свидѣтельству непосредственнаго опыта, явленія міра распадаются на три группы: внѣшнія тѣла, наше собственное тѣло и такъ называемыя Я, т.-е. опредѣленные комплексы представлений, воспоминаній, актовъ воли, чувствъ и т. д. Главное мѣсто въ этой троицѣ принадлежитъ нашему тѣлу, нашему организму. По своему составу оно входитъ, строго говоря, въ разрядъ внѣшнихъ тѣлъ, но отличается отъ нихъ нѣкоторыми особенностями; и наиболѣе существенная особенность, отбрасывая нѣкоторыя другія, въ положеніи нашего организма среди другихъ міровыхъ элементовъ состоитъ въ томъ, что внѣшнія тѣла *всегда* обусловлены нашимъ тѣломъ, *всегда* зависятъ отъ него, такъ или иначе модифицируются имъ. Въ зависимости, напр., отъ мѣстонахожденія нашего тѣла въ пространствѣ измѣняются размѣры вещей; въ зависимости отъ химическихъ процессовъ, происходящихъ на сѣтчаткѣ глаза, праваго или лѣваго, измѣняются цвѣта и формы предметовъ; при нѣкоторомъ положеніи глазъ предметы удваиваются, при закрытыхъ глазахъ исчезаютъ. На основаніи подобныхъ фактовъ многіе фізіологи, философовъ, опиравшіеся на выводы фізіологіи, учили о субъективности чувственныхъ качествъ, о томъ, что міръ есть мое представленіе, что существуетъ міръ вещей въ себѣ, порождающихъ ощущенія, но недоступныхъ для насъ, благодаря субъективности нашего познанія. Отправляясь отъ тѣхъ же фактовъ, Махъ думаетъ притти къ выводамъ, направленнымъ противъ этихъ фізіологовъ и философовъ неокантіанства.

Значить-ли это, дѣйствительно, что міръ есть мое представленіе? По мнѣнію Маха, это значить нѣчто совершенно

другое, а именно: всѣ элементы міра связаны другъ съ другомъ такъ, что съ измѣненіемъ одного измѣняются другіе (подобная связь носить названіе функциональной), но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыхъ точкахъ міра такія связи крѣпче, въ другихъ слабѣе: магнитъ, напр., приводитъ въ движеніе находящееся около него желѣзо, падающая скала сотрясаетъ почву, а если перерѣзать какой-нибудь нервъ въ нашей нервной системѣ, то вся система элементовъ приходитъ въ движеніе. Слѣдовательно, въ ряду міровыхъ элементовъ особенно выдѣляются органическія тѣла, а въ этихъ послѣднихъ центральная нервная система, которая стягиваетъ, такъ сказать, вокругъ себя остальные элементы, или, употребляя нѣсколько рискованную аналогію, подобно тому какъ наличность *causa sui* въ системѣ Спинозы свидѣтельствуетъ о логической обусловленности бытія понятіемъ, такъ наличность въ организмахъ нервной системы свидѣтельствуетъ объ органической обусловленности элементовъ міра. Но эта органическая обусловленность, какъ величина до извѣстной степени постоянная, не принимается обыкновенно во вниманіе.

Фактъ общей органической обусловленности міровыхъ элементовъ можно прослѣдить дальше въ частныхъ случаяхъ, извлечь изъ него важные выводы. Очевидно, во-первыхъ, что тѣла, внѣшнія нашему тѣлу, лишь сравнительно устойчивые комплексы отношеній, функциональныхъ связей элементовъ среды другъ съ другомъ и съ элементами нервной системы, а не разъ навсегда сложившіяся субстанции. Зависимость элементовъ среды отъ нервной системы называется ощущимостью ихъ. Выраженія: „внѣшнія тѣла ощущаются нами, чувственныя качества тѣлъ субъективны“, переведенныя на языкъ теоріи элементовъ, значать только, что тѣла зависятъ отъ нашей нервной системы. Внѣшній предметъ квалифицируется, какъ ощущеніе, въ той мѣрѣ, поскольку онъ зависитъ отъ нашего организма; тотъ же предметъ, въ связи внѣшнихъ элементовъ, образуетъ физическое тѣло, вещь.

Отсюда слѣдуетъ, во-вторыхъ, что всякій элементъ міра допускаетъ двоякое толкованіе, смотря по характеру тѣхъ связей, въ которыя онъ вступаетъ. Возьмемъ, напр., зеленый цвѣтъ растенія. Это явленіе можно разсматривать или въ зависимости отъ хлорофила, отъ различныхъ источниковъ свѣта, въ связи съ комплексомъ другихъ внѣшнихъ элементовъ, или же въ связи съ физиологическими, т.-е. по всѣмъ вѣроятіямъ химическими процессами на сѣтчаткѣ глаза, съ которыми оно также связано и которые со временемъ будутъ разложены въ свою очередь, на рядъ элементовъ x, y, z, \dots Въ первомъ случаѣ, въ обстановкѣ физическихъ элементовъ, зеленый цвѣтъ есть явленіе физическое; во второмъ случаѣ, въ компаніи процессовъ физиологическихъ, зеленый цвѣтъ становится величиной психической и называется ощущеніемъ. Такъ какъ при этомъ зависимость внѣшнихъ элементовъ отъ организма запечатлѣна характеромъ универсальности, то въ этомъ смыслѣ и только въ этомъ „міръ состоитъ изъ нашихъ ощущеній“. Но такъ какъ, съ другой стороны, внѣшніе элементы и элементы организма въ корнѣ своемъ однородны и стоятъ сверхъ того въ зависимости между собою, то они образуютъ своего рода самостоятельный міръ физическихъ тѣлъ.

Такимъ образомъ, въ-третьихъ, достигается искомое единство, дуализмъ психическаго и физическаго устраняется. Міръ есть комплексъ однородныхъ элементовъ. Въ составъ такъ называемаго внутренняго и внѣшняго опыта входятъ одни и тѣ же элементы. Эти элементы (терминъ, по мнѣнію Маха, болѣе опредѣленный, чѣмъ многосмысленное слово ощущеніе) могутъ становиться психическими и физическими, или, если угодно, въ сферѣ нашего опыта всякій объектъ одновременно психическій и физическій. Различіе психическаго и физическаго, какъ мы видѣли, зависитъ не отъ природы элементовъ, а отъ характера ихъ комбинаціи. Между внутреннимъ и внѣшнимъ, матеріальнымъ и духовнымъ, тѣломъ и ощущеніемъ нѣтъ принципиальнаго дуализма.

Такъ какъ міръ состоитъ изъ однородныхъ элементовъ, то въ-четвертыхъ, нѣтъ рѣшительно никакого основанія предполагать и допускать существованіе вещей въ себѣ, несоизмѣримыхъ съ нашими ощущеніями, субстанцій, матеріальныхъ атомовъ, какъ устойчиваго зерна внѣшнихъ тѣлъ и загадочныхъ раздражителей органовъ чувствъ. А таково именно обычное представленіе, защищаемое механической физикой въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ критической теоріей познанія. Согласно такому представленію ощущенія, какъ явленія сознанія, вызываются черезъ посредство организма силами природы, кореннымъ образомъ отличными отъ нихъ, и потому въ плоскости того измѣренія, къ которому относятся эти силы природы, нѣтъ будто бы ни цвѣтовъ, ни звуковъ: міръ самъ по себѣ хранитъ гробовое молчаніе, въ мірѣ самомъ по себѣ царитъ безпросвѣтная тьма, и только нашъ безпокойный духъ, наше сознаніе оживляютъ эту чудовищную картину звуками и красками. Согласно такому представленію ощущеніе есть слѣдствіе, производное отличныхъ отъ него силъ природы.

5 | Напротивъ, утверждаетъ, въ-пятыхъ, теорія элементовъ, ощущеніе есть первичный элементъ міра, а не вторичный продуктъ несоизмѣримыхъ съ нимъ субстанцій. „Не тѣла порождаютъ ощущенія, а комплексы ощущеній (комплексы элементовъ) образуютъ тѣла... тѣла же суть только мысленные символы для комплексовъ ощущеній... Міръ состоитъ не изъ загадочныхъ существъ, порождающихъ путемъ взаимодѣйствія со столь же загадочнымъ существомъ, „я“, то, что единственно доступно намъ — ощущенія. Нѣтъ, цвѣта, тоны, пространственныя, временныя отношенія... составляютъ для насъ послѣдніе элементы“. Излишне было бы искать скрытой за ними невѣдомой и непознаваемой реальности, такъ какъ задача науки исчерпывается описаніемъ ихъ отношеній.

Наконецъ, если, какъ было сказано выше, міръ состоитъ изъ ощущеній, то, въ-шестыхъ, ощущеніе должно быть не только первичнымъ, но и единственнымъ элементомъ міра.

Быть можетъ, этотъ выводъ потребуеъ нѣкоторыхъ ограниченій или вызоветъ нѣкоторыя сомнѣнія при окончательной оцѣнкѣ міропониманія Маха, но здѣсь мы имѣемъ въ виду только одно изъ важныхъ слѣдствій его теоріи элементовъ въ примѣненіи къ внутреннему опыту. Махъ проводитъ въ теоріи внутренняго опыта послѣдовательный сенсуализмъ, или, слѣдуя болѣе принятой психологической терминологіи, интеллектуализмъ, т.-е. разлагаетъ душевную жизнь безостаточно на ощущенія: чувства, волевые акты, словомъ, субъективные элементы внутренняго опыта, не имѣютъ въ себѣ ничего своеобразнаго, вполнѣ подобны объективнымъ тонамъ, цвѣтамъ. Боль и удовольствіе, напр., эти полюсы аффективной жизни, суть только ощущенія; существенное содержаніе чувствъ въ узкомъ смыслѣ слова т.-е. эмоцій, исчерпывается ощущеніями; волевые акты—комплексы мускульныхъ ощущеній, и поэтому Махъ отклоняетъ отъ себя подозрѣніе въ сочувствіи метафизикѣ воли. Равнымъ образомъ и формальные элементы внутренняго опыта, пространство и время, сводятся къ ощущеніямъ.

Итакъ—резюмируетъ Махъ свою теорію элементовъ—«міръ внутренней и внѣшней во всей своей цѣлости состоитъ изъ ограниченнаго количества однородныхъ элементовъ, которые вступаютъ въ связи различной стойкости, отъ мимолетныхъ до болѣе устойчивыхъ».

Получившееся въ результатѣ монистическое міропониманіе было названо «монизмомъ ощущеній» или «сенсуалистическимъ монизмомъ» ¹⁾, потому что, говоря объ элементахъ, Махъ склоненъ разумѣть, повидимому, ощущенія.

4. *Связь съ методическимъ монизмомъ.*—Сенсуалистическій монизмъ поставленъ въ нашемъ изложеніи въ нѣкоторую связь съ монизмомъ натуралистическимъ, съ тѣмъ взглядомъ на отношеніе природы и человѣка, который былъ усвоенъ себѣ Махомъ. Однако если мы не желаемъ выходить пока

¹⁾ „*Empfindungsmonismus*“—такъ именно характеризуетъ міропониманіе Маха Фалькенбергъ (*Geschichte der neueren Philosophie*. I. рзг. 1902). Самъ Махъ былъ бы противъ подобнаго термина.

изъ роли простого повѣствователя, то должны оговорить, что самъ Махъ старается связать изложенную теорію элементовъ со своей задачей, отнести ее на счетъ требованій своей методологіи. Предложенное ученіе объ элементахъ міра,—говоритъ онъ,—не есть метафизика, годная для всѣхъ временъ, а только полезный методологическій приѣмъ, призванный служить временнымъ цѣлямъ научнаго познанія. Именно, такой взглядъ на природу міровыхъ элементовъ наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ физическихъ и психологическихъ наукъ, приводя ихъ кратчайшимъ путемъ къ единству, а слѣдовательно мыслится съ наименьшей затратой силъ, наиболѣе экономенъ: онъ устраняетъ принципиальную двойственность наукъ о духѣ и естествознанія, психологіи и физики. Психологія и физика имѣютъ одинаковый предметъ изслѣдованія, такъ какъ элементы міра однородны, но изслѣдуютъ его съ разныхъ сторонъ, въ различныхъ направленіяхъ. Цвѣтъ можетъ быть объектомъ физическаго изслѣдованія въ связи внѣшнихъ «физическихъ» элементовъ, но онъ же становится объектомъ психологіи или физиологіи органовъ чувствъ, если разсматривать его въ связи съ физиологическими процессами, протекающими на сѣтчаткѣ глаза. Измѣняется не объектъ изслѣдованія, а направленіе вниманія. И физикъ и психологъ оперируютъ всегда съ ощущеніями.

Идя такимъ образомъ навстрѣчу синтетическимъ интересамъ современнаго естествознанія, теорія элементовъ даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ своеобразный и новый масштабъ для сравнительной оцѣнки того положенія, какое должны занять опредѣленные дисциплины въ будущей системѣ научнаго познанія. Если оставить въ сторонѣ біологію, о которой будетъ рѣчь ниже, то значеніе основной науки должно будетъ выпасть на долю химіи. Послѣдніе элементы міра родственны ощущеніямъ, а ощущенія родственны въ свою очередь химическимъ процессамъ, такъ что ключъ къ окончательному раскрытію природы міровыхъ элементовъ лежитъ въ химическомъ анализѣ. До сихъ поръ, напр.,

процессы химическіе выражались въ стереохиміи въ пространственныхъ формулахъ, а со временемъ само пространство, какъ особый видъ ощущеній, будетъ объяснено химически. Образчикъ подобной химической дедукціи основныхъ формъ воспріятія можно найти и теперь уже у одного изъ почитателей Маха, извѣстнаго натурфилософа Оствальда. Въ своихъ «лекціяхъ по натурфилософіи» Оствальдъ объясняетъ особенности даннаго намъ въ опытѣ на нашей планетѣ времени особыми свойствами тепловой энергіи, а психологическую неизбѣжность, неустранимость времени тѣмъ, что процессъ уравненія энергій разной интенсивности происходитъ постепенно, есть процессъ длительный: если бы, напр., уравненіе температуръ происходило моментально, то мы вообще не знали бы тепловой энергіи¹⁾. Хотя Оствальдъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ не къ химической, а къ тепловой энергіи, тѣмъ не менѣе его объясненіе времени можетъ до извѣстной степени служить прообразомъ той химической дедукціи пространства, которую предсказываетъ Махъ.

5. *Махъ и Бёркли.*—Окончательный выводъ теоріи элементовъ можно было бы формулировать, какъ мы видѣли, слѣдующимъ образомъ: «міръ состоитъ изъ нашихъ ощущеній; ощущеніе есть не только первичный, но и единственный элементъ міра». Въ этой формулировкѣ, недостаточно опредѣленной въ виду многосмысленности слова «ощущеніе», теорія элементовъ живо напоминаетъ, по первому впечатлѣнію, систему такъ называемаго субъективнаго идеализма, знаменитымъ представителемъ котораго считается въ исторіи философіи епископъ Бёркли. У Бёркли бытіе и ощущеніе тождественны, міръ тоже претворяется въ ощущеніе, что и находитъ себѣ выраженіе въ его извѣстномъ уравненіи: *percipi = esse*, т.-е. быть предметомъ воспріятія = существовать. Пикантная аналогія между современнымъ физикомъ

1) Wilhelm Ostwald.—Vorlesungen über die Naturphilosophie Lpzg. 1902. Ss. 265, 267, 275.

Махомъ и епископомъ Бёркли, писавшимъ въ XVIII столѣтїи на страхъ скептикамъ и атеистамъ, была подхвачена многими критиками, была подчеркнута философами, при чемъ одинъ изъ нихъ съ точностью установилъ, что сходство между ними простирается до § 25 главнаго философскаго произведенія Бёркли исключительно ¹⁾. Тѣмъ не менѣ Махъ отрицаетъ съ своей стороны всякое родство съ этимъ «славнымъ Бёркли», заявляя, что «тотъ безспорно очень далекъ отъ правильнаго пониманія моихъ взглядовъ, кто отождествляетъ ихъ со взглядами Бёркли, несмотря на неоднократные протесты какъ съ моей стороны, такъ и со стороны нѣкоторыхъ другихъ». Въ виду столь рѣшительнаго протеста слѣдуетъ провѣрить первое впечатлѣнїе, производимое его міропониманїемъ. Для этого слѣдуетъ прежде всего отдать себѣ отчетъ въ мотивахъ, руководившихъ Махомъ, коснуться генезиса его воззрѣнїй, какъ онъ самъ рассказываетъ о немъ.

Въ библиотекѣ отца, въ годы ранней юности, Махъ нашель пролегомены Канта, съ увлеченїемъ прочель ихъ, долго жилъ подъ сильнымъ впечатлѣнїемъ, вынесеннымъ изъ этого чтенія. Философія Канта представлялась ему приблизительно въ такомъ видѣ. Мїръ рѣзко раздѣляется на двѣ половины: мїръ представленїй, явленїй, и мїръ вещей въ себѣ. Хотя между этими половинами нѣтъ прямого сообщенія, однако представленія вызываются вещами въ себѣ; живутъ первоначально въ нашемъ я, но затѣмъ, послѣ нѣкоторой психологической обработки, выходятъ изъ-подъ кожи нашего я, выносятся за его предѣлы, изъ внутреннихъ становятся внѣшними, теряютъ субъективность, проецируются и образуютъ мїръ, доступный человѣческому познанію. Этотъ мїръ имѣетъ только условную, субъективную реальность, потому что онъ есть только представленіе субъекта. За нимъ скрывается мїръ вещей въ себѣ, со-

¹⁾ *Emil Lueka.*—Mach's Analyse der Empfindungen etc. Kantstudien B. VIII S. 417.

блюдающихъ строгое инкогнито и составляющихъ подлинную реальность, для насъ недоступную... Многие кантіанцы сочтутъ изложенное здѣсь представленіе о философіи Канта рудиментарнымъ, но въ данномъ случаѣ это и не важно; важно знать, что именно въ такомъ видѣ отразилась она въ воображеніи Маха. Подобная философія должна выбрать одно изъ двухъ—или 1) солипсизмъ, т.-е. признать, что реально существуютъ только я самъ (*solus ipse*), точка зрѣнія, не выдерживающая критики въ теоріи, неприложимая на практикѣ, не мѣшающая впрочемъ, по увѣренію Маха—пусть оно остается всецѣло на его совѣсти—иному солипсисту ѣздить на поклонъ къ министру по случаю получения ордена; или 2) агностицизмъ, т.-е. признать реальное существованіе вещей въ себѣ, никому невѣдомыхъ и никому ненужныхъ, образующихъ метафизическій балластъ, который слѣдуетъ выбросить за бортъ научнаго познанія. Миновать Спиллу солипсизма и Харибду агностицизма можно съ помощью теоріи элементовъ.

Начнемъ съ Харибды. Безспорно въ духѣ классиковъ англійскаго эмпиризма Махъ приписываетъ происхожденіе представленія субстанціи ¹⁾ злоупотребленію процессомъ отвлеченія: отвлекая послѣдовательно отъ даннаго комплекса элементовъ, называемаго тѣломъ или духомъ, отдѣльныя свойства, можно притти къ представленію, что, за отвлеченіемъ всѣхъ признаковъ, долженъ остаться еще и ихъ носитель, непознаваемый правда, но нужный для поддержанія связи между элементами. Сенсуалистическій монизмъ устраняетъ понятіе субстанціи матеріальной или духовной, признавая, какъ мы видѣли, отвлекаемыя свойства не производными, а первичными элементами міра, стоящими въ функциональной связи между собою. Этимъ отрицаніемъ субстанціи, не во всемъ его объемѣ, а лишь постольку, поскольку оно направлено противъ субстанціи матеріальной,

¹⁾ Махъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Оствальдъ, отождествляютъ субстанцію и вещь въ себѣ въ теоріи познанія Канта, что, какъ извѣстно, не одно и то же въ системѣ критическаго идеализма.

ограничивается сходство между Махомъ и Бёркли. Подобно Маху, послѣдній возставалъ противъ широкихъ притязаній современной ему механической натурфилософiи, противъ такъ называемой корпускулярной физики, объяснявшей природу чувственныхъ качествъ движенiемъ материальныхъ частицъ скрытыхъ за явленiями и принципиально отличныхъ отъ нихъ. Въ понятiи материальной субстанцiи онъ видѣлъ одно изъ тѣхъ общихъ *отвлеченныхъ* понятiй, которыя заключаютъ въ себѣ внутреннее противорѣчiе, которыя немислимы логически, невозможны психологически. На этомъ сходство между ними и обрывается, и обрывается раньше упомянутого выше § 25. То, въ чемъ они расходятся, важнѣе того, въ чемъ они сходятся. Расходятся они въ преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ и въ окончательныхъ выводахъ.

Бёркли отрицалъ возможность механическаго объясненiя природы вообще, выступалъ защитникомъ крайняго спиритуализма, одухотворялъ природу. Подлинную реальность онъ признавалъ только за духовными субстанцiями, которыя онъ сохранялъ въ своей системѣ на ряду съ отрицанiемъ материальныхъ субстанцiй. Всѣ качества, первичныя и вторичныя, поглощаются субъектомъ; ощущенiе есть явленiе внутреннее, субъективное, совершенно пассивное; мiръ субъективируется и только благодаря комбинацiи ощущенiй зрѣнiя и осязанiя зрительные образы проецируются, становятся внѣшними. Такъ какъ ощущенiе есть явленiе всецѣло пассивное и не можетъ быть пороженiемъ самого себя, то оно предполагаетъ внѣшнюю причину, отъ него отличную, хотя и духовную. Духовная субстанцiя, вызывающая ощущенiя, остается непознаваемой, не отражается въ ощущенiяхъ, такъ что прежнiй дуализмъ духа и матерiи переносится здѣсь на отношенiе духа и ощущенiй.

Махъ признаетъ не только возможность, но и важность механическихъ теорiй и предостерегаетъ только отъ гипостазирования такихъ вспомогательныхъ понятiй, какъ матерiя и атомъ. Махъ не страдаетъ слабостью къ спиритуализму. Тамъ, гдѣ у него проглядываютъ зародыши общаго

міровоззрѣнія, можно подмѣтити черты натурализма, склоннаго скорѣе къ матеріализму. Нельзя конечно наряжать его въ мундиръ матеріалиста, однако онъ отводитъ центральное мѣсто въ системѣ міровыхъ элементовъ не гордому духу, а прозаической нервной системѣ, выбрасываетъ изъ своего психологическаго сочиненія тѣ фразы, которыя давали поводъ къ истолкованію его взглядовъ въ духѣ идеализма. Махъ не признаетъ никакихъ субстанцій, ни матеріальныхъ, ни духовныхъ, при чемъ отрицаніе субстанціального и вообще реального единства душевной жизни, о которомъ будетъ рѣчь ниже, не менѣе характерно и важно для его міропониманія, чѣмъ устраненіе фантома механическихъ теорій, инертной массы. Подлинная реальность есть непосредственно данное намъ въ опытѣ. Элементы, данные въ опытѣ, функционально связаны другъ съ другомъ, непроеизводны въ буквальномъ смыслѣ этого слова: нѣтъ никакой, ни матеріальной, ни духовной причины, которая бы ихъ порождала и была бы отлична отъ нихъ самихъ. Въ отличіе отъ параличныхъ „идей“ Бёркли, „ощущенія“ Маха не лишены нѣкоторой активной самостоятельности. Частичный агностицизмъ Бёркли теряетъ съ устраненіемъ духовныхъ субстанцій свой смыслъ.

Но вмѣстѣ съ изгнаніемъ духовныхъ субстанцій изъ субъективнаго идеализма міръ долженъ распастись уже безъ остатка на ощущенія. Да не есть-ли Махъ большій берклеянецъ, чѣмъ самъ Бёркли?

Махъ объясняетъ ощущенія совершенно иначе, чѣмъ Бёркли, даетъ въ своей теоріи элементовъ новое понятіе духовнаго, психическаго состоянія. Элементы міра называются ощущеніями постольку, поскольку они зависятъ отъ организма; эту органическую обусловленность не слѣдуетъ смѣшивать съ субъективной обусловленностью или съ субъективностью. Теорія элементовъ призвана устранить дуализмъ субъективнаго и объективнаго, внутренняго и внѣшняго; ощущеніе не есть явленіе внутреннее, подкожное, субъективное, а только особая связь элементовъ, лежащихъ

по ту сторону дилеммы „субъективное — объективное“, связь однородных элементов, называемых физическими явлениями с одной стороны, физиологическими процессами — с другой стороны. Теория элементов уже по одному тому не может совпадать с субъективным идеализмом, что признает именно субъективность ощущений порождением ложного взгляда на природу психики. Мир, как ощущение, очищенное от своей исконной субъективности, превращается из субъективного феномена в подлинную, окончательную, последнюю реальность, перестает быть миражем представлений или предустановленной гармонией идей духовных субстанций. Равнозначность мира и ощущения, понимаемая в этом смысле, не покрывается уравнением, построенным Бёркли, $percipi = esse$, потому что первый член этого уравнения не соответствует новому понятию ощущения. И для того, чтобы поставить дифференциальный диагноз между ними, можно произвести следующую своего рода перекрестный допрос. Как смотрят Мах и Бёркли на так называемую проекцию ощущений, вынесение ощущений из предельных субъекта во внешний мир? С именем Бёркли неразсторжимо связана его новая теория зрения, которая впервые систематически развивает ту мысль, что представление разстояния, пространства, идея внешнего бытия вообще порождается совместным действием зрения и осязания. Зрительные образы предметов, изображение их на сетчатке, не имеют в себе ничего пространственного, лишены сами по себе всякой объективности, помещаются в глаз или вращаются в душе, образуют такую же череду внутренних представлений, как чувства приятного и неприятного, столь же близки нам, как и наши „самые сокровенные внутренние волнения души“. Но эти субъективные образы обрастают корой осязательных ощущений, дающих материал для построения идеи пространства; опыт и упражнение приучают нас относить эффект, производимый осязанием, на счет зрения, истолковывать субъективные ретинальные изображения

въ смыслѣ внѣшнихъ предметовъ, выносить ихъ по внушенію осязанія изъ-подъ кожной поверхности нашего я во внѣшній міръ. Такъ училъ Бёркли, родоначальникъ теоріи проекціи. Махъ считаетъ психологическую проблему проекціи мнимой, выросшей на почвѣ ложнаго дуализма внутренняго и внѣшняго, субъективнаго и объективнаго. Для теоріи элементовъ проблема проекціи имѣетъ столь же мало смысла въ психологіи, какъ *regretium mobile* въ механикѣ, потому что новое понятіе элемента устраняетъ изъ психологіи представленіе объ ощущеніяхъ, какъ состояніяхъ субъективныхъ, внутреннихъ: ощущенія не помѣщаются въ мозгу или въ душѣ, внутри нашего я,—они отъ рожденія надѣлены свойствомъ внѣшности, — они никуда не проецируются, а пребываютъ тамъ, гдѣ были, подлѣ и внѣ другъ друга. Эти сами по себѣ внѣшніе элементы получаютъ между прочимъ значеніе зрительныхъ ощущеній въ связи съ изображеніемъ на сѣтчаткѣ, по мѣрѣ того, какъ они подпадаютъ его воздѣйствію, такъ или иначе модифицируются имъ, а само оптическое изображеніе остается явленіемъ чисто физиологическимъ, подобно процессамъ дыханія, пищеваренія. Въ теоріи элементовъ одной проблемой, по крайней мѣрѣ, меньше, чѣмъ въ субъективномъ идеализмѣ Бёркли ¹⁾.

Такимъ образомъ вся эта затѣянная аналогія между Махомъ и Бёркли оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи болѣе чѣмъ неполной.

б. „Я—комплексъ“.— Остается Спилла солипсизма, которую Махъ можетъ миновать съ помощью своей теоріи элементовъ столь же благополучно, какъ и Харибду агностицизма. Его намѣренія должны быть теперь понятны, послѣ того какъ выяснилось отношеніе теоріи элементовъ къ субъективному идеализму, потому что солипсизмъ представляетъ собою только дальнѣйшее развитіе этого послѣдняго. Со-

¹⁾ Впрочемъ, кромѣ проблемы проекціи, отпадаетъ и другая столь же мнимая проблема прямого видѣнія. О проекціи см. въ новой книгѣ проф. Челпанова.—Проблема воспріятія пространства, ч. II, Кіевъ, 1904, стр. 10—13.

липсизмъ есть тотъ же субъективный идеализмъ, тотъ же субъективизмъ, но возведенный въ болѣе высокую степень, захватившій болѣе широкий районъ: субъектъ солипсиста имѣетъ болѣе широкіе аппетиты, поглащаетъ въ себя не только весь міръ матеріальный и міръ вещей въ себѣ, но и всѣ чужіе субъекты, возводитъ свой безмѣрный эгоизмъ въ исключительный принципъ бытія. Принципіально они стоятъ на общей почвѣ, логически вытекающей изъ общаго имъ признанія безусловной субъективности нашего познанія. Теорія элементовъ, какъ мы видѣли, сходится съ этой общей имъ почвой, переступая по ту сторону дилеммы субъективное-объективное, гдѣ нѣтъ уже мѣста понятію субъективности, гдѣ ей не грозитъ уже встрѣча ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Этимъ рѣшается самъ собою вопросъ объ отношеніи Маха къ солипсизму. Но можно пойти дальше и, повторивъ опять-таки перекрестный допросъ на этотъ разъ относительно понятія субъекта, показать, что міропониманіе Маха прямо противоположно солипсизму. У солипсиста міръ приносится въ жертву „я“, у Маха „я“ растворяется въ мірѣ. Махъ указываетъ на родство своей точки зрѣнія съ буддизмомъ. Теорія элементовъ, какъ будетъ сейчасъ показано, устраняетъ моментъ субъекта, отрицаетъ реальное единство сознанія, замѣщаетъ единое я, „Я — комплексомъ“. Доводы Маха направлены противъ догматическаго спиритуализма, принимаются на свой счетъ критическимъ идеализмомъ (потому что Махъ не проводитъ различія между эмпирическимъ и трансцендентальнымъ я, психологическимъ и гносеологическимъ субъектомъ), но касаются прежде всего солипсиста, такъ какъ ему приходится болѣе, чѣмъ кому-либо другому, цѣпляться за реальность своего я, какъ единственную реальность въ его системѣ міра. Сопоставимъ вкратцѣ нѣкоторыя соображенія каждой изъ этихъ сторонъ, не подвергая ихъ строгой сортировкѣ. „Я“ составляетъ основную проблему метафизики, говоритъ субъективистъ, то-есть защитникъ субъекта вообще, потому что оно занимаетъ совершенно исключительное по-

ложение въ ряду міровыхъ явленій, есть своего рода ипсисмъ, Гордіевъ узелъ, въ которомъ спаяны бытіе и сознаніе.

Индивидуальное сознаніе, утверждаетъ Махъ, не есть исключительная, единственно возможная форма связи ощущеній. Такъ какъ всѣ элементы міра однородны, такъ какъ между психическимъ и физическимъ нѣтъ непроходимой пропасти, то индивидуальное сознаніе составляетъ только частный случай природныхъ связей элементовъ, подобный многимъ другимъ видамъ отношеній между ними, другимъ связямъ. Связь ощущеній въ одномъ субъектѣ, называемомъ я, не болѣе и не менѣе загадочна и непонятна, чѣмъ всякія другія связи въ природѣ, потому что природа покрыта сѣтью подобныхъ связей однородныхъ элементовъ. Между я, тѣломъ и вещами нельзя провести границы, для всѣхъ случаевъ одинаково пригодной, между ними существуетъ полная аналогія. Я не есть „таинственное нѣкто“, говоритъ одинъ философъ родственной школы; такъ называется (г.-е. я) „конкретный человѣческій индивидуумъ“ ¹⁾, который ни по своему единству, ни по другимъ своимъ свойствамъ ничѣмъ не отличается *принципіально* отъ любой вещи, отъ любого дерева, если ужъ на то пошло...

Безъ постоянного и устойчиваго я, продолжаетъ субъективистъ, невозможно простѣйшее воспріятіе: если ни внѣ, ни внутри насъ не признавать ничего устойчиваго, то можно договориться до такого абсурда, какъ воспріятіе потока элементовъ текучимъ сознаніемъ. Безъ единаго субъекта невозможенъ простѣйшій актъ сужденія; изъ единства сознанія дедуцируются логическія категоріи, и съ отрицаніемъ его пришлось бы отрицать всю систему такихъ категорій, а слѣдовательно науку. Вы выдаете себя за сторонника научной философіи, но на самомъ дѣлѣ вы—Гераклитъ нашего времени ²⁾.

Теорія элементовъ, повторяетъ Махъ, призвана устра-

¹⁾ *Willy*.—Das erkenntnisstheoretische Ich. Vierteljahrsschft. f. w. Phil. B. 18.

²⁾ См. возраженія *Vaumann'a*, *Hönigswald'a*.

нить дуализмъ субъекта и объекта. „Первично не я, а элементы (ощущенія). Элементы образуютъ я. „Я ощущаю зеленый цвѣтъ“—значить, что элементъ „зеленый цвѣтъ“ встрѣчается въ комплексѣ другихъ элементовъ (ощущеній, воспоминаній). Если я перестаю ощущать зеленый цвѣтъ, если я умираю, то элементы міра не встрѣчаются болѣе въ привычной компаніи. Этимъ все сказано“. Какъ при физическомъ изслѣдованіи, такъ и здѣсь нужно довольствоваться констатированіемъ связи элементовъ, не задаваясь вопросомъ, кому могутъ принадлежать эти элементы, не уступая застарѣлой привычкѣ искать за комплексомъ ощущеній единаго носителя, какую-нибудь субстанцію, неподдающуюся будто бы дальнѣйшему разложенію.

Нельзя однако же, напоминая догматическій спиритуалистъ, отрицать психологическаго факта субъекта, въ смыслѣ субстанціального единства самосознанія, даннаго во внутреннемъ опытѣ. Поэтому всѣ акты душевной жизни запечатлѣны характеромъ единства, „я“ сопрягаетъ всѣ наши представленія. Только то можетъ быть объектомъ сознанія, что становится содержаніемъ моего опыта, что относится къ я. Психологъ не знаетъ „мысли вообще“; только „моя, твоя, ваша мысль“ извѣстны ему.

Понятіе элемента, напоминая съ своей стороны Махъ, вводитъ новое понятіе психическаго, устраняетъ старое понятіе, выросшее на почвѣ ложнаго дуализма психическаго и физическаго. То, что вы считаете фактомъ внутреннего опыта, есть одинъ изъ раритетовъ догматической метафизики, уцѣлѣвшихъ отъ погрома, произведеннаго Кантомъ, и всплывающихъ отъ времени до времени на поверхности литературнаго рынка съ клеймомъ оригинальнаго изобрѣтенія. Только что указанная застарѣлая привычка порождаетъ мысль, что ощущенія помѣщаются какъ бы внутри меня, въ моемъ субъектѣ, и прежде всего въ моемъ мозгу, въ нервной системѣ, какъ сѣдалищѣ ощущеній. Не ощущенія существуютъ во мнѣ; самъ я состою изъ связи ощущеній. „Когда я говорю о моихъ ощущеніяхъ, то

они не помѣщаются пространственно въ моей головѣ; напротивъ, моя голова раздѣляется съ ними одно и то же пространственное поле“. И что справедливо относительно головы, справедливо и относительно субъекта, который данъ въ опытѣ совершенно подобно той части тѣла, которая называется головой. Въ вашемъ выраженіи *мой* опытъ, слово *мой* не есть мѣстоименіе притяжательное: не опытъ принадлежитъ мнѣ—самъ я находимъ въ опытѣ. „Я не есть опытно познающій, а опытно сопознаваемое, *nicht ein Erfahren—der, sondern ein Mit-Erfahren—es*“, говоритъ философъ родственной школы, школы чистаго опыта ¹⁾. Противопоставленіе субъекта и объекта, я и не-я, нельзя считать первичнымъ фактомъ, оно образуется постепенно, въ результатъ естественной дифференціаціи, какъ продуктъ борьбы за существованіе, а затѣмъ уже факторъ—да! факторъ, потому что всѣ элементы міра однородны и потому равноправны. Первоначально элементы не имѣютъ ни характера субъективности, ни характера объективности, первоначально они вполнѣ безразличны въ этомъ отношеніи. Мыслимы ощущенія даже въ узкомъ, психологическомъ смыслѣ слова, которыя не принадлежатъ никакому опредѣленному субъекту, никакому я. Таковы, напр., ощущенія низшаго, недифференцированнаго сознанія, таковы ощущенія низшихъ животныхъ, которымъ никакъ нельзя приписать характера субъективности, въ смыслѣ принадлежности къ сферѣ опредѣленнаго я. Даже наше такъ называемое единство сознанія можетъ имѣть самыя различныя степени, опускаться до нуля, мозаично склеиваться изъ самыхъ незначительныхъ, случайныхъ, капризныхъ воспоминаній. Только постепенность и непрерывность перемѣнъ въ сознаніи порождаетъ иллюзію его единства, иллюзію, которая разбирается на практикѣ о житейскій опытъ: перемѣны въ душевномъ строѣ, переживаемыя въ теченіе краткой жизни однимъ человѣкомъ, гораздо значительнѣе различій, сущест-

1) *Avenarius*.—Der menschliche Weltbegriff Lpzg. 1891. S. 85.

ствующихъ между нѣсколькими сверстниками 1). „Дѣйство нѣжное, пугливое, безмятежно-шаловливое“—гдѣ ты?

Всѣ эти соображенія повторяютъ не разъ опровергавшуюся ошибку ассоціационистовъ. Они справедливы, скажетъ въ заключеніе солипсистъ, поскольку рѣчь идетъ о чужомъ я, т.-е. о „ты“. Реальность „ты“ недоказуема; „ты“ состоитъ изъ комплекса моихъ ощущеній, такъ что нѣтъ основанія считаться съ нимъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи познанія.

Мнѣнія опровергавшіяся и опровергнутыя не одно и то же. Доводы ассоціационистовъ не могутъ совпадать вполнѣ съ приведенными здѣсь, потому что имъ не было извѣстно еще новое понятіе психическаго состоянія. Что касается принципиальнаго различія между драгоцѣннымъ я и чужимъ ты, возражаетъ Махъ специально по адресу солипсиста, то въ теоріи элементовъ его не существуетъ. Любой субъектъ подобенъ любой внѣшней вещи, есть „я—вещь“; какъ вещь образуется путемъ искусственной, мысленной связи отдѣльныхъ ощущеній, такъ и субъектъ не есть единство реальное, дѣйствительное, а только мысленное, идеальное, символическое, практическое. Я теряетъ поэтому монадическій характеръ замкнутой въ себѣ единицы, безусловно автономной, независимой отъ другихъ я, и взамѣнъ своей прежней непроницаемости пріобрѣтаетъ новое свойство пористости. Глухая стѣна, стоящая будто бы между я и ты, барьеръ, полагающій, будто бы между ними предѣльную грань, принадлежатъ къ числу неудачныхъ, а слѣдовательно вредныхъ метафоръ, содержаніе которыхъ сводится къ слѣдующему при переводѣ его на языкъ теоріи элеметовъ: „элементы сознанія одного индивидуума связаны другъ съ другомъ крѣпко, съ элементами другого индивидуума слабо и только иногда замѣтно“. Счеты съ я, въ виду всего сказаннаго, можно считать поконченными. Правъ Лихтенбергъ въ своемъ афоризмѣ: „у насъ есть сознаніе

1) Подъ словомъ «я» разумѣется «конкретный человѣческой индивидуумъ».

нѣкоторыхъ представленій, которыя зависятъ не отъ насъ; другія, какъ мы по крайней мѣрѣ думаемъ, зависятъ отъ насъ. Гдѣ граница? Мы знаемъ только о существованіи нашихъ ощущеній, представленій и мыслей. „Думается, мысль идетъ“, слѣдовало бы говорить, подобно тому какъ говорятъ: „свѣтаетъ, дождь идетъ“. Сказать cogito значило бы сказать слишкомъ много, если переводить это: я мыслю“...

Нѣтъ нужды итти далѣе въ сопоставленіи доводовъ этихъ спорящихъ сторонъ. Единственная цѣль этого сопоставленія—передать съ возможной отчетливостью точку зрѣнія Маха, такъ какъ на фонѣ противоположныхъ ей мнѣній она выдѣляется болѣе опредѣленно.

7. *Естественное міропониманіе*.—Картина міра, рисуемая Махомъ, не умѣщается въ одной плоскости съ субъективнымъ идеализмомъ и солипсизмомъ. Эту отрицательную характеристику его міропониманія необходимо дополнить положительной, перейти отъ его антипатій къ симпатіямъ. Въ ряду послѣднихъ первое мѣсто занимаетъ эмпириокритицизмъ, теорія познанія современнаго нѣмецкаго позитивизма, созданная и разработанная покойнымъ проф. Цюрихскаго университета, Рихардомъ Авенариусомъ. Несомнѣнно существующее родство между ними, признаваемое одинаково тѣмъ и другимъ, не разъ найдетъ себѣ подтвержденіе въ дальнѣйшемъ изложеніи, а въ настоящую минуту можетъ оказать нѣкоторое содѣйствіе къ уясненію тѣхъ намѣреній, которыя руководили Махомъ въ его теоріи элементовъ, не совсѣмъ удачно названной сенсуалистическимъ монизмомъ.

Міропониманіе, близко напоминающее теорію элементовъ, получило въ систематической обработкѣ Авенариуса ярко реалистическую окраску, настолько яркую, что Авенариусъ можетъ не безъ основанія считать свою точку зрѣнія философскимъ воплощеніемъ наивнаго реализма. Наивному реализму, въ идеаль, должно быть свойственно отсутствіе всякой рефлексіи, должна быть присуща та дѣвственность мысли, та философская невинность, какую сохраняетъ

естественный человекъ до своего перваго философскаго грѣхопаденія, до перваго зараженія варварской или цивилизованной философіей. Эту точку зрѣнія наивнаго реализма, конечно въ идеѣ, можно назвать точкой зрѣнія чистаго опыта, и въ своей философіи чистаго опыта Авенариусъ намѣренъ возстановить міропониманіе естественнаго человека. Требованіе чистаго опыта, какъ универсальнаго приѣма рѣшенія всякихъ научныхъ вопросовъ, всецѣло раздѣляетъ съ Авенариусомъ Махъ. Маху принадлежитъ даже первенство въ этомъ требованіи. Постулатъ чистаго описанія былъ выставленъ сначала нѣкоторыми натуралистами, въ томъ числѣ Махомъ, занялъ въ его наукословіи центральное мѣсто, и уже отсюда это требованіе перешло въ эмпириокритицизмъ. Если, слѣдуя указаніямъ чистаго описанія, Авенариусъ пришелъ къ рецепціи міропониманія естественнаго человека, то слѣдовавшей тѣмъ же указаніямъ Махъ долженъ былъ двигаться въ томъ же направленіи. Міропредставленіе наивнаго реализма,—думаетъ Махъ въ согласіи съ Авенариусомъ,—сложилось и складывается въ періодъ философской невинности непроизвольно, являясь естественнымъ продуктомъ продолжительной эволюціи, что и служитъ залогомъ его правильности, такъ какъ это значить, что оно наиболѣе соотвѣтствуетъ реальнымъ условіямъ существованія, дѣйствительной природѣ сущаго. Задача научнаго познанія и философскаго умозрѣнія состоитъ прежде всего въ томъ, чтобы схватить зерно этого биологически патентованнаго міропониманія, уловить въ отвлеченной формѣ его содержаніе, данное первоначально въ формѣ нагляднаго воззрѣнія, сообщить ему такимъ образомъ должную опредѣленность и точность, не привнося однако ничего принципиально новаго. Научное познаніе—продолженіе естественнаго мышленія. Отсюда же отправлялись въ сущности и всѣ искусственныя философскія системы, такъ какъ всякій философъ долженъ былъ пережить періодъ наивнаго реализма, прежде чѣмъ дойти до своей системы; но, упустивъ нить своего происхожденія, онъ без-

слѣдно потеряли черты своего естественнаго предка или скорѣе исказили ихъ до неузнаваемости; запутавшись въ противорѣчіяхъ дуализма, онѣ превратили природу въ сплошной знакъ вопроса безъ всякой надежды когда-либо стереть его собственными силами. Авенариусъ предлагаетъ повернуть обратно къ точкѣ отправленія и приходитъ къ міропониманію „естественнаго человѣка“. Тотъ же самый ходъ мыслей направляетъ Маха къ его сенсуалистическому монизму. Гдѣ болѣе правдоподобна аналогія: между современнымъ физикомъ и епископомъ XVIII вѣка, или въ данномъ случаѣ?

Сенсуалистическій монизмъ представляется Маху такимъ міропониманіемъ, которое поддается отвлеченному выраженію, въ интересахъ научнаго познанія природы, съ наименьшимъ уклоненіемъ отъ наивнаго реализма въ идеѣ. Онъ возвращаетъ реальность міру? „наглядному міру, существующему тамъ снаружи, наполняющему пространство съ его тремя измѣреніями“. Онъ содержитъ въ себѣ минимумъ рифлексіи. Съ изгнаніемъ дуализма души и тѣла упраздняются за ненадобностью вѣчныя проблемы философіи, т.-е. неразрѣшимыя. Міръ теряетъ свою загадочность, депроблематизируется: здѣсь чудесъ не полагается. Единство природы, расщепленной идеализмомъ, восстанавливается. (Межу я и не-я, явленіемъ и реальностью нѣтъ коренной противоположности въ естественномъ міропониманіи. Человѣкъ чувствуетъ себя осколкомъ природы, стоитъ на равной ногѣ со средой, его окружающей, образуетъ съ ней единое цѣлое. Здѣсь нѣтъ еще различія между внутреннимъ и внѣшнимъ, субъективнымъ и объективнымъ. Повсюдная связь однородныхъ элементовъ—таковъ первичный опытъ. Опытъ единый, совокупный, таящій въ себѣ свои позднѣйшія разновидности—внутренній, субъективный и внѣшній, объективный опытъ. Части объясняются цѣлымъ, вторичное—первичнымъ: опытъ внутренній и внѣшній—единымъ, совокупнымъ опытомъ. Я, моментъ субъекта, субъективизмъ вообще лишаются своего главенствующаго поло-

женія въ теоріи познанія. На равнинной поверхности первичнаго опыта особыхъ возвышеній для субъекта не имѣется. Монополія душевныхъ переживаній отнимается у него. Пограничная черта между внутреннимъ и внѣшнимъ, психическимъ и физическимъ постоянно передвигается. Съ перемѣной сочетаній однородные сами по себѣ элементы изъ физическихъ становятся психическими и вновь превращаются въ физическіе. Въ точкахъ наибольшей сгущенности эти элементы называются нервной системой организма. Подчеркивая зависимость міровыхъ элементовъ отъ нервной системы, сенсуалистическій монизмъ не вноситъ ничего принципиально новаго въ естественное міропониманіе, не нарушаетъ единства первичнаго опыта. Теорія должна принимать во вниманіе, въ цѣляхъ большей точности, то условіе, которымъ въ правѣ пренебречь практика въ виду его постоянства. Органическая обусловленность міровыхъ элементовъ не посягаетъ на ихъ самобытность и самостоятельность. Организмъ стоитъ ближе къ естественному міропониманію, чѣмъ двойственность факта и идеала, бытія и сознанія, непосредственнаго и опосредствованнаго, отъ которой отправляются искусственныя философскія системы въ родѣ идеализма. Сенсуалистическій монизмъ, въ борьбѣ съ неокантіанствомъ, могъ сохранить въ себѣ нѣкоторую идеалистическую примѣсь, но эта примѣсь есть временное переживаніе, которое не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно его дѣйствительныхъ намѣреній.

Дѣло критики показать, насколько правильно воспроизводить и насколько сохраняетъ теорія элементовъ черты естественнаго міропониманія. По своимъ стремленіямъ Махъ и Авенаріусъ — Руссо и Ницше современной теоріи познанія.

„Современная физика, — говоритъ Гартманнъ въ своей характеристикѣ ея міровоззрѣнія, — выросла на почвѣ реализма, и только подъ влияніемъ теченій нашего времени, неокантіанства и агностицизма, явился у нея соблазнъ

перетолковать свои выводы въ смыслѣ идеализма... Такая точка зрѣнія покоится на неразличеніи наивнаго реализма и абсолютнаго иллюзіонизма и проистекающаго отсюда отождествленія обоихъ. Ея ошибочность остается на практикѣ безвредной потому, что присущая этому взгляду съ одной стороны черта иллюзіонизма проявляется у него только въ области гносеологическихъ соображеній; при переходѣ же къ физическимъ изслѣдованіямъ онъ принимаетъ вполнѣ характеръ наивнаго реализма, т.-е. поступаетъ въ области физики совершенно такъ же, какъ и та физика, которая осталась еще незатронутой со стороны критики познанія¹⁾.

Чрезвычайно цѣнная, хотя и краткая, характеристика. Цѣнно указаніе на то, что современная физика испытала на себѣ вліяніе неокантіанства и агностицизма. Міровоззрѣніе Маха, по его собственному свидѣтельству, прошло черезъ „идеалистическую фазу“, обязано отчасти своимъ возникновеніемъ тому чувству интеллектуальнаго безпокойства, которое оставило по себѣ знакомство, правда, нѣсколько поверхностное, съ философіей Канта. Оно могло удержать въ себѣ нѣкоторый идеалистическій осадокъ, какъ пережитокъ первой фазы. Важно далѣе признаніе того, что міровоззрѣніе современной физики осталось тѣмъ не менѣе на уровнѣ наивнаго реализма. Сенсуалистическій монизмъ Маха долженъ воспроизводить, по намѣреніямъ автора, естественное міропониманіе, т.-е. точку зрѣнія идеальнаго наивнаго реализма, если можно такъ выразиться. Но особенную цѣнность представляетъ упрекъ въ абсолютномъ иллюзіонизмѣ, обнаруживающемся „въ области гносеологическихъ соображеній“ современныхъ физиковъ. Если припомнить, что самъ Гартманнъ защищаетъ въ теоріи познанія трансцендентальный реализмъ, то упрекъ этотъ, съ его стороны, становится совершенно понятнымъ. По ученію трансцендентальнаго реализма міръ, знакомый намъ по непосредственному воспріятію,

1) *Ed. v. Hartmann.*—Die Weltanschauung der modernen Physik. Lpzg. 1902. S. 219.

міръ ощущеній, порождается воздѣйствіемъ потустороннихъ, трансцендентныхъ вещей въ себѣ на нашу воспріимчивость; потусторонній міръ вещей въ себѣ составляетъ подлинную реальность, а міръ ощущеній пассивно отражаетъ въ субъектѣ игру слѣдствій трансцендентныхъ причинъ и поэтому имѣетъ только субъективную, феноменальную реальность. Напротивъ, Махъ возвращается въ своемъ міровоззрѣніи къ естественному міропониманію, для котораго міръ непосредственнаго воспріятія долженъ быть единственной, предѣльной реальностью. Реальность съ положительнымъ знакомъ, единственно извѣстная естественному міропониманію, надѣляется въ трансцендентальномъ реализмѣ отрицательнымъ знакомъ, и наоборотъ, абсолютная реальность потусторонняго міра представляется Маху метафизическимъ призракомъ. Упрекая міровоззрѣніе современной физики въ иллюзионизмъ, Гартманъ подтверждаетъ косвенно вышесдѣланную характеристику міровоззрѣнія Маха, какъ естественнаго міропониманія. Тамъ и здѣсь реализмъ, но въ отличіе отъ трансцендентальнаго реализма Гартманна, міропониманіе Маха можно назвать имманентнымъ реализмомъ ¹⁾.

8. *Проблема Ты.*—Въ естественномъ міропониманіи, поскольку оно воспроизводится сенсуалистическимъ монизмомъ, важное значеніе имѣютъ для Маха двѣ его особенности: единство первичнаго опыта, исключаяющее всякій дуализмъ, и органическая обусловленность міровыхъ элементовъ. Первая изъ этихъ особенностей приводитъ его къ разсмотрѣнію вопроса о причинахъ, нарушающихъ первоначальный монистическій характеръ міропониманія, вносящихъ въ него дуалистическія представленія, а вмѣстѣ съ ними и тѣ неразрѣшимыя проблемы, о различныхъ рѣшеніяхъ которыхъ повѣствуетъ исторія философіи. Вторая — даетъ ему возможность провести со всею строгостью принципъ параллелизма психическаго и физическаго, а намъ дастъ поводъ

¹⁾ Не совсѣмъ точно, потому что понятіе, соотносительное термину имманентный, есть трансцендентный, не трансцендентальный.

еще разъ остановиться на томъ новомъ понятіи психическаго явленія, которое такъ характерно для теоріи элементовъ.

Развивая свой сенсуалистическій монизмъ, Махъ подвергаетъ попутно критикѣ дуалистическія представленія и доискивается гносеологическихъ и психологическихъ мотивовъ, ведущихъ къ ихъ возникновенію, съ тѣмъ чтобы иммунизировать себя отъ ихъ дѣйствія. Эти попутныя замѣчанія представляютъ большой интересъ, отчасти потому, что проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на связь его философскихъ взглядовъ съ понятіями и теоріями современной физики, отчасти потому, что имѣютъ много общаго съ психологической теоріей метафизическаго творчества, принадлежащей Авенариусу, названной имъ „интройекціей“ и играющей важную роль въ эмпириокритицизмѣ. Такая общность подкрѣпляетъ въ свою очередь родство сенсуалистическаго монизма съ естественнымъ міропониманіемъ.

Дуалистическія представленія объ отношеніи психическаго къ физическому поддерживаются, по мнѣнію Маха, предразсудками современнаго механистическаго естествознанія. Согласно механической теоріи, столь распространенной, всѣ явленія, относящіяся къ физической области, производятся движеніемъ единицъ массы, простыхъ, во всѣхъ отношеніяхъ подобныхъ другъ другу, абсолютно твердыхъ, инертныхъ, вступающихъ въ различныя сочетанія. Эти гипотетическія вспомогательныя понятія механической теоріи гипостазированы, имъ приписывается абсолютная реальность. Вращаясь въ мірѣ такихъ фикцій, физикъ привыкаетъ имѣть дѣло только съ тѣлами и движеніемъ тѣлъ, нигдѣ не находя въ своей области ощущеній. Отсюда дѣлается выводъ, что ощущенія должны быть принципиально отличны отъ физическихъ объектовъ. Изъ физики предразсудокъ механической теоріи переносится въ психологію, и хотя психологу даны прежде всего ощущенія (точно такъ же, какъ и физику, конечно), однако и онъ не довольствуется реальностью непосредственно данныхъ ощущеній, ищетъ

за ними механическихъ причинъ, объясняетъ психологическія качества физическими количествами. Но такъ какъ подобная бессмысленная задача неразрѣшима, то длинный рядъ попытокъ въ этомъ направленіи долженъ былъ все болѣе и болѣе укоренять мысль, что психическое и физическое несоизмѣримы другъ съ другомъ, что ихъ раздѣляетъ непроходимая пропасть, пока наконецъ чувство безсилія не вылилось въ элегическомъ *ignominus*. Сенсуалистическій монизмъ, какъ показываетъ намѣченный ходъ мыслей, связанъ своимъ возникновеніемъ съ критикой механической физики, о которой будетъ рѣчь ниже.

Кромѣ этого, такъ сказать, гносеологическаго момента, на естественное противопоставленіе души и тѣла наталкиваетъ проблема чужой душевной жизни, проблема „Ты“. Какъ складываются наши представленія о чужихъ мысляхъ и чувствахъ, гдѣ „границы и признаки одушевленія“, возможна ли логически обоснованная увѣренность въ одушевленности другихъ людей, чѣмъ отличается механизмъ одушевленнаго организма отъ механизма неодушевленнаго автомата?.. Рядъ подобныхъ вопросовъ, связанныхъ съ призначеніемъ чужой душевной жизни, содѣйствуетъ возникновенію дуалистическихъ представленій.

„Трудность перехода отъ физическаго къ психическому, — пишетъ по этому поводу Махъ, — становится особенно ощутительной при слѣдующихъ размышленіяхъ. Въ комплексѣ ABC..., который мы называемъ міромъ тѣлъ, мы находимъ въ качествѣ его части не только наше тѣло KLM..., но и тѣла другихъ людей или животныхъ K'L'M'... K''L''M''..., съ которыми мы связываемъ по аналогіи съ комплексомъ $\alpha\beta\gamma...$ (символь, употребляемый Махомъ для обозначенія моихъ собственныхъ душевныхъ состояній) аналогичныя $\alpha'\beta'\gamma'...$ $\alpha''\beta''\gamma''...$ Пока мы заняты K'L'M'..., мы находимся въ области хорошо намъ извѣстной, повсюду доступной нашимъ чувствамъ. Но какъ скоро мы задаемся вопросомъ объ ощущеніяхъ или чувствахъ, относящихся къ тѣлу K'L'M'..., мы уже не находимъ ихъ въ области, доступной нашимъ чувствамъ,

мы мысленно присоединяемъ ихъ. Не только самая область, въ которую мы въ такихъ случаяхъ вступаемъ, гораздо менѣе привычна намъ, но и самый переходъ этотъ до извѣстной степени ненадеженъ“. Чувство неувѣренности даетъ пищу многимъ мнимымъ проблемамъ. Въ данномъ случаѣ оно порождаетъ мнимую проблему взаимодействія души и тѣла. Не находя душевныхъ состояній, предполагаемыхъ нами у другихъ организмовъ, среди доступныхъ нашимъ чувствамъ физическихъ явленій, мысленно, но безъ достаточной увѣренности, дополняя по аналогіи послѣднія первыми, мы склонны приписывать душевнымъ состояніямъ особую природу, принципиально отличную отъ явленій физическихъ. Первая трещина въ цѣльной картинѣ естественнаго міропониманія.

Соображенія о психологическомъ возникновеніи дуализма, высказанныя Махомъ въ приведенной цитатѣ, соотвѣтствуютъ отчасти, какъ было сказано, теоріи интройекціи, предложенной Авенаріусомъ, развивающимъ тѣ же мысли въ гораздо болѣе полной, систематической и отчетливой формѣ со ссылками на Тэйлора, съ иллюстраціями изъ исторіи философіи. Только при сопоставленіи съ интройекціей станетъ понятно далеко идущее вліяніе этихъ краткихъ соображеній. Вотъ въ немногихъ словахъ смыслъ теоріи Авенаріуса. Естественное міропониманіе утраченное и вновь возстановленное раздѣляетъ исторія ненормальныхъ уклоненій, потери его логической непорочности, философскаго грѣхопаденія. Поводъ къ такому грѣхопаденію даетъ гипотетическая часть естественнаго міропониманія, т.-е. предположеніе, что движенія другихъ людей имѣютъ болѣе, чѣмъ механическое значеніе, что имъ соотвѣтствуютъ мысли, чувства, что въ нихъ высказывается опредѣленное психическое содержаніе. Пока мы остаемся на точкѣ зрѣнія естественнаго міропониманія, это значитъ только, что мы признаемъ принципиальное равенство людей, что другіе люди—существа, какъ Я, а Я—существо, какъ Они. Но эта гипотеза толкаетъ къ дальнѣйшимъ скользкимъ заключеніямъ, одно изъ которыхъ

служить началомъ грѣхопаденія. Покидая точку зрѣнія естественнаго міропониманія, я вкладываю психическое содержаніе, предполагаемое за движеніями одушевленныхъ организмовъ, въ другого человѣка, во внутренней міръ своихъ ближнихъ, вмѣсто того, чтобы просто описывать это содержаніе. Самый актъ вкладыванія названъ интройекціей. Теперь, подъ вліяніемъ интройекціи, происходитъ противопоставленіе, разъединеніе воспріятія вещи и самой вещи: воспріятіе вкладывается въ человѣка, который становится субъектомъ, носителемъ его, а вещь превращается въ объектъ. Единый міръ естественнаго человѣка раскалывается на міръ внутренней и внѣшній. Благодаря тому, что интройекція совершается безсознательно, произвольно и незамѣтно, подобный же процессъ вложенія повторяется мною надъ самимъ собой: я начинаю противопоставлять себя, какъ субъекта, вещамъ, какъ объектамъ воспріятія. Вложеніе дополняется самовложеніемъ. Естественное міропониманіе начинаетъ претерпѣвать принципиальныя видоизмѣненія. Внеся въ него дуализмъ, интройекція порождаетъ сначала миеологическія представленія, а затѣмъ и философскія проблемы, отъ низинъ первобытнаго анимизма до горныхъ вершинъ идеалистической метафизики. Заканчивается этотъ процессъ открытіемъ темной области непознаваемыхъ вещей въ себѣ съ противопоставленіемъ ей безусловной достовѣрности непосредственнаго сознанія. Устраните интройекцію, и естественное міропониманіе будетъ возстановлено. Съ ея устраненіемъ должны отпасть „психологическая или фізіологическая проблема проекціи, спеціально гноселогическая проблема объ отношеніи мышленія къ бытію, о реальномъ значеніи ощущеній, о вѣрѣ въ реальность внѣшняго міра, метафизическая проблема о протяженіи и мышленіи“ ¹⁾. Словомъ, устраните интройекцію и вы получите... сенсуалистическій монизмъ Маха, съ признаніемъ котораго отпадаютъ тѣ же проблемы.

1) *Avenarius*.—Der menschliche Weltbegriff, §§ 21—63.

Слѣдую указаніямъ чистаго описанія, Махъ и Авенаріусъ должны были двигаться въ одномъ и томъ же направленіи, къ естественному міропониманію. Такъ какъ они наталкиваются на одну и ту же преграду, то это служитъ доказательствомъ того, что ихъ направленія дѣйствительно не расходятся. Правда, самъ Махъ считаетъ интройекцію въ указанной роли излишней, однако сходство его собственныхъ соображеній о роли проблемы Ты въ процессѣ возникновенія дуализма съ ходомъ мыслей Авенаріуса несомнѣнно. Вообще, важный вопросъ объ отношеніи ихъ другъ къ другу принадлежитъ къ числу тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ историкъ будетъ понимать со временемъ Маха лучше, чѣмъ онъ самъ себя. Случай, нерѣдкій въ вопросахъ духовнаго сродства.

Между драгоцѣннымъ я и чужимъ ты нѣтъ принципиальныхъ различій. § Дополненіе одушевленныхъ организмовъ ощущеніями, мыслями, чувствами по аналогіи съ моимъ я не должно приводить къ дуализму, или, повторяя слова Авенаріуса, интройекція подлежитъ устраненію. Физикъ дѣлаетъ подобныя умозаключенія по аналогіи во многихъ другихъ случаяхъ, не приходя къ дуалистическимъ представленіямъ. Умозаключеніе о реальности Ты есть частный случай умозаключенія по аналогіи. Оно отличается отъ другихъ подобныхъ умозаключеній только меньшей достовѣрностью. Полная своеобразность и необычайность его есть лишь иллюзія. Представленіе о лунѣ, какъ тяжелой, осязаемой для осязанія инертной массы, получается въ результатѣ подобнаго же умозаключенія по аналогіи. Какъ психологъ, такъ и физикъ имѣютъ дѣло съ ощущеніями, такъ какъ всѣ предметы опыта могутъ быть и психическими и физическими. Наблюдая, напр., въ зрительныхъ буграхъ чужого мозга нервный процессъ, параллельный ощущенію зеленаго цвѣта, физиологъ имѣетъ при этомъ дѣло съ ощущеніями, извѣстными на языкѣ натуралиста подъ именемъ химическихъ процессовъ, электрическаго тока и т. п.; дополняя затѣмъ эти, доступныя ему ощущенія, ощущеніемъ зеленаго цвѣта, которое

не дано ему непосредственно, онъ не привноситъ къ первому ряду явленій ничего принципиально новаго. Ни по формѣ—умозаключение по аналогіи, ни по содержанію—ощущенія, непосредственно не наблюдаемая, умозаключение о реальности Ты не отличается отъ того умозаключенія, которое приводитъ насъ къ только что упомянутому представленію о лунѣ. Степень достовѣрности умозаключенія о чужой душевной жизни Махъ оставляетъ безъ оцѣнки, ограничиваясь доказательствомъ того, что и здѣсь нѣтъ еще повода покидать естественное міропониманіе, вносить принципиальный дуализмъ въ единство первичнаго опыта.

9. *Параллелизмъ психическаго и физическаго.*—Отъ проблемы Ты вполне естественный, хотя съ перваго взгляда и не вполне понятный, переходъ къ принципу психофизическаго параллелизма. Вѣдь для того, чтобы дѣлать умозаключение, съ нѣкоторою степенью достовѣрности, о чужихъ мысляхъ и чувствахъ, нужно заранѣе допустить нѣкоторое соотвѣтствіе между психическими состояніями и физиологическими процессами. Благодаря такому соотвѣтствію, физиологъ могъ смѣло заключать отъ наличности извѣстной комбинаціи мозговыхъ процессовъ къ наличности ощущенія зеленого цвѣта. И если Авенариусъ, фанатикъ этого принципа, примыкаетъ повсюду въ своей философіи чистаго опыта къ чужимъ высказываніямъ, то это не простая случайность и не боязнь излишней субъективности. Внутренняя, діалектическая связь кроется здѣсь. Подобно ему, а также огромному большинству другихъ психологовъ, Махъ считаетъ „принципъ полнаго параллелизма психическаго и физическаго руководящимъ и основнымъ положеніемъ для изслѣдованія ощущеній“, какъ простое слѣдствіе органической обусловленности міровыхъ элементовъ. Но и на старый принципъ психофизическаго параллелизма теорія элементовъ накладываетъ свою новую печать. Недоумѣнія, высказанные по этому поводу однимъ изъ критиковъ, служатъ хорошимъ введеніемъ къ выясненію точки зрѣнія Маха.

Два вопроса задавали ему: „Какой смыслъ, во-первыхъ,

имѣеть параллелизмъ въ ученіи, для котораго „матеріаль“ изслѣдованія въ обѣихъ областяхъ общій?“ Въ обычныхъ теоріяхъ психофизическаго параллелизма предполагается по крайней мѣрѣ эмпирическая двойственность психическаго и физическаго, а иногда принципиальный, коренной дуализмъ души и тѣла. Въ томъ и другомъ случаѣ признается соотвѣтствіе между непосредственными данными сознанія и отличными отъ нихъ, непосредственно не данными, мозговыми процессами. Такъ какъ теорія элементовъ отрицаетъ „всякое различіе между объектами психологіи и физиологіи“, признаетъ „эмпирическое тожество“ психическаго и физическаго, то, спрашивается, гдѣ здѣсь мѣсто параллелизму? между какими элементами существуетъ здѣсь соотвѣтствіе? Во-вторыхъ, въ приведенной цитатѣ Махъ высказывается за полное, безусловное соотвѣтствіе психическаго и физическаго: данному психическому элементу долженъ всегда соотвѣтствовать данный нервный процессъ, всякому измѣненію психическаго ряда—измѣненіе ряда физическаго, всѣмъ составнымъ частямъ перваго—части втораго. Махъ допускаетъ слѣдовательно непрерывную, всеобщую зависимость психическихъ элементовъ отъ физическихъ процессовъ. „Но почему же, спрашивается, слѣдуетъ мыслить всякій предметъ чувственнаго міра (*jeder sinnfällige Gegenstand*) зависимымъ отъ мозгового процесса. Если я представляю себѣ элементъ въ зависимости отъ мозгового процесса, то это элементъ психической и параллелизмъ существуетъ. Но есть ли поводъ мыслить всякій элементъ зависимымъ отъ мозгового процесса... Въ рамкахъ теоріи элементовъ нѣтъ мѣста принципу психофизическаго параллелизма, и Махъ стоитъ передъ трудной альтернативой или отказаться отъ однородности своихъ элементовъ или пожертвовать плодотворностью принципа параллелизма“¹⁾.

Такъ думаетъ критикъ. Обратимся къ самому Маху.

Однородность міровыхъ элементовъ нисколько не пре-

1) *Hönigswald*.—Zur Kritik der Machschen Philosophie. Brln. 1903, SS, 43—48.

пятствуетъ признанію психофизическаго параллелизма, и даже напротивъ, благодаря этой однородности онъ „почти самъ собою разумѣется“. Такъ какъ между психическимъ и физическимъ рядомъ явленій нѣтъ принципиальнаго дуализма, то соотвѣтствіе между ними болѣе чѣмъ естественно, при чемъ отсутствіемъ дуализма не стирается эмпирическое различіе между ними. Отрицается только исключительность этого различія. „Душа“ и „тѣло“ различны, какъ различны магнетизмъ и электричество. „Когда я вижу тотъ или другой зеленый листъ, что обусловлено извѣстными мозговыми процессами, то этотъ листъ отличенъ во всякомъ случаѣ отъ формъ, цвѣтовъ и т. д., которые я нахожу на изслѣдуемомъ мозгу, хотя всѣ формы, цвѣта и т. д. сами по себѣ однородны, сами по себѣ ни психическіе, ни физическіе. Видимый листъ, поскольку онъ представляется намъ зависимымъ отъ мозгового процесса, есть нѣчто психическое, между тѣмъ какъ этотъ процессъ въ связи своихъ элементовъ представляетъ собою нѣчто физическое. И принципъ параллелизма примѣнимъ къ зависимости первой, непосредственно данной группы элементовъ отъ второй группы, которая будетъ со временемъ открыта физическимъ (быть можетъ сложнымъ) изслѣдованіемъ“. Шестимѣрному многообразію цвѣтовыхъ ощущеній соотвѣтствуетъ по всей вѣроятности шестикратное многообразіе химическихъ процессовъ на сѣтчаткѣ глаза, трехмѣрному многообразію пространственныхъ ощущеній — трехкратное многообразіе физиологическаго процесса. „Въ рамкахъ теоріи элементовъ“ есть мѣсто психофизическому параллелизму. Махъ признаетъ эмпирическое различіе между явленіями психическими и физическими. Но такъ какъ онъ отрицаетъ исключительность этого различія, то принципъ параллелизма въ его толкованіи не совпадаетъ съ аналогичными теоріями Спинозы, Фехнера, Спенсера, у которыхъ параллельное теченіе физическихъ и психическихъ явленій объясняется тѣмъ, что они рассматриваются, какъ различныя стороны единаго, скрытаго за ними носителя,

атрибуты единой субстанціи, единого Непознаваемаго. Параллелизмъ, понятый въ духѣ теоріи элементовъ, не нуждается конечно въ такой метафизической подкладкѣ. Къ этому увѣренію поспѣшатъ впрочемъ примкнуть всѣ современные параллелисты, и не въ томъ особенность точки зрѣнія Маха. Она обнаружится при разборѣ второго возраженія, которое формулируется такъ: можно ли доказать зависимость всякаго элемента чувственнаго міра отъ мозговыхъ процессовъ? Первое возраженіе—отъ однородности элементовъ міра—устранимо, какъ мы видѣли.

Всѣ элементы міра стоятъ въ функціональной связи другъ съ другомъ. Функціональное отношеніе, т.-е. законѣрное сопутствіе измѣненій, наблюдаемое въ системѣ перемѣнныхъ, должно замѣстить, по мнѣнію Маха, понятіе причинности, какъ болѣе широкое и болѣе свободное отъ сверхопытныхъ наростовъ (см. ниже).

Въ различныхъ областяхъ явленій функціональное отношеніе принимаетъ различныя формы, которыя устанавливаются всякій разъ специальнымъ изслѣдованіемъ. Параллелизмъ есть та специальная форма функціональныхъ связей міровыхъ элементовъ, которая наблюдается въ области психическихъ явленій, или та форма, которая порождаетъ особый видъ явленій, называемыхъ психическими. Параллелизмъ есть законъ образования душевныхъ состояній. Міровые элементы, извѣстные подъ именемъ физиологическихъ процессовъ и физическихъ явленій, вступая въ функціональную связь сообразно принципу параллелизма, даютъ начало своеобразному классу міровыхъ элементовъ,—ощущеній въ узкомъ, психологическомъ смыслѣ слова или, выражаясь болѣе точно: міровые элементы, разсматриваемые съ точки зрѣнія принципа параллелизма, пріобрѣтаютъ значеніе психическихъ величинъ. Своеобразность положенія, занимаемаго принципомъ психофизическаго параллелизма въ теоріи элементовъ, становится при такомъ толкованіи его очевидна. Перейдемъ къ слѣдствіямъ, отсюда вытекающимъ.

Принципъ параллелизма всегда наталкивается на трудный вопросъ о предѣлахъ своей приложимости и въ зависимости отъ широты своей примѣнимости насчитываетъ немало разновидностей. Въ „физиологической“ психологіи Вундта, напимѣрь, допускается параллелизмъ психическихъ *элементовъ* и физиологическихъ процессовъ, между тѣмъ какъ *связь* психическихъ элементовъ подлечитъ у Вундта изъятію изъ дѣйствія этого принципа, причѣмъ психическія связи подчиняются у него самостоятельнымъ законамъ особой психической причинности, принципиально отличной отъ причинности физической. Этой трудности, этого вопроса о предѣлахъ приложимости принципа параллелизма не знаетъ теорія элементовъ. Параллелизмъ распространяется на всѣ психическія состоянія безъ изъятія, всѣ они зависятъ отъ мозговыхъ процессовъ во всѣхъ своихъ составныхъ частяхъ, *selbstverständlich*, потому что такая зависимость составляетъ аналитическій признакъ психическаго состоянія, входитъ въ самое понятіе психическаго явленія: элементы міра вступаютъ въ ряды психическихъ величинъ, по мѣрѣ того какъ они вступаютъ въ связь съ мозговыми процессами. Всякое психическое явленіе есть законный плодъ такой связи, независимо отъ присущаго ему ранга въ табели душевныхъ переживаній. Полное равенство передъ принципомъ параллелизма. Поэтому въ теоріи элементовъ излишни особые доводы въ пользу распространности этого принципа на всю сферу душевныхъ переживаній, поэтому она въ правѣ говорить о „физиологической“ психологіи. И если бы Махъ считалъ имя Вундта заслуживающимъ упоминанія (онъ почему-то этого не считаетъ), то отказалъ бы въ такомъ правѣ его психологіи. Умѣреннымъ отношеніемъ Вундта къ принципу параллелизма объясняются между прочимъ и тѣ нападки, которымъ подвергаются его психологическіе взгляды со стороны эмпириокритической школы.

Съ признаніемъ полной и непрерывной зависимости психическихъ явленій отъ мозговыхъ процессовъ соединяется

обыкновенно эпифеноменизмъ, т.-е. представленіе о душевныхъ переживаніяхъ, какъ о чемъ-то не умѣщающемся въ замкнутомъ кругѣ физическихъ явленій, какъ о чемъ-то *surajouté*, какъ о второстепенномъ привѣскѣ къ звеньямъ физической цѣпи явленій, составляющемъ „ненаучную сторону бытія“. Однако психофизическій параллелизмъ въ толкованіи Маха, при всей строгости проведенія этого принципа, не только не навязываетъ ему обычнаго вывода, но и не мѣшаетъ ему признать за психическими состояніями полную реальность и полную равноправность съ явленіями физическими. Всѣ элементы міра равноправны, потому что однородны. Явленія психическія, какъ частный случай функціональной связи элементовъ, не менѣе реальны и не менѣе дѣятельны, чѣмъ всякіе другіе элементы. Параллелизмъ, какъ особая форма связи міровыхъ элементовъ, ничѣмъ принципиально не отличается отъ другихъ связей, наблюдаемыхъ въ природѣ. Признаніе дѣятельнаго психического начала не противорѣчило бы закону сохраненія энергіи, если бы только въ такомъ началѣ ощущалась какая-нибудь потребность въ научной психологіи. Нѣтъ основанія считать связь механическую болѣе понятной, чѣмъ связь психического съ физическимъ,—говоритъ Махъ въ духѣ Юма. „Точный анализъ показываетъ, что мы такъ же мало знаемъ о томъ, *почему* толкающее тѣло приводитъ въ движеніе получившее толчокъ, какъ и о томъ, *почему* наши психическія состоянія имѣютъ физическія послѣдствія. Оба вида связей просто даны въ опытѣ; только первая проще, привычнѣе опытному механику: направленіе, скорость, масса толкающаго тѣла даютъ ему гораздо больше точекъ опоры для сужденія объ отдѣльныхъ свойствахъ послѣдующаго состоянія... Но это только различіе въ *степеняхъ*, которое производитъ иллюзію *качественнаго* различія обоихъ случаевъ“. Качественное различіе между этими случаями усматривалъ, какъ извѣстно, Менъ де Биранъ въ своей критикѣ подобнаго же довода Юма. Но этотъ критикъ считалъ психическія явленія совершенно отличными по способу ихъ данности отъ явленій физическихъ: первыя составляютъ

предметъ непосредственнаго опыта, вторья — опосредствованнаго. Естественное міропониманіе не знаетъ такого различія, а признаетъ единый опытъ, въ которомъ всѣ элементы даны въ однородныхъ связяхъ. И разъ понятіе причинности, отданное подъ надзоръ критики познанія, подлежить устраненію изъ научнаго обихода, то это касается одинаково какъ психологіи, такъ и физики: причинная связь должна тамъ и здѣсь уступить мѣсто функціональному отношенію однородныхъ элементовъ.

Такъ какъ естественное міропониманіе возстановляетъ единство опыта, единство природы, извѣстной по непосредственному воспріятію, и такъ какъ параллелизмъ составляетъ ту переносную форму связи міровыхъ элементовъ, которая сообщаетъ имъ характеръ психическаго состоянія, то всякій элементъ чувственнаго міра можетъ быть мыслимъ зависимымъ отъ мозговыхъ процессовъ. Природа образуетъ сплошную и связную массу элементовъ. Въ этой массѣ нѣтъ постоянной, разъ на всегда проведенной черты между психической и физической сферой. Черта эта, какъ было сказано выше, постоянно передвигается, захватываетъ то болѣе широкій, то болѣе узкій районъ, въ который можетъ попасть любой элементъ изъ области такъ называемыхъ физическихъ явленій. Опытъ показываетъ, что центромъ такихъ круговъ различнаго радіуса служитъ нервная система организма. Съ измѣненіемъ радіуса мѣняется площадь круга, но центръ остается болѣе или менѣе неподвижнымъ, представляя собою болѣе или менѣе устойчивую точку, къ которой тяготеютъ остальные элементы. Это свидѣтельство опыта даетъ поводъ мыслить всякій элементъ чувственнаго міра зависимымъ отъ мозгового процесса, потому что радіусъ, величина неопредѣленная въ данномъ случаѣ, можетъ растягиваться въ предѣлахъ повсюдной связи міровыхъ элементовъ отъ точки а до х у z... Зависимость міровыхъ элементовъ отъ мозговыхъ процессовъ не есть умозрительный постулатъ, а неизмѣнное показаніе опыта, толкуемое въ духѣ теоріи элементовъ. †

10. *Биологическая концепція познанія.*—Монистическое міро-

пониманіе Маха въ трехъ его характеристикахъ, какъ методическій, натуралистическій и сенсуалистическій, тѣсно примыкаетъ къ его наукословію. Махъ занимался преимущественно вопросами методологическаго характера, которые составляютъ въ его обработкѣ теорію научнаго познанія или наукословіе. Сюда относятся его наиболѣе излюбленныя и извѣстныя теоріи. Онѣ послужатъ предметомъ дальнѣйшаго изложенія.

Различныя стороны наукословія Маха поддерживаются однимъ общимъ фундаментомъ — біологической концепціей познанія, которая вмѣстѣ со свойственнымъ его міропониманію натурализмомъ идетъ изъ школы англійскихъ эволюціонистовъ. Біологическимъ наукамъ отводится самое почетное мѣсто: біологія есть тотъ востокъ, съ котораго придетъ свѣтъ для теоріи научнаго познанія, думаетъ Махъ вслѣдъ за Гербертомъ Спенсеромъ.

Кристаллизація первыхъ условій познанія, субъекта, Я, и его объектовъ, вещей, происходитъ подъ давленіемъ жизненныхъ нуждъ біологически. Изъ потока первичныхъ элементовъ міра, ощущений, обособляются болѣе устойчивыя комплексы, физическія тѣла и индивидуумы, потому что такое обособленіе играетъ важную роль въ борьбѣ за существованіе, имѣетъ жизненное, практическое значеніе. „Приведеніе элементовъ, ближайшимъ образомъ связанныхъ со страданіемъ и удовольствіемъ, къ идеально мысленному единству „Я“, имѣетъ величайшее значеніе для интеллекта, стоящаго на службѣ у воли, избѣгающей страданія и ищущей удовольствія“. Въ этомъ утвержденіи нѣкоторые критики усматривали связь біологическаго фактора съ метафизикой воли. Не совсѣмъ ясно однако, что имѣетъ въ данномъ случаѣ въ виду Махъ: природную, реальную, произвольную интеграцію элементовъ, образованіе естественныхъ видовъ, или процессъ обобщенія и отвлеченія, совершаемый интеллектомъ подъ вліяніемъ біологическаго фактора и дающій въ результатъ только „мысленно-идеальное единство“. Но такъ какъ и въ томъ и въ

другомъ случаѣ подобное обособленіе преслѣдуетъ исключительно практическія цѣли, то теоретикъ, психологъ или физикъ, снова разнимаютъ связанные элементы.

Несомнѣнно біологическій продуктъ представляютъ собою первые источники и орудія познанія, органы чувствъ. Если разсматривать ихъ только, какъ физическіе аппараты, то многое въ дѣятельности ихъ окажется загадочнымъ. Съ точки зрѣнія эволюціонной органы чувствъ сами выполняютъ часть психической работы, передаютъ результатъ въ готовомъ видѣ сознанію, составляютъ своего рода часть души. Далѣе, болѣе высокія отвлеченныя мысли не ведутъ самостоятельной жизни, какъ существа изолированныя. Всякая мысль, всякое переживаніе, всякое воспоминаніе оставляетъ свой слѣдъ въ организмѣ. „Мысли—органическіе процессы; измѣненіе нашего способа мышленія есть тончайшій реагентъ на наше органическое развитіе, и вся наша научная жизнь представляетъ собою, собственно говоря, одну изъ сторонъ нашего органическаго развитія“. Поэтому теорія Дарвина, примѣнимая къ организмамъ, должна быть примѣнима и къ мыслямъ. Приспособленіе, превращеніе, борьба за существованіе наблюдаются не только въ жизни организмовъ, но и въ царствѣ мыслей. Что касается приспособленія мыслей къ средѣ, то на этой идеѣ, напоминаетъ Махъ, построена вся психологія покойнаго Спенсера. Задача науки состоитъ именно въ приспособленіи мыслей къ фактамъ, при чемъ первыя приспособленія такого рода осуществляются сами собою, инстинктивно. Первобытный человѣкъ конструировалъ произвольно къ шуму въ кустахъ образъ опаснаго для него врага, къ скорлупѣ искомый имъ плодъ. Познаніе причинности въ этомъ смыслѣ встрѣчается на низшихъ ступеняхъ органической лѣстницы, распространено среди всего животнаго царства. Такія первичныя психическія функціи, коренящіяся въ экономіи организма, перешли къ намъ по наслѣдству отъ нашихъ предковъ, дѣйствуютъ съ силой инстинкта. „Эти первичные акты познанія составляютъ и по сію пору прочнѣйшій фун-

даментъ всего научнаго мышленія. Всѣ такъ называемыя аксіомы принадлежать къ числу такихъ инстинктивныхъ познаній“. Въ ту же рубрику попадаютъ, конечно, и формы мышленія, открытыя критической философіей. Аксіомы—результатъ прямого приспособленія мыслей къ фактамъ, гипотезы—результатъ преобразованія мыслей, происходящей между ними борьбы за существованіе. „Способы мышленія, укрѣпленные старой привычкой, стремятся къ самосохраненію; наталкиваясь на новыя явленія, они врываются въ воспріятіе новыхъ опытовъ, и въ силу этого захватываются неизбѣжно процессомъ превращенія. Методъ объясненія новыхъ, еще непонятыхъ явленій теоретическими идеями и гипотезами опирается по существу на этотъ процессъ. вмѣсто того, чтобы создавать совершенно новыя представленія о движеніи небесныхъ тѣлъ, или о явленіи прилива, мы представляемъ части міровыхъ тѣлъ тяготяющимися другъ къ другу; точно такъ же мы надѣляемъ электрическія тѣла притягивающимися и отталкивающимися жидкостями... мы замѣщаемъ, по мѣрѣ возможности, новыя представленія наглядными, давно привычными, которыя отчасти безъ труда движутся по своимъ колеямъ, отчасти должны подвергаться такъ или иначе преобразованію. Такъ и животное не можетъ создавать новыхъ членовъ для каждой новой функціи, какую возлагаетъ на него его судьба, но принуждено пользоваться наличными... Возникновеніе теорій и гипотезъ не есть слѣдовательно результатъ искусственнаго научнаго метода, оно восходитъ къ дѣтству науки“... Мы привели эту длинную цитату, посвященную вопросу о гипотезѣ въ наукѣ, для того чтобы показать, что въ наукословіи Маха допускается гипотетическое истолкованіе природы, признается его важность и законность, вопреки противоположному мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ и нѣкоторыхъ послѣдователей его.

Наукословіе Маха содержитъ, какъ можно видѣть изъ этого изложенія, нѣкоторые элементы, нужные для біологическаго обоснованія теоріи познанія. Но его соображе-

ніа мало самостоятельны; вмѣсто біологической теоріи онъ предлагаетъ мѣстами біологическія метафоры. Авенариусъ, этотъ „Дарвинъ философіи“, раздѣляющій методологическіе выводы наукословія Маха, дѣлаетъ попытку въ своей „Критикѣ чистаго опыта“ дать совѣшенно самостоятельную, законченную теорію біомеханическаго обоснованія теоретической и практической дѣятельности человѣка. Общая и тривіальная мысль, что вся скала идей, чувствъ и волевыхъ актовъ человѣка регулируется инстинктомъ самосохраненія, превратилась у Авенариуса въ нѣчто неузнаваемое. Здѣсь не мѣсто излагать философію чистаго опыта, но важно подчеркнуть дальнѣйшее развитіе хода мыслей эволюціонной школы въ эмпириокритицизмѣ, противъ котораго и должны быть направлены возраженія критическаго идеализма: пора оставить въ покоѣ Спенсера.

II. *Возникновеніе, процессъ и цѣль научнаго познанія.*—Біологическая концепція науки проливаетъ свѣтъ на возникновеніе, процессъ и цѣль научнаго познанія. Научное мышленіе составляетъ естественное продолженіе мышленія повседневнога, популярнаго. Наука сознательно, планомѣрно, на основѣ первичныхъ, инстинктивно сложившихся познаній и аксіомъ расширяетъ предѣлы опыта, собираетъ многочисленные, но разрозненные опыты поколѣній, совершенствуетъ приемы опыта и наблюденія, вноситъ самопровърку. По существу, по своей природѣ „мышленіе ученаго не болѣе отличается отъ мышленія простаго человѣка, чѣмъ проза Паскаля или Дидро отъ бессознательной прозы г. Журдэна“. Теоріи физики и психологіи возникаютъ и развиваются совершенно подобно нашимъ инстинктивнымъ познаніямъ. Задача науки можетъ состоять только въ томъ, чтобы выразить отвлеченно, въ понятіяхъ то, „что и такъ уже привычно и извѣстно намъ“. Или, какъ гласитъ вторая эмпириокритическая аксіома: „научное познаніе не имѣетъ другихъ, по существу отличныхъ, формъ или средствъ, чѣмъ не-научное. Всѣ спеціальныя научныя формы или средства познанія представляютъ собою усовершенство-

ванное развитіе донаучныхъ. Другими словами: къ какимъ бы методамъ ни приводили, напр., математика или механика, ихъ можно все-таки свести въ послѣднемъ итогѣ къ простымъ и общечеловѣческимъ функціямъ ¹⁾“. Основная, математически точная формула всей психологіи познанія.

Наука, теоретическое отношеніе къ міру, сплетается своими корнями съ практическимъ къ нему отношеніемъ, разумъ теоретическій покрывается практическимъ, область фактовъ—областью должнаго. Такова наиболѣе характерная черта біологической теоріи познанія. Истина получаетъ первое крещеніе отъ своей практической пригодности, отъ своей полезности. Ручательствомъ объективной правомѣрности теоріи служитъ первоначально ея способность удовлетворять жизненныя, практическія нужды. Утилитарная, бэконіанская оцѣнка науки соотвѣтствуетъ психологической исторіи ея зарожденія. „Характеръ и ходъ развитія науки станетъ значительно понятнѣе, если припомнить, что науки возникли изъ потребностей практической жизни, заботъ о будущемъ, изъ техники. Изъ землемѣрія развилась геометрія, изъ наблюденія звѣздъ для цѣлей земледѣлія и мореплаванія — астрономія, изъ металлургіи — алхимія и химія. Между теоретическими науками и техническими примѣненіями происходитъ постоянный обмѣнъ услугъ и взаимное дополненіе“. Фрагментарность нашего познанія объясняется именно тѣмъ, что іерархія фактовъ, очередь вопросовъ устанавливаются практической важностью ихъ: познаніе подчиняется другимъ сферамъ жизни. На ряду съ техникой и наука есть явленіе социальное, требующее своихъ условій производства, обмѣна и потребленія...

Процессъ научнаго познанія, какъ сознательное и планомѣрное приспособленіе мыслей къ фактамъ, имѣетъ двѣ стороны. Такое приспособленіе предполагаетъ, во-первыхъ, возможность воспроизведенія фактовъ въ мысляхъ. „Физика, напр., возникаетъ путемъ воспроизведенія въ мысляхъ ком-

1) *R. Avenarius.*—Kritik d. reinen Erfahrung. S. VII.

плексовъ ощущеній, называемыхъ вещами, въ ихъ отношеніи другъ къ другу, физиологія или психологія органовъ чувствъ—путемъ воспроизведенія отношенія этихъ вещей къ комплексу ощущеній, называемыхъ нашимъ тѣломъ, физиологія — отношенія элементовъ тѣла другъ къ другу или къ вещамъ. Возникновеніе психологическихъ наукъ происходитъ при воспроизведеніи мыслей мыслями“. Другая сторона того же процесса состоитъ въ дополненіи фактовъ мыслями. Оно возможно благодаря единству психического и физического. Присоединяясь къ изолированному факту, человѣкъ со своими мыслями обогащаетъ его въ нѣкоторомъ родѣ. Актъ сужденія, напр., состоитъ въ обогащеніи, расширеніи, дополненіи чувственныхъ представленій другими чувственными представленіями подъ руководствомъ чувственного факта.

Характеръ возникновенія и процесса научнаго познанія опредѣляетъ цѣль его: отправляясь отъ фактовъ, наука и стремится къ фактамъ. „Идеаль, къ которому стремится, хотя бы ассимптотически, всякое научное изложеніе, состоитъ въ полномъ описаніи фактовъ. Такое описаніе даетъ больше, чѣмъ любое умозрѣніе; оно не содержитъ въ себѣ ничего лишняго, посторонняго, способнаго ввести въ заблужденіе, ничего того, что вноситъ умозрѣніе. Идеаль науки—полный, удобообозримый инвентарь фактовъ какой-нибудь области“. Этотъ инвентарь долженъ быть составленъ просто, удобно для пользованія, необременительно для памяти.

Наука экономизируетъ мысль съ помощью простѣйшаго средства, метода описанія. X

12. *Экономика мысли.*—Приспособленіе мыслей въ фактамъ составляетъ задачу научнаго познанія. Какъ всякая задача, такъ и эта можетъ быть достигнута разными путями. Лучшій путь — кратчайшій путь, требующій наименьшей затраты умственныхъ силъ. Этимъ путемъ идетъ фактически наука. Психологическій анализъ основныхъ понятій ея, а также процессовъ научнаго творчества открываетъ въ нихъ

одну основную черту: экономизацию мысли. Наука и философия есть „мышление о мирѣ сообразно принципу наименьшей мѣры силъ“¹⁾.

Принципъ экономіи имѣетъ первоначально біологическій характеръ, управляетъ реакціями организма въ борьбѣ за существованіе, вслѣдствіе чего первичныя, наиболѣе глубокія основы науки, ея аксіомы, вырастающія на этой органической почвѣ, носятъ уже печать экономіи мысли. Ту же цѣль преслѣдуютъ словесное и письменное сообщеніе, а въ научной терминологіи стремленіе это находитъ себѣ завершеніе. Описаніе, главный методъ науки, экономизируетъ силы разсудка, избавляя отъ необходимости повторять опыты, приводя къ установкѣ законовъ природы. На законы природы можно смотрѣть, какъ на интеллектуальный типографскій наборъ, отчасти подвижной, отчасти стереотипный, готовый къ нашимъ услугамъ при новыхъ изданіяхъ опыта. Никакая память не могла бы, напр., удержатъ всѣхъ бесконечно разнообразныхъ случаевъ преломленія свѣта, но съ помощью общихъ законовъ преломленія можно безъ особаго труда опредѣлить любой частный случай преломленія. Всякое обобщеніе, поднимая мысль на болѣе высокую ступень, даетъ возможность сразу обозрѣть при меньшей затратѣ силъ болѣе широкую область фактовъ. Величайшій образецъ экономіи—математика. Огромное значеніе ея, какъ орудія научнаго познанія, объясняется именно тѣмъ, что она избѣгаетъ „ненужныхъ мыслей“, сводитъ операніи мысли къ минимуму. Числа представляютъ собою систему удивительной простоты и бережливости. Таблицы умноженія и логариѣмовъ значительно сокращаютъ работу вычисленій. „Математика, какъ элементарная, такъ и высшая, есть экономно упорядоченный, готовый къ употребленію опытъ счисленія“. Въ алгебрѣ работа счисленія настолько механизуется, что передается интеллек-

¹⁾ R. Avenarius.—Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses Brl. 1903.

томъ рукѣ, перу... Послѣдовательный выходъ изъ этого положенія дѣла есть изобрѣтеніе счетной машины. Равнымъ образомъ и физика даетъ экономно упорядоченный опытъ. „Какую массу мыслей, приведенныхъ въ порядокъ, готовыхъ къ употребленію, обнимаетъ, напр., въ себѣ понятіе потенціала“. Загадочная сила науки исчерпывается искусствомъ экономизировать силы разсудка; до многихъ изъ ея выводовъ могъ бы дойти всякій изъ насъ и безъ особыхъ научныхъ приѣмовъ. „Страсть къ бережливости—страсть философская по преимуществу“, говоритъ извѣстный американскій психологъ Джемсъ ¹⁾.

Фактъ экономіи мысли, обнаруживающейся въ строеніи науки, раскрываетъ дѣйствительную природу ея понятій, приѣмовъ. Онъ предостерегаетъ отъ догматической переоцѣнки служебныхъ средствъ научнаго познанія, отъ гипостазирования научныхъ отвлеченій, низводитъ ихъ на степень техническихъ приспособленій, орудій, приборовъ, цѣнность которыхъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ тѣхъ результатахъ, которыхъ можно достигнуть, пользуясь ими. Построенія науки указываютъ кратчайшій путь, ведущій къ фактамъ, и къ этому сводится ихъ значеніе. Въ качествѣ такихъ построеній вводятся иногда фикции, которымъ не соотвѣтствуетъ никакой реальности, которыя могутъ быть ошибочны и, несмѣря на это, съ успѣхомъ выполнять свою роль. Колумбъ открылъ Америку, смѣшавъ ее въ своихъ теоретическихъ выкладкахъ съ Азіей. Къ числу подобныхъ методологическихъ приѣмовъ разсудка, экономизирующихъ его силы, относятся, напр., понятія субстанции, причины, матеріи, атома... Первые два понятія могутъ представлять нѣкоторую практическую цѣнность, такъ какъ въ понятіяхъ субстанции и причины фиксируются обыкновенно наиболѣе выдающіеся признаки явленій, облегчающіе приспособленіе мыслей къ фактамъ, мысленное предвареніе будущихъ опытовъ, при чемъ подборъ признаковъ про-

¹⁾ The Sentiment of Rationality.—Mind. 1879.

изводится сплошь да рядомъ съ различныхъ точекъ зрѣнія. Благодаря этому получается нѣчто подобное египетскимъ рисункамъ, совмѣщающимъ въ себѣ различныя перспективныя изображенія одного и того же предмета. Руководящія понятія механической физики, понятія матеріи, атома, имѣють ту же цѣну (см. ниже).

Поучительная параллель между Кантомъ и Махомъ: въ „Критикѣ чистаго разума“ наука разсматривается какъ книга бытія, повѣствующая о твореніи космоса познанія, содержащая въ себѣ органическіе статуты мірового устройства; а въ глазахъ физика нашего времени наука есть складъ орудій для экономной обработки сырого матеріала фактовъ.

Экономика мысли вводитъ въ область практической логики, искусства научной методологіи плодотворную точку зрѣнія. Экономы мысли помогаютъ выяснить антропологическія основы техники человѣческаго познанія, даютъ полезное пособіе для установки правилъ оцѣнки и изобрѣтенія техническихъ методовъ. „Если принять въ соображеніе, какъ ограничены умственныя силы человѣка, и далѣе, какъ узка та сфера, въ предѣлахъ которой умѣщаются связи отвлеченныхъ понятій, еще доступныхъ полному пониманію, и какого напряженія требуетъ одно простое пониманіе такихъ въ настоящемъ смыслѣ слова выполняемыхъ связей; если принять далѣе въ соображеніе, какъ ограничены мы равнымъ образомъ и въ дѣйствительномъ пониманіи смысла даже и не особенно сложныхъ связей предложеній, ... какъ узка а fortiori сфера, въ которой можетъ подвигаться первоначально активное, вполне осмысленное изслѣдованіе, оперирующее все время надъ самыми мыслями, то нельзя не изумляться, какъ могутъ вообще возникать болѣе широкія рacionales теоріи и науки. Такова, напр., серьезная проблема, какъ возможны математическія дисциплины, дисциплины, въ которыхъ мобилизуются съ неограниченной свободой, созидаются изслѣдованіемъ, при все болѣе и болѣе возрастающей сложности, не только сравнительно простыя мысли, но и настоящія груды мыслей, тысячекратно

переплетающіяся другъ съ другомъ связи мыслей. Такова сила искусства и метода. Они преодолеваютъ несовершенства нашей духовной организаціи и даютъ намъ возможность косвенно, съ помощью символическихъ процессовъ, приходитъ къ выводамъ совершенно надежнымъ, при условіи—отказаться отъ наглядности, дѣйствительнаго пониманія и очевидности... Всѣ относящіяся сюда искусственные приемы... имѣютъ характеръ экономизирующихъ мысль приспособленій. Они вырастаютъ исторически и индивидуально изъ нѣкоторыхъ естественныхъ, мыслесберегающихъ процессовъ“... 1).

13. *Описаніе*.—Наука, какъ экономно упорядоченный опытъ, должна пользоваться методомъ описанія, потому что этотъ методъ и есть тотъ кратчайшій путь, который ведетъ къ фактамъ, минуя заставу метафизическихъ предпосылокъ, лишь съ практически, временно необходимымъ багажомъ отвлеченныхъ построеній, нужныхъ для скорѣйшаго приспособленія мыслей къ фактамъ. „Не объяснять, описывать!“—говорилъ Авенариусъ, примыкавшій со своимъ требованіемъ чистаго описанія всецѣло къ Маху, распространявшій его на всю область общей теоріи познанія. Онъ называлъ свою точку зрѣнія „мѣстной“, т.-е. желалъ бы занять на шумливомъ рынкѣ человѣческихъ высказываній чисто пространственное положеніе, подобно регистрирующему аппарату, подобно туристу, проходящему по странѣ человѣческаго познанія въ качествѣ простаго обозрѣвателя, не для купли и не для продажи. Эти мысли восприняты школой эмпириокритицизма изъ естествознанія. Самъ Махъ считаетъ себя сторонникомъ Кирхгофа, Майера. Первый видѣлъ задачу механики „въ простѣйшемъ и полнѣйшемъ описаніи происходящихъ въ природѣ движеній“, а второму принадлежитъ замѣчаніе, что „если тотъ или другой фактъ извѣстенъ намъ со всѣхъ своихъ сторонъ, то тѣмъ самымъ онъ объясненъ, и задача науки закончена“.

1) *Edm. Husserl.*—Logische Untersuchungen. I Th. Halle 1900, S. 197—8.

Что такое описаніе? каковы его моменты?

Первый шагъ научнаго изслѣдованія и подготовительный моментъ описанія есть сравненіе, этотъ неизбѣжный умозрительный элементъ всякаго, хотя бы простѣйшаго описанія. Всякая связь, всякое отвлеченіе проникають въ науку черезъ посредство сравненія. Зоологъ и географъ, языковѣдъ и физикъ не могутъ обойтись безъ этого средства. Вращаясь среди фактовъ, не покидая ихъ области, сравненіе создастъ физику, свободную отъ метафизическихъ ипостасей, феноменальную. Сравненіе подвигается всегда рядомъ аналогій и, слѣдуя природѣ естественныхъ явленій, никогда не даетъ полнаго тождества, потому что „природа не повторяется“. *Die Natur ist nur einmal da*. Наталкиваясь на какой-нибудь новый фактъ, изслѣдователь не можетъ просто замѣстить его однимъ изъ предыдущихъ—природа не знаетъ тождественныхъ случаевъ, но бываетъ вынужденъ прибѣгнуть къ сравненію случаевъ отчасти сходныхъ. Непосредственный результатъ многихъ актовъ сравненія есть отвлеченное понятіе, указывающее одинъ изъ признаковъ предмета. „Словесное описаніе, пользующееся въ качествѣ своего средства только такими понятіями, назовемъ,—говоритъ Махъ,—*прямымъ описаніемъ*“. Однако прямое описаніе не всегда бываетъ возможно. „Прямое описаніе какого-нибудь нѣсколько болѣе сложнаго факта — дѣло трудное, даже тогда, если нужныя для этого понятія вполнѣ уже развиты. Какимъ слѣдовательно должно быть облегченіемъ, если можно сказать, что фактъ А, о которомъ идетъ рѣчь, подобенъ не въ одномъ только признакъ, а во многихъ или во всѣхъ отношеніяхъ факту В, уже извѣстному намъ. Мѣсяць подобенъ тѣлу, тяготѣющему на землѣ, свѣтъ—волнообразному движенію или электрическому колебанію. Такое описаніе, при которомъ мы ссылаемся, такъ сказать, на другое описаніе, данное намъ уже изъ другой области, или же такое, которое предстоитъ еще точнѣе выполнить, мы называемъ естественно *косвеннымъ*“.

Къ категоріи косвеннаго описанія относится то, что на-

зывается обыкновенно теоріей. „Что такое теоретическая идея, что даетъ она намъ? Почему намъ кажется, что она стоитъ выше, чѣмъ простое закрѣпленіе факта наблюденія? И здѣсь играетъ роль простое воспоминаніе и сравненіе. Только здѣсь приходитъ намъ на память не одна исключительная черта сходства, а цѣлая система чертъ, хорошо знакомая фізіономія, благодаря чему новый фактъ становится привычнымъ для насъ, извѣстнымъ. И не только это—теоретическая идея можетъ и должна давать больше, чѣмъ мы пока видимъ въ настоящій моментъ въ новомъ фактѣ: она можетъ расширить и обогатить его новыми чертами, къ отысканію которыхъ она даетъ намъ поводъ и которыя сплошь да рядомъ дѣйствительно находятся. Эта быстрота, съ какой теорія расширяетъ область познанія, даетъ ей *количественное* преимущество передъ простымъ наблюденіемъ, но *качественно* теорія не отличается ничѣмъ существенно отъ наблюденія ни по характеру своего происхожденія, ни по результату“.

Но результатамъ теоретическое объясненіе не можетъ существенно отличаться отъ простого описанія, потому что, имѣя дѣло съ фактами, наука не знаетъ иной необходимости, кромѣ логической; необходимости физической не существуетъ, а логическая подлежитъ всегда опытной провѣркѣ. Къ этой послѣдней инстанціи должно обращаться и объясненіе; какой-либо высшей необходимости, по сравненію съ данными описаніями, оно не можетъ дать. „Если я констатировалъ, что фактъ А имѣетъ извѣстные (наприм. геометрическія) свойства В, и мысленно останавливаюсь на этомъ, то я не могу разумѣться *въ то же время* не обращать опять-таки на это вниманія. Но это не значить, чтобы А *необходимо* было присуще свойство В. Связь эта дана собственно опытомъ“.

Психологическая однородность и познавательная равноцѣнность описанія и объясненія сближаетъ науки описательныя съ изъяснительными и наоборотъ. Наличие общихъ законовъ, даръ прорицанія, установка причинной связи считались отличительными признаками объясненія

даже въ англійской философіи, для которой эмпиризмъ былъ, какъ извѣстно, національной формой; и однако эти особенности не даютъ изъяснительнымъ наукамъ никакихъ преимущественныхъ отличій. Законы физики составляютъ естественное продолженіе описанія, но такъ какъ физика имѣетъ дѣло съ такими свойствами, которыя общи очень многимъ явленіямъ, то ея законы содержатъ въ себѣ резюмирующія описанія или правила для выполненія новыхъ частныхъ описаній. Далѣе, предсказанія, возможные въ изъяснительныхъ наукахъ, свидѣтельствуютъ именно о томъ, что связь мыслей, установленная описаніемъ, вполне соотвѣтствуетъ фактамъ. Наконецъ, что касается утвержденія, будто бы описаніе не удовлетворяетъ потребности въ причинномъ объясненіи явленій, то это невѣрно по двумъ соображеніямъ. Не слѣдуетъ, во-первыхъ, забывать, что и объясненіе подобно описанію, никогда не идетъ дальше фактовъ: „значеніе имѣетъ только отношеніе фактическаго къ фактическому, а это отношеніе воспроизводится безъ остатка описаніемъ“. Когда я просто приписываю куску желѣза теплоту, то хочу сказать этимъ, что ожидаю ряда опредѣленныхъ явленій. Мое тепловое ощущеніе служитъ признакомъ этого состоянія. Если же я буду представлять себѣ теплоту въ видѣ жидкости, то жидкость эта важна исключительно постольку, поскольку она образно воспроизводитъ фактическое содержаніе явленія. Что сверхъ того, то—отъ лукаваго. Фактическое ускореніе не хуже и не меньше объясняетъ движеніе, чѣмъ дѣйствіе силы. Поэтому, во-вторыхъ, понятіе причинности, какъ излишнее, подлежитъ устраненію; вакантное мѣсто, оставшееся отъ него, займетъ въ наукѣ будущаго другое понятіе (см. ниже). Значеніе теоретическихъ идей нисколько не отрицается; отрицается только теорія „теоріи для теоріи“. Теорія не есть цѣль науки, а служебное средство, и притомъ временное, потому что при всѣхъ своихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ выгодахъ теорія ставитъ все-таки на мѣсто даннаго факта другой, болѣе привычный намъ, который можетъ замѣщать

его только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но не во всѣхъ. Косвенное описаніе слѣдуетъ замѣнять, по мѣрѣ возможности, прямымъ.

Постулатъ чистаго описанія вызвалъ противъ себя нападки критики, благодаря односторонности толкованія его. Современная физика, по замѣчанію Гартманна, подобна умозрительной философіи природы въ томъ отношеніи, что, не сознавая своего чисто гипотетическаго характера, она выдаетъ свои выводы за свидѣтельства чистаго описанія ¹⁾. Вѣроятно, подъ вліяніемъ этого сознанія Оствальдъ, главный представитель современной натурфилософіи, дѣлаетъ попытку согласовать гипотетическій характеръ своего міровоззрѣнія съ постулатомъ чистаго описанія. Съ одной стороны онъ безусловно принимаетъ этотъ постулатъ и даже думаетъ, что его энергетическая точка зрѣнія болѣе всѣхъ другихъ удовлетворяетъ ему; но съ другой стороны „энергетическая картина міра“, рисуемая знаменитымъ химикомъ, представляетъ собою сплошную гипотезу, которая удаляется все больше и больше отъ первой ступени чистаго описанія, по мѣрѣ того какъ авторъ переходитъ въ своихъ смѣлыхъ построеніяхъ отъ природы неорганической къ органическимъ явленіямъ, къ проблемамъ жизни, сознанія. Во избѣжаніе противорѣчія Оствальдъ предлагаетъ различать между гипотезами и протезами. Подъ гипотезами слѣдуетъ разумѣть, по его словамъ, такія теоретическія сооруженія, которыя вводятъ въ изслѣдованіе нѣчто сверхопытное, въ опытѣ ненаходимое, нѣчто такое, что и не можетъ стать предметомъ опыта. Подобныя гипотезы (атомистическая, напр.), несомнѣстимыя съ феноменологическимъ характеромъ естествознанія, недопустимы. Протезы отличаются отъ гипотезъ тѣмъ, что онѣ не прибѣгаютъ къ сверхопытнымъ дополненіямъ фактовъ опыта, но переносятъ отношенія, допустимыя приблизительно въ одномъ случаѣ, на другіе случаи: какое-нибудь математическое или каузальное отношеніе, напр., которое

1) Weltanschauung. d. m. Ph. S. 210.

можно предполагать между явлениями на основании нѣкоторыхъ, не вполне достаточныхъ показаній, принимается временно, предварительно, какъ полноправное. Протетическія допущенія ничему не мѣшаютъ и не противорѣчатъ требованію описанія ¹⁾. Однако, замѣна одной греческой приставки другой не мѣняетъ, какъ намъ кажется, принципиально дѣла. И въ томъ и въ другомъ случаѣ изслѣдователь покидаетъ почву чистаго опыта. Предложеніе Оствальда едва ли соотвѣтствуетъ намѣреніямъ Маха. Гипотеза представляется Маху естественнымъ продуктомъ приспособленія мыслей къ фактамъ, результатомъ борьбы за существованіе между новыми и старыми мыслями. Всякое предположеніе допустимо въ качествѣ гипотезы, лишь бы оно приводило такъ или иначе къ фактамъ: скрытыя качества схоластиковъ и алгебраическіе миѳы механическаго естествознанія одинаково законны, при условіи не упускать изъ виду конечной цѣли научнаго изслѣдованія, не придавать имъ большаго значенія, чѣмъ они заслуживаютъ, не гипостазировать ихъ. Полная свобода изслѣдованія есть основной принципъ наукословія Маха.

Отпадаетъ такимъ образомъ и другое возраженіе, выставленное противъ метода чистаго описанія. Чистое описаніе, продолжаетъ Гартманнъ, равносильно отказу отъ самыхъ насущныхъ и законныхъ запросовъ духа, отказу невозможному. Но если этотъ постулатъ не исключаетъ, какъ мы видѣли, возможности теоретическихъ предпосылокъ, допускаетъ гипотетическія дополненія опыта, то онъ можетъ ужиться и съ высшими запросами духа, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ научнаго, физическаго или психологическаго изслѣдованія. Махъ предлагаетъ психологическое истолкованіе теоріи, опредѣляетъ удѣльный вѣсъ теоретическихъ идей, не думая однако подвергать ихъ остракизму. На высшіе запросы духа онъ смотритъ очевидно съ точки зрѣнія своего натуралистическаго монизма, какъ на есте-

1) Vorlesungen. S. 399—400.

ственные факты, аналогичные фактамъ движенія, явленіямъ тепловымъ, свѣтовымъ, подлежащіе также описанію: „человѣкъ со своими мыслями и чувствами есть самъ осколокъ природы“. Возможна конечно и другая точка зрѣнія на „имманентную трагичность бытія“, но нельзя дѣлать отвѣтственнымъ чистое описаніе за выводы натуралистическаго монизма.

Прямое описаніе, возражаетъ тотъ же критикъ, невозможно, потому что оно предполагаетъ уже отвлеченіе. Дѣйствительно, описаніе есть своеобразный продуктъ психическаго развитія, одну изъ первыхъ стадій котораго составляютъ сравненіе и отвлеченіе. Описаніе предполагаетъ наличность рѣчи, а рѣчь есть порожденіе произвольнаго или произвольнаго отвлеченія. Въ этомъ смыслѣ понимаетъ описаніе Махъ. Значить-ли это, что прямое описаніе невозможно?

Если прямое описаніе предполагаетъ отвлеченіе, то не есть-ли описаніе косвенное уже умозаключеніе? Странно было бы однако толковать наукословіе Маха въ томъ смыслѣ, что оно изгоняетъ изъ науки даже умозаключеніе. Не только неизбѣжныя логическія операціи, но и самыя рискованныя теоріи не устраняются. Самъ Махъ относитъ къ категоріи косвеннаго описанія то, что называется теоріей и теоретическими идеями, значенія которыхъ онъ не оспариваетъ и показываетъ на исторіи различныхъ научныхъ открытій, какъ удачныя, хотя и гипотетически построенныя теоріи, содѣйствовали расширенію предѣловъ опыта. Косвенное описаніе, поскольку оно воспроизводитъ факты и возвращаетъ къ фактамъ, желательно, но по своей отправной точкѣ, по мѣсту своего окончательнаго назначенія оно покрывается и можетъ быть замѣнено прямымъ описаніемъ. Возьмемъ, на примѣръ, такой общеизвѣстный фактъ: волненіе бушующаго моря можно ослабить, разливъ по поверхности воды масло. Когда это явленіе было объяснено съ помощью поверхностнаго натяженія, то тѣмъ самымъ былъ указанъ новый фактъ, оставав-

шійся до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ и поддающійся теперь описанію ¹⁾).

14. *Антиметафизическая тенденція.*—Постулатъ чистаго описанія равносильнъ требованію чистаго опыта и естественно связанъ съ устраненіемъ метафизики. Понятіе метафизики остается, впрочемъ, у Маха не совсѣмъ опредѣленнымъ, хотя онъ обращаетъ особенное вниманіе на свою антиметафизическую тенденцію, справедливо полагая, что эта сторона его наукословія должна встрѣтить сочувствіе среди естествоиспытателей, обезпечить за нимъ признаніе у представителей опытныхъ наукъ. Задача науки исчерпывается установкой связей, находимыхъ между фактами, и поэтому метафизическія предпосылки должны всегда прикидываться къ одному и тому же мѣрилу: ведутъ-ли онѣ кратчайшимъ путемъ къ фактамъ, соотвѣтствуютъ-ли онѣ потребности возможно болѣе экономить мысль. Нѣкоторыя изъ нихъ допустимы въ качествѣ методологическихъ приѣмовъ, субъективныхъ максимумъ разума, какъ правилъ экономнаго домоводства, говоря словами Канта, но признавать за ними реальное значеніе, приписывать имъ бытіе по ту сторону ощущеній, значило бы прибѣгать къ предположеніямъ излишнимъ и вреднымъ. Вреднымъ, потому что благодаря ошибочной переоцѣнкѣ и гипостазированію метафизическихъ отвлеченій накопился цѣлый арсеналь неразрѣшимыхъ проблемъ, а это повело въ свою очередь къ агностицизму, къ деградации разума. Въ устройствѣ разума были открыты врожденные недостатки, врожденная близорукость: вещи въ себѣ непознаваемы, наше познаніе феноменально, возникновеніе ощущенія изъ движенія есть міровая загадка... Квадратура круга и *perpetuum mobile*, возражаетъ на это Махъ, конечно неразрѣшимы, но не по ограниченности нашихъ познавательныхъ способностей, а потому что постановка вопроса неправильна, потому что самая

¹⁾ *Jul. Baumann.*—Ueber Ernst Mach's philosophische Ansichten. Arch. f. syst. Phil. 1898, B, IV. Авторъ приводитъ этотъ примѣръ въ качествѣ возраженія противъ отождествленія описанія и объясненія.

проблемы лишены смысла. Проблемъ неразрѣшимыхъ не существуетъ для сенсуалистическаго монизма: „проблемы или разрѣшаются или признаются незаслуживающими вниманія, мнимыми“. Эмпиризмъ Маха значительно отличается по своимъ стремленіямъ отъ традиціоннаго позитивизма и приближается къ гегельянству. Сравненіе, не противорѣчащее духу эмпириокритицизма. Но такъ какъ всякая метафизика стоитъ и падаетъ съ принятіемъ или непринятіемъ абсолюта въ той или другой формѣ, то наукословіе Маха совмѣщаетъ реабилитацію познавательнаго начала съ признаніемъ относительности нашего познанія. Біологическая концепція познанія не допускаетъ абсолютныхъ цѣнностей, эволюціонное мѣрило экономіи мысли не признаетъ неподвижныхъ дѣленій. Нѣтъ абсолютныхъ точекъ зрѣнія; всякая точка зрѣнія пригодна только для извѣстныхъ цѣлей, только въ извѣстный моментъ. Геоцентрическое и гелиоцентрическое міропониманіе, напримѣръ, одинаково правильны: первое—въ повседневной практикѣ, второе—въ астрономіи. Не иначе смотритъ Махъ и на выводы собственнаго наукословія.

Кромѣ того, осмысленное истолкованіе міра, какъ абсолютнаго цѣлаго, невозможно еще и по другой причинѣ. Міровые элементы связаны круговой порукой функціональныхъ отношеній. Выхода изъ этого круга нѣтъ, между тѣмъ какъ для того, чтобы опредѣлить характеръ связи, необходимо имѣть возможность разсматривать одну группу элементовъ, какъ переменную независимую. Это и возможно въ частныхъ сферахъ опыта, но въ примѣненіи къ міровой сѣти связей невыполнимо. „Поэтому возможно, правда, дополнять картину міра извѣстнымъ образомъ, по указанію науки, въ частностяхъ, когда дана достаточная часть этой картины, но нельзя узнать и выяснить научнымъ образомъ, къ какой цѣли стремится міръ въ цѣломъ“.

15. *Устраненіе причинности.*—Функціональное отношеніе должно замѣнить понятіе причинной связи. Это послѣднее относится въ наукословіи Маха къ числу метафизическихъ

предразсудковъ, подлежащихъ устраненію. „Я надѣюсь,—говоритъ онъ—что будущее естествознание устранить понятія причины и дѣйствія въ виду ихъ формальной неясности; не для меня одного отдають они сильно фетишизмомъ“. Сомнѣніямъ Юма Махъ отдаетъ предпочтеніе передъ рѣшеніемъ Канта, повторяя въ своей критикѣ понятія причинности многіе доводы эмпирической школы, успѣвшіе сдѣлаться достояніемъ научнаго сознанія. Мѣстами ему приходится сражаться скорѣе съ фантомомъ далекаго прошлаго, чѣмъ съ современнымъ научнымъ понятіемъ каузальнаго отношенія ¹⁾.

Наиболѣе оригинальная черта въ критическомъ анализѣ понятія причинности, принадлежащемъ Маху, состоитъ въ томъ, что онъ склоненъ отрицать, повидимому, эмпирической принципъ единообразія природы, служившій опорой закона причинности въ индуктивной логикѣ. „Если бы мы вздумали,—говоритъ Махъ—приписать природѣ свойство производить при сходныхъ обстоятельствахъ сходныя дѣйствія, то не могли бы найти такихъ сходныхъ обстоятельствъ. Природа не повторяется. Только наше схематическое воспроизведеніе (фактовъ въ мысляхъ) порождаетъ сходные случаи“. Инстинктъ причинности есть цѣлесообразная привычка выдѣлять изъ комплекса ощущеній признаки, важные на практикѣ. Желтый цвѣтъ на зелени листы служитъ для животнаго признакомъ того, что плодъ созрѣлъ—такъ и въ понятіи причины закрѣпляются признаки явленій по указанію жизненныхъ потребностей. Съ переменной практическихъ интересовъ роли причины и слѣдствія распредѣляются между фактами иначе. Въ причинной связи данъ случай „привычнаго ожиданія“. Авторитетъ принадлежитъ и здѣсь исключительно фактамъ, такъ какъ логической необходимости нѣтъ и въ причинномъ отношеніи. Но природа, думаетъ Махъ, не такъ монотонна и проста, какъ это

¹⁾ *Grünbaum*.—Zur Kritik der modernen Causalanschauungen. Arch. f. syst. Philosophie, 1898, B, V.

изображается въ принятой формулѣ причинной связи: за извѣстной дозой данной причины слѣдуетъ извѣстная доза слѣдствія. Въ такомъ представленіи сказывается первобытное, фармацевтическое понятіе объ устройствѣ міра. Въ дѣйствительной природѣ — „причины“ множественны, „слѣдствія“ переплетаются съ причинами, образуя ряды перекрещивающихся взаимодействій, не въ порядкѣ временной послѣдовательности, а въ формѣ внѣвременнаго сосуществованія. Что считать здѣсь причиной и что слѣдствіемъ? Съ помощью четырехъ методовъ экспериментальнаго изслѣдованія, предложенныхъ Миллемъ, нельзя раздергать и прослѣдить нити плотной міровой ткани. Болѣе широкой, верховной формой міровыхъ связей Махъ предлагаетъ считать функциональное отношеніе: міръ есть повсюдная функциональная связь элементовъ-ощущеній. Примѣромъ функциональнаго отношенія служатъ у Маха троякаго рода связи. Во-первыхъ, закономерная сопряженность измѣненій, наблюдаемая въ какой-нибудь системѣ элементовъ: перемѣна одной группы элементовъ сопровождается перемѣной въ другой группѣ, при чемъ одна изъ нихъ рассматривается какъ перемѣнная независимая. Во-вторыхъ, связь признаковъ какого-нибудь явленія въ понятіи, опредѣляющемъ его: чисто логическое отношеніе, наблюдаемое между элементами, составляющими содержаніе отвлеченнаго понятія. Въ-третьихъ, отношеніе, существующее между отдѣльными элементами геометрической фигуры, напримѣръ, между сторонами и углами трехугольника. Перечисленные виды отношеній признаются, очевидно, однородными и болѣе соответствующими требованіямъ чистаго описанія. По сравненію съ понятіемъ причинной связи функциональное отношеніе имѣетъ слѣдующія преимущества. Оно свободно отъ пережитковъ анимизма и фетишизма, т.-е. устраняетъ идею силы, принудительности, порожденія. Оно болѣе эластично, поддается, смотря по характеру явленій, то болѣе широкому, то болѣе узкому истолкованію, ничего не предрѣшая о характерѣ искомой связи, предоставляя судить объ этомъ

спеціальному изслѣдованію. Оно не содержитъ въ себѣ идеи временной преемственности, что болѣе согласно съ перманентностью связи міровыхъ элементовъ. Оно допускаетъ превратимость, такъ какъ въ функціональномъ отношеніи можно разсматривать любой членъ или какъ причину, или какъ слѣдствіе, что болѣе согласно опять - таки съ многосторонностью міровыхъ связей.

16. *Критика механической физики.*—Болѣе обильную пищу для очистительнаго огня критики даетъ механическая физика, служившая не такъ давно опорой научнаго міровоззрѣнія, но пропитанная ненаучными, метафизическими примѣсами. Открытіе такихъ примѣсей составляетъ одну изъ важныхъ заслугъ Маха, которая нисколько не умаляется тѣмъ, что подобныя критическія попытки не разъ исходили и отъ лица философовъ. Въ ходѣ развитія его философскихъ взглядовъ самостоятельная критика механической физики стояла на первомъ планѣ, привела его къ сенсуалистическому монизму, раскрыла ему дѣйствительную природу научныхъ понятій. Но въ нашемъ изложеніи ей отводится послѣднее мѣсто, потому что значеніе и цѣль критическихъ соображеній Маха становятся вполне понятны только послѣ знакомства съ положительными выводами его философскаго ученія. Прагматическая исторія должна изображать иногда обратный, негативный снимокъ духовной эволюціи.

Механическая теорія считаетъ реальной основой физической природы матерію съ двумя ея признаками, массой и движеніемъ. Эти признаки отвлекаются, впрочемъ, отъ кореннаго понятія матеріи и надѣляются самостоятельной реальностью. Первичныя единицы массы просты, во всѣхъ отношеніяхъ подобны другъ другу, абсолютно тверды, инертны и пассивны. Внѣшній толчокъ приводитъ ихъ въ движеніе. Всѣ физическія явленія со всѣми ихъ свойствами дедуцируются изъ этихъ механическихъ данныхъ, составляющихъ подлинную сущность явленія. Если, наприм., газъ теряетъ при расширеніи часть своей теплоты, становится холоднѣе,

то это не значить, что теплота превратилась въ механическую работу; это значить, что теплота по своей сущности есть явленіе механическое, особый родъ невидимаго молекулярнаго движенія, которое уменьшается при переходѣ въ движеніе видимое, чѣмъ и объясняется охлажденіе газа. Механическая формула, выражающая движеніе, схватываетъ реальную основу процесса, между тѣмъ какъ все остальное въ немъ относится на счетъ второстепенныхъ субъективныхъ прилатковъ. Матеріальная природа—агрегатъ абсолютно покойныхъ, постоянныхъ, тождественныхъ единицъ; задача науки—измѣрить единицами пространства и времени тѣ движенія, въ которыя онѣ извнѣ приводятся.

Первоначальная склонность къ механическому объясненію физической природы понятна психологически. Движенія тѣлъ принадлежать къ числу простѣйшихъ, наглядныхъ, легко воспринимаемыхъ и легко воспроизводимыхъ воображеніемъ явленій природы. Связь между толчкомъ и движеніемъ знакома намъ изъ повседневнаго опыта. Всѣ измѣненія, производимыя въ окружающей средѣ человѣкомъ или техническими приспособленіями, осуществляются съ помощью движеній. Самый важный для насъ, знакомый намъ факторъ. Непроницаемость, твердость, приписываемая матеріи и ея первичнымъ единицамъ, особенно привычны намъ, какъ бросающіяся въ глаза свойства постоянно наблюдаемыхъ тѣлъ. Такимъ образомъ развивается стремленіе считать твердое тѣло болѣе первичнымъ, отдавать ему предпочтеніе передъ состояніемъ газообразнымъ, хотя это состояніе проще по своей природѣ. Кромѣ того, всякое физическое явленіе имѣетъ механическую сторону: звучащій колоколь дрожить, нагрѣтое тѣло расширяется, тѣла наэлектризованныя притягиваютъ другъ друга.

Успѣхи механической теоріи укрѣпили вѣру въ реальность ея гипотетическихъ построеній. „Положеніе, что дѣйствительная, конечная цѣль и предметъ всякой физической науки состоитъ въ сведеніи явленій природы къ связанной механической системѣ, нашло себѣ опредѣленное вы-

раженіе въ научныхъ сочиненіяхъ второй половины XIX в., со времени открытій, сдѣланныхъ въ органической химіи съ помощью атомистической теоріи, со времени открытія спектральнаго анализа, со времени обоснованія ученія о сохраненіи энергіи и распространенія механической теоріи теплоты съ ея дополненіемъ, кинетической теоріей газовъ“.

И вотъ: „положеніе, что всякій физическій процессъ механиченъ по своей природѣ, считается среди современныхъ людей науки аксіомой, которая сама собой понятна или по крайней мѣрѣ можетъ быть разсматриваема, какъ индукція изъ всѣхъ прошлыхъ опытовъ. Они считаютъ механическое объясненіе какого-нибудь явленія природы не только несомнѣннымъ, но и окончательнымъ, единственно возможнымъ, безусловно правомѣрнымъ“¹⁾. Правда, нѣкоторые представители механической физики охотно признаютъ, что никогда не понимали своихъ представленій иначе, какъ образно. Но это только полемическій пріемъ. „Знаменитые физики и физиологи серьезно и съ ужасающей наивностью представляли себѣ эти механическія аналогіи“. Доказательства налицо—подлинныя цитаты изъ сочиненій Гельмгольца, Максвелля, Вундта, Людвига, Гёксли, Геккеля, Дюбуа-Реймона. Всѣ они сводили физику къ механикѣ, не отдавая себѣ отчета въ метафорической природѣ механическихъ построеній. Другимъ доказательствомъ служатъ попытки пересадить механическую теорію изъ физики въ психологію, привлечь атомы къ объясненію явленій сознанія.

Механическая физика даетъ чрезвычайно искусственную картину міра, въ которой дѣйствительность становится неузнаваема. Для сторонниковъ механической и атомистической теоріи міръ, хорошо знакомый намъ по показанію чувствъ, превращается въ сплошную загадку. Вѣроятнымъ рѣшеніемъ этой загадки и возможнымъ выходомъ изъ труднаго положенія, созданнаго противорѣчіемъ

1) *Stallo*.—Die Begriffe und Theorien der modernen Physik, Lpzg. 1901, S. 4 и д.

между непосредственнымъ опытомъ и механической гипотезой, представляется Маху сенсуалистическій монизмъ, съ положительной стороны котораго мы уже знакомы. Остается теперь познакомиться съ отрицательной стороной.

Механическая гипотеза страдаетъ, какъ стараются показать современные критики, фактической недостаточностью, неполнотой. Нѣкоторые важные факты, а также нѣкоторыя спеціальныя теоріи химіи и физики противорѣчатъ ея основнымъ положеніямъ, при чемъ такое противорѣчіе доказывается не доводами общаго, философскаго свойства, а несовмѣстимостью ея съ явленіями и показаніями химическаго и физическаго опыта. Напр., требованіе абсолютнаго равенства первичныхъ единицъ массы противорѣчитъ закону Авогадро: равные объемы всѣхъ газовъ содержатъ равное количество молекулъ, такъ что различія специфическаго вѣса газовъ не объяснимы ни чѣмъ инымъ, какъ различіемъ специфическаго вѣса молекулъ. Абсолютная твердость и неэластичность единицъ массы противорѣчатъ кинетической теоріи газовъ; инертность матеріи—факту притяженія массъ. Атомистическая теорія не можетъ объяснить безъ добавочныхъ гипотезъ тѣхъ самыхъ фактовъ, объяснить которые она была призвана 1). Такъ какъ прежнее понятіе вещества не могло обнять всѣхъ физическихъ явленій, въ томъ числѣ явленій цвѣта и электричества, „которыя проявляютъ свое дѣйствіе въ пространствѣ, свободномъ отъ матеріи, не привязанныя ни къ какому матеріальному носителю“, то оно было дополнено новымъ понятіемъ „нематеріальной матеріи“, понятіемъ эфира. Однако, „всѣ попытки формулировать законамѣрно свойства эфира по аналогіи съ извѣстными свойствами матеріи привели къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ 2).

Съ философской, гносеологической точки зрѣнія обычная механическая теорія есть сплошная метафизика, „пережи-

1) *Stallo*.—Цитир. сочин. *Hans Kleinpeter*.—*Stallo*, als Erkenntnisskritiker. *Viert. jarszschit f. wiss. Phil.* 1901. Н. IV.

2) *Ostwald*.—*Vorlesungen*. 149—152.

токъ средневѣковаго реализма. Ея существенные элементы—законныя логическія дѣтища *universalia ante rem et in re*⁴. Слишкомъ буквально понимая механическія аналогіи, физики отождествляютъ понятія съ реально воспринимаемыми предметами, смѣшиваютъ отвлеченія съ вещами, приписываютъ логическимъ фикціямъ научныхъ построений реальное бытіе. Представленія наивнаго реализма неповинны въ этомъ. Критика эта направлена только противъ той матеріи, тѣхъ атомовъ и молекулъ, которые приняты въ естествознаніи, но невѣдомы естественному человѣку, „не зараженному ни варварской, ни цивилизованной философіей“. Механическія понятія правомѣрны, какъ „экономическая символизация физико-химическаго опыта“, но отсюда дѣлается неправильный, свойственный всей догматической метафизикѣ, выводъ, что имъ должны соответствовать реальные предметы. „Когда геометръ хочетъ схватить форму какой-нибудь кривой, онъ разлагаетъ ее предварительно на малые прямолинейные элементы. Но онъ знаетъ очень хорошо, что эти элементы—только временное, произвольное средство, помогающее схватить по частямъ то, что не удастся сдѣлать сразу. Какъ скоро законъ кривой найденъ, онъ не думаетъ болѣе объ ея элементахъ. Такъ и естествознанію не пристало видѣть въ созданныхъ имъ самимъ экономическихъ средствахъ, молекулахъ и атомахъ, реальности за явленіями, забывая не такъ давно пріобрѣтенную разсудительность его болѣе смѣлой сестры, философіи, замѣнять мифологію анимизма и метафизики механической мифологіей и создавать такимъ образомъ мнимыя проблемы“. О мнимой проблемѣ идетъ, напр., рѣчь въ спорѣ между механической, корпускулярной теоріей матеріи и динамической, такъ какъ ихъ общее, коренное заблужденіе состоитъ въ томъ, что онѣ представляютъ въ видѣ самостоятельныхъ реальностей логическія начала, отвлекаемая отъ абстрактнаго понятія матеріи. Пассивная, мертвая матерія неизвѣстна опыту и непонятна для мысли. Благодаря примитивному, неаккуратному и неполному воспріятію

данныхъ чувственнаго опыта, возникло предположеніе, что всѣ физическія причины сводятся къ движенію, что движеніе есть единственное измѣненіе тѣла, при которомъ оно сохраняетъ свое тожество, что механическими свойствами исчерпываются реальныя свойства предметовъ.

Дѣтская игра въ кубики! Искусственная мозаика, замуравливающая живой потокъ явленій!

Первичны не тѣла, а ощущенія. Не тѣла вызываютъ ощущенія, а комплексы ощущеній образуютъ тѣла. Символомъ относительно устойчиваго комплекса ощущеній можетъ служить матерія, но безусловно устойчивыхъ связей нѣтъ въ природѣ. Олово и желѣзо, говорятъ, различны по своей матеріи. Желѣзо холодное и горячее остается все еще тѣмъ же тѣломъ. Но развѣ олово 500 m/sec. скорости и желѣзо 1700°C не болѣе отличаются по своимъ свойствамъ отъ олова и желѣза въ обычномъ состояніи, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга? Въ прежнихъ учебникахъ химіи химическіе процессы разсматривались въ отличіе отъ физическихъ, какъ измѣненія матеріальныя, однако все различіе состоитъ въ томъ, что при физическихъ процессахъ измѣняется исключительно или преимущественно *одно* свойство комплекса, а при химическихъ — *весь* комплексъ.

Понятія матеріи и атома полезны въ качествѣ средства экономно изображать факты. Механическая теорія оказала много существенныхъ услугъ, освѣтила механическими аналогіями важныя главы физики (теорія свѣта), помогла установить количественное отношеніе между механическими и другими физическими процессами (термодинамика), и такъ какъ въ качествѣ средства изслѣдованія допустимы всякія представленія, поскольку они содѣйствуютъ изображенію фактовъ, то допустимы также понятія матеріи, атома, молекулы. Но съ другой стороны необходимо очищать отъ времени до времени полученныя такимъ образомъ результаты отъ лишнихъ, несущественныхъ привнесеній, помня, что аналогія не есть тожество, что отъ этихъ вспомогательныхъ понятій, „какъ отъ алгебраическихъ символовъ,

нельзя ожидать больше того, что мы сами вложили въ нихъ именно не больше просвѣщенія и откровенія, чѣмъ отъ самого опыта“. Надъ молекулами и силами, которыя имъ приписываются, нельзя экспериментировать; нельзя рѣшить экспериментально, существуютъ-ли онѣ въ дѣйствительности или только въ нашемъ воображеніи. Лордъ Кельвинъ сказалъ объ атомахъ: „признаніе атомовъ не можетъ объяснить ни одного свойства тѣла, которое не было бы написано предварительно самимъ атомамъ“.

Недавней увѣренности въ аксіоматической непреложности механической теоріи интересно противопоставить мнѣніе о ней современнаго натурфилософа. «Исканіе механическихъ гипотезъ для немеханическихъ вещей живо напоминаетъ, какъ въ прежніе вѣка старались превратить неблагородные металлы въ золото, изобрѣсти *perpetuum mobile*. Наши дѣти и внуки будутъ смотрѣть на наши гипотезы съ тѣмъ же снисходительнымъ сожалѣніемъ, съ какимъ мы сами смотримъ на заблужденія прежнихъ алхимиковъ и механиковъ» ¹⁾).

17. *Моторная теорія понятій.*—Понятія науки не имѣютъ реальности физической, ошибочно приписанной имъ механической физикой, но они имѣютъ реальность физиологическую: система понятій, называемая наукой, есть система реакцій, составляющая лишь небольшое звено въ сложной цѣпи центростремительныхъ и центробѣжныхъ физиологическихъ процессовъ, на которые распадается суетная жизнь наша. Всякое раздраженіе сопровождается отвѣтнымъ дѣйствіемъ, потому что ощущенія не лишены нѣкоторой активности. Сумма такихъ усвоенныхъ упражненіемъ дѣйствій и есть понятіе. Въ понятіи лежитъ импульсъ къ какой-нибудь привычной чувственной реакціи; оно разряжаетъ извѣстныя реакціонныя дѣйствія, не готовые представленія. Понятіе—то же самое для естествоиспытателя, что нота для піаниста, рецептъ для фармацевта, поваренная книга

¹⁾ *Ostwald.*—Vorles. S. 216.

для повара. Опытный математикъ или физикъ читаетъ какое-нибудь изслѣдованіе по своей специальности, какъ музыкантъ партитуру, а неопытный новичекъ въ математикѣ или физикѣ дѣлаетъ сплошь да рядомъ не то, что долженъ больше или меньше, представляетъ себѣ дѣло не такъ какъ слѣдуетъ, потому что усвоить себѣ понятіе значить усвоить опредѣленный рядъ дѣйствій. Піанистъ долженъ сначала приучить свои пальцы двигаться порознь и вмѣстѣ, чтобы затѣмъ почти безсознательно слѣдовать за нотой. Такъ и физикъ или математикъ проходятъ долгіе годы ученія, прежде чѣмъ приучатся владѣть тонкими иннерваціями своихъ мускуловъ, своего воображенія. Иннерваціи, исходящія отъ понятій, могутъ чрезвычайно разнообразиться,—отъ внутреннихъ дѣйствій, называемыхъ направленіемъ вниманія и игрой воображенія, до ручной, мускульной работы или операций химическихъ, анатомическихъ, математическихъ. Но всегда такая чувственная дѣятельность приводитъ къ новымъ чувственнымъ фактамъ. Приступая къ данному веществу и предполагая, что это натрій, химикъ производитъ рядъ пробъ: если это тѣло мягко, какъ воскъ, можетъ быть разрѣзано, при чемъ на поверхности разрѣза имѣетъ серебристый блескъ, плаваетъ на водѣ, быстро разлагая ее, имѣетъ специфическій вѣсъ 0,972, горитъ желтымъ пламенемъ, то оно подходитъ подъ понятіе натрія.

Моторная теорія понятій есть высшее обобщеніе, до котораго поднимается наукословіе Маха. Заканчивая ея изложеніе его философскихъ взглядовъ, обратимся къ ихъ критическому разбору.

Въ какую группу философскихъ дисциплинъ отнести изложенные выше взгляды, съ чѣмъ приходится критику имѣть дѣло: съ методологіей физики и психологіи, или съ гносеологіей, или съ психологіей познанія, или съ попыткой дать общее міровоззрѣніе? Судя по той задачѣ, которую преслѣдовалъ Махъ, онъ предполагалъ только установить нормальныя отношенія между физикой и психологіей. От-

сюда вытекало бы вполне определенное требование для справедливой критики его выводов: соответствие или несоответствие их идеалу методического единства науки. Однако изъ предшествующаго изложенія можно было видѣть, что Махъ не вездѣ остается вѣренъ поставленной себѣ задачѣ, что онъ склоненъ переступать и дѣйствительно переступаетъ ея предѣлы, затрудняя такимъ образомъ правильную оцѣнку своихъ взглядовъ. Очевидно, во-первыхъ, что біологическій факторъ, поддерживающій его наукословіе, предполагаетъ, какъ было показано, натуралистическое міровоззрѣніе. Не менѣе очевидно также, что и сенсуалистическій монизмъ имѣетъ для Маха значеніе не только временной методической фикціи или искусственнаго приѣма въ цѣляхъ научнаго познанія природы, потому что если бы это было дѣйствительно такъ, то онъ не сталъ бы сопоставлять его съ буддизмомъ, ожидать отъ него практически благотворныхъ результатовъ. Махъ дѣлаетъ это и тѣмъ самымъ доказываетъ, что отрицаніе момента субъекта, необходимо присущее сенсуалистическому монизму, составляетъ для него не только временный и искусственный приѣмъ, но и усвоено имъ, какъ міровоззрѣніе, въ которомъ этические вопросы объ эгоцентрическомъ и альтруистическомъ отношеніи къ міру переплетаются съ вопросами гносеологическими. Наконецъ, самъ Махъ и тѣмъ болѣе его послѣдователи не прочь придавать его наукословію значеніе общей теоріи познанія. Вмѣсто функциональной связи однородныхъ элементовъ, міровоззрѣніе Маха составлено изъ агрегата разрозненныхъ и разнородныхъ членовъ, говорятъ нѣкоторые критики. Каламбуръ невысокой пробы, опровергаемый нашимъ изложеніемъ, въ которомъ эти члены приведены въ органическую связь другъ съ другомъ. Но нѣкоторое несоответствіе между предположеннымъ планомъ сооруженія и возведеннымъ зданіемъ не можетъ не лишать это послѣднее того единства выполненія, той связности частей, которыя достигаются яснымъ сознаніемъ ясно поставленной цѣли.

Разбивъ выводы Маха на три части: натуралистическій монизмъ, сенсуалистическій монизмъ и наукословіе, — разсмотримъ каждую изъ нихъ порознь.

Біологическая эволюція, составляющая зерно натуралистическаго монизма, идетъ отъ Дарвина и Спенсера. Нельзя было пересадить просто біологическій факторъ въ сенсуалистическое міропониманіе, хотя бы потому, что въ синтетической философіи Спенсера, напр., этотъ факторъ сросся съ его общимъ міровоззрѣніемъ, не есть научно установленный фактъ въ томъ широкомъ толкованіи, которому онъ подвергается, а скорѣе философскій принципъ. Попадая въ среду сенсуалистическаго монизма, онъ встрѣчается здѣсь съ новыми, чуждыми ему элементами, напр., съ тѣмъ положеніемъ, какое занимаютъ психическія состоянія въ исторіи міровой эволюціи, какъ полноправныя дѣйствующія лица. Быть можетъ, самое понятіе біологической эволюціи должно было бы подвергнуться соотвѣтствующимъ измѣненіямъ, такъ какъ синтетической философіи не извѣстны были выводы новаго ученія объ элементахъ міра. Вообще, біологическій факторъ ведетъ въ системѣ Маха подпольное, или вѣрнѣе нелегализированное существованіе. Вопросъ объ его правѣ на существованіе не ставится. Если бы Махъ хотѣлъ быть вполне послѣдовательнымъ, остаться вполне вѣрнымъ своей критической задачѣ, онъ не долженъ былъ бы такъ безпрекословно примыкать къ біологическимъ соображеніямъ Спенсера. Мы не возражаемъ здѣсь противъ біологическаго обоснованія теоріи познанія, но утверждаемъ только, что такого обоснованія не далъ и не могъ дать Махъ, потому что для этого слѣдовало бы повергнуть предварительному анализу природу біологическаго фактора. Біологическій факторъ величина неопредѣленная по своему составу, по сферѣ своего вліянія. Было бы отсутствіемъ критической осторожности перенести біологическую концепцію Спенсера въ научную методологію, такъ какъ концепція эта не есть, какъ извѣстно, нѣчто канонически установленное. Безъ выполненія такой предварительной критической ра-

боты скрытое и неурегулированное воздѣйствіе біологическаго фактора можетъ мутить ясность доводовъ и выводовъ, что и наблюдается какъ въ сенсуалистическомъ монизмѣ, такъ и въ наукословіи Маха.

Въ сенсуалистическомъ монизмѣ идутъ рука объ руку или чередуясь другъ съ другомъ два теченія мысли. Передній фонъ занимаетъ критика механической физики, сросшаяся съ реакціей противъ неокантіанства, а за этимъ переднимъ фономъ скрывается натуралистическое міропониманіе, просачиваясь отъ времени до времени наружу.

Вліяніе натуралистическаго монизма обнаруживается въ томъ, что доводы противъ вещи въ себѣ, противъ атомовъ и молекулъ, противъ дуалистическаго расщепленія опыта, противъ трансцендентной реальности подкрѣпляются натуралистическими соображеніями объ единствѣ природы и человѣка. Если между первичнымъ единствомъ опыта и единствомъ природы существуетъ какая-нибудь непосредственная связь, то ее слѣдовало раскрыть и обосновать. Въ противномъ случаѣ, благодаря такому неоправданному вмѣшательству натурализма, должно получаться впечатлѣніе нѣкоторой черезполосицы доказательствъ: критика механической физики переплетается съ отзвуками біологическаго эволюціонизма. Біологическому фактору приписывается мѣстами роль цемента, связующаго міровые элементы—ощущенія. Логическая, функціональная зависимость элементовъ подмѣняется мѣстами интеграціей, а методологическое разграниченіе психической и физической сферъ—дифференціаціей первичныхъ элементовъ въ результатъ борьбы за существованіе. Чистота сенсуалистической картины міра не можетъ не страдать отъ этого.

Въ этой картинѣ самой по себѣ, разсматриваемой независимо отъ натуралистическихъ примѣсей, остается нѣсколько въ тѣни довольно важный пунктъ, вопросъ о природѣ первично даннаго. Защищая первичное единство опыта, Махъ проводитъ, повидимому, ту мысль, что реальность должна быть дана изначально, что ея нельзя выца-

рапать изъ понятія, или искать за непосредственнымъ содержаніемъ сознанія, но нельзя также конструировать изъ субъективныхъ элементовъ или изъ какихъ-нибудь вторичныхъ продуктовъ отвлеченія. Реальность должна быть дана, а не выведена. Доведень-ли имъ анализъ этого первично даннаго до конца? Всякій элементъ чувственнаго міра допускаетъ, по признанію Маха, двойное толкованіе, можетъ попадать то въ рубрику психическихъ, то въ рубрику физическихъ явленій, но кромѣ того онъ говоритъ еще объ элементахъ „самихъ по себѣ“, о „зеленомъ цвѣтѣ самомъ по себѣ“. О природѣ этой по счету третьей, а по существу первой реальности идетъ теперь рѣчь. Какъ характеризовать ее ближе? Три отвѣта даетъ Махъ. Во-первыхъ, самый вопросъ объявляется празднымъ. Для науки важно установить, что элементы міра однородны и связаны функціонально другъ съ другомъ. Описывайте находимыя въ опытѣ функціональныя отношенія, не задумываясь надъ дальнѣйшимъ. „Фактическое, функціональныя отношенія, нисколько не измѣнятся отъ того, будемъ ли мы разсматривать все данное, какъ содержаніе сознанія, или отчасти или цѣликомъ, какъ физическое“. Это не отвѣтъ, очевидно, а уклоненіе отъ него. Во-вторыхъ, придавая особенное значеніе однородности элементовъ міра, Махъ продолжаетъ настаивать на томъ, что первичные элементы міра вполне индифферентны, что психическое и физическое есть позднѣйшее разграниченіе. „Я не знаю ни психическаго, ни физическаго, а нѣчто третье“, припоминаются при этомъ слова Авенариуса. Въ эту третью, безымянную группу и относятся, вѣроятно, элементы. Интересующій насъ вопросъ ставится такимъ образомъ вполне опредѣленно, но постановка вопроса хотя бы и опредѣленная, не можетъ замѣнить отвѣта. Въ-третьихъ, несмотря на то, что различіе между элементами объясняется вторичнымъ различіемъ связей, Махъ приписываетъ мѣстами ощущеніямъ значеніе послѣдней реальности, отдавая какъ бы имъ предпочтеніе передъ той связью элементовъ, въ которой они считаются физи-

ческими. Психологу даны всегда ощущенія, но и „Физикъ *всегда* оперируетъ съ ощущеніями“. Первичная индифферентность элементовъ міра ставится какъ бы подъ сомнѣніе.

Понятіе элемента не передаетъ, очевидно, вполне опредѣленно мысли Маха. Эта неопредѣленность объясняется, впрочемъ, только отчасти невыработанностью его терминологіи. Объясняется она скорѣе тѣмъ, что въ своемъ „анализѣ ощущеній“ Махъ не указалъ достаточно опредѣленно общую точку зрѣнія, съ которой развивается теорія элементовъ. Гдѣ и кѣмъ называются элементы міра психическими въ зависимости отъ нервной системы и физическими среди другихъ процессовъ? Гдѣ и кѣмъ проводится исключительно функціональное различіе между ними и утверждается тожество ихъ по существу и безразличіе? Относится это къ естественному міропониманію или къ научной психологіи ¹⁾? Съ точки зрѣнія неререфлектирующаго сознанія пришлось бы, можетъ быть, дѣйствительно допустить нѣчто третье, для котораго затруднительно подыскать аналогію въ сознаніи, заѣденномъ рефлексіей, но высказанная выше догадка, что въ сенсуалистическомъ монизмѣ возстановляется естественное міропониманіе есть истолкованіе, а не изложеніе взгляда Маха, такъ какъ самъ онъ не опредѣлилъ своей позиціи. Съ другой стороны нельзя также придавать особенно серьезнаго значенія его намѣренію оставаться въ границахъ научной методологіи.

Другая, болѣе глубокая причина указанной неопредѣленности кроется въ понятіи органической обусловленности міровыхъ элементовъ и въ принципѣ психофизическаго параллелизма. Между этимъ понятіемъ и этимъ принципомъ открывается деликатное отношеніе, которое ускользаетъ отъ вниманія Маха. Не должны-ли они совпадать, если зависимость отъ организма, составляющая аналитическій признакъ душевнаго переживанія, находитъ себѣ выраже-

1) Опредѣленіе психическаго состоянія, предложенное Махомъ, усвоено многими современными психологами: Кюльпе, Эббингаузомъ и проч.

ніе въ принципѣ параллелизма? Авенариусъ, смотрѣвшій на отношеніе психическаго и физическаго отчасти подобно Маху, пришелъ въ своемъ міропониманіи къ тому выводу, что философское описаніе опыта сводится къ отысканію для всякаго переживанія соотвѣтствующей схемы колебаній въ нервной системѣ. При такомъ совпаденіи возникаютъ новыя проблемы, которыя лежатъ внѣ умственнаго кругозора Маха, но къ которымъ приводитъ послѣдовательное развитіе даваемыхъ имъ посылокъ. Если органическая обусловленность и параллелизмъ тождественны, то всякому элементу среды долженъ соотвѣтствовать во всякомъ организмѣ параллельный процессъ. Число такихъ законченныхъ параллельныхъ рядовъ равняется числу природныхъ организмовъ, такъ какъ универсальнаго, соборнаго организма не дано въ опытѣ. При свѣтѣ этихъ соображеній строеніе первичнаго опыта получаетъ нѣсколько иной видъ, чѣмъ думаетъ Махъ. Міръ элементовъ представляется Маху сплошной однородной массой съ нѣкоторыми сгустками въ мѣстахъ нахожденія организмовъ. Не правильнѣе-ли было бы изображать площадь міровыхъ элементовъ раздѣленной на эксцентрическіе круги съ организмами въ центрѣ, или составленной изъ отдѣльныхъ парныхъ координацій съ организмами въ качествѣ центральнаго члена и элементами среды въ качествѣ члена противостоящаго, потому что въ каждомъ организмѣ повторяется кругъ процессовъ, параллельныхъ элементамъ среды. Такъ именно и изображаетъ Авенариусъ естественное міропониманіе, ссылаясь при этомъ на Маха ¹⁾. Но съ этой перемѣной картины первичнаго опыта всплываютъ всѣ тѣ вопросы, съ которыми приходится считаться эмпириокритицизму: въ какой мѣрѣ такія парныя координаціи нерасторжимы? предполагаетъ-ли всякая среда наличность опредѣленнаго центральнаго члена? Возможна ли среда безъ всякаго центра, къ которому она тяготеетъ? не слѣдуетъ-ли ввести вспомогательное понятіе потенциа-

¹⁾ Weltbegriff S. 83—4 и примѣчаніе 54.

наго центрального члена для среды, предшествовавшей появленію человѣка на землѣ, въ видѣ низшихъ организмовъ или простыхъ зачатковъ такихъ организмовъ? Рядъ подобныхъ, сознательно поставленныхъ вопросовъ долженъ былъ бы привести къ вопросу о природѣ первично даннаго, объ элементахъ самихъ по себѣ, о „зеленомъ цвѣтѣ самомъ по себѣ“.

— Оставляя открытымъ вопросъ о природѣ первичныхъ элементовъ міра, Махъ дѣлаетъ вполнѣ опредѣленный выводъ о составѣ внутренняго опыта, разлагая душевную жизнь на ощущенія. Въ теоріи внутренняго опыта принадлежитъ рѣшающій голосъ не столько химіи, сколько психологіи, съ точки зрѣнія которой этотъ выводъ составляетъ наиболѣе уязвимый пунктъ сенсуалистическаго монизма, его Ахиллесову пятю. Интеллектуализмъ, считающій единственной психологической реальностью познавательные элементы, есть спорная психологическая теорія, ведущая свое начало въ Германіи отъ Гербарта. Одинъ извѣстный современный психологъ и философъ высказывалъ предположеніе, что Махъ находился подъ вліяніемъ гербартіанства въ первый періодъ своего развитія, который совпадалъ хронологически съ пышнымъ расцвѣтомъ его. Косвенное вліяніе не неправдоподобно, потому что Махъ познакомился за нѣсколько лѣтъ до появленія „Анализа ощущеній“ съ докторской диссертацией Авенариуса, написанной въ духѣ гербартіанства, въ которой авторъ выставляетъ въ результатъ своего изслѣдованія то положеніе, что „все сущее должно мыслиться по содержанію, какъ ощущеніе“¹⁾. Но и независимо отъ этого возможнаго вліянія, интеллектуализмъ Маха не есть продуктъ самостоятельнаго психологическаго анализа. Для сенсуалистическаго монизма, вычеркивающего моментъ субъекта, имѣетъ рѣшающее значеніе послѣдовательно проведенная и обоснованная теорія чувства, феномена субъективнаго по преимуществу. Если оставить

¹⁾ Die Philosophie als Denken der Welt etc. 2. Brln. 1903. S. 67.

безъ достаточныхъ укрѣпленій этотъ пунктъ, то паденіе одного его можетъ опрокинуть теорію сенсуалистическаго монизма. Махъ ограничивается ссылкой на теорію эмоцій Джемса. Въ психологіи воли онъ примыкаетъ къ моторной теоріи Джемса-Мюнстерберга. Но теорія эмоцій Джемса-Ланге считается въ современной психологіи только полезной гитотезой, дающей возможность перенести въ область аффективной жизни приемы экспериментальнаго изслѣдованія, уловить съ помощью регистраціи выразительныхъ движеній игру чувствъ, неуловимую съ помощью самонаблюденія. О внутреннемъ, своеобразномъ строеніи чувства она не даетъ окончательныхъ сужденій. Не болѣе убѣдительно ссылка на моторную теорію воли. Для Джемса волевой процессъ не исчерпывается одними кинѣстетическими ощущеніями, а Мюнстербергъ самъ отказался въ послѣдствіи отъ своей теоріи. Кромѣ того, было бы несправедливо игнорировать, „откладывать въ сторону“, какъ это дѣлаетъ Махъ, то направленіе современной психологіи, которое извѣстно подъ именемъ волюнтаризма. Въ психологіи Маха много недосказаннаго, не все согласуется въ ней съ требованіемъ чистаго опыта и прямого описанія ¹⁾. Только моторная теорія понятій представляетъ въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе, такъ какъ она должна показать возможность перехода отъ простыхъ ощущенийъ къ болѣе высокимъ психическимъ образованіямъ, къ комплексу ощущенийъ — интеллекту. Этотъ переходъ отъ ощущенийъ къ интеллекту связываетъ психологію Маха съ его наукословіемъ.

Какъ свидѣтельство современнаго натуралиста, наукословіе Маха имѣетъ важное значеніе. За время, отдѣляющее появленіе „Критики чистаго разума“ отъ появленія „Анализа ощущенийъ“, естественныя науки могли пережить

¹⁾ Характеристику Маха, какъ психолога, даетъ *Willy* (*Die Krisis in der Psychologie*. Lpzg. 1899. S. 131—165). Махъ переноситъ, по его мнѣнію, въ психологію приемы механической схематизаціи, которые онъ старался изгнать изъ физики.

серьезныя, принципиальныя измѣненія въ своемъ составѣ и въ своихъ задачахъ. Не было бы ничего кощунственнаго въ мысли, что критическая теорія познанія Канта не во всѣхъ своихъ частяхъ стоитъ на уровнѣ современнаго естествознанія, что линия пути, пройденнаго имъ, ведетъ въ другомъ направленіи. Нѣкоторые сторонники Маха утверждаютъ, что этому направленію соотвѣтствуетъ его наукословіе, что оно является выраженіемъ современнаго состоянія естественныхъ наукъ, что многіе другіе натуралисты пришли къ тѣмъ же выводамъ о природѣ научнаго познанія, что Махъ пошелъ дальше Канта и сталъ завершителемъ начатой имъ работы ¹⁾. Не беремся судить о томъ, насколько вѣрно утвержденіе, что теорія научнаго познанія Маха приурочена по своей внутренней сущности къ настоящему моменту въ развитіи точныхъ наукъ, что она выросла на этой почвѣ, но съ точки зрѣнія философской представляются, повидимому, вполне естественными многочисленныя возраженія, которыя вызываетъ это сравненіе Канта съ Махомъ со стороны защитниковъ критической философіи. Напомнимъ нѣкоторые изъ этихъ возраженій, которыя сами собой напрашиваются.

Махъ совершенно не понимаетъ и даже не знаетъ метода трансцендентальной философіи. Такое непониманіе обнаруживается у него въ сопоставленіи физиологическаго механизма понятій съ логическими категоріями, унаслѣдованныхъ нами въ результатѣ біологической эволюціи психофизическихъ навыковъ съ формами мышленія, открытыми критической философіей. Въ обширной литературѣ, посвященной Канту, было давно уже выяснено, что эти понятія лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ и не имѣютъ ничего общаго другъ съ другомъ. Задачи критической теоріи познанія и наукословія Маха различны. Методологическія соображенія вѣнскаго физика полезны и примѣнимы, быть можетъ, въ

¹⁾ *H. Kleinpeter.*—Kant und die naturwissenschaftliche Erkenntniskritik der Gegenwart. Kantstudien B. VIII. 1903.

физикѣ, но распространять ихъ на всю область гносеологій, приравнивать ихъ къ критической теоріи познанія значило бы совершать логическую ошибку, называемую *metáβασις εἰς ἄλλο γένος*. Нельзя смѣшивать анализъ ощущений съ гносеологіей, нельзя считать физика единственнымъ полноправнымъ представителемъ породы *homo sapiens*. Рано еще сдавать Канта въ біологическій музей, онъ не совсѣмъ устарѣлъ еще, заслуживаетъ еще чтенія и изученія. Голый эмпиризмъ забываетъ урокъ, преподанный мудрецомъ изъ Кёнигсберга: изъ чистыхъ ощущений нельзя построить опыта. Научный опытъ требуетъ творческой дѣятельности духа, устанавливающей связь ощущений. Связь ощущений не есть ощущение, не можетъ быть выведена изъ него. Теорія Спенсера ничего не объясняетъ, потому что категоріи, формирующія опытъ, предполагаются всякимъ процессомъ воспріятія, составляютъ апріорное условіе его. Махъ не знаетъ, по видимому, никакихъ апріорныхъ началъ, превращаетъ конститутивныя начала опыта, т. - е. тѣ понятія и положенія, которыя дѣлаютъ возможнымъ опытъ, въ регулятивныя, старается изгнать не только метафизическіе предразсудки, но и категоріи разсудка, очистить разумъ отъ разума. Въ своемъ наукословіи онъ развѣнчиваетъ науку, срываетъ съ нея ореолъ необходимости и общеобязательности. Наука становится міромъ фикцій, поскольку она уклоняется отъ чистаго описанія. Но при всемъ своемъ радикальномъ эмпиризмѣ Махъ находится безсознательно во власти критицизма и служить нагляднымъ примѣромъ того, какъ пренебреженіе основными категоріями мысли приводитъ къ произвольнымъ утвержденіямъ ¹⁾. Онъ придерживается системы двойной бухгалтеріи, относитъ на счетъ практической необходимости то, что изгоняетъ изъ теоріи, и такимъ образомъ удерживаетъ въ своемъ наукословіи тѣ апріорные элементы, безъ которыхъ невозможна никакая наука: понятія субстанціи, тождественной себѣ вещи, единого субъекта при-

¹⁾ *Jul. Vaillant*.—Цитиров. выше статья. S. 64.

знаются только практически полезными, но въ дѣйствительности не оставляютъ безъ своего содѣйствія и теорію. Аналогичную роль долженъ исполнять у Маха принципъ экономіи мысли, вносить устойчивость въ неустанный потокъ ощущений, создавать сходные случаи природѣ, не знающей повтореній. Однако такая роль не по плечу принципу экономіи мысли. Онъ не можетъ служить основой чистой теоріи познанія, не можетъ объяснять идеальныхъ законовъ чистой логики или возрастающую раціональность познанія. Всякая раціональность предполагаетъ наличность извѣстныхъ нормъ, которыя рѣшаютъ вопросъ объ истинѣ и ошибкахъ, о правильномъ и неправильномъ мышленіи. Объ экономіи мысли можно говорить только съ точки зрѣнія подобныхъ нормъ, которыя предваряютъ этотъ принципъ, какъ апріорное условіе его, объясняютъ его, но не объяснимы имъ ¹⁾.

Сокрушить наукословіе Маха орудіями критической теоріи познанія—дѣло нетрудное. Онъ дѣйствительно не подозреваетъ о существованіи трансцендентальнаго метода, несмотря на противоположное увѣреніе, съ которымъ онъ выступилъ въ послѣднемъ изданіи своей «Механики», защищаясь отъ приведенныхъ выше возраженій. Самая попытка его оправдаться была, по нашему мнѣнію, ложнымъ шагомъ. Многія изъ этихъ возраженій срослись съ идеалистической метафизикой, имѣютъ смыслъ только въ рамкахъ вполне определеннаго метафизическаго умозрѣнія и настроенія. Критика должна быть имманентной. Если подходить къ наукословію Маха съ масштабомъ критическаго идеализма, то вполне естественно, что все окажется въ немъ смутнымъ и ошибочнымъ. Существуютъ однако другіе пути, которые должны привести къ болѣе безпристрастной оцѣнкѣ философскихъ взглядовъ Маха. Не слѣдуетъ ли, дѣйствительно, разсматривать ихъ въ связи съ понятіями и теоріями современ-

¹⁾ Эти и подобныя имъ возраженія приводились слѣдующими критиками: *Emil Lucka, Jul. Baumann, R. Hönigswald, Edm. Husserl, O. Külpe, Grünbaum.*

наго естествознанія, современной натурфилософiи, оцѣнивать ихъ по той болѣе законченной обработкѣ, какую они получили въ системахъ родственныхъ мыслителей? Но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти возраженія совершенно справедливы.

Въ наукословіи Маха замѣтны зародыши новаго сліянiя критицизма и эмпиризма. Махъ не раздѣляетъ обычныхъ выводовъ догматическаго эмпиризма и мнимаго критицизма, какъ - то: агностицизма въ теорiи познанія, феноменализма въ метафизикѣ. Эти выводы считались досихъ поръ неразрывно связанными съ чистымъ эмпиризмомъ, присущими чистому опыту. Махъ подвергаетъ критикѣ догматическiй эмпиризмъ и старается доказать, что его выводы противорѣчатъ чистому опыту, что они навѣяны метафизикой. Свойственное ему критическое настроеніе сказывается въ его отношеніи къ естествознанію. Онъ не отправляется отъ факта науки, но подвергаетъ критикѣ самыя основы современнаго естествознанія. Мы имѣемъ въ виду его критику механической физики. Особенность этой критики состоитъ въ томъ, что Махъ выступаетъ не адвокатомъ философскихъ, спиритуалистическихъ, моральныхъ интересовъ, но является защитникомъ чистаго опыта. Его наукословіе болѣе радикально въ этомъ смыслѣ, чѣмъ теорiя познанія Канта, которая опиралась на фактъ математическаго естествознанія, считая самый фактъ не подлежащимъ критикѣ. Однако эти зародыши критицизма не выходятъ у Маха изъ эмбриональнаго состоянiя. Понятіе чистаго опыта, которымъ онъ постоянно оперируетъ, нигдѣ не опредѣляется имъ, считается чѣмъ - то само собою разумѣющимся, не требующимъ критики. Нѣсколько расплывчатый постулатъ прямого описанія не можетъ замѣнить критики чистаго опыта. До тѣхъ поръ пока этого не сдѣлано, извѣстныя возраженія критическаго идеализма не теряютъ своей силы.

Возраженія критическаго идеализма оправдываются да-
лѣе нѣкоторою несогласованностью основныхъ тенденцій,
отмѣченною нами въ сенсуалистическомъ монизмѣ и про-

стирающеюся на наукословіе Маха. Его методологія построена на двухъ идеяхъ: съ одной стороны она сложилась подъ высокимъ давленіемъ біологическаго эволюціонизма, съ другой стороны не менѣе рѣшающее значеніе имѣла критика механической физики. Каждая изъ этихъ сторонъ предъявляетъ свои требованія. Біологическій эволюціонизмъ разсматриваетъ формы нашего мышленія, какъ продукты приспособленія организма къ средѣ, отражающіе въ себѣ объективныя свойства дѣйствительности, обязательныя для самой природы. Продолжительная эволюція порождаетъ, напр., идеи пространства и причинности, воспроизводящія нѣкоторые особенности реальной природы, неустранимыя въ данной стадіи органическаго развитія изъ механизма нашего интеллекта и выдерживающія пробу своей состоятельности—немыслимость своего отрицанія. Къ другимъ требованіямъ приводитъ критика механической физики: научныя понятія не отражаютъ въ себѣ объективныхъ свойствъ дѣйствительности, представляютъ собою произвольныя, искусственныя орудія, средства подчинить факты, овладѣть ими. Такимъ фикціямъ не соотвѣтствуетъ никакой реальности. Наука, такъ понимаемая, создаетъ то, чего нѣтъ въ природѣ, а наука, какъ естественное продолженіе біологическаго процесса приспособленія къ средѣ, должна создавать формы, временно соотвѣтствующія дѣйствительности. Различіе этихъ направленій сказывается на примѣрѣ причинности. Для послѣдовательнаго эволюціониста идея причинности опирается на процессъ приспособленія мыслей къ единообразному ходу событій въ природѣ, что и служитъ залогомъ ея объективности. Такую практическую цѣнность идеи причинности признаетъ и Махъ, но вслѣдъ за этимъ прибавляетъ, что природа не повторяется, что въ природѣ нѣтъ параллельныхъ случаевъ и только наше схематическое воспроизведеніе фактовъ въ мысляхъ искусственно создаетъ ихъ, устанавливаетъ законы природы. И здѣсь повторяется у Маха указанная выше черезполосица доказательствъ.

Причинную связь Махъ предлагаетъ замѣнить функціональнымъ отношеніемъ. Но что такое функціональное отношеніе, связывающее первичные элементы, занимающее столь важное положеніе въ сенсуалистической картинѣ міра? Критическій идеализмъ видитъ въ связи ощущеній проекцію единства сознанія, вмѣщающаго въ свои рамки сырой матеріаль ощущеній, и даетъ такимъ образомъ вполне опредѣленный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Махъ думаетъ удовлетвориться простымъ констатированіемъ такихъ связей, не задаваясь дальнѣйшимъ вопросомъ о ихъ происхожденіи, но вмѣсто этого привлекаетъ на помощь біологическій факторъ борьбы за существованіе. Тѣ функціональныя единства, которыя обособляются изъ потока элементовъ въ видѣ тѣлъ, организмовъ и т. д., обязаны своимъ происхожденіемъ жизненнымъ нуждамъ, разнообразнымъ условіямъ борьбы за существованіе. Авторъ сенсуалистическаго монизма не показалъ, какъ происходитъ такое обособленіе, и при современномъ состояніи біологическихъ наукъ нельзя вѣроятно сдѣлать этого. Можно-ли однако, оставляя въ сторонѣ біологическій факторъ, удовлетвориться простымъ констатированіемъ функціональныхъ связей, не прибѣгая въ тоже время къ содѣйствию единства сознанія? Не скрываются-ли за функціональной связью нѣкоторые новые факты, подлежащіе описанію? Не кроется-ли въ этой связи нѣкоторая проблема? Эту проблему ставить и рѣшаетъ остроумнымъ образомъ ближайшій ученикъ Маха, натурфилософъ Оствальдъ.

Бѣглыя и далеко неполныя критическія замѣчанія, сдѣланныя нами по поводу философскихъ взглядовъ Маха, ограничиваются формальнымъ анализомъ его міропониманія. Какъ видно изъ этого анализа, его взгляды открыты во многихъ мѣстахъ нападеніямъ, благодаря той афористической формѣ, въ какой они представлены, вслѣдствіе того, что Махъ уклоняется отъ болѣе законченной систематизаціи ихъ. Маха можно засыпать вопросами, потому что многіе изъ такихъ вопросовъ, связанные съ общей позиціей,

занятой имъ, или совсѣмъ не поставлены у него или только намѣчены. Махъ не всегда знаетъ возможность другихъ точекъ зрѣнія и потому не обставляетъ своихъ положеній достаточными гарантіями на случай непредвидѣнныхъ возраженій, не знаетъ, гдѣ стоятъ его противники и гдѣ искать себѣ сторонниковъ. Его выводы лишены тѣхъ средствъ защиты, какими располагаетъ иная діалектически благонравная философская система. Значеніе Маха состоитъ въ томъ, что послышки, отъ которыхъ онъ отправляется, болѣе богаты разностороннимъ содержаніемъ, чѣмъ онъ думаетъ, что онѣ приводятъ къ результатамъ, которые ведутъ дальше его собственныхъ посылокъ, что въ его выводахъ только частично и нѣсколько отрывочно отражается болѣе широкое движеніе. Нельзя отрывать его отъ этого движенія. вмѣсто того, чтобы спѣшить дискредитировать, пользуясь пробѣлами въ доводахъ Маха, все направленіе, къ которому онъ примыкаетъ, для спокойнаго и безпристрастнаго сужденія о немъ слѣдуетъ обратиться къ другимъ, родственнымъ теченіямъ философской мысли и прежде всего къ эмпириокритицизму.

Давидъ Викторовъ.

Основы энергетическаго міросозерцанія.

(W. Ostwald, Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig, 1902).

Недавно вышедшая и уже переведенная на большинство европейских языковъ книга В. Оствальда «Философія природы», представляет систематическое изложеніе курса философіи, читаемаго имъ въ Лейпцигскомъ университетѣ. Самъ Оствальдъ по своему образованію натуралистъ; будучи выдающимся знаткомъ физики и химіи, онъ занимаетъ кафедру химіи въ Лейпцигскомъ университетѣ, и давно уже успѣлъ стяжать громкую извѣстность цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ научныхъ изслѣдованій, принадлежащихъ какъ лично ему, такъ и создавшейся вокругъ него школѣ его учениковъ. Курсъ же его философскихъ лекцій созданъ вслѣдствіе постояннаго его стремленія не ограничиваться въ дѣлѣ преподаванія химіи сообщеніемъ узко специальныхъ знаній, но вносить по возможности полное освѣщеніе отдѣльныхъ фактовъ, давать указанія на мѣсто cadaго изъ нихъ среди другихъ явленій природы.

Запросы въ этомъ направленіи со стороны слушателей оказались столь настойчивыми, что Оствальдъ счелъ себя вынужденнымъ привести свои обобщенія въ болѣе систематизированный видъ и выдѣлить ихъ въ особый курсъ «Философіи природы».

Наиболѣе распространенное среди естествоиспытателей матеріалистическое міросозерцаніе не удовлетворяетъ Оствальда, такъ какъ въ настоящее время накапливается все большее и большее число добытыхъ наукою фактовъ, которые недостаточно хорошо объяснимы съ точки зрѣнія матеріалистической гипотезы. Съ другой стороны сама матерія составляетъ не болѣе лишь, какъ вполнѣ произвольное съ нашей стороны отвлеченіе отъ конкретныхъ явленій, за которыми мы ничего ровно не

знаемъ, да и знать не можемъ. Ни утверждать существованія матеріи, ни отрицать его съ научной точки зрѣнія мы поэтому не можемъ. Кромѣ того, объясняя явленія реального міра, материалистическое міросозерцаніе должно было допустить конкретное существованіе атомовъ, молекулъ съ основными ихъ свойствами, т.-е. рядъ гипотетическихъ и совершенно недоказуемыхъ положеній. Оствальдъ же является крайнимъ врагомъ всякихъ гипотезъ, какъ бы удовлетворительными для объясненія всѣхъ явленій міра ни казались онѣ съ перваго взгляда.

Идея построенія стройныхъ научныхъ системъ безъ участія какихъ-либо гипотетическихъ предположеній не нова, и одинъ изъ основателей ученія объ энергіи—Ю. Майеръ посвящаетъ свое важнѣйшее изслѣдованіе «друзьямъ мышленія чуждаго гипотезъ».

Расширяя и углубляя взгляды, отчасти уже высказанные Майеромъ, Оствальдъ даетъ первую въ наше время попытку объясненія или, какъ онъ выражается, изображенія всѣхъ явленій природы съ помощью немногихъ наиболѣе общихъ данныхъ въ опытѣ и согласованныхъ съ опытомъ понятій. Материалисты держатся дуализма: для нихъ существуетъ матерія и присущія ей силы. Понятіе о матеріи не представляетъ, какъ это уже упоминалось выше, чего-либо извѣстнаго изъ опыта—это уже отвлечение отъ опыта, предположеніе о чемъ-то существующемъ, но непознаваемомъ въ опытѣ. Подъ силами же разумѣются тѣ свойства матеріи, которыя ведутъ къ различнаго рода измѣненіямъ во внѣшнемъ мірѣ. Что внѣшній міръ измѣнчивъ, это мы знаемъ на опытѣ; назвавъ то, что ведетъ къ измѣненіямъ, силой, мы не преступаемъ еще границъ опыта, но создаемъ понятіе обобщающее явленія и не приписываемъ этому понятію какихъ-либо особыхъ неизвѣстныхъ изъ опыта свойствъ. Слѣдовательно, понятіе силы и его производнаго—работы, съ точки зрѣнія Оствальда, годится для построенія чуждаго гипотезъ міросозерцанія; остается лишь доказать, что изъ этого матерьяла возможно построить цѣльное міросозерцаніе. Вся книга Оствальда и является изложеніемъ доказательствъ возможности такого построенія. Вмѣсто понятія о силѣ онъ выдвигаетъ на первый планъ болѣе общее понятіе энергіи, которое, будучи также не болѣе какъ простымъ названіемъ реальныхъ явленій, является болѣе общимъ, чѣмъ понятіе о силѣ и работѣ (энергіи мыслимы и безъ проявленія силы:

комплексъ взаимноуравновѣшенныхъ энергій можетъ не проявлять никакихъ силъ, никакой работы). Такъ какъ на практикѣ мы больше знакомы съ работой (механической), то и опредѣленіе понятія энергіи можетъ быть дано въ терминахъ работы: энергіей можетъ быть названо все, что вызывается работою и при извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть вновь превращено въ работу.

То, что называется матеріей, является для Оствальда лишь комплексомъ энергій (или точнѣе разныхъ видовъ энергій), связанныхъ между собою пространственными и временными отношеніями.

Свое изложеніе Оствальдъ начинаетъ съ опредѣленія понятій и съ поисковъ простѣйшихъ изъ нихъ, достаточныхъ, однако, для того, чтобы съ ними можно было приступить къ объясненію явленій природы.

Всѣ существующія у насъ понятія суть не болѣе какъ отвлеченія отъ данныхъ опыта, дѣлаемые нами во имя практическихъ цѣлей—возможности разобраться въ чрезвычайномъ разнообразіи состояній нашего сознанія.

При составленіи понятій мы собираемъ въ одно цѣлое состоянія сознанія, объединяемые какими-либо сходственными признаками.

Одно изъ самыхъ общихъ понятій—вещь соединяетъ различнѣйшія состоянія нашего сознанія по единственному лишь признаку: это есть нѣчто такое, что можетъ быть такъ или иначе изолировано, выдѣлено изъ группы остальныхъ состояній сознанія. При всякихъ нашихъ операціяхъ съ понятіями и при созиданіи новыхъ понятій мы должны лишь твердо помнить, по какимъ признакамъ мы установили данное понятіе и подводить подъ него лишь тѣ частные случаи состояній сознанія, которымъ дѣйствительно свойственны характеризующіе данныя понятія признаки. Для удостовѣренія же въ томъ, что мы не погрѣшили противъ послѣдняго требованія, существуетъ единственный путь—повѣрка, насколько согласуются наши построенія съ данными опыта.

Всѣ, слѣдовательно, наши понятія, въ томъ числѣ и столь общія, какъ время и пространство, которымъ приписывалось нерѣдко значеніе апріорныхъ, полученныхъ нами внѣ опыта, на самомъ дѣлѣ не только составляютъ отвлеченія отъ опыта, но даже совсѣмъ и не обязательны для насъ.

Опытъ многихъ вѣковъ показалъ, правда, что въ этихъ формахъ мышленіе идетъ достаточно продуктивно, но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы совсѣмъ уже не существовало возможности выработки иныхъ основныхъ понятій.

«Быть можетъ»,—говоритъ Оствальдъ,—«какому-нибудь смѣлому и самостоятельному уму и удастся освободиться отъ привычныхъ формъ мышленія—времени, пространства и т. д. и найти другія столь же или еще болѣе удобныя для примѣненія. Это составило бы задачу никоимъ образомъ не превышающую человѣчeskія силы: разрѣшеніе ея открыло бы отважному изобрѣтателю смыслъ многихъ вещей, недоступныхъ уму, идущему обычнымъ путемъ». Но, добавляетъ Оствальдъ, «подобный опытъ заключалъ бы въ себѣ нѣкоторый рискъ, такъ какъ при удачѣ для новатора едва ли возможенъ былъ бы возвратъ къ прежнимъ путямъ мышленія. Онъ легко могъ бы утратить возможность быть понимаемымъ своими оставшимися позади товарищами и его земнымъ удѣломъ стало бы заведеніе для душевнобольныхъ». ¹⁾

Если же понятія не имѣютъ обязательной силы, всякое понятіе, въ томъ числѣ и выдвигаемое на первый планъ Оствальдомъ понятіе объ энергіи, равно годится для построенія нашего міросозерцанія, лишь бы оно было точно опредѣлено и лишь бы ему не приписывалось никакихъ особыхъ свойствъ, неизвѣстныхъ въ опытѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ энергетическое міросозерцаніе и не претендуетъ быть единственнымъ правильнымъ, единственнымъ возможнымъ міросозерцаніемъ.

Самымъ общимъ понятіемъ является упомянутое уже понятіе «вещь», получившее у Оствальда содержаніе болѣе широкое, чѣмъ это дѣлается обычно; въ него включено и то, что обычно мы называемъ явленіями. Опытъ показываетъ, что вещи внѣшняго міра относятся между собою такъ, какъ если бы онѣ вели существованіе независимое отъ нашего сознанія; разъ начавшійся процессъ, напримѣръ, горѣнія лампы не измѣняется и не прекращается оттого, что мы заснули или впали въ обморокъ и т. д. Отсюда установка представленій о внѣшнемъ и внутреннемъ мірѣ.

Понятія объ отдѣльныхъ вещахъ (resp. состояніяхъ сознанія) мы не оставляемъ въ хаотическомъ состояніи, но приводимъ въ

¹⁾ *W. Ostwald. Vorlesungen über Naturphilosophie. Leipzig, 1902. S. 309.*

порядокъ, помогающій намъ разобраться въ нашемъ умственномъ багажѣ. Совокупность вещей, приведенныхъ въ тотъ или другой порядокъ, въ то или другое взаимоотношеніе другъ къ другу, Оствальдъ называетъ многообразіемъ. Соединеніе и приведеніе вещей въ порядокъ можетъ производиться нами по любымъ признакамъ, но опытъ указалъ намъ, что всего удобнѣе и практически выгоднѣе многообразія подчиняются порядкамъ времени и пространства. Столь важныя для насъ понятія о времени и пространствѣ сами по себѣ весьма сложны. Оствальдъ устанавливаетъ рядъ признаковъ этихъ понятій, въ чемъ, впрочемъ, мы не будемъ слѣдить за нимъ.

Выдѣливъ изъ среды другихъ не связанныхъ (въ данный моментъ) состояній сознанія какое-либо многообразіе, мы можемъ дѣлить его на отрѣзки или болѣе бѣдныя многообразія, эти отрѣзки—опять на новые отрѣзки и т. д. до тѣхъ поръ, пока не дойдемъ до дѣленія на отдѣльныя вещи.

Подѣливъ какое-нибудь другое многообразіе, напримѣръ, многообразіе времени или пространства, на соотвѣтствующее число отрѣзковъ, мы можемъ подчинять отрѣзокъ за отрѣзкомъ, одно многообразіе другому. Подчиняя одно многообразіе другому, мы отнюдь, конечно, не утверждаемъ, будто отдѣльныя отрѣзки одного многообразія стоятъ дѣйствительно въ какихъ-либо присущихъ имъ отношеніяхъ къ отрѣзкамъ другого; ничего подобнаго: мы дѣлаемъ это исключительно въ цѣляхъ ориентировки. Подобныя операціи мы часто продѣлываемъ и въ практической жизни, и притомъ всегда съ одной и той же цѣлью, т.-е. съ цѣлью внесенія порядка и облегченія ориентировки. Въ кассѣ, напримѣръ, театровъ или другихъ публичныхъ собраній происходитъ подчиненіе многообразія «публики» многообразію «мѣста».

Такъ какъ время и пространство являются многообразіями наиболѣе тѣсно связанными со всѣми состояніями нашего сознанія, то и дѣленіе остальныхъ многообразій на отрѣзки всего удобнѣе связывается съ этими понятіями, т.-е. многообразія дѣлятся нами на члены въ пространственныхъ или временныхъ отношеніяхъ.

Изъ дѣленія же многообразій времени и пространства на отрѣзки равной величины возникаетъ понятіе числа, понятіе наиболѣе удобное для того, чтобы ему подчинять всѣ другія многообразія. Опытъ показываетъ, что нѣкоторыя многообразія

дѣлятся на отдѣльныя вещи самой ихъ природой, т.-е. они состоятъ изъ отдѣльныхъ вещей, для другихъ же многообразій недѣлимыхъ на отдѣльныя вещи, отрѣзки устанавливаются нами in abstracto.

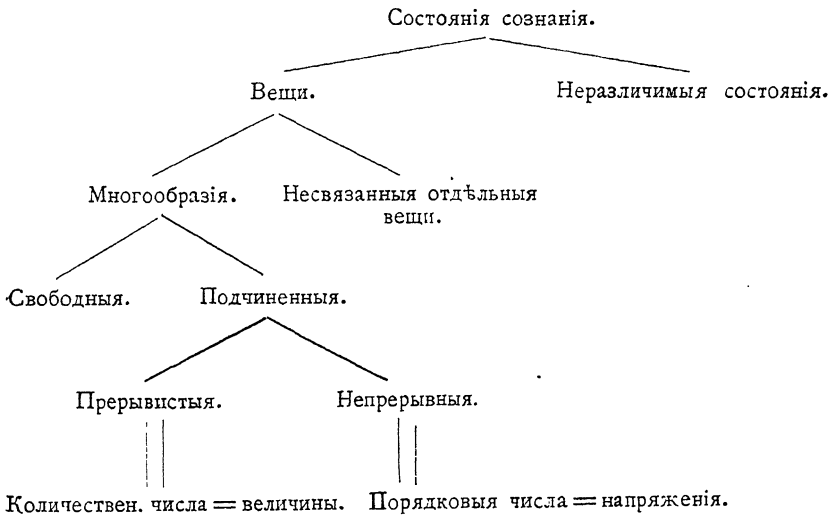
Подчиненіе числу не для всѣхъ многообразій носитъ одинаковый характеръ: для однихъ многообразій подчиненіе оказывается одинаково возможнымъ какъ въ томъ случаѣ, когда мы производимъ его въ послѣдовательномъ порядкѣ, такъ и въ томъ случаѣ, если бы мы перемѣшали отрѣзки многообразія между собой; опытъ показываетъ, что отрѣзки, которые можно смѣшивать безъ нарушенія подчиненія, отличаются еще и той особенностью, что ихъ можно складывать между собой, и они даютъ общую сумму. Такія многообразія (напр., пространство, вѣсъ и т. д.) мы называемъ величинами и для словеснаго выраженія ихъ мы употребляемъ количественныя числительныя.

Въ другихъ случаяхъ многообразія соподчиняются такъ, что членъ одного подчиняется лишь занимающему соотвѣтственное же мѣсто члену другого многообразія, и не подчиняется никакимъ другимъ его членамъ; отдѣльныя отрѣзки такихъ многообразій не могутъ вмѣстѣ съ тѣмъ быть суммированы. Таковы, напримѣръ, музыкальные тоны. Если разбить на отрѣзки по числу воздушныхъ колебаній, то тонъ въ 2000 колебаній и не равенъ, и не можетъ быть слагаемъ съ тонами, соотвѣтствующими одной или тремъ тысячамъ колебаній и т. д. Для численнаго выраженія такихъ многообразій служатъ порядковыя числа. Въ отличіе отъ величинъ такія многообразія могутъ быть названы *напряженіями*. Пространство очевидно принадлежитъ къ величинамъ. Время собственно не величина, а напряженіе (годы юности не воспринимаются нами какъ одинаковыя величины съ годами старости), но на извѣстныхъ, не очень большихъ промежуткахъ и время мы принимаемъ за величину и оперируемъ съ нимъ какъ съ таковою. Для осуществленія этой возможности мы и создаемъ себѣ такіе процессы, которые были бы съ практической точки зрѣнія во времени неизмѣнными (движеніе песку въ песочныхъ, движеніе стрѣлокъ въ обыкновенныхъ часахъ); помощью этихъ процессовъ мы и обращаемся съ временемъ, какъ съ величиной.

Резюмируемъ теперь вмѣстѣ съ Оствальдомъ все, что мы узнали относительно наиболѣе общихъ понятій: «Исходя изъ наиболѣе общаго факта существованія состояній сознанія, мы сначала вы-

дѣляемъ изъ нихъ раздѣльно ошутимыя вещи... Вещи, сообразно съ общей дѣятельностью нашего духа, снова соединяются нами въ многообразія, составныя части которыхъ остаются для насъ свободными или же могутъ быть подчиняемы извѣстному порядку (въ болѣе общемъ видѣ — порядку числа). Такъ возникаютъ прерывистыя многообразія. На ряду съ ними мы распознаемъ еще непрерывныя многообразія, т.-е. состоянія сознанія, связь которыхъ между собою не уничтожается нашими мыслительными процессами, вслѣдствіе чего на ряду съ различіями въ самомъ составѣ или теченіи ихъ мы воспринимаемъ и всю пережитую ихъ совокупность ¹⁾».

Наиболѣе удобенъ порядокъ подчиненія многообразій многообразію числа, которое и составляетъ слѣдующее относительно простое понятіе. Мы имѣемъ количественный числовой рядъ для прерывистыхъ многообразій или величинъ, и порядковый — для непрерывныхъ многообразій или напряженій. Сказанныя отношенія иллюстрируются Оствальдомъ въ слѣдующей таблицѣ:

Кромѣ этихъ простыхъ понятій для объясненія явленій міра необходима еще установка такого понятія, которое опредѣляло бы общій субстратъ самихъ состояній сознанія. Уже Аристотель различаетъ въ каждой вещи нѣчто постоянное (въ чемъ можно

1) W. Ostwald. Ibid. S. 137.

искать и общее для всѣхъ вещей), или субстанцію, и измѣняемое или акциденцію. Содержаніе понятія субстанція въ различныя эпохи было весьма различно, проходя въ общемъ эволюцію постоянного его суженія за счетъ расширения понятія акциденціи. Въ физикѣ и химіи XIX вѣка субстанція получила имя матеріи.

Путемъ своего рода перегонки отъ понятія матеріи отошли постепенно теплородъ, электричество, свѣтовыея и другія «невѣсомые» жидкости или газы, постепенно терявшіе свой субстанціальный характеръ и начавшіе новое «духовное» существованіе въ видѣ «силъ». Различныя силы принимались сначала за нѣчто вполне обособленное; единственнымъ общимъ ихъ свойствомъ считалась способность производить ту или другую работу. Позднѣе было установлено единство физическихъ силъ въ томъ смыслѣ, что однѣ силы могутъ быть преобразованы въ другія, сохраняя при этомъ эквивалентныя отношенія, т.-е. опредѣленное количество одной силы можетъ произвести всегда опредѣленное же, хотя и для каждой силы различное количество другой силы. Изъ такого взаимоотношенія силъ выработалось болѣе общее представленіе объ энергіи, включающее въ себя частныя понятія—отдѣльные виды энергіи (прежнія отдѣльныя силы).

Для того, чтобы прослѣдить вмѣстѣ съ Оствальдомъ возможность изображенія міра помощью понятія объ энергіи, необходимо войти въ нѣкоторыя подробности относительно самаго понятія объ энергіи и ея видахъ. Въ понятіи объ энергіи мы имѣемъ не болѣе какъ терминъ, обобщающій рядъ опытно наблюдаемыхъ явленій и ничего, слѣдовательно, произвольнаго, выдуманнаго нами въ немъ нѣтъ. Одинъ изъ главнѣйшихъ законовъ энергетическихъ отношеній, впервые точно установленный Ю. Майеромъ, гласитъ слѣдующее: энергія никогда и ни при какихъ условіяхъ не уничтожима, но можетъ лишь принимать иныя формы, т.-е. переходитъ въ другіе виды энергіи (въ эквивалентныхъ отношеніяхъ). Эквивалентность различныхъ видовъ энергіи совсѣмъ не утверждаетъ ихъ тождественности между собою; наоборотъ—каждый видъ энергіи самостоятеленъ, характеризуется ему одному лишь свойственными проявленіями, но можетъ лишь при осуществленіи извѣстныхъ условій переходить въ другіе виды. Въ настоящее время для большинства видовъ энергіи эмпирически установлены формулы, позволяющія количественный ихъ учетъ. Во всѣ эти формулы входятъ два фак-

тора, изъ которыхъ одинъ имѣетъ характеръ величины, другой—напряженія. Факторы эти (о нихъ будетъ еще рѣчь ниже) неодинаковы для различныхъ видовъ энергіи, а потому и не даютъ возможности непосредственнаго между собой сравненія. Возможность же сравненія установлена на основаніи добытой опытами возможности перевода большинства видовъ энергіи въ механическую работу съ послѣдующимъ учетомъ этой послѣдней. Возможенъ, конечно, и переводъ въ другіе виды энергіи, напримеръ хоть въ электрическую, и сравненіе величинъ различныхъ видовъ энергіи въ единицахъ электрической энергіи и т. д.; но переводъ въ механическую работу раньше и лучше изученъ (въ немъ всегда была практическая необходимость); вмѣстѣ съ тѣмъ и единица работы—эргъ ¹⁾ составляется изъ величинъ вѣса (граммъ) и разстоянія (сантиметръ), опредѣленіе которыхъ сдѣлано наиболѣе точно; для нихъ существуютъ строго вывѣренные образцы, что обезпечиваетъ бóльшую устойчивость нашихъ измѣреній. Эти-то причины и обусловливаютъ общепринятое сравненіе величинъ различныхъ видовъ энергіи въ единицахъ механической работы.

Кромѣ общеизвѣстныхъ видовъ энергіи—энергіи механической (движеніе), энергіи разстоянія (тяготѣніе), теплоты, электричества и магнетизма, химической и лучистой, Оствальдъ придаетъ значеніе и менѣе изученнымъ ея видамъ, а именно энергіи объема, формы, поверхности, и устанавливаетъ, наконецъ, новый, лишь немногими до него признаваемый видъ—нервной (психической) энергіи. Послѣдуемъ теперь за Оствальдомъ въ его попыткѣ изображенія природы въ терминахъ энергіи.

Матеріалистическое міросозерцаніе знаетъ матерію въ трехъ ея состояніяхъ: твердомъ, жидкомъ и газообразномъ. Твердые тѣла обладаютъ формой, которая можетъ быть измѣняема (въ извѣстныхъ предѣлахъ) механическими воздѣйствіями, т.-е. приложеніемъ къ нимъ работы. Въ случаяхъ упругихъ тѣлъ прекращеніе внѣшняго насилія (работы) ведетъ къ возвращенію тѣла къ прежней его формѣ. Мы можемъ нагрузить согнутое упругое тѣло извѣстной тяжестью, которая при выпрямленіи его будетъ поднята; измѣненіе формы, вызванное работою, можетъ, слѣдо-

1) Эргъ есть количество работы, необходимой для поднятія одного грамма на высоту одного сантиметра въ одну секунду времени.

вательно само произвести работу. Въ случаяхъ же неупругихъ тѣлъ измѣненіе формы подъ вліяніемъ внѣшняго воздѣйствія таково, что возврата къ прежней формѣ не происходитъ, за то само тѣло при этомъ нагрѣвается, т.-е. развиваетъ энергію тепла.

Но если форма есть нѣчто, что получается изъ работы, можетъ въ свою очередь опять переходить въ работу (въ случаяхъ упругихъ тѣлъ) или въ другой видъ энергіи (въ энергію тепла въ случаяхъ неупругихъ тѣлъ),—въ формѣ мы имѣемъ очевидное право признать проявленіе одного изъ видовъ энергіи, который и можетъ быть названъ энергіей формы.

Путемъ сжиманія, сдавленія, т.-е. путемъ затраты работы, мы можемъ уменьшить объемъ тѣла; увеличеніе же объема сопровождается освобожденіемъ механической работы, которая и можетъ быть утилизована (особенно наглядно видны эти отношенія при сжиманіи газовъ—при сжиманіи же тѣлъ не упругихъ мы не можемъ уже получить механической работы, но получаемъ за то нагрѣваніе тѣла, т.-е. развитіе энергіи тепла).

Примѣняя разсужденіе аналогичное предыдущему, мы можемъ установить существованіе энергіи объема. Мы можемъ непосредственно ощущать тѣ усилія, которыя потребны для нарушенія формы и объема твердаго тѣла. Осязаніе даетъ, слѣдовательно, намъ знаніе о пространственной связи двухъ видовъ энергіи—энергіи формы и энергіи объема—отсюда наше понятіе о твердомъ тѣлѣ. Приписывая данному тѣлу признаки твердаго тѣла, мы утверждаемъ такимъ образомъ лишь то, что мы имѣемъ дѣло со случаемъ комбинаціи энергій формы и объема.

При приложеніи работы къ упругому тѣлу сохраненіе этой работы въ видѣ энергіи формы возможно только до извѣстнаго предѣла; если же сообщенная тѣлу работа переходитъ за этотъ предѣлъ, упругое тѣло ломается. Обычное объясненіе этого факта сводится къ признанію за тѣлами силы сцепленія, удерживающей отдѣльныя частички (молекулы) тѣла другъ около друга до тѣхъ поръ, пока внѣшняя сила не окажется бѣльшей, чѣмъ сила сцепленія, — тогда происходитъ, наконецъ, разрывъ тѣла. Энергетическая точка зрѣнія позволяетъ дать такое объясненіе, въ которое не входили бы гипотетическія молекулы съ ихъ не менѣе гипотетической силой сцепленія, а именно: При изломѣ тѣла образуются новыя поверхности. Образованіе новыхъ поверхностей требуетъ очевидно затраты работы и можетъ

быть, слѣдовательно, подведено подъ понятіе энергіи, которой и дается имя энергіи поверхности.

Съ помощью понятій объ энергіи объема, формы и поверхности мы легко можемъ уяснить себѣ значеніе трехъ состояній тѣлъ—твердаго, жидкаго и газообразнаго. Въ твердыхъ тѣлахъ сильна энергія формы (измѣненіе формы ихъ требуетъ болѣе или менѣе значительной затраты работы), равнымъ образомъ значительны и энергія объема и поверхности. Въ жидкостяхъ энергія формы сводится почти къ нулю, очень слаба и энергія поверхности (увеличеніе поверхности жидкости требуетъ ничтожной затраты работы), зато въ нихъ громадна энергія объема (жидкости не сжимаемы). Въ газахъ энергіи формы и поверхности отсутствуютъ (за счетъ развитія энергіи движенія: предоставленные самимъ себѣ газы теряютъ всякую форму, стремясь разсытаться); энергія объема въ газахъ также не очень велика (до извѣстнаго предѣла газы легко сжимаемы).

Представляя всѣ тѣла, какъ комплексы взаимосвязанныхъ энергій, мы можемъ объяснить главнѣйшія свойства тѣлъ (ихъ состоянія), совершенно не прибѣгая къ понятію о матеріи. Это понятіе примѣняется обыкновенно для объясненія явленія тяжести, находящейся въ числовой зависимости отъ такъ называемой массы, т.-е. количества матеріи, заключающейся въ данномъ тѣлѣ. Но и самое понятіе о массѣ составилось путемъ отвлеченія отъ того опытнаго факта, что для поднятія каждаго тѣла мы должны затратить извѣстное количество работы. Можно, однако, объяснить явленія, совершенно не прибѣгая къ этой гипотетической массѣ (а слѣдовательно и матеріи). Для этого необходимо ввести въ наше разсужденіе понятія объ энергіи движенія и энергіи разстоянія. На поднятіе тѣла затрачивается работа и тѣмъ бѣльшая, чѣмъ больше разстояніе, на которое долженъ быть совершенъ подъемъ.

Мы имѣемъ, слѣдовательно, право говорить объ энергіи разстоянія (энергіей называется все, что можетъ быть получено изъ работы и можетъ быть вновь обращено въ работу). Затрата работы при поднятіи тяжести идетъ на развитіе энергіи разстоянія (которая увеличивается съ увеличеніемъ разстоянія). При свободномъ паденіи тѣла мы имѣемъ обратный случай—убыли энергіи разстоянія и развитія энергіи движенія, которая, встрѣчая сопротивленіе (паденіе на твердую поверхность) производитъ

въ свою очередь работу. Явленія тяжести (тяготѣнія) находятъ такимъ образомъ свое энергетическое обоснованіе. То же, что носить названіе массы, должно быть понимаемо лишь какъ отвлеченіе, какъ символъ, въ который облакаются наблюдаемыя на опытѣ отношенія энергіи разстоянія къ энергіи движенія.

Говоря, что два тѣла обладаютъ равной массой, мы утверждаемъ лишь тотъ фактъ, что при сообщеніи имъ одинаковой силы (работы) оба эти тѣла будутъ двигаться съ одинаковой скоростью, а эта послѣдняя зависить лишь отъ того, насколько легко въ данномъ тѣлѣ (т.-е. комбинаціи взаимно связанныхъ энергій) энергія разстоянія можетъ быть переводима въ энергію движенія и обратно. Самая же легкость этихъ переходовъ зависить исключительно отъ формы и характера комбинацій энергій, являющихся намъ въ видѣ данного тѣла (см. ниже начало процесса). Нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ основаній въ признаки за массой субстанціального характера.

Вполнѣ понятно, почему комплексъ, содержащій взаимосвязанныя энергіи формы, объема и поверхности, долженъ содержать также и энергію разстоянія (тяготѣнія): безъ нея всякое образованіе, получивъ малѣйшій толчокъ, удалилось бы навсегда отъ земли, и мы о немъ ничего бы и не знали, такъ какъ единственной причиной возврата удаляющагося отъ земли образованія является возрастаніе по мѣрѣ удаленія отъ земли энергіи разстоянія. Но комплексъ энергій формы, объема, поверхности и разстоянія какъ разъ и составляетъ то, что носить обыкновенно названіе матеріи.

Энергетическое обоснованіе другихъ свойствъ тѣлъ и явленій, представляетъ меньшія затрудненія. Что теплота есть дѣйствительно проявленіе соотвѣтствующей (тепловой) энергіи, стало яснымъ послѣ того, какъ Майеръ показалъ, что въ организмахъ животныхъ количество затрачиваемаго ими тепла эквивалентно количеству производимой ими работы, а Джоуль установилъ эквивалентность затраченнаго тепла съ механической работой, получаемой помощью электромагнитовъ.

Электрическая и тѣсно связанная съ нею магнитная энергіи (легко переводимыя въ работу и получающіяся изъ работы) отличаются отъ другихъ видовъ энергіи тѣмъ, что они не связаны ни съ какимъ особымъ органомъ чувствъ нашего тѣла, что вполнѣ понятно: ни электричество, ни магнетизмъ никогда въ предше-

ствующія эпохи не врывались слишкомъ дѣятельно въ ходъ борьбы за существованіе, не играли, слѣдовательно, роли факторовъ, къ которымъ организмы нашихъ предковъ должны были приспособляться. Химическая энергія (энергія химическаго сродства) обнаруживается при взаимодействіи различныхъ веществъ. Ставя реакціи такъ, чтобы энергія при этомъ выдѣлялась ¹⁾, мы можемъ превращать ее въ другіе виды энергіи, въ томъ числѣ и въ механическую работу, что и устанавливаетъ законность подведенія явленій химизма подъ понятіе объ энергіи.

Въ отличіе отъ многихъ другихъ видовъ энергіи, химическая способна сохраняться безконечно долго безъ всякихъ потерь (напр., энергія скопленная каменнымъ углемъ можетъ быть освобождена чрезъ сотни тысячъ и милліоны лѣтъ, протекшіе послѣ момента ея накопленія). Обратное свойство представляетъ энергія тепла, которая, разъ освободившись, очень легко разсѣивается.

Еще легче разсѣивается лучистая энергія, получая которую въ избыткѣ отъ солнца, наша земля можетъ удерживать исключительно путемъ превращенія ея въ другіе виды—въ тепло, въ химическую энергію (растенія) и т. д.

Энергія формы, объема, поверхности, разстоянія, химическая—очень тѣсно связаны другъ съ другомъ; если внѣшняя сила вызываетъ въ комплексахъ энергій (т.-е. тѣлахъ) освобожденіе одного изъ упомянутыхъ видовъ энергіи, эта освободившаяся энергія не разсѣивается, не переходитъ на другія тѣла, но сейчасъ же входитъ обыкновенно въ новыя стойкія связи съ остальными видами энергіи, образующими данный комплексъ. Теплота и электричество обычно связаны съ вышеупомянутыми видами энергіи, но не неразлучны съ ними; они легко освобождаются и переходятъ на другіе комплексы (отсюда возможность передачи электричества и теплоты отъ предмета на предметъ). Наиболѣе свободной является упомянутая уже лучистая энергія.

Въ заключеніе обзора отдѣльныхъ видовъ энергіи Оствальдъ даетъ слѣдующее резюме: Мы ничего не знаемъ и не можемъ знать о вещахъ въ себѣ, о вещахъ, какъ онѣ есть, но знаемъ лишь вещи, какъ онѣ намъ кажутся, т.-е. мы знаемъ лишь взаимодействія различныхъ видовъ энергіи между собой и то постольку лишь, поскольку въ результатѣ этихъ взаимодействій осво-

¹⁾ При многихъ реакціяхъ она, обратно, поглощается.

бождаются тѣ или другіе виды энергіи, оказывающіе свое воздѣйствіе на нашъ воспріимлющій аппаратъ. Наиболѣе важнымъ результатомъ энергетическаго міросозерцанія является, по Оствальду, возможность обойтись безъ гипотетической непознаваемой матеріи, замѣнивъ ее понятіемъ о комплексѣ извѣстныхъ въ опытѣ различныхъ видовъ энергіи.

Первое начало энергетики — законъ сохраненія энергіи, отвѣчаетъ на вопросъ о взаимоотношеніяхъ различныхъ видовъ энергіи при превращеніи ихъ другъ въ друга. Отвѣтъ же на вопросъ, когда, при какихъ условіяхъ можетъ происходить превращеніе энергіи, дается тѣмъ, что Оствальдъ называетъ вторымъ началомъ энергетики или *закономъ процесса*. Вопросъ о томъ, какія условія должны быть выполнены для того, чтобы вообще могло наступить превращеніе энергіи, былъ разрѣшенъ сначала для механическихъ отношеній, какъ болѣе изученныхъ, и только въ самое послѣднее время получилъ болѣе общую формулировку. Для механическихъ отношеній это былъ вопросъ о равновѣсіи; подъ равновѣсіемъ же мы понимаемъ то состояніе, когда въ данномъ образованіи безъ приложенія внѣшней силы ничего не происходитъ. Съ энергетической точки зрѣнія равновѣсіе опредѣляется какъ такое состояніе образованій, при которомъ превращеніе энергіи, или процессъ не имѣетъ мѣста. Условія нарушенія равновѣсія для насъ, слѣдовательно, и будутъ условіями возникновенія процесса.

При нарушеніи равновѣсія во всякомъ образованіи происходятъ обыкновенно процессы, путемъ которыхъ это образованіе вновь приближается къ равновѣсію, или такъ называемые процессы выравниванія. Для нарушенія равновѣсія (механическаго) необходимо, чтобы заключенная въ самомъ образованіи компенсированная энергія движенія подъ давленіемъ толчка извнѣ начала бы тратиться путемъ превращенія въ другіе виды энергіи—обыкновенно въ энергію разстоянія (тяготѣнія), и движеніе продолжается до тѣхъ поръ, пока весь запасъ энергіи движенія не превратится въ энергію разстоянія. Но съ прекращеніемъ движенія равновѣсіе не можетъ возстановиться, такъ какъ въ этотъ моментъ образованіе окажется обладающимъ избыткомъ энергіи разстоянія въ количествѣ эквивалентномъ той работѣ, которая была сообщена образованію агентомъ, нарушившимъ равновѣсіе. Избытокъ энергіи разстоянія ведетъ къ тому, что этотъ видъ энергіи начинаетъ въ свою

очередь превращаться въ энергію движенія до тѣхъ поръ, пока весь запасъ энергіи разстоянія не истощится; но съ этого момента вновь начинается превращеніе энергіи движенія въ энергію разстоянія и т. д. Процессъ является, слѣдовательно, періодическимъ и превращеніе одного вида энергіи въ другой возникаетъ всякій разъ, когда существуетъ разность между наличнымъ количествомъ данной энергіи и тѣмъ ея количествомъ, которое можетъ существовать связаннымъ въ данномъ образованіи. Наиболее типичнымъ примѣромъ періодическихъ переходовъ энергіи движенія въ энергію разстоянія и обратно можетъ служить маятникъ. Въ «идеальномъ» или математическомъ маятникѣ періодичность превращеній является вѣчною; на практикѣ же этого не бываетъ, такъ какъ вслѣдствіе тренія часть избыточной энергіи переходитъ въ энергію тепла, которая не остается въ образованіи, но разсѣивается и такимъ путемъ первоначально нарушившій равновѣсіе избытокъ сообщенной энергіи исчезаетъ и снова наступаетъ равновѣсіе.

Даже въ такихъ случаяхъ, гдѣ равновѣсіе какъ бы устанавливается сразу, на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ дѣло съ періодичностью взаимопревращеній различныхъ видовъ энергіи, только размахъ колебаній не всегда воспринимается нами непосредственно; но онъ можетъ всетаки быть обнаруженнымъ при помощи тонкихъ соотвѣтствующимъ образомъ поставленныхъ опытовъ. Что чернильница, напримѣръ, стоитъ на столѣ, зависитъ отъ равновѣсія между энергіями формы чернильницы и стола и энергіей разстоянія (тяжести) чернильницы: чернильница падаетъ на столъ до тѣхъ поръ, пока энергія формы доски стола вслѣдствіе сжатія не увеличится настолько, что дальнѣйшее опусканіе чернильницы станетъ невозможнымъ и наступитъ обратное явленіе— чернильница будетъ удаляться отъ стола и т. д. Выравниваніе и здѣсь наступаетъ чрезъ разсѣяніе въ видѣ тепла избытка полученной энергіи. Въ иныхъ случаяхъ можно отмѣтить разсѣяніе энергіи не только въ видѣ тепла, но и въ другихъ ея видахъ. Если у насъ на землѣ не наступило до сихъ поръ всеобщее равновѣсіе, то потому лишь, что солнце постоянно шлетъ на землю цѣлый потокъ энергіи лишь временно задерживаемый землею и разсѣиваемый (главнымъ образомъ въ видѣ тепла) въ міровомъ пространствѣ.

Отношенія, указанная для механическихъ процессовъ, имѣютъ мѣсто и для другихъ видовъ энергіи, хотя далеко не всегда они легко могутъ быть узнаны. Впервые это было сдѣлано по отношенію къ энергіи тепла трудами Сади-Карно; позднѣе были сдѣланы болѣе широкія обобщенія. Законъ процесса, установленный въ общемъ его видѣ, формулированъ Э. Гельмомъ слѣдующимъ образомъ: «Чтобы процессъ имѣлъ мѣсто, необходимо, чтобы существовали разности интенсивностей присутствующихъ энергій».

Эта формула требуетъ нѣкоторыхъ поясненій.

Назовемъ то именно свойство каждаго изъ видовъ энергіи, отъ однообразнаго распредѣленія котораго въ образованіи наступаетъ покой, интенсивностью даннаго вида энергіи; неравномѣрное распредѣленіе интенсивностей будетъ, слѣдовательно, условіемъ для нарушенія равновѣсія, для возникновенія процесса. Выше было уже упомянуто о томъ, что въ эмпирически найденныхъ формулахъ для выраженія числовыхъ отношеній энергій, одинъ изъ факторовъ имѣетъ характеръ напряженія; опытъ показываетъ, что этотъ-то именно факторъ и соотвѣтствуетъ интенсивности даннаго вида энергіи, т.-е. его именно неравномѣрное распредѣленіе служитъ поводомъ къ возникновенію процесса. Другой факторъ формуль, имѣющій характеръ величины, а не напряженія, мы назовемъ емкостью энергіи; къ возникновенію процесса емкости не имѣютъ никакого отношенія, зато онѣ опредѣляютъ количественную сторону разъ возникшаго процесса.

Энергія движенія выражается формулой $\frac{1}{2} mc^2$, гдѣ m есть такъ называемая масса; она представляетъ величину и составляетъ, слѣдовательно, емкость энергіи движенія; c —скорость, т.-е. отношеніе движенія ко времени—есть интенсивность энергіи движенія. Другими словами, при взаимодействіи образованій (resp. тѣлъ) получится движеніе всякій разъ, когда имѣется на лицо разность скоростей.

Энергія объема выражается произведеніями объема на давленіе; здѣсь объемъ имѣетъ характеръ емкости, давленіе—характеръ интенсивности.

Для электрической энергіи емкостью является количество электричества, интенсивностью—электровозбудительная сила.

Для химической энергіи емкость—количество вещества, интенсивность—сила химическаго средства.

Энергія тепла учитывается произведеніемъ температуры на такъ называемую энтропію (теплоемкость); энтропія есть величина, емкость, температура же—интенсивность тепловой энергіи. Тепловое равновѣсіе нарушается, слѣдовательно, всякій разъ, когда существуетъ разность температуръ. Сдѣланныя указанія достаточно поясняютъ смыслъ предложенной Гельмономъ формулировки втораго начала энергетики, или закона процесса. Необходимо оговориться, что здѣсь интенсивностямъ совсѣмъ не приписывается какое-либо особое свойство, наличность котораго надо было бы устанавливать, доказывать: равенство интенсивностей есть вѣдь не болѣе какъ простое названіе существующаго факта равновѣсія, а вовсе не принудительная причина, препятствующая процессу; только опытъ, и онъ одинъ даетъ намъ указанія, какіе именно факторы оказываются равными при состоянїи покоя и измѣняются при нарушенїи равновѣсія, т.-е. имѣютъ значеніе интенсивностей.

Для существованія равновѣсія необходимо взаимное замыканіе (компенсированіе) двухъ или болѣе видовъ энергіи, т.-е. такое взаимоотношеніе ихъ, чтобы освобожденіе одного возможно было бы (лишь при приложенїи внѣшней силы) исключительно за счетъ связыванія эквивалентнаго количества другаго. Энергіи не компенсированныя подвергаются разсѣянїю въ пространствѣ; стремленіе къ разсѣянїю неодинаково для различныхъ видовъ энергіи.

Легкость разсѣиванія тепла обусловливаетъ преобладаніе на землѣ одностороннихъ необратимыхъ и неперїодическихъ процессовъ. Впрочемъ, большей или меньшей способностью разсѣиванія обладаютъ всѣ виды энергіи, а потому все постоянно существующее, постоянно лишь съ очень относительной точки зрѣнїя. Въ сущности и небесныя тѣла съ ихъ видимымъ отпечаткомъ вѣчной перїодичности подчиняются вліянїю необратимыхъ процессовъ; теченіе времени и для нихъ однозначно, хотя однозначность и отступаетъ здѣсь на задній планъ. Процессъ выравниванія интенсивностей идетъ не всегда одинаково. Въ иныхъ случаяхъ выравниваніе идетъ постепенно замедляясь (напримѣръ, потеря тепла, электричества и т. д.). Въ другихъ случаяхъ мы наблюдаемъ лавинообразные процессы, т.-е. постепен-

ное нарастаніе, а потомъ болѣе или менѣе быстрое паденіе силы процесса (пожаръ, паденіе лавины и т. п.). Если нарастаніе и замедленіе размаха процесса относительно кратковременны, стояніе же на максимумѣ затягивается, получается такъ называемый стаціонарный процессъ; таково, напримѣръ, горѣніе лампы. По первому взгляду можетъ показаться, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ устойчивымъ равновѣсіемъ, но по существу это не такъ—здѣсь имѣетъ мѣсто длительный равномерный процессъ разсѣянія свѣтовой и тепловой энергіи, непрестанно получаемыхъ путемъ превращенія химической энергіи, заключенной въ керосинѣ. Процессъ въ этомъ случаѣ урегулированъ, т.-е. помощью фитиля установлены такія отношенія, что къ мѣсту процесса въ каждое мгновеніе притекаетъ и сгораетъ всегда одинаковое количество керосина, откуда и постоянство пламени. Подобнаго рода процессы саморегулированія чрезвычайно распространены повсюду. Къ нимъ главнымъ образомъ и сводятся всѣ явленія органической жизни. Еще чаще, впрочемъ, саморегулированіе совершается такъ, что мы имѣемъ дѣло не съ строго стаціонарнымъ, но съ періодическимъ процессомъ, съ большимъ или меньшимъ размахомъ колебанія. Подобный процессъ наблюдается, напримѣръ, при горѣніи свѣчи: сначала пламя фитиля расплавляетъ нѣкоторое количество твердаго стеарина, который, поднимаясь вверхъ по фитилю, горитъ въ верхней его части. Когда же запасъ расплавленнаго стеарина истощается, пламя становится меньше и спускается внизъ, гдѣ есть еще запасъ жидкаго стеарина. Спустившись внизъ, пламя начинаетъ сильнѣе растапливать стеаринъ, поднимающійся опять-таки вверхъ фитиля; пламя вновь поднимается и увеличивается; а тогда вновь начинается усиленное потребление стеарина въ количествѣ большемъ, чѣмъ его притекаетъ вслѣдствіе плавленія и т. д.

Стаціонарный и періодическій процессы выравниванія имѣютъ огромное значеніе не потому только, что они даютъ намъ схему большинства естественныхъ процессовъ, въ особенности процессовъ жизни, но также и по отношенію ихъ къ образованію понятія времени. Для образованія понятія времени у насъ существуетъ два источника: во первыхъ, мы получаемъ это понятіе изъ механическихъ процессовъ и особенно изъ процессовъ, управляющихъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ; понятіе времени вхо-

дить какъ факторъ скорости энергіи движенія. Второй источникъ нашего понятія времени получается изъ свойствъ произвольныхъ выравниваній энергій, которыя происходятъ не моментально, а требуютъ времени.

Причины всего познаваемого, т.-е. причины всякаго процесса лежать въ энергетическихъ отношеніяхъ, такъ что изъ нихъ только и можетъ быть выведено общее понятіе причинности. А такъ какъ энергетическія отношенія установлены всецѣло опытнымъ путемъ, то и причина является для насъ не логической только необходимостью, не апріорнымъ закономъ, безъ котораго немислимъ будто бы самый опытъ, но необходимостью чисто опытною. Уже Майеръ, творецъ ученія объ энергіи, устанавливаетъ количественную сторону отношеній причины и слѣдствія; причина (свободная энергія) должна прекратиться, т.-е. сполна исчерпаться для того, чтобы наступило слѣдствіе (превращеніе и новое связываніе или же разсѣяніе другихъ видовъ энергіи). Но законы сохранения энергіи и процесса не охватываютъ всецѣло явленій слѣдствія, они обусловливаютъ лишь наступленіе слѣдствія; продолжительность же и объемъ процесса зависятъ главнымъ образомъ отъ *условій*: такъ продолжительность выравниванія электрическаго напряженія далеко не одинакова при тѣхъ условіяхъ, когда это будетъ мгновенный разрядъ или же періодическія колебанія напряженія (электрическій токъ). Условія или регуляторы временныхъ и пространственныхъ отношеній процесса не стоятъ въ отношеніи равенства съ причиной; иногда они пропорціональны ей, чаще же составляютъ очень сложную функцію причины. Отсюда кажущееся иногда неравенство причины и слѣдствія. Необходимо поэтому отличать отъ причинъ ближайшіе *поводы* къ процессу: поводы способствуютъ возникновенію процесса, причиной же его являются не они, а тотъ запасъ энергіи, который былъ скопленъ образованіемъ раньше и хранился имъ вплоть до наступленія повода къ нарушенію равновѣсія (для взрыва пороха, на примѣръ, искра служитъ поводомъ, а не причиной, истинная же причина взрыва лежитъ въ запасѣ въ порохѣ химической энергіи при условіяхъ, въ которыхъ дается возможность быстро превращенія ея въ механическую работу). Съ энергетической точки зрѣнія поводъ есть нарушеніе компенсаціи въ одной какой-либо точкѣ, условія же

способствуютъ распространенію процесса и на другія точки, чѣмъ и опредѣляется весь объемъ явленія. Такимъ образомъ общее опредѣленіе причинъ будетъ таково: «теченіе процессовъ есть нѣкоторая опредѣленная функція причинъ (въ узкомъ смыслѣ), условій и поводовъ, такъ что только при одинаковой совокупности данныхъ наступаетъ одинаковое теченіе процессовъ», Ostwald Op. с. S. 217.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. Воробьевъ.

Психопатологическій методъ въ русской литературной критикѣ ¹⁾.

Посвящается памяти Н. К. Михайловскаго.

О «Красномъ Цвѣткѣ» Гаршина Н. К. Михайловскій пишетъ между прочимъ слѣдующее: «Съ этимъ удивительнымъ рассказомъ вышло не совсѣмъ обыкновенное въ нашей литературѣ происшествіе: на него обратили вниманіе специалисты науки. Въ «Вѣстникѣ клинической и судебной психіатріи» профессора Мержеевского г-нъ Сикорскій напечаталъ замѣтку, въ которой призналъ «Красный Цвѣтокъ» образцовымъ произведеніемъ въ смыслѣ необыкновенной точности и вѣрности изображенія развитія душевной болѣзни. Мы, читатели, были, конечно, обрадованы и даже какъ будто польщены такимъ отзывомъ специалиста объ одномъ изъ нашихъ любимцевъ, тѣмъ болѣе, что и до него, то-есть до отзыва г-на Сикорскаго, чувствовали глубокую правдивость рассказа. Но мы не специалисты, для насъ «Красный Цвѣтокъ» не только психіатрической этюдъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки беллетристика и именно сказка, то-есть нѣчто такое, въ чемъ надо искать аллегоріи, подкладки чего-то большаго, общежитейскаго, не вмѣщающагося въ рамки той или другой спеціальной науки. Ну, и каковъ же житейскій субстратъ «Краснаго Цвѣтка»? Здѣсь опять г-нъ Гаршинъ покусился на «великое». Правда, онъ вставилъ его въ рамку безумной мечты, но на это была его добрая воля и т. д.» ²⁾.

1) Читано въ засѣданіи Москов. Психологическаго Общества 31-го января 1904 года.

2) Н. К. Михайловскій. Сочин. изд. 1897 г., т. VI, стр. 322—323.

Эти интересныя слова знаменитаго критика включаютъ въ себѣ очень многое существенное по вопросу о психопатологическомъ методѣ вообще и въ русской литературной критикѣ въ частности. Съ тѣхъ поръ, какъ они появились въ печати (1885 г.), прошло 19 лѣтъ. Многое, конечно, измѣнилось, но главное осталось. Прежде всего Н. К. Михайловскій отмѣчаетъ, какъ «происшествіе не совсѣмъ обыкновенное въ нашей литературѣ», что на литературное произведеніе обратили вниманіе специалисты-психіатры. Дѣйствительно, въ то время кромѣ замѣтки проф. Сикорскаго о «Красномъ Цвѣткѣ» ¹⁾ и появившейся въ 1885 же году работы ²⁾ проф. Чижа о Достоевскомъ въ русской литературѣ не было ни одного труда въ этомъ направленіи. Теперь, какъ будетъ видно ниже, психіатрическія экскурсіи въ литературно-критическую область стали чаще и многочисленнѣе.

Въ словахъ извѣстнаго и столь компетентнаго критика, если исключить нѣкоторый ироническій тонъ («обрадованы», «польщены») въ общемъ можно усмотрѣть одобреніе для такихъ работъ, въ нѣкоторомъ родѣ признаніе ихъ умѣстности, законности, но тутъ же слѣдуетъ важное указаніе на предѣлы ихъ компетенціи. Вѣдь разбираемая произведенія не психіатрической этюдъ, а беллетристика, въ которой важна прежде всего «подкладка чего-то большого, общежитейскаго, не вмѣщающагося въ рамки той или другой спеціальной науки». И въ настоящее время, несмотря на то, что количество работъ какъ у насъ, такъ и за границей ³⁾ въ этомъ направленіи все увеличивается, тѣмъ не менѣе всякій психіатръ, вступающій на этотъ путь, неминуемо встрѣтитъ немало затрудненій.

Затрудненія эти самыя разнообразныя.

¹⁾ Проф. Сикорскій. „Красный Цвѣтокъ“. Разсказъ В. Гаршина. Сборникъ „Памяти В. М. Гаршина“ 1889 г.

²⁾ Проф. Чижъ. Достоевскій—какъ психопатологъ. Москва, 1885 г.

³⁾ Для примѣра приведу: *Laehr*. Die Darstellung krankhafter Geisteszustände in Shakespeares Dramen, 1898 г., у котораго приводится 33 работы, начиная съ 1843 г., извѣстное сочиненіе *Ламброзо* („Геніальность и умопомѣшательство“), *Макса Нордау* („Вырожденіе“), *Hirsch'a*—Genie und Entartung. Eine psychologische Studie. Berlin u Leipzig 1894 г. *Emil Lorent* La poésie décadente devant la science psychiatrique. Paris, 1899 г., два сочиненія проф. *Möbius'a*. Ueber das Pathologische bei Göthe, 1896 г. и Ueber das Pathologische bei Nietzsche, 1902 г. и новѣйшая *G. Loygue* Th. M. Dostoiewsky. Étude médico-psychologique. Lyon. 1904.

Говорятъ, что психіатръ, указывая на тѣ или другія болѣзненные черты въ душевномъ складѣ того или другого дѣйствующаго лица, какъ бы устраняетъ, обезцѣниваетъ тѣ нравственныя и общественныя задачи выполнять, олицетворяетъ или какъ-либо выражаетъ которыя призвано это самое лицо. Въ нѣкоторыхъ же крайнихъ случаяхъ видятъ реакціонную попытку замаскировать социальный факторъ біологическими условіями. Конечно, это—только недоразумѣніе. Тотъ или другой болѣзненный складъ души отнюдь не умаляетъ всей силы и важности социальныхъ условий, а, наоборотъ, еще подчеркиваетъ ихъ.

Патологическая душевная организація можетъ быть и должна такъ же непременно разсматриваться, какъ одна изъ формъ проявленія ненормальныхъ общественныхъ условий, такъ что вліяніе послѣднихъ отнюдь не колеблется при надлежащемъ, конечно, пониманіи дѣла. То же можно сказать и относительно нравственной задачи, которую какъ либо разрѣшаетъ художникъ. Все зависитъ отъ того, какъ отнесется къ ней психіатръ, усмотрѣвъ въ комъ-либо изъ дѣйствующихъ лицъ болѣзненные черты. Конечно, если онъ скажетъ, что такое-то лицо одержимо тѣмъ-то и тѣмъ-то, такъ сказать поставить клинической діагнозы, а не постарается разъяснить, какое же имѣютъ отношеніе болѣзненные черты къ основной задачѣ автора, то понятно, такая работа мало будетъ плодотворной. Скажутъ: дѣло врача ограничить себя только своей специальной областью, выводы же пусть дѣлаютъ литературные и художественные критики. По-моему, это безцѣльное и, подчасъ, вредное суженіе задачи, неосновательность котораго я надѣюсь доказать ниже. Послѣдній упрекъ, самъ по себѣ несомнѣнно существенный, дѣлаютъ большею частью люди, для которыхъ общественныя условія представляютъ предметъ наибольшаго вниманія. Съ этой точкой зрѣнія, конечно, нельзя не считаться. Съ другой стороны, нѣкоторые изъ самихъ же психіатровъ относятся скептически къ подобнаго рода работамъ и смотрятъ на нихъ какъ на научную роскошь, которой можно удѣлять время только въ часы досуга, презрительно окрещивая ихъ беллетристикой.

Обслѣдовать детально кровоизліяніе въ спинной мозгъ или ходъ задне-продольнаго пучка—это будетъ научная работа. Показать же, правильно ли настоящій художникъ разрѣшаетъ нравственную задачу, эксплуатируя психопатологическій мате-

ріаль — дѣло не важное, недостойное серьезнаго и научно-образованнаго психіатра. Другіе также заявляютъ: вѣдь выведенныя лица не живыя существа, плодъ художественной фантазіи, слѣдовательно и психіатрія тутъ ничего не объяснить и ничего не приобрѣтеть отъ изученія этихъ типовъ и т. д. Я уже не говорю о подозрѣніяхъ обыденно-житейскаго характера. Уже изъ предыдущаго видно, что путь психіатра-критика не легокъ главнымъ образомъ потому, что самый методъ совершенно еще не обоснованъ, не установлены его задачи, сфера его вліянія и предѣлы его компетенціи.

Въ настоящей работѣ я дѣлаю попытку, по мѣрѣ силъ, облегчить трудъ психіатра-критика, т. е. рассмотретьъ, когда и въ какихъ предѣлахъ психіатръ можетъ и долженъ разбирать литературныя произведенія, какое можетъ имѣть значеніе его разборъ какъ для художественнаго произведенія, такъ и для психіатрической науки, какія научныя, литературныя и общественныя цѣли могутъ и должны преслѣдовать подобнаго рода труды. Для этого я избралъ путь индуктивный, т. е. я рассмотрю все написанное въ этомъ направленіи русскими психіатрами, что и само по себѣ не лишено интереса. Да, кромѣ того, работы эти, указавъ на желательное и нежелательное, полезное, ненужное и даже вредное, помогутъ разрѣшить, по возможности, поставленную задачу.

Всѣ психіатры, писавшіе на литературныя темы, обращали свое вниманіе или на личность писателя или разбирали художественныя произведенія и выведенныя въ нихъ лица съ психіатрической точки зрѣнія.

Подъ вліяніемъ изученія уголовной антропологии нѣкоторые психіатры не могли обойти и жизни преступниковъ, поскольку она рисовалась въ произведеніяхъ нашихъ беллетристовъ.

Начну съ работъ, посвященныхъ личности писателя. Особенно выдѣляется прекрасная рѣчь Н. Н. Баженова ¹⁾ на тему «Душевная драма Гаршина». Прежде чѣмъ говорить о психической болѣзни Гаршина и о психопатическихъ элементахъ его творчества, д-ръ Баженовъ дѣлаетъ важную съ методологической точки зрѣнія принципиальную оговорку: «Прошу васъ не думать,—пи-

¹⁾ Н. Н. Баженовъ. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. Москва, 1903 г., стр. 112.

шетъ авторъ, — что такіа попытки подойти съ клиническимъ анализомъ къ художественнымъ произведеніямъ — свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ вандализмѣ ученыхъ, о томъ, что специалисты, увлекаясь своею исключительною точкою зрѣнія, теряютъ чувство мѣры и не умѣютъ въ своихъ изслѣдованіяхъ остановиться на той границѣ, за которою можетъ быть оскорблено чувство пѣтета въ душѣ читателя. Къ такимъ этюдамъ насъ побуждаетъ стремленіе найти разгадку того сложнаго и высшаго и до сихъ поръ таинственнаго психологическаго акта, который именуется творческимъ вдохновеніемъ. Работы наши въ этомъ направленіи должны помочь намъ постичь механизмъ художественнаго творчества великихъ мастеровъ мысли и слова и, слѣдовательно, служить лишь къ возвеличенію ихъ памяти».

Такимъ образомъ, раскрывая предъ нами душевную драму Гаршина, д-ръ Баженовъ не думаетъ ограничиться постановкой клиническаго діагноза болѣзни, которою страдалъ этотъ дорогой для всѣхъ насъ писатель и не менѣе дорогой и рѣдкій чловѣкъ. Пользуясь біографическими свѣдѣніями и литературными произведеніями Гаршина, д-ръ Баженовъ далъ намъ живую характеристику нормальной психологіи его, говоря, что все созданное имъ не представляетъ собою «внѣшніе, объективно наблюдаемые и положенные на бумагу типы, это образы, запечатлѣнные явною печатью субъективизма, это живыя художественныя проповѣди любви и самопожертвованія, это грани одного и того же драгоценнаго брилліанта — благородной и любвеобильной психической индивидуальности самого автора». Не приходится, конечно, сомнѣваться въ діагнозѣ «циркулярнаго психоза», который опредѣлилъ д-ръ Баженовъ у Гаршина.

Но если бы только на этомъ нашъ авторъ и остановился, что опредѣлилъ здоровыя и больныя стороны въ душѣ Гаршина, то задача, по-моему, была бы сдѣлана меньше даже чѣмъ на половину. Это было бы только еще большее нагроможденіе матеріала въ психологіи великихъ и талантливыхъ людей.

И въ столь неясную, неразработанную область, какъ психологія творчества и въ данномъ случаѣ Гаршина, не была бы проложена новая тропинка. Но такую тропинку д-ръ Баженовъ проложилъ.

Онъ сдѣлалъ весьма важное предположеніе, что Гаршинъ творилъ, когда «на него находило», конечно, въ началѣ легкихъ

маніакальныхъ приступовъ, выражающихся только «въ приливѣ энергіи, повышеніи интересовъ, усиленной и ускоренной работоспособности».

Тутъ онъ отмѣтилъ и пагубное вліяніе, которое оказывала болѣзнь на творчество писателя, особенно въ періоды угнетенія. Не забыть д-ръ Баженовъ въ этой рѣчи затронуть интересный и мало освѣщенный вопросъ объ отношеніи нравственнаго склада художника къ переживаемому имъ во время самаго акта творчества.

Мы видѣли, что всѣ произведенія Гаршина являются непосредственнымъ отраженіемъ его прекрасной души, впитавшей въ себя, казалось, всю міровую скорбь и всю міровую любовь. Если относительно художника, изображающаго темныя, отрицательныя стороны жизни, можно задать вопросъ, насколько представленные имъ образы внѣшни, такъ сказать, для него, являются только своеобразнымъ сочетаннымъ отраженіемъ наблюдаемаго и въ воображеніи только пережитымъ, настолько все страданіе, вся любовь, все чистое и прекрасное въ произведеніяхъ Гаршина, безъ сомнѣнія, является для него глубоко субъективнымъ, его плотью и кровью.

Выше я сказала, что д-ръ Баженовъ проложилъ тропинку. Я этимъ не хочу сказать, что онъ сдѣлалъ мало. Но получается все же нѣкоторая неполнота. Дѣйствительно, приводимыя біографическія свѣдѣнія указываютъ на совпаденіе наибольшей творческой дѣятельности Гаршина съ легкими маніакальными приступами. Но какъ бы послѣдніе ни выражались: въ «приливѣ энергіи, повышеніи интересовъ, усиленной и ускоренной работоспособности», все же они представляютъ собою нѣчто иное, какъ болѣзнь, которая по своимъ, во всякомъ случаѣ разрушительнымъ свойствамъ не можетъ благоприятствовать созданію совершенныхъ произведеній. И самъ д-ръ Баженовъ приходитъ ко мнѣ на помощь въ этомъ моемъ предположеніи, когда онъ дѣлаетъ важное и интересное заключеніе по поводу стараго афоризма Аристотеля о родствѣ геніальности и безумія. Онъ говоритъ: «Мои личныя работы въ этой области наводятъ меня на мысль... что генію родственно не безуміе вообще, а лишь нѣкоторыя формы дегенеративныхъ психозовъ, именно тѣ, которыя отличаются *периодическимъ* или пароксистическимъ характеромъ, включая сюда и *эпилепсію* и притомъ съ тою оговоркой, что терминъ «деге-

нерація» слѣдуетъ понимать здѣсь не въ ходячемъ смыслѣ «вырожденія», а въ смыслѣ извѣстной дисгармоніи, неустойчивости, происходящей, быть можетъ, не отъ прирожденнаго убожества (дегенерация), а отъ неполноты, незавершенности созданія высшаго психическаго типа (прогенерация, конечно, неполная, несовершенная)».

Если предыдущее предположеніе автора грѣшитъ нѣкоторой неполнотой, то послѣднее, само по себѣ чрезвычайно заманчивое, къ сожалѣнію, еще больше запутываетъ вопросъ объ отношеніи гения, таланта къ безумію.

Конечно, д-ръ Баженовъ разумѣетъ здѣсь только тѣхъ геніевъ и талантовъ, у которыхъ наблюдались какія-либо душевныя уклоненія или даже опредѣленныя душевныя болѣзни.

Прежде всего, біологическій терминъ прогенерация, какъ извѣстно, далеко еще не установленъ. Но если подъ прогенерацией въ данномъ случаѣ разумѣть недоразвитіе высшаго психическаго типа, а подъ дегенерацией—уклоненіе, вырожденіе средняго нормальнаго психическаго типа, и если высшимъ психическимъ типомъ считать человѣка, наиболѣе совершеннаго съ точки зрѣнія индивидуальнаго и общественнаго благополучія, то прежде всего на практикѣ дѣла придется столкнуться съ массою затрудненій. Напримѣръ, если принять описаніе личности Гоголя (см. ниже), сдѣланное проф. Чижомъ, и сопоставить все геніально-положительное и все болѣзненно-отрицательное, да не забыть личное благополучіе Гоголя и все, что отъ него приобрѣло человѣчество, то послѣ такого взвѣшиванія на біологическихъ вѣсахъ, какъ Гоголя назвать: дегенерантомъ или прогенерантомъ? Кромѣ того, брасается въ глаза еще спеціально психіатрическое недоразумѣніе. Неужели періодическіе психозы и даже эпилепсію можно считать только за дисгармонію, неустойчивость, происходящую не отъ вырожденія, а отъ прогенерации высшаго психическаго типа? Значитъ, эпилепсія въ однихъ случаяхъ проявленіе дегенерации, а въ другихъ прогенерации? Мнѣ кажется, нѣкоторая неясность въ данномъ случаѣ произошла отъ того, что одному и тому же біологическому явленію, какъ по его существу, такъ и въ цѣляхъ объясненія, дается не только различное названіе, но и приписывается иная роль и рассматривается оно, какъ два различныхъ явленія. На самомъ же дѣлѣ, мнѣ кажется, все обстоитъ нѣсколько иначе.

Ученіе о вырожденіи, какъ болѣзненнымъ уклоненіи отъ нормального основного типа (Morel)¹⁾, несмотря на всю свою относительность, принято всѣми психіатрами. И такія болѣзненные состоянія, какъ періодическіе психозы и эпилепсія, большинствомъ признаются какъ проявленіе того же вырожденія. Терминъ прогенерация во всякомъ случаѣ чрезвычайно неустойчивъ даже по сравненію съ «вырожденіемъ».

Но допустимъ, что человекъ, страдающій или періодическимъ психозомъ или эпилепсіей, т. е. имѣющій изъяны въ душѣ, ведущіе къ вреду какъ его лично, такъ и его рода, одновременно надѣленъ художественными дарованіями, благодѣтельными опять какъ для него лично, такъ и для цѣлаго рода. Что можно сказать про такого человека? Вѣдь все дѣло, очевидно, сводится къ плюсу и минусу. Если перевѣсятъ положительныя, полезныя качества, назовутъ прогенерантомъ, отрицательныя—дегенерантомъ, при чемъ черты дегенерации во второмъ случаѣ будутъ называться въ первомъ уже чертами прогенерации. На основаніи сказаннаго видно, сколь сбивчивъ терминъ «прогенерация». Гораздо удобнѣе, мнѣ кажется, въ такихъ случаяхъ держаться термина, предложеннаго Magnan'омъ *dégénéré supérieur*, высшій дегенерантъ.

«Я не смѣю утверждать, оговаривается д-ръ Баженовъ,—это какъ научное положеніе, я только ставлю это какъ очередной вопросъ». Но мнѣ кажется, такая постановка «очередного вопроса», какъ было указано, врядъ ли ведетъ къ его уясненію.

Если я сдѣлалъ это специальное отступленіе, то потому, что полагаю самымъ существеннымъ въ подобныхъ медико-біографическихъ работахъ выясненіе отношенія душевныхъ уклоненій къ таланту и въ частности къ художественному творчеству.

Я выше сказалъ, что цѣнное предположеніе д-ра Баженова о томъ, что Гаршинъ творилъ во время легкихъ маниакальныхъ приступовъ, страдаетъ все же неполнотой. Дѣйствительно, остается пожалѣть, что авторъ не потрудился разобрать, не носятъ ли эти, хотя и совершенныя произведенія, какихъ-либо слѣдовъ болѣзненнаго состоянія ихъ творца?

1) Morel. *Traité des dégénérescences psychiques, intellectuelles et morales de l'espèce humaine et des causes qui produisent ces variétés malades*. Paris, 1850.

Отъ этого, повторяю, весьма цѣнное предположеніе д-ра Баженова только получило бы большую убѣдительность. Объ отношеніи д-ра Баженова непосредственно къ литературнымъ произведеніямъ Гаршина я намѣренъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Пока же необходимо отмѣтить существенные выводы изъ его рѣчи: Гаршинъ былъ человѣкъ рѣдкой, высоко-благородной и любящей души, несмотря на его душевную болѣзнь (циркулярный психозъ), болѣзнь, указывающую на черты вырожденія въ той же прекрасной душѣ, а также то важное предположеніе, что время творчества Гаршина совпадало съ временемъ легкихъ маниакальныхъ приступовъ.

Особенное вниманіе обратили наши психіатры на жизнь и болѣзнь Гоголя. Д-ромъ Баженовымъ же сдѣлано обстоятельное разслѣдованіе въ публичномъ чтеніи на годичномъ засѣданіи Московскаго Общества невропатологовъ и психіатровъ подъ заглавіемъ «Болѣзнь и смерть Гоголя»¹⁾. И тутъ, какъ и въ предыдущей рѣчи д-ръ Баженовъ говоритъ: «Медицинское, въ частности медико-психологическое разслѣдованіе біографіи, условій творчества, нервно-психическаго здоровья, иногда даже симптомовъ предсмертной болѣзни великаго художника, есть единственный ключъ, который находится въ нашемъ распоряженіи, чтобы проникнуть въ ту загадочную и таинственную лабораторію челоѣческаго духа, имя которой творческій геній». Здѣсь же мы встрѣчаемся съ знакомой намъ гипотезой о прогенерации высшаго психическаго типа. Но, несмотря на эти интересныя принципиальныя указанія, эта работа еще меньше даетъ данныхъ для представленія о соотношеніи болѣзни Гоголя къ содержанію и процессу его творчества. Авторъ полностью собралъ матеріалъ, необходимый и вполнѣ достаточный для заглазнаго опредѣленія болѣзни, которая предполагается въ формѣ періодической меланхоли, развившейся на почвѣ врожденной невропатической конституціи.

Я, конечно, не думаю оспаривать важности одного опредѣленія болѣзни у такого писателя, какъ Гоголь. Но все же это будетъ только малая часть труда, только сырой матеріалъ. Въдъ психіатрическая наука сама по себѣ мало выиграетъ, если ста-

1) Н. Н. Баженовъ. Психіатрическія бесѣды и т. д. 1903 г.

нетъ извѣстнымъ, что Гоголь дорогъ, какъ творецъ гениальныхъ произведеній; важно знать, дѣйствительно ли онъ былъ боленъ душевною болѣзью, какъ онъ могъ творить, разъ былъ боленъ, когда онъ творилъ, мѣшала ли ему болѣзнь и насколько. Какъ одновременно уживались въ его душѣ моральныя странности, если не недостатки, съ тою грозною сатирою, которою проникнуты его выдающіяся творенія; не являются ли слабыя стороны его сочиненій слѣдствіемъ его болѣзни и т. д.? Къ сожалѣнію, на всѣ эти вопросы мы не найдемъ отвѣта въ обстоятельномъ медико-біографическомъ трудѣ д-ра Баженова. Можетъ быть, его нѣтъ потому, что эта работа медико-біографическая и была прочитана въ засѣданіи спеціального общества, хотя и публичномъ. Но тогда, что значитъ приведенное вначалѣ указаніе? Вѣдь недостаточно же для уясненія механизма творчества страдавшаго душевною болѣзью писателя опредѣлить только 1) «психологическій складъ личности и въ частности ея неправильныя психопатическія особенности и 2) развившуюся на этой почвѣ душевную болѣзнь». Самъ д-ръ Баженовъ не довольствуется же такимъ опредѣленіемъ, какъ мы видѣли, въ рѣчи «Душевная драма Гаршина» и въ ниже разсматриваемой статьѣ «Больные писатели и патологическое творчество». Остается только пожалѣть, что д-ръ Баженовъ не довелъ до конца высказанное имъ же вначалѣ пожеланіе. Пробѣлъ этотъ пополняетъ проф. Чижъ ¹⁾ въ своемъ въ высокой степени обстоятельномъ трудѣ, напечатанномъ въ «Вопросахъ философіи и психологіи». Здѣсь собрано также много біографическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ проф. Чижъ нѣсколько расходится въ діагнозѣ съ д-ромъ Баженовымъ, предполагая, что у Гоголя былъ параноическій характеръ ²⁾ въ связи съ общей невропатіей.

Признаніе у Гоголя параноическаго характера, по-моему, очень вѣроятно, а приступы меланхоліи, которые д-ръ Баженовъ скло-

¹⁾ Проф. Чижъ. Болѣзнь Гоголя. «Вопр. Философ. и Психол.» 1903 г. кн. 67, 68, 69 и 1904 г. кн. 70, 71.

²⁾ Миѣ очень было пріятно узнать, что проф. Чижъ признаетъ особый параноическій характеръ, какъ разновидность психопатическихъ натуръ. Въ существованіи такого характера я, несмотря на свою недолголѣтнюю психіатрическую дѣятельность, давно убѣдился, конечно, наблюдая такихъ людей не въ больницѣ.

нень разсматривать какъ приступы самостоятельной болѣзни, а бы скорѣе отнесъ только къ эпизодамъ его длительного параноического состоянія, перешедшаго впоследствии въ первичное сумашествіе. Теперь посмотримъ, какое вліяніе, по мнѣнію проф. Чижа, имѣла болѣзнь на творчество Гоголя. Прежде всего мы узнаемъ, что художественное дарованіе Гоголя послѣ тяжелыхъ приступовъ меланхоліи ослабѣвало. Малороссійскія повѣсти и «Ревизоръ» были написаны значительно раньше. Что касается «Мертвыхъ Душъ», то для проф. Чижа является несомнѣннымъ, что все воспроизведенное въ нихъ было воспринято Гоголемъ до его отъѣзда изъ Россіи, что еще до этого момента весь матеріалъ для этого удивительнаго произведенія былъ уже готовъ».

Уменьшеніе таланта замѣтно для проф. Чижа и при чтеніи самой геніальной сатиры. Такъ Гоголь уже «не заботится о вѣрности или точности внѣшней обстановки дѣйствія, не постарался узнать, что ему было неизвѣстно». Вторая часть «Мертвыхъ Душъ» еще болѣе говоритъ о томъ же. Сравненіе первой и второй редакціи Тараса Бульбы убѣждаетъ автора, что художественный вкусъ Гоголя ослабѣлъ: истинно художественныя мѣста замѣняются искусственной риторикой и мелодраматическими положеніями. Послѣ припадка въ 1839 году геній Гоголя ослабѣлъ настолько, что драма изъ малороссійской жизни ему совершенно не удалась; Гоголь остановился въ самомъ началѣ. «Патологической организаціей нервной системы Гоголя,—читаемъ дальше,—мы должны объяснить своеобразную особенность его творчества: ни у одного художника нѣтъ такъ много незаконченныхъ или даже только начатыхъ произведеній, какъ у Гоголя. Число намъ извѣстныхъ незаконченныхъ произведеній крайне велико, законченныхъ же относительно мало». 1841 г., по мнѣнію проф. Чижа, является окончательнымъ въ дѣятельности Гоголя. Извѣстно, что сатирическое отношеніе Гоголя къ русской дѣйствительности нѣкоторые ученые объясняли его малороссійскимъ происхожденіемъ. Несогласный съ этимъ акад. Пыпинъ полагаетъ его причину во всемъ характерѣ развитія Гоголя. Проф. Чижъ оспариваетъ и это мнѣніе. Онъ утверждаетъ, что Гоголь былъ человѣкъ безчувственный къ страданіямъ крѣпостныхъ и вообще былъ болѣе или менѣе солидаренъ съ современнымъ ему порядкомъ жизни. Сатирическое и особенно

мрачное отношеніе проф. Чиждъ объяснетъ постепенно успли-
вавшимся меланхолическимъ настроеніемъ, постоянными неприят-
ными чувствованіями, развивавшимися между прочимъ благодаря
половому недоразвитію. Его же художественный геній былъ для
него, какъ для человѣка, чѣмъ-то внѣшнимъ, своего рода раз-
дѣленіемъ его натуры и какъ бы самъ по себѣ тянулся къ свѣту
и правдѣ. «Изученіе біографіи Гоголя, — пишетъ проф. Чиждъ, —
крайне поучительно и для психолога и для психіатра, такъ какъ
ясняетъ намъ, насколько геніальность можетъ быть не слита
со всей личностью автора; геніальность можетъ быть чѣмъ-то
чуждымъ, постороннимъ всей натурѣ, всей духовной организа-
ціи автора».

Не изучивъ непосредственно всего матеріала, относящагося къ
жизни Гоголя, трудно возразить что-либо по существу ува-
жаемому профессору. Но съ нѣкоторыми его объясненіями и
утвержденіями нелегко согласиться.

Напримѣръ, сатирическое отношеніе Гоголя къ современной
ему дѣйствительности проф. Чиждъ объясняетъ исключительно
или въ лучшемъ случаѣ по преимуществу органическими причи-
нами, не признавая «всего его характера развитія», тѣмъ болѣе,
что онъ былъ безчувственъ, благонадеженъ и т. п. Мнѣ кажется
объясненіе это грѣшитъ положительно неполнотою и односто-
ронностью.

Изъ данныхъ, сообщенныхъ авторомъ, нужно заключить, что
сатирическое отношеніе не имѣло своего источника въ альтруи-
стическихъ и гражданскихъ чувствахъ писателя. Допустимъ это,
хотя и не безъ колебанія, такъ какъ у подобныхъ Гоголю не-
вропатическихъ натуръ одновременно отлично могутъ уживаться
самыя противоположныя чувства. Итакъ, предположимъ, что
источникомъ служили неприятныя органическія чувствованія, но
вѣдь это только источникъ. А характеръ, содержаніе произве-
деній? Помимо чисто художественно-изобразительной стороны.
общее направленіе, весь т. с. нравственный тонъ произведеній
чѣмъ же обусловленъ какъ не характеромъ всего такъ или иначе
полученнаго развитія? Какъ бы бессознательно, интуитивно ни
было творчество Гоголя, какъ бы оно ни шло въ разрѣзъ со
всѣмъ складомъ его обыденной личности, нравственный лейтъ-
мотивъ его сатирическихъ произведеній, его «незримыя міру
слезы сквозь видимый смѣхъ» свидѣтельствуютъ, что его душѣ

не были чужды ни альтруистическія, ни гражданскія чувстваванія. И чѣмъ интуитивнѣе его творенія, тѣмъ съ большимъ правомъ нужно признать, что эти чувстваванія заложены въ самой основѣ его личности.

Трудно согласиться и съ нѣкоторыми частными утвержденіями. Такъ проф. Чижъ пишетъ: «только здоровые могутъ любить свободу, истину, челоѣчество, возмущаться произволомъ, стремиться къ свѣту, облегчать страданія оскорбленныхъ и униженныхъ» (671). А Гл. Успенскій, Гаршинъ? И неужели проф. Чижъ не встрѣчалъ среди своихъ паціентовъ-невропатовъ и даже страдавшихъ душевнымъ разстройствомъ, конечно, еще не слабоумныхъ—людей съ высокими душевными качествами? Мой опытъ не позволяетъ мнѣ вполне согласиться съ уважаемымъ профессоромъ. Далѣе, по мнѣнію проф. Чижа, такого раздвоенія личности челоѣка и личности художника не бываетъ у здороваго писателя. Если рѣчь идетъ только объ отношеніи Гоголя къ его твореніямъ, то укажу хотя бы на Л. Н. Толстого, въ здоровьѣ котораго не приходится сомнѣваться и который пишетъ 1): «При этомъ еще долженъ замѣтить, что свои художественныя произведенія я причисляю къ области дурного искусства, за исключеніемъ разсказа «Богъ правду видитъ», желающаго принадлежать къ первому роду и «Кавказскаго Плѣнника», принадлежащаго ко второму».

Только что сказанное, конечно, не умаляетъ достоинства чѣннаго изслѣдованія проф. Чижа.

Имѣя въ виду намѣченную въ моей работѣ задачу, необходимо отмѣтить слѣдующіе выводы изъ труда проф. Чижа: 1) ослабленіе дарованія Гоголя подъ вліяніемъ болѣзни, въ которой нужно признать постепенно съ перерывами развивающееся первичное сумасшествіе; 2) ослабленіе дарованія сказалось на качествахъ самихъ произведеній, въ ихъ недостаткахъ и наконецъ невозможности больше творить; 3) вѣроятное значительное раздвоеніе и даже противоположность обыденной личности писателя и творца гениальныхъ произведеній; 4) творчество, какъ душевный актъ, можетъ быть не только мало зависимымъ, но какъ бы противоположнымъ всему обыденному складу личности челоѣка.

1) Л. Н. Толстой. «Что такое искусство?» Вып. II, 1898 г., стр. 224.

Вопросы философіи, кн. 73.

Послѣдній выводъ вообще и въ частности примѣнительно къ Гоголю требуетъ значительныхъ оговорокъ.

Болѣзни же Гоголя былъ посвященъ докладъ д-ра Г. Я. Трошина, прочитанный въ 1902 году въ засѣданіи Русскаго общества нормальной и патологической психологіи въ Петербургѣ. Авторъ, насколько мнѣ не измѣняетъ память, считаетъ Гоголя совершенно душевно-здоровымъ человѣкомъ, или въ худшемъ случаѣ неврастеникомъ. Всѣ же недомоганія его объясняетъ хроническимъ отравленіемъ малярійнымъ ядомъ.

Въ этомъ же направленіи написана работа проф. Чижа «Пушкинъ, какъ идеалъ душевнаго здоровья»¹⁾, въ которой онъ ставитъ себѣ между прочимъ цѣлью провѣрить теорію Ломброзо о родствѣ гениальности и помѣшательства.

Но «выясненіе этого вопроса,—пишетъ авторъ,—однако не исчерпываетъ всей задачи изученія психіатромъ жизни и произведеній Пушкина. Это изученіе приводитъ къ несомнѣнному заключенію, что Пушкинъ обладалъ идеальнымъ душевнымъ здоровьемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ психіатру матеріалы для сужденія, чѣмъ отличаются произведенія больныхъ гениевъ отъ твореній идеально здороваго генія, а главное, въ чемъ состоитъ идеальное душевное здоровье». Для выясненія всего этого проф. Чижъ обычнымъ образомъ пользуется какъ біографическими данными, такъ и разборомъ произведеній. Первымъ удѣляется нѣсколько меньше двухъ печатныхъ страничекъ крупнаго шрифта, и на основаніи этихъ болѣе чѣмъ скудныхъ данныхъ дѣлается заключеніе объ идеальномъ душевномъ здоровьѣ Пушкина.

«Я какъ психіатръ,—говоритъ проф. Чижъ,—удивляюсь, какъ могъ Пушкинъ перенести всѣ постигавшія его бѣды». Бѣды же эти сводились къ заботамъ о деньгахъ для удовлетворенія потребностей жены, суровому деспотизму Бенкендорфа, враждебному отношенію нѣкоторой части общества и семейнымъ неприятностямъ». Онъ даже не заболѣлъ неврастеніемъ. «Правда, онъ похудѣлъ, пожелтѣлъ, вздрагивалъ при внезапномъ шумѣ и т. п.; настроеніе духа сдѣлалось дурнымъ. «Но вѣдь такое состояніе вполне нормально», заключаетъ проф. Чижъ. Прежде

¹⁾ Проф. Чижъ. Оттискъ изъ Ученыхъ Записокъ Юрьевскаго университета. 1899 годъ.

всего я сомнѣваюсь, чтобы такое состояніе было нормально, когда человѣкъ «похудѣлъ, пожелтѣлъ, вздрагивалъ при внезапномъ шумѣ».

Далѣе припомнимъ, что Достоевскій всю жизнь былъ въ неизмѣримо худшихъ условіяхъ послѣ каторги и, несмотря на эпилепсію, вынесъ ихъ. Я этимъ не хочу выразить сомнѣнія въ идеальномъ здоровьѣ Пушкина, для меня только не убѣдительно недостаточныя доказательства проф. Чижа. Особенно данныя о здоровьѣ Пушкина поражаютъ своею бѣдностью при сравненіи съ таковыми въ работѣ о болѣзни Гоголя.

Разборъ произведеній еще больше убѣждаетъ проф. Чижа въ идеальномъ здоровьѣ Пушкина. Въ творествѣ великаго поэта «поражаетъ благородное стремленіе къ истинѣ, добру и красотѣ». Такое же гармоническое пониманіе истины, добра и красоты присуще только здоровымъ людямъ и здоровымъ гениямъ, конечно, въ большей мѣрѣ и силѣ.

Поэтому же Пушкинъ имѣлъ полное, цѣльное міровоззрѣніе, былъ глубоко свѣдуещъ въ современныхъ ему знаніяхъ. Мы уже знакомы со взглядомъ проф. Чижа на отношеніе душевно-больныхъ и въ частности писателей къ «двуединой правдѣ» (Михайловскій), знаемъ, что взглядъ этотъ не всегда приложимъ, требуетъ оговорки. Сдѣлаю ее я и въ данномъ случаѣ, указавъ на нецензурныя, но извѣстныя стихотворенія Пушкина. Я не думаю, чтобы они свидѣтельствовали только о «шалостяхъ» поэта, и если красота въ нихъ, можетъ быть, не пострадала, то добро всякомъ случаѣ, понесло ущербъ. Напомню чрезмѣрно строгое и потому неполнѣ справедливое отношеніе Л. Н. Толстого ¹⁾ къ Пушкину съ точки зрѣнія той же правды, чтобы имѣть большее право усомниться въ приложимости этого критерія къ произведеніямъ Пушкина.

Прежде чѣмъ перейти къ авторамъ, разбиравшимъ литературныя произведенія, затрагивающія психопатологическія темы, необходимо остановиться на работахъ, такъ сказать, переходныхъ, въ которыхъ, если и разсматриваются такія произведенія, то постольку, поскольку въ нихъ отражается душа художника, и такимъ образомъ также дается возможность уразумѣть тотъ же занимающій насъ процессъ художественнаго творчества.

¹⁾ Л. Н. Толстой. Что такое искусство², изд. 1898 г.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытна статья д-ра Баженова: «Больные писатели и патологическое творчество»¹⁾. Авторъ прямо говоритъ, что тема его бесѣды «ограничена вопросомъ о томъ, какъ отражается душевная болѣзнь писателя въ его произведеніяхъ». Это отраженіе выражается въ трехъ типахъ. Во первыхъ—художественный пересказъ перенесеннаго психическаго разстройства. Такъ Гаршинъ въ «Красномъ Цвѣткѣ» и Gerard de Nerval въ «Aurélia» описали острое душевное разстройство, которымъ сами страдали, а Эома de Quinсеу и Эдгардъ Поэ дали прекрасное изображеніе отравленія опиумомъ и алкоголемъ, которыми они такъ часто злоупотребляли. Во-вторыхъ—«своеобразный отпечатокъ психопатическихъ особенностей писателя на всеъ его творствѣ». Д-ръ Баженовъ вполне справедливо говоритъ, что «еще болѣшій интересъ представляетъ анализъ того, какимъ образомъ извѣстныя свойства ума и характера автора, въ данномъ случаѣ его психопатическія особенности, отражаются на его произведеніяхъ». Извѣстно, что Достоевскій страдалъ эпилепсіей. Онъ далъ намъ прекрасное описаніе такъ называемой эпилептической ауры у князя Мышкина (въ «Идиотѣ») и Кириллова (въ «Бѣсахъ») и эпилептическаго характера, начинная съ Нелли («Униженные и оскорбленные») и кончая Смердяковымъ («Братья Карамазовы»). Бѣлинскій отмѣтилъ въ талантѣ Достоевскаго «нервичность». Михайловскій назвалъ его «жестокимъ талантомъ». Эту «жестокость таланта», это частое «сближеніе любви и дружбы со злобою и ненавистью, совпаденіе сладострастія съ мукой или истязаніемъ» д-ръ Баженовъ склоненъ объяснить болѣзненнымъ складомъ души автора «Преступленія и наказанія». Аналогичный примѣръ представляетъ Maupassant, отличительной болѣзненной чертой котораго, по мнѣнію д-ра Баженова, была индифферентность, несвойственная особенно его возрасту. Авторъ полагаетъ, что Maupassant пользовался своими патологическими настроеніями, какъ канвой для своихъ разсказовъ.

Такъ по поводу разсказа «Un cas de divorce» д-ръ Баженовъ пишетъ: «хотя нѣтъ никакого основанія думать, что Maupassant страдалъ такимъ же патологическимъ извращеніемъ, какъ герой этого разсказа, но можно съ увѣренностью предполагать, что онъ

¹⁾ Баженовъ I. с. 1903 г.

воспользовался ощущеніемъ своей аномальной психологической реакціи, чтобы, исходя отъ нея, объяснить эти болѣзненные состоянія».

И, наконецъ, третій типъ отраженія душевной болѣзни автора въ его произведеніяхъ выражается въ созданіи имъ такихъ образовъ и анализѣ такихъ психологическихъ состояній, которыя могли быть воспроизведены только благодаря сочетанію въ авторѣ большого таланта съ большимъ душевнымъ страданіемъ.

Благодаря этому третьему типу отраженія Достоевскимъ такъ превосходно описаны тогда еще почти неизвѣстныя наукѣ и теперь недостаточно разработанныя навязчивыя идеи и импульсивныя влеченія на вырождающейся основѣ у Ставрогина и Мопассаномъ въ разсказѣ «Un fou».

Приведенному разбору д-ра Баженова, конечно, нельзя отказать въ глубинѣ и тонкости. Все высказанное имъ вполне возможно, вѣроятно и, я бы сказалъ, типично для большинства писателей, изображавшихъ темныя, больныя стороны души. Но отсюда какъ бы самъ собою рождается вопросъ: является ли описаніе этихъ темныхъ больныхъ сторонъ души *всегда* или большею частью только художественнымъ претвореніемъ субъективныхъ качествъ автора или для ихъ воспроизведенія достаточно воспріятія объективно наблюдаемаго? Другими словами, *всегда* ли патологическіе образы и чувствованія субъективны, т. е. являются нераздѣльною частью обыденной личности автора или только случайными объективно воспріятыми и временными переживаніями его художественнаго вдохновенія? Этому вопросу д-ръ Баженовъ, къ сожалѣнію, не коснулся. А между тѣмъ мы знаемъ большихъ писателей, прекрасно изображавшихъ (конечно не такъ много какъ Достоевскій и Мопассанъ) больныя стороны души, душевное здоровье которыхъ не подлежитъ сомнѣнію. Для примѣра назову Тургенева, Толстого, изъ иностранныхъ хотя бы Золя ¹⁾.

Какъ бы продолженіемъ этой статьи является другая работа д-ра Баженова «Символисты и декаденты» ²⁾. Въ противополож-

¹⁾ Исслѣдованіе, предпринятое Toulouse показало, что Золя, несмотря на навязчивыя идеи, могъ считаться человѣкомъ вполне уравновѣшеннымъ *Ed. Toulous Enquête medico-psychologique sur les rapports de la supériorité intellectuelle avec neuropathie. Emile Zola. Paris, 1896.*

²⁾ *Баженовъ.*

ность нѣмецкому врачу Максу Нордау ¹⁾ и французскому—Emile Lorent ²⁾, писавшихъ на ту же тему, д-ръ Баженовъ сознаетъ что «слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ приложеніи къ художественнымъ явленіямъ такого спеціального и исключительнаго критерія, какъ психіатрической»... Въ народненіи и успѣхѣхъ символистовъ и декадентовъ нужно видѣть явленіе сложное, для оцѣнки котораго необходимо принять во вниманіе нормальные психологическіе факторы, своего рода реакцію противъ чрезмѣрнаго реализма въ искусствѣ, позитивизма въ наукѣ, нѣкотораго матеріализма въ философіи и т. п. Все это должны оцѣнить историки, социологи и художественные критики.

Автора же, какъ психіатра, занимаетъ жизнеспособность этого направленія и творческая сила его представителей, судя по ихъ біографіямъ и произведеніямъ. Указавъ на тотъ фактъ, что среди декадентовъ есть не мало лицъ совершенно здоровыхъ, не мало простыхъ раздражителей вольныхъ и невольныхъ, д-ръ Баженовъ останавливается на разборѣ какъ произведеній, такъ и біографическихъ данныхъ нѣкоторыхъ замѣтныхъ и выдающихся представителей этого направленія, именно Бодлерѣ, Верленѣ, Уайльдѣ, Шамбижѣ. Результатъ, къ которому онъ пришелъ, тотъ, что всѣ они страдали «нервно-психическимъ расстройствомъ, при томъ въ такой сильной степени, которая приводитъ въ психіатрическую больницу или на скамью подсудимыхъ».

Что касается литературныхъ произведеній большинства этихъ писателей, то авторъ въ нихъ отмѣчаетъ: «скудость фантазіи и убожество мысли, поверхностность, капризность и причудливость настроенія, извращенность вкусовъ и вообще ненормальность психологической реакціи, нравственную тупость, уродливость и болѣзненность ассоціативныхъ и высшихъ логическихъ процессовъ, равную той, которую можно наблюдать въ тяжелыхъ и большею частью неизлѣчимыхъ формахъ психозовъ, а рядомъ съ этимъ ничѣмъ немотивированную переоцѣнку собственной личности».

Отмѣтивъ эти черты у декадентовъ, д-ръ Баженовъ задается вполне понятнымъ вопросомъ, можно ли согласиться съ Максомъ Нордау о всеобщемъ вырожденіи, «являемся ли мы въ самомъ дѣлѣ свидѣтелями періода упадка и умиранія старыхъ культур-

¹⁾ Макс Нордау. Вырожденіе.

²⁾ Emile Lorent. La poésie décadente devant la Science psychiatrique. 1897.

ныхъ расъ?» И отвѣтъ мы получаемъ вполнѣ правильный и, конечно, отрицательный, основываясь на томъ, что среди представителей и другихъ литературныхъ теченій—какъ прежде, такъ и теперь—были и есть больные люди. Что же касается родства гениальности и безумія, то даже, если согласиться съ Ломброзо, то число, имъ насчитанное, очень невелико и при томъ среди нихъ встрѣчаются такіе гении, о которыхъ едва ли кто слышалъ, какъ Lee, Layd и др.

Все таки остается невыясненнымъ, почему, дѣйствительно, среди декадентовъ больше больныхъ, чѣмъ среди представителей другихъ литературныхъ теченій и почему даже здоровые писатели этой школы (Метерлинкъ) самостоятельно или подражательно считаютъ нужнымъ давать намъ творенія уродливыя по формѣ и по содержанію? Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, обратимся еще къ психіатрамъ, разбиравшимъ декадентовъ. Близко подходит къ разрѣшенію этого вопроса д-ръ Шейнисъ ¹⁾. Въ новомъ искусствѣ онъ видитъ выраженіе уклоненія отъ нормальнаго протеста противъ чрезмѣрнаго реализма и еще глубже отживающаго строя жизни. Авторъ полагаетъ, что психіатры, объясняющіе все направленіе ненормальностью его представителей, ничего въ сущности не объясняютъ, такъ какъ всякое направленіе можетъ насчитать въ рядахъ своихъ нѣсколько больныхъ людей. Направленіе это прежде всего явленіе общественное и нужно показать тѣ общественныя условія, въ силу которыхъ могла развиться основная черта этого направленія «непреодолимое желаніе выпятить на всеобщее удивленіе свое я» (Михайловскій). Вся суть, по мнѣнію д-ра Шейниса, заключается въ нарушеніи связи между высшею и автоматическою психическою дѣятельностью, и этотъ разрывъ зависитъ не столько отъ болѣзненности отдѣльныхъ представителей, сколько отъ нравственнаго оскуднѣнія.

Нельзя не согласиться въ общемъ съ мнѣніемъ д-ра Шейниса, но нельзя, мнѣ кажется, также принять его чрезмѣрно скептическое отношеніе къ вмѣшательству психіатровъ. Всякому понятно, что декадентство и символизмъ, какъ художественно-

¹⁾ Л. Шейнисъ. Роль психическаго автоматизма въ „новомъ искусствѣ“ Рус. Богат. 1901 г. Сентябрь.

Онъ-же. Форма и содержаніе въ произведеніяхъ искусства. Рус. Богатство. 1901 г. Августъ.

литературное теченіе, возникло изъ естественной реакціи противъ своеобразно понятаго и прочувствованнаго позитивизма, изъ неудовлетворенности выводами науки, изъ усталости въ общественно-политической борьбѣ за лучшее будущее, изъ реакцій противъ крайностей реализма. Всѣ эти причины, какъ полагаетъ д-ръ Шейнисъ, привели къ тому, что появилось нравственное оскудѣніе (маленькій скачокъ!). Противъ этого, конечно, трудно спорить, и я вполнѣ согласенъ, что въ этомъ именно заключается *prima causa*. Причины эти по природѣ своей общественно-психологическія. Но что дальше слѣдуетъ? Къ чему ведетъ нравственное оскудѣніе? Къ разрыву между высшею и автоматическою дѣятельностью, отвѣчаетъ д-ръ Шейнисъ, и къ преобладанію въ творествѣ низшихъ психическихъ актовъ.

Мнѣ кажется, возможно спросить, что же *преобладаніе* автоматической душевной дѣятельности вполнѣ нормальное явленіе? Я думаю, одинъ фактъ его преобладанія указываетъ на его приближеніе къ патологии.

Теперь умѣстно сдѣлать попытку отвѣтить на поставленный вопросъ о значительномъ числѣ душевно-ненормальныхъ среди декадентовъ и объ уродливыхъ болѣзненныхъ чертахъ ихъ творчества. Признавъ вышеприведенныя основныя причины, породившія это направленіе, нужно отмѣтить, что основной чувственный тонъ этихъ сложныхъ условій: *разочарованіе, недовольство и усталость*—состоянія, отличающіяся угнетающимъ свойствомъ. *Угнетеніе* же ведетъ къ усилению эгоистическихъ чувствованій (чрезмѣрное выпячиваніе собственнаго я, нравственное оскудѣніе), сознанию собственной слабости и необходимости опоры, хотя бы въ мистицизмѣ и т. п.

Угнетеніе, само по себѣ какъ настроеніе мало, конечно, жизненно-живительное, охватывая въ извѣстное время цѣлое общество, должно прежде всего привлекать людей, которые такъ или иначе предрасположены къ его воспріятію и воспріятію всего, что съ нимъ связано и изъ него вытекаетъ. Отсюда понятно, что въ числѣ многихъ, особенно первыхъ представителей этого направленія являются больные люди, которые благодаря своей нервозности способны дѣйствовать на толпу, возбуждать раздраженіе. Сказаннымъ дается отвѣтъ только на одну половину вопроса о большомъ числѣ больныхъ среди декадентовъ. Почему же это направленіе имѣло успѣхъ, несмотря на все свое под-

часть уродливое проявленіе? Полностью отвѣтить не легко. Можно сдѣлать такое предположеніе. Успѣхъ оно имѣлъ потому, что основной психологическій моментъ его, основное настроеніе, его породившее—угнетеніе, охватывало само общество. И значительная часть общества приняла это направленіе, потому что почувствовала въ немъ отвѣтъ на свои чувствованія и запросы, пользуясь и мирясь съ его уродливостями или же изъ подражанія, или же изъ несмѣлости, или же изъ предпочтенія содержанія, несмотря на форму.

Но мы уже теперь знаемъ, что направленіе это недолговѣчно. Съ ослабленіемъ угнетенія какъ въ теоріи, такъ особенно на практикѣ, съ отклоненіемъ «протеста» на рациональный путь, съ выясненіемъ возможности обновленія дальнѣйшихъ сочетаній научно философскаго детерминизма съ нравственнымъ идеализмомъ и индивидуализма съ общественностью, и въ искусствѣ проявилось новое воскресшее живое направленіе, сильное своей вѣрой въ личность человѣка и въ необходимую для него общественность. Такое содержаніе облеклось и въ надлежащую ясную, понятную всѣмъ и потому художественную форму.

Послѣдняя статья д-ра Баженова, двѣ работы д-ра Шейниса и нѣкоторыя соображенія, только что высказанныя мною, даютъ право на заключеніе, что задача психіатра-критика сводится не только къ выясненію психическаго механизма творчества изъ сопоставленія твореній больныхъ писателей и ихъ жизни, но еще больше къ общественно-психологическому и въ частности общественно-психіатрическому анализу условій той или другой ненормальной струи какого-либо художественнаго направленія.

Къ сожалѣнію этого взгляда не придерживается третій психіатръ, писавшій о символизмѣ, именно д-ръ Россолимо ¹⁾. Ссылаясь на авторитетъ Ламброзо и Макса Нордау, д-ръ Россолимо считаетъ символизмъ боьнымъ искусствомъ. Но если объясненіе декадентства д-ромъ Россолимо оставляетъ желать многого, то въ его интересной статьѣ есть мѣста, касающіяся психологіи художественной дѣятельности и творчества, заслуживающія серьезнаго вниманія. Согласно съ А. Чеховымъ (автобіографическія свѣдѣнія) д-ръ Россолимо полагаетъ, что «условія

¹⁾ Г. И. Россолимо. Искусство, больные нервы и воспитаніе. Русская мысль 1901 г. № 2.

художественнаго творчества въ иныхъ случаяхъ рѣшительно требуютъ уклоненія отъ научной точности», поэтому «подвергать художественные образы точному психіатрическому разбору, ставить діагностику и ранжировать ихъ по клѣткамъ психіатрической классификаціи представляетъ безцѣльную работу и свидѣтельствуеетъ о непониманіи психологическихъ законовъ эстетики».

Я никакъ не могу принять полностью суроваго и категорическаго взгляда автора.

Конечно, художественное изображеніе душевнаго уклоненія не можетъ и не должно быть научно-протокольнымъ, какъ желалъ это представить хотя бы Золя, и тѣмъ, конечно, грѣшилъ противъ основнаго требованія искусства, не изгонять иллюзіи. Но оно должно отличаться условностью, возможнымъ соотвѣтствіемъ дѣйствительности и, конечно, типичностью. Принимая это во вниманіе, психіатръ-критикъ и долженъ разсматривать его, какъ рисующее условно-возможное и типичное. Въдѣ тѣ описанія душевныхъ заболѣваній, которыя даютъ намъ учебники, тоже только типичны; только тутъ ихъ типичность выводится путемъ объективнаго наблюденія, логическаго сопоставленія и обобщенія; художникъ также объективно наблюдаетъ, большею частью интуитивно познаетъ, интуитивно же обобщаетъ и образно представляетъ. Мнѣ кажется вся разница въ интуитивномъ познаваніи и образномъ представленіи. Но такъ какъ и послѣдняя дѣятельность касается изображенія дѣйствительности же, то, ограничивая себя извѣстною условною возможностью и типичностью, можно подойти съ научной критикой безъ боязни «безцѣльности подобной работы».

Интересны взгляды д-ра Россолимо на психологическія условія художественнаго творчества, благопріятствующія душевнымъ заболѣваніямъ. «Въ художественномъ творествѣ, пишетъ авторъ, участвуютъ три элемента психической жизни, т.-е. 1) эмоція, 2) воображеніе съ образами воспоминанія и псевдо-галлюцинаціями и 3) специальная интеллектуальная энергія, служащая для управленія первыми двумя моментами въ цѣляхъ регулированія или возбужденія ихъ; во-вторыхъ, эмоціональная сфера должна быть не только особенно чувствительна сама по себѣ, но и должна подъ вліяніемъ извѣстнаго сочетанія образовъ давать мѣсто специфической, такъ называемой эстетической эмоціи. Въ-третьихъ, образы должны отличаться яркостью, тѣлесностью, должны

сочетаться съ извѣстнымъ чувствомъ способствовать мотивированному настроенію и, сверхъ того, не должны прерывать связи съ остальнымъ духовнымъ строемъ художника; наконецъ, въ четвертыхъ, чувствительность эмоциональной сферы и корковыхъ центровъ высшихъ органовъ чувствъ должна быть настолько велика, чтобы вліяніе воли на бессознательный міръ могло бы ограничить со способностью самовнушенія образовъ и настроеній,— другими словами, если возбудимость мозговой дѣятельности художника не должна переходить за предѣлы нормы, то во всякомъ случаѣ она должна занимать пограничную область между нормальнымъ состояніемъ и патологіей; поэтому нѣтъ основаній настаивать на томъ, что самый процессъ художественнаго творчества есть въ простомъ смыслѣ слова патологическій процессъ; тѣмъ не менѣе, однако, слѣдуетъ признать, что онъ требуетъ такихъ особенностей нервной системы и приводитъ ее въ такія состоянія, при которыхъ болѣе чѣмъ возможны расстройства ея дѣятельности въ зависимости всего болѣе отъ сторонъ ея, участвующихъ въ качествѣ элементовъ процесса нормальнаго художественнаго творчества».

Насколько я понимаю автора, мысли его сводятся къ слѣдующему: во время художественнаго творчества наблюдается особенное состояніе душевной дѣятельности, которая сводится 1) къ повышенной эмоциональности и въ частности эстетической, 2) яркости образовъ, не оторванныхъ отъ всего душевнаго склада художника, и 3) къ такой возбудимости мозговой дѣятельности, которая стояла бы на границѣ съ болѣзненностью. Отсюда выводъ, что художественное творчество, представляетъ собою процессъ не болѣзненный, но близкій къ таковому.

Едва ли можно сомнѣваться въ наличности указанныхъ элементовъ въ художественномъ творествѣ. Но количественная по интенсивности близость этихъ элементовъ съ таковыми при душевномъ разстройствѣ или вѣрнѣе, я сказалъ бы, количественная аналогія не даетъ еще права говорить о пограничности двухъ процессовъ, а слѣдовательно о предрасположеніи. Если вспомнить ту качественную разницу обоихъ состояній, тѣ чисто органическія, чисто токсическія условія, которыя лежатъ въ основѣ душевнаго заболѣванія, то эта видимая пограничность окажется не такой уже близкой. Если же мы и наблюдаемъ какъ будто часто комбинацію болѣзни и художественнаго да-

рованія, то это возможно и какъ осложненіе, а не психологическая связь. Не чаще ли можно встрѣтить душевныя уклоненія у людей безъ художественнаго таланта? Я думаю съ этимъ вопросомъ приходится считаться.

Теперь, мнѣ кажется, возможно подвести итогъ всему сказанному.

Необходимо рѣшить, какія цѣли должны преслѣдовать работы психіатровъ, въ которыхъ разсматриваются жизнь больного художника и его произведенія, какъ матеріаль для познанія психологии его и его творчества. Цѣли эти могутъ имѣть въ виду, съ одной стороны, интересы психіатрической науки, съ другой, интересы художественно-научной критики и искусства.

Психіатрія можетъ извлечь извѣстную выгоду изъ подобнаго рода работъ. Конечно, одно опредѣленіе, что такой-то писатель страдалъ такою-то формою душевнаго расстройства, ничего не даетъ. Гораздо важнѣе для нашей науки, какъ болѣзненные черты писателя отражаются въ его твореніяхъ. Особенную цѣну получаютъ такія произведенія, въ которыхъ авторъ описываетъ перенесенное имъ душевное расстройство, на примѣръ, «Красный Цвѣтокъ» Гаршина, состояніе предъ припадкомъ падучей, такъ мастерски описанное Достоевскимъ. Если мы цѣнимъ рассказы и записи обыкновенныхъ больныхъ, то такіе автобіографическіе рассказы писателей, какъ наиболѣе тонкихъ и чуткихъ наблюдателей, еще болѣе должны имѣть для насъ значеніе. Ихъ проникновенная наблюдательность и художественная интуиція—качества, которыми не обладаемъ мы, научно-вооруженные наблюдатели, не разъ еще окажутъ услугу нашей наукѣ. Изученіе произведеній не автобіографическаго характера можетъ служить цѣннымъ подспоріемъ для сужденія объ отношеніи художественнаго дарованія ко всему душевному складу художника вообще и къ лучшему уясненію сложной психологии высшаго дегенеранта.

Сказаннымъ не исчерпывается польза, которую можетъ извлечь психіатрія изъ подобнаго рода работъ. Дальнѣйшія выгоды, о которыхъ я намѣренъ говорить, одинаково имѣютъ значеніе какъ для психіатрії и психологии, такъ и для художественно-научной критики и искусства.

Фактъ нерѣдкаго совпаденія художественнаго таланта съ душевными уклоненіями обязательно приводитъ къ необходимости

разсмотрѣть это интересное сочетаніе. Каково же отношеніе таланта къ душевной болѣзни?

Не думаю, чтобы въ настоящее время кто-либо изъ психіатровъ придерживался крайнихъ взглядовъ Ламброзо и скоропѣлыхъ обобщеній Макса Нордау. Подлежитъ также сомнѣнію то утвержденіе, что художественное творчество и дѣятельность по интенсивности психического процесса и характеру психическихъ элементовъ ему присущихъ близки, стоятъ на границѣ съ таковыми при помѣшательствѣ. Нужно думать, что состоянія эти скорѣе аналогичны, чѣмъ родственны и различаются не только количественно, но непремѣнно качественно. Я полагаю, если сравнить произведенія нормальнаго творчества съ таковыми во время «легкихъ маниакальныхъ приступовъ» или даже невропатической экзальтаціи, разница получится замѣтная. Болѣзнь, какъ было отмѣчено, только губить въ концѣ-концовъ талантъ. Если же мы и знаемъ совершенныя произведенія, созданныя больными людьми и даже въ болѣзненномъ состояніи, то мы не знаемъ еще, какого бы совершенства достигли они, если бы ихъ творцы были здоровы. Мнѣ кажется, а ргіоі можно предположить, что душевный процессъ творчества, какъ наиболѣе совершенный и полезный для человѣка, не можетъ быть по природѣ своей родственъ болѣзненному. Изслѣдованія о душевномъ здоровьѣ художниковъ, подобныя тому, которое сдѣлалъ проф. Чижевскій о Пушкинѣ, могли бы оказать существенную услугу для разрѣшенія намѣченнаго вопроса. Къ сожалѣнію, попытка проф. Чижева не вполне удовлетворяетъ.

Не выходя изъ предѣловъ моей чисто методологической работы, я полагаю не лишнимъ отмѣтить важность рѣшенія слѣдующей задачи въ психологіи и отчасти психопатологіи творчества. Задаются вопросомъ, тѣ или другія отрицательныя черты, порочныя или болѣзненно-порочныя влеченія, которыя изображаются въ произведеніяхъ, являются ли они для художника объективно-наблюденными и только претвореніями извнѣ воспринятаго или же авторъ и воспринимаетъ извнѣ и претворяетъ только потому, что въ душѣ его заложены уже родственныя чувствованія и мысли? Словомъ, какимъ въ данномъ случаѣ является процессъ, болѣе творческо-объективнымъ или творческо-субъективнымъ? И наконецъ, если даже въ душѣ художника и возникаютъ какъ бы самостоятельно, автоматически отрица-

тельные-чувствованія, то переживаются ли они, какъ художественныя интуиціи, воплощаются ли во внѣшніе образы или же входятъ въ составъ обычнаго настроенія и жизни писателя? Точно раздѣлить эти состоянія на практикѣ путемъ непосредственнаго наблюденія и самонаблюденія не легко. Чаше, конечно, попадаются, я сказалъ бы, люди смѣшаннаго типа съ тѣмъ или другимъ преобладаніемъ. Но какой типъ болѣе здоровъ и совершененъ въ смыслѣ высоты и законченности психологическаго процесса, безразлично—будутъ ли изображаться положительныя или отрицательныя качества? По моему—первый типъ, такъ какъ у людей этого типа процессъ творчества болѣе дифференцированъ, конечно, при надлежащей интеграціи съ другими сторонами душевной дѣятельности. Въ только что сказанномъ можно найти и рѣшеніе вопроса объ отношеніи таланта къ обыденному складу душевной жизни художника.

Въ предыдущемъ было также указано, что при разсмотрѣніи психологіи и психопатологіи художника, болѣзненныхъ сторонъ въ томъ или другомъ литературно-художественномъ направленіи невозможно обойти и является существенно-необходимымъ примѣнить общественно-психологическій разборъ. Все сказанное, конечно, существеннымъ образомъ касается какъ психіатрической науки, такъ и художественно-литературной критики и искусства. И все общество, чуткое къ разрѣшенію намѣченныхъ вопросовъ, должно быть благодарно и психіатрамъ, если они правильно, строго объективно, укажутъ, на примѣръ, на болѣзненное происхожденіе какихъ-либо недостатковъ выдающагося и дорогого писателя и тѣмъ въ значительной степени оправдаютъ его предъ судомъ нравственнымъ.

На этомъ я покончу съ первой половиной моей работы о русскихъ психіатрахъ, изучавшихъ здоровую и больную душу писателей въ ихъ жизни и произведеніяхъ, и перейду къ психіатрамъ, разсматривавшимъ выведенныя въ произведеніяхъ лица съ своей спеціальной точки зрѣнія.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

М. Шайкевичъ.

Психическій подборъ.

(Эмпириомонизмъ въ ученіи о психикѣ.)

Поставленная нами задача заключается въ томъ, чтобы показать, въ какомъ направленіи должно развиваться психическое изслѣдованіе, если въ основу его будетъ сознательно положена идея *принципіальнаго единства опыта*. Не желая безъ необходимости повторяться, мы не станемъ заново выяснять въ подробностяхъ свое пониманіе этой «эмпириомонистической» идеи, которое мы формулировали въ предыдущихъ своихъ работахъ ¹⁾; мы приведемъ только тѣ основныя и общія положенія, къ которымъ сводится для насъ ея содержаніе въ сферѣ опыта въ его цѣломъ и въ сферѣ жизненныхъ явленій въ частности.

1. Принципіальный дуализмъ опыта недопустимъ, такъ какъ, при всемъ разнообразіи его элементовъ, элементы эти и въ сферѣ «физическаго», и въ сферѣ «психическаго» опыта *одни и тѣ же, сами по себѣ не физическіе и не психическіе*, а стоящіе внѣ этихъ опредѣленій (положеніе, опредѣленно высказанное и выясненное эмпириокритицистами).

2. «Физическое» и «психическое» представляютъ два различныхъ способа группировки элементовъ опыта, два типа его координаціи, его «организациіи»: «психическое» есть опытъ, организованный *индивидуально*, «физическое» — опытъ, организованный *соціально* (первое положеніе эмпириомонизма).

3. Всякому *объективному* жизненному процессу (физиологическому) соотвѣтствуетъ параллельный *субъективный* жизненный

¹⁾ «Идеаль познанія» (Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ) — «Вопр. фил. и псих.» 1903, 3—4; «Жизнь и психика» (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни), — тамъ же, 9—10 и 11—12. Отчасти также — «Познаніе съ историч. точки зрѣнія», Спб., 1901.

процессъ (ассоціативно протекающія «переживанія»). Этотъ параллелизмъ слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что «физиологическій процессъ» жизни есть отраженіе комплекса субъективныхъ переживаній въ социальномъ-организованномъ опытѣ живыхъ существъ (второе положеніе эмпириомонизма).

4. Прогрессивное развитіе познанія должно вести къ гармонически-цѣлостной, монистической организациі опыта, ближайшимъ выраженіемъ которой является *органическое единство познавательныхъ методовъ*. Оно достигается путемъ подчиненія «субъективнаго» въ опытѣ—«объективному», путемъ примѣненія къ опыту индивидуально-организованному (психическому) приѣмовъ, выработанныхъ въ сферѣ социально-организованнаго (физическаго) опыта. Для нашего времени высшимъ проявленіемъ этой тенденціи представляется *идея всеобщности закона сохранения энергіи* (ученіе, выставленное въ философіи энергетической школой).

Эти основныя идеи послужатъ для насъ исходной точкой при изслѣдованіи общей закономерности психической жизни и психическаго развитія.

А. Основы метода.

1. Схема психо-энергетики.

I.

Задача нашего изслѣдованія цѣликомъ сводится къ *вопросамъ метода*; и потому будетъ вполне естественно начать съ выясненія и анализа самаго общаго методологическаго принципа, которымъ мы будемъ руководиться. Это, какъ мы сказали, принципъ энергетики; а въ сферѣ специально психическаго опыта, о которомъ теперь идетъ дѣло, это — *идея психо-энергетическаго метода*. Итакъ, что же она ближайшимъ образомъ означаетъ?

Понятіе «энергіи» служитъ познанію для того, чтобы представить всѣ явленія какъ *соизмѣримыя*. Оно слагается изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, представленіе объ *измѣримости* всѣхъ явленій,—всѣ явленія разсматриваются какъ «величины»; во-вторыхъ, представленіе объ ихъ всеобщей *эквивалентности*,—признается, что въ непрерывной смѣнѣ явленій одни замѣщаются другими сообразно опредѣленнымъ и постояннымъ количествен-

нымъ отношеніямъ. Таково содержаніе этого понятія, выработанное въ сферѣ «естественныхъ наукъ» научнымъ синтезомъ и научной критикой. Его требуется примѣнить къ «психическимъ» явленіямъ.

Прежде всего приходится задать вопросъ: измѣримы ли психическія явленія? Хотя методы ихъ измѣренія могутъ быть въ данное время очень мало выработаны, несовершенны, приближительны, недостаточны, но принципиальный отвѣтъ на вопросъ этимъ не измѣняется: психическія явленія измѣримы; это *величины*. Поскольку они выступаютъ въ психическомъ полѣ съ большей или меньшей «силой», они представляютъ величины «интенсивныя»; поскольку они могутъ присоединяться одни къ другимъ, создавая большую или меньшую полноту жизни сознанія, это величины экстенсивныя. Къ этимъ двумъ формамъ количественнаго сравненія фактовъ сознанія сводится и всякое «объективное» измѣреніе физическихъ тѣлъ и процессовъ: актъ «измѣренія» есть всегда *психическая дѣятельность*, матеріаль которой—данныя *психическаго* опыта. Если бы эти данныя не имѣли характера величинъ, то вообще никакое измѣреніе не было бы возможно.

Съ этой точки зрѣнія, въ очень многихъ случаяхъ, когда познанію не удастся выразить данное психическое явленіе *вполнѣ* опредѣленной величиной энергіи, существуетъ тѣмъ не менѣе возможность *относительнаго* опредѣленія величины: можно наблюдать «возрастаніе» или «уменьшеніе» энергіи этого психическаго явленія. Всего проще тотъ случай, когда дѣло идетъ объ «одномъ и томъ же» психическомъ явленіи, которое, однако, «измѣняется»; напр., если данный образъ въ сознаніи блѣднѣетъ, теряя свою интенсивность, или если онъ утрачиваетъ нѣкоторые изъ своихъ элементовъ, становясь, такъ сказать, менѣе полнымъ, то мы имѣемъ основаніе говорить объ уменьшеніи энергіи этого психическаго образа; въ случаяхъ противоположнаго характера слѣдуетъ признавать возрастаніе энергіи, и т. д. Но и тогда, когда въ психикѣ смѣняются различные образы сознаніе обыкновенно отмѣчаетъ ихъ относительно большую или относительно меньшую энергію; человѣкъ высказывается въ томъ смыслѣ, что дѣятельность его сознанія становится болѣе энергичной или менѣе энергичной.—Все это отнюдь не простыя аналогіи, такъ какъ въ подобныхъ высказываньяхъ съ полною

ясностью обнаруживается измѣримость и соизмѣримость психическихъ процессовъ, т.-е. черты, создающія почву для энергетической концепціи этихъ процессовъ.

Было бы въ высшей степени ошибочно придавать особенное, рѣшающее значеніе тому факту, что всѣ непосредственныя «измѣренія» и «соизмѣренія» психическихъ процессовъ отличаются крайней приблизительностью и неточностью, и отрицать на этомъ основаніи энергетическое пониманіе психики. Кто знакомъ съ фактическими примѣненіями энергетики въ естественныхъ наукахъ, тому хорошо извѣстно, какъ далеко простирается ея научное значеніе и за предѣлами точныхъ измѣреній, тамъ, гдѣ они технически не удаются. Область дѣйствительно точныхъ измѣреній, въ сущности, очень узка; но и при ихъ отсутствіи энергетическая точка зрѣнія въ массѣ случаевъ приводитъ къ научно-важнымъ выводамъ. Очень часто—едва ли не въ большинствѣ случаевъ—она даже *создаетъ* возможность технически-точного измѣренія явленій, позволяя вмѣсто однихъ, трудно измѣримыхъ, подставлять другія, легко поддающіяся измѣренію. Это, какъ увидимъ, относится и къ сферѣ психического опыта.

II.

Если вопросъ объ измѣримости психическихъ процессовъ не представляетъ никакихъ принципиальныхъ затрудненій, то вопросъ объ ихъ *эквивалентности* уже гораздо сложнѣе. Прежде всего тутъ приходится выяснить, слѣдуетъ ли принимать эквивалентность для психическихъ явленій только съ психическими или также и съ физическими. Послѣднее можетъ казаться сомнительнымъ особенно потому, что форма связи явленій въ опытѣ физическомъ и въ опытѣ психическомъ очень различна.

Энергетическая эквивалентность выражаетъ идею всеобщей *непрерывности* явленій, которая требуетъ, чтобы съ устраненіемъ изъ опыта одного комплекса элементовъ выступалъ другой, связанный съ нимъ опредѣленнымъ количественнымъ отношеніемъ. Но психическій опытъ, взятый въ его непосредственной формѣ, есть область *прерывающихся* отношеній: въ глубокомъ снѣ, обморокѣ, смерти теченіе психического опыта временно или окончательно прекращается, въ различныхъ фазахъ сознательной жизни оно рѣзко измѣняется какъ по интенсивности,

такъ и по экстенсивности переживаній. Ясно, что идея эквивалентности, примѣненная къ непосредственному психическому опыту въ отдѣльности, создала бы только рядъ противорѣчій. Слѣдовательно, идея эта можетъ получить реальный смыслъ только по отношенію къ болѣе широкой сферѣ явленій, чѣмъ одинъ психическій опытъ,—по отношенію къ опыту въ его цѣломъ, міру физическому и психическому вмѣстѣ. Между тѣмъ физическій опытъ уже *самъ по себѣ* характеризуется непрерывностью; присоединить къ его эквивалентнымъ замѣщеніямъ процессы психического ряда, процессы прерывающіеся, значило бы, повидимому, только нарушить его собственную непрерывность. Получается такая дилемма: либо отказаться отъ психо-энергетики, либо допустить нарушеніе непрерывности физическаго опыта. Большинство философовъ принимаетъ первое рѣшеніе, приходя къ безнадежному дуализму метода ¹⁾. Принять же второе—значить, превратить физическій опытъ въ нѣчто фантастическое, отнявши у него основную его черту, его «конститутивный признакъ»—непрерывность. Оба рѣшенія мало утѣшительны.

Къ счастью, эмпириомонизмъ не связанъ самой дилеммой,—онъ въ силахъ устранить ее, выйдя за ея предѣлы. Онъ даетъ возможность энергетически познавать психику, не нарушая энергетической непрерывности физическаго опыта. Какимъ образомъ достигается онъ этого?

Между «психическими» и «физиологическими» явленіями жизни существуетъ опредѣленный параллелизмъ, точнѣе—опредѣленная функциональная зависимость. Но тамъ, гдѣ между различными рядами элементовъ опыта имѣется такая зависимость, самыя эти ряды представляютъ не различные объекты для познанія, а *одинъ объектъ* ²⁾. Психическое явленіе и соотвѣтственный физиологическій процессъ слѣдуетъ считать не различными энергетическими величинами, а одной и той же величиной. Это—различные способы воспріятія процесса жизни, и они такъ же мало могутъ быть разъединены энергетически, какъ тѣло, воспри-

¹⁾ Къ этому сводятся такъ называемые «критическіе» аргументы противъ психо-энергетики, основанные на «законѣ сохраненія механической энергіи» (выраженіе А. Рилля), т. е. на непрерывности физическаго опыта.

²⁾ Здѣсь не приходится повторять обосновку этого положенія. Она дана въ ст. «Идеаль познанія», *Вопр. фил. и псих.*, 1903, 3—4, стр. 223—229.

нимаемое путемъ зрѣнія, и то же самое тѣло, воспринимаемое путемъ осязанія. «Параллелизмъ» обѣихъ «сторонъ» жизненнаго процесса здѣсь такой же, какъ параллелизмъ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ, образующихъ опредѣленное «физическое тѣло»; и здѣсь и тамъ законъ сохраненія энергіи отвлекается отъ разнообразія элементовъ, опираясь на *единство отношеній*.

Все это становится особенно простымъ и понятнымъ съ точки зрѣнія «второго эмпириомонистическаго положенія». Положеніе это устанавливаетъ всеобщій параллелизмъ «жизни физиологической» и «непосредственныхъ переживаній» и сводитъ этотъ параллелизмъ къ отношенію между «отражаемымъ» и «отраженіемъ». Если физиологическій процессъ есть отраженіе «непосредственныхъ переживаній, именно, отраженіе ихъ въ социальномъ организованномъ опытѣ живыхъ существъ, то очевидно, что создавать изъ того и другого отдѣльные объекты для монистическаго познанія не имѣетъ никакого смысла: это было бы все равно, что считать за отдѣльные объекты познанія планету, наблюдаемую прямо глазомъ, и ту же планету, видимую при посредствѣ вогнутаго зеркала рефлектора.

Такимъ образомъ, мы всегда имѣемъ право и основаніе замѣнять въ энергетическомъ изслѣдованіи психическій процессъ его физиологическимъ отраженіемъ, и наоборотъ, смотря по тому, что изъ двухъ для насъ доступнѣе и удобнѣе; на примѣръ, когда не выясненъ физиологическій процессъ, но легко наблюдается соотвѣтственный психическій, лучше подставить второй вмѣсто перваго; когда психическій процессъ не поддается измѣренію, можно попытаться измѣрить вмѣсто него физиологическій.

III.

Опредѣлимъ теперь отчетливѣе размѣры и предѣлы той области, лежащей *внѣ* физическаго опыта, на которую мы считаемъ возможнымъ распространить познавательные приемы энергетики.

Для каждаго человѣка, кромѣ его собственнаго непосредственно-психическаго опыта, существуетъ также психическій опытъ другихъ людей и вообще другихъ живыхъ существъ. Этотъ чужой опытъ конструируется на основаніи высказываній. Воспроизводя чужое «сознаніе», психика дѣйствуетъ по типу

фонографа. Воспринятія вами высказыванія другихъ людей представляютъ своеобразное «отраженіе» ихъ переживаній, отраженіе очень «непохожее», но функционально-зависимое отъ «отражаемаго», — точно такъ же какъ черточки на валикѣ фонографа «непохожи» на отразившуюся въ нихъ мелодію, но функционально зависимы отъ ея строенія. И какъ эти черточки при движеніи фонографа служатъ исходной точкой «воспроизведенія» мелодіи, т.-е. собственно *второго ея отраженія*, болѣе съ ней сходнаго, чѣмъ первое, такъ чужія высказыванія при ассоціативной дѣятельности сознанія служатъ исходной точкой «воспроизведенія» чужихъ переживаній, т.-е. второго ихъ отраженія, болѣе съ ними сходнаго, чѣмъ первое. Чужой психическій опытъ въ нашемъ познаніи есть *отраженное отраженіе* непосредственныхъ переживаній другихъ существъ.

Но область непосредственныхъ переживаній, связанныхъ съ жизнью даннаго организма, не ограничивается собственно «психическимъ опытомъ», т.-е. той *организованной системой* переживаній, которая «непосредственно извѣстна» данному существу. Такъ называемыя «безсознательныя высказыванія» показываютъ, что внѣ этой системы существуютъ — въ какой-то связи съ нею — многочисленныя мелкія координаціи, складывающіяся по тому же «психическому», т.-е. ассоціативному типу. Дальнѣйшее выясненіе вопроса приводитъ къ тому выводу, что стройная и гармоническая концепція опыта возможна только въ томъ случаѣ, если мы за всякой фізіологической организаціей жизни будемъ признавать «ассоціативную» организацію переживаній — если признаемъ полный параллелизмъ жизни въ «объективныхъ» и «субъективныхъ» ея проявленіяхъ ¹⁾. Другими словами, всякій «фізіологическій» процессъ долженъ разсматриваться, какъ обнаруженіе, «высказываніе» ассоціативныхъ комплексовъ (мы назвали бы ихъ «психическими», если бы съ этимъ терминомъ не соединялось обыкновенно представленіе объ извѣстной *сложности* переживаній).

Не слѣдуетъ ли распространить этотъ принципъ, кромѣ живой природы, также на всю «мертвую», неорганическую? Для послѣдовательнаго монистическаго мышленія это неизбѣжно, но только какъ познавательная тенденція; конкретно же осуществитъ ее мы въ настоящее время *почти* не въ силахъ. Фо-

¹⁾ См. „Жизнь и психика“ (эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни), „Вопр. фил. и псих.“, 1903, 9—10.

нографъ только тогда можетъ правильно воспроизвести мелодію, когда игла его движется въ средѣ, достаточно сходной съ тою, въ которой мелодія была воспринята (т.е. съ атмосферою). Помѣстите фонографъ въ воду или въ безвоздушное пространство—и воспроизведеніе записанныхъ фонографомъ мелодій въ прежней ихъ формѣ не удастся ни въ какомъ случаѣ. То же относится и къ «фонографической» дѣятельности психики. Наша психика тѣмъ менѣе точно возсоздаетъ переживанія другого существа, чѣмъ менѣе сходна она съ психикою этого существа: несходство психической среды переживаній препятствуетъ «пониманію» чужихъ высказываній. Намъ удастся еще до известной степени воспроизводить въ своей психикѣ различныя переживанія высшихъ животныхъ, и это познавательно-полезно, такъ какъ помогаетъ намъ предвидѣть ихъ дѣйствія. Но уже по отношенію къ низшимъ животнымъ сравнительно рѣдко удастся стать на точку зрѣнія ихъ психики; обыкновенно мы не «понимаемъ» ихъ высказываній настолько, чтобы предвидѣть что-либо на этомъ основаніи. Такимъ образомъ уже здѣсь чаще приходится подставлять «физиологическое» вмѣсто «психическаго», чѣмъ наоборотъ. По отношенію къ растеніямъ самое понятіе «высказываній» становится почти бесполезнымъ; гѣмъ болѣе бесполезно оно по отношенію къ неорганическому міру. Ассоціативные комплексы — это комплексы, опредѣленнымъ образомъ *организованные*; какимъ образомъ можемъ мы ихъ подставить подъ неорганическія явленія, въ которыхъ не находимъ организованности? Хаосъ элементовъ — вотъ что представляетъ неорганическій міръ «въ самомъ себѣ».

Первобытный анимистъ и современный поэтъ отнюдь не выходятъ за предѣлы законныхъ пріемовъ познавательнаго творчества, когда они «одушевляютъ» всю природу. Но научное познаніе изъ безчисленныхъ примѣненій этихъ пріемовъ выбираетъ только то, что можетъ послужить къ расширенію человѣческаго «предвидѣнія», т.е. въ концѣ-концовъ къ возрастанію власти чело-вѣка надъ природою.

2. Схема психического подбора.

I.

Философское изслѣдованіе психическаго міра ставитъ своей задачей выработку *объединяющей* точки зрѣнія на всѣ различныя

процессы, протекающіе въ этой области. Такимъ образомъ, разложеніе психическаго опыта на его элементы здѣсь можетъ имѣть значеніе только подготовительной работы, но не болѣе: собственно философское изслѣдованіе начинается тамъ, гдѣ выясняется отношеніе этихъ элементовъ къ психическому цѣлому, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какимъ способомъ координируются они въ психическую систему, какъ *организуется психика*.

Подчиняя психическій міръ всеобщему принципу энергетики, мы сразу получаемъ первую чисто количественную постановку вопроса, который только что формулировали. Въ этой постановкѣ его слѣдуетъ выразить такъ: въ какомъ отношеніи находятся отдѣльныя переживанія и ихъ элементы, взятые какъ величины, и притомъ энергетическія, къ психической системѣ, какъ интегральной энергетической величинѣ? И сразу же получается первый и самый общій отвѣтъ, вытекающій изъ самаго понятія о величинѣ; онъ будетъ, очевидно, такой: для психическаго цѣлаго отдѣльныя переживанія и ихъ элементы могутъ являться положительными или отрицательными величинами, увеличивающими или уменьшающими сумму энергіи этого цѣлаго ¹⁾.

Въ эту отвлеченную формулу данныя біомеханики и психологіи позволяютъ сразу же вложить болѣе конкретное психическое содержаніе. Возрастаніе и уменьшеніе энергіи психической системы тождественно съ *непосредственнымъ возрастаніемъ и уменьшеніемъ ея жизнеспособности*; а колебанія непосредственной жизнеспособности выражаются психически въ чувствованіяхъ удовольствія и страданія, въ такъ называемомъ «аффеціоналѣ». Энергетическая формула превращается въ психологическую: положительный аффеціоналъ переживанія (удовольствіе) познавательно

¹⁾ Читатель, знакомый съ математикой, замѣтитъ конечно, что въ этой концепціи послѣдніе элементы психики играютъ роль дифференціаловъ по отношенію къ ея цѣлому, какъ интегралу. И это отнюдь не просто аналогія, а законное математическое опредѣленіе данныхъ процессовъ, какъ измѣняющихся величинъ энергіи.

Но пусть читатель не опасается, что мы потащимъ его въ область псевдоматематической фантастики въ духѣ психологіи Гербарта. Энергетика съ ея строгими методологическими требованіями не даетъ простора для такихъ формъ творчества, если бы мы и пожелали ими заняться. Она прежде всего—методъ количественнаго описанія того, что дано *въ опытѣ*.

тожественъ съ возрастаніемъ энергіи психической системы, отрицательный (страданіе), съ уменьшеніемъ ¹⁾).

Итакъ, если человѣку «пріятно», напримѣръ, видѣть лицо *A* и «непріятно» видѣть лицо *B*, то это означаетъ, что одно переживаніе — воспріятіе *A*, — вступая въ систему психическаго опыта, увеличиваетъ сумму ея энергіи, тогда какъ другое переживаніе — воспріятіе *B* — уменьшаетъ эту сумму. *Всѣ* переживанія обладаютъ положительнымъ или отрицательнымъ аффеціоналомъ — «безразличный» аффеціональ есть только предѣльная величина того и другого; а потому *всѣ переживанія энергетически-соизмѣримы по ихъ отношенію къ психической системѣ*. Эта специальная форма ихъ соизмѣримости и послужитъ основой нашего изслѣдованія.

II.

«Пріятное есть то, къ чему стремятся, непріятное — то, чего избѣгаютъ», — формулу эту трудно назвать даже опредѣленіемъ, это — почти простая тавтологія. И однако ея жизненное значеніе громадно: къ ней, въ конечномъ счетѣ, сводятся всѣ принципы прикладной психологіи — педагогики, политики, морали, — всѣ методы юридическаго и нравственнаго воздѣйствія однихъ людей на другихъ.

Всякое психическое переживаніе — будетъ ли это волевой актъ, или воспріятіе, или представленіе, — разъ оно характеризуется окраской удовольствія, обнаруживаетъ тенденцію *упрочиться* въ данной психической системѣ, вытѣснить тѣ переживанія, которыя не имѣютъ такой окраски, — оно устраняется все съ бѣльшимъ сопротивленіемъ, удерживается и воспроизводится все легче. Это отражается и на всѣхъ другихъ переживаніяхъ, которыя ближайшимъ образомъ ассоціативно съ нимъ связаны — ихъ энергія и устойчивость также возрастаютъ. Окраска страданія обуславливаетъ противоположную тенденцію: уменьшеніе энергіи и устой-

¹⁾ Мы не можемъ повторять здѣсь всей обосновки этого положенія — она дана въ нашихъ работахъ: „Познаніе съ историч. точки зрѣнія“ (Спб., 1901), стр. 13—23, и „Жизнь и психика“ (Эмпириомонизмъ въ ученіи о жизни).

Наша точка зрѣнія въ данномъ вопросѣ далеко не совпадаетъ съ общераспространенными взглядами; но во всемъ существенномъ она соотвѣтствуетъ — при очень большой, конечно, разницѣ въ формѣ выраженія — воззрѣніямъ Б. Спинозы и Меуперт'а.

чивости тѣхъ переживаній, которыя ею обладаютъ, и всѣхъ тѣсно связанныхъ съ ними, возрастающую легкость ихъ устранения изъ психической системы. Эти двѣ тенденціи образуютъ своего рода «психическій подборъ» переживаній: въ смѣнѣ и въ повтореніяхъ переживаній тѣ изъ нихъ обнаруживаютъ относительно наибольшую жизнеспособность, которыя наиболѣе «пріятны»; наименьшая же свойственна тѣмъ, которыя наиболѣе «непріятны».

Такимъ образомъ, если политикъ старается въ психикѣ избирателей создать неразрывную связь между представленіемъ объ его программѣ и завѣдомо пріятнымъ представленіемъ объ извѣстныхъ практическихъ выгодахъ, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора; если педагогъ стремится въ психикѣ школьника тѣсно ассоціировать представленіе о шалости съ завѣдомо непріятнымъ представленіемъ онаказаніи, онъ примѣняетъ принципъ психическаго подбора. Здѣсь лежитъ необходимое «а ргіогі» для всякаго планомѣрнаго воздѣйствія на людей, — такова практическая роль этого принципа. Но для насъ въ данный моментъ важно выяснить его теоретическое значеніе.

Фактъ психическаго подбора несомнѣненъ, или, выражаясь точнѣе, несомнѣнно, что громадная масса психическихъ фактовъ вполнѣ укладывается въ рамки понятія «психическаго подбора», какъ оно нами установлено ¹⁾. Но мы ищемъ *эмпириомонистической* точки зрѣнія для психологіи, а потому для насъ возникаетъ вопросъ о томъ, вся или не вся область психическаго опыта должна быть подчинена этому своеобразному принципу, можетъ или не можетъ онъ стать всеобщимъ «а ргіогі» для психологическаго изслѣдованія. Это вопросъ о границахъ методологическаго значенія идеи психическаго подбора.

Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо прежде всего самую идею психическаго подбора свести къ установленнымъ уже эмпи-

¹⁾ Терминъ „психическій подборъ“ примѣнялся и раньше, но въ иномъ значеніи: въ смыслѣ *естественнаго подбора психическихъ формъ*, какимъ бы путемъ подборъ этотъ ни происходилъ, стало быть — внѣ отношенія къ аффекціоналу. Но *этотъ* подборъ можно такъ и называть — естественнымъ подборомъ психическихъ формъ; свое же понятіе „психическаго подбора“ я предложилъ потому, что мнѣ кажется необходимымъ обособить эту своеобразную черту психическихъ процессовъ развитія. Въ дальнѣйшемъ читатель увидитъ, насколько это цѣлесообразно.

риомонистическимъ понятіямъ; надо, какъ обыкновенно выражаются, «объяснить» психическій подборъ, опредѣлить, «что» онъ такое, «какъ» и «почему» происходитъ.

Пока намъ извѣстно слѣдующее: психическимъ подборомъ мы назвали тенденцію къ жизненному усилению или ослабленію отдѣльныхъ переживаній въ зависимости отъ ихъ аффекціональной окраски въ полѣ сознанія — положительной (удовольствія) или отрицательной (страданія). Такимъ образомъ основныя особенности психическаго подбора сводятся къ двумъ фактамъ: во-1-хъ, онъ выступаетъ въ полѣ сознанія (непосредственнаго психическаго опыта), во-2-хъ, по направленію онъ зависитъ отъ аффекціонала. Что представляетъ изъ себя аффекціоналъ съ эмпириомонистической точки зрѣнія, это мы уже знаемъ: удовольствіе для познанія тождественно съ непосредственнымъ возрастаніемъ энергіи психической системы, страданіе — съ непосредственнымъ пониженіемъ. Теперь намъ слѣдуетъ остановиться на другой особенности психическаго подбора — на его отношеніи къ полю сознанія.

III.

«Сознаніе» и непосредственный психическій опытъ — тождественныя понятія. Существуетъ мнѣніе, что такъ какъ эти понятія выражаютъ то, что намъ «непосредственно извѣстно», а стало быть и наиболѣе извѣстно, то они вообще не подлежатъ опредѣленію и «объясненію». Это, конечно, невѣрно. Задача познанія — гармонически организовать опытъ, установить связь и зависимость его элементовъ и ихъ комбинацій; «опредѣленіе» и «объясненіе» такихъ комбинацій представляютъ изъ себя именно выраженіе этой связи и зависимости; изъ нея же ничто не можетъ быть выдѣлено, а потому *все* подлежитъ опредѣленію и объясненію. Такимъ образомъ, всякая область опыта должна быть опредѣлена и объяснена черезъ другія, то-есть точно отграничена отъ нихъ и въ то же время неразрывно связана съ ними установленной общей закономѣрностью.

Итакъ, что такое «сознаніе», какъ непосредственный психическій опытъ? Прежде всего, очевидно, что это нѣкоторая комбинація переживаній, принадлежащая къ опредѣленной психической системѣ, но, какъ мы знаемъ, отнюдь ея собою не исчерпывающая. Какая же именно комбинація? Ея основная характе-

ристика — специфически временная форма. Здѣсь содержаніе непрерывно измѣняется во времени, но не размѣщается въ пространство. И такъ какъ содержаніе для чисто временной связи даютъ только измѣненія, то «непосредственное сознание» есть прежде всего область измѣненій. Измѣненій чего? Очевидно, психической системы, которой принадлежитъ сознание. И дѣйствительно, каждое переживание, прошедшее черезъ поле сознанія, означаетъ нѣкоторое измѣненіе психической системы съ ея дальнѣйшими жизненными реакціями; измѣненіе это можетъ быть болѣе значительнымъ или менѣе значительнымъ, или хотя бы даже минимальнымъ, но оно всегда есть, и путемъ такихъ измѣненій совершается непрерывно приспособленіе системы къ ея средѣ. Въ какомъ же отношеніи между собою находятся эти измѣненія? Они взаимно координированы, взаимно объединены *ассоціативной* связью, которая дѣлаетъ изъ ряда переживаній одно «поле сознанія» и изъ такихъ непрерывно смѣняющихся полей одну нераздѣльную цѣпь психического опыта. Слѣдовательно, сознание по отношенію къ психической системѣ можно опредѣлить такъ: *это область координированныхъ измѣненій психической системы* (при чемъ формой ихъ координаціи является ассоціативная связь).

Дальнѣйшее выясненіе, изслѣдованіе характера ассоціативной координаціи, ея частныхъ формъ и т. д. для насъ въ данный моментъ не представляетъ необходимости. Пока достаточно просто констатировать: всякое данное поле сознанія можно разсматривать, какъ комплексъ одновременныхъ взаимно связанныхъ измѣненій психической системы. Въ опытѣ «поле сознанія» первоначально является какъ нѣкоторое недифференцированное цѣлое, и его разложеніе на отдѣльныя переживанія съ установленіемъ опредѣленной связи между ними есть уже актъ вторичнаго характера, актъ «познанія»; онъ превращаетъ единство неопредѣленное въ единство опредѣленное, но отнюдь его не устраняетъ.

Исходя изъ этого положенія, мы можемъ «объяснить» себѣ процессъ психического подбора, т.-е. представить его въ простой, монистической формулѣ.

IV.

«Поле сознанія» даннаго момента выражаетъ совокупность координированныхъ измѣненій, происходящихъ въ психической

системѣ. Энергетически—всѣ эти измѣненія соизмѣримы и взятыя въ суммѣ образуютъ опредѣленное возрастание или уменьшеніе энергіи психической системы. Но именно такое же значеніе имѣетъ и *аффеціональ*: удовольствіе соотвѣтствуетъ возрастанію энергіи системы, страданіе—уменьшенію. Что же изъ этого слѣдуетъ?

Пусть въ полѣ сознанія имѣется рядъ образовъ—зрительныхъ, двигательныхъ и т. д., при чемъ общій аффеціональ отрицательный (страданіе). Эти зрительныя, двигательныя и т. д. реакціи означаютъ опредѣленныя психическія *приспособленія*, существующія въ психической системѣ не только въ то время, когда они выступаютъ въ полѣ сознанія: это вполне доказывается тѣмъ, что данные образы время отъ времени вновь воспроизводятся въ сознаніи, слѣдовательно, не исчезаютъ окончательно изъ психики, когда исчезаютъ изъ непосредственнаго воспріятія ¹⁾. Такъ какъ поле сознанія есть область *измѣненій* психики, то очевидно, что выступленіе въ немъ данныхъ образовъ выражаетъ рядъ измѣненій, происходящихъ именно въ сферѣ тѣхъ непрерывно существующихъ психическихъ приспособленій, которымъ эти образы соотвѣтствуютъ. Какого же рода измѣненія? Это выясняетъ аффеціональ: если онъ отрицательный, то дѣло идетъ объ уменьшеніи энергіи психической системы, т.-е., очевидно, о пониженіи энергіи указанныхъ психическихъ приспособленій, — они составляютъ *область измѣненій*, стало быть происходящее уменьшеніе энергіи происходитъ за ихъ счетъ. Но пониженіе энергіи психическихъ приспособленій есть въ то же время уменьшеніе ихъ жизнеспособности; а оно и обозначается въ данномъ случаѣ, какъ «отрицательный психическій подборъ». Мы пришли, такимъ образомъ, къ почти тавтологической формулѣ: при отрицательномъ аффеціоналѣ (страданіи) имѣетъ мѣсто отрицательный психическій подборъ потому, что отрицательный аффеціональ выражаетъ пониженіе энергіи, а слѣдовательно и непосредственной жизнеспособности тѣхъ психическихъ приспособленій, которыя выступаютъ въ данномъ полѣ сознанія. То же самое, съ соотвѣстственными измѣненіями, относится, конечно, и къ положительному подбору при положительномъ аффеціоналѣ.

¹⁾ Подробнѣе объ этомъ см. „Познаніе съ истор. точки зр.“, стр. 35—36 (нѣсколько иная терминологія).

Ребенокъ протягиваетъ ручку къ огню и получаетъ обжогъ, что и служитъ для него «урокомъ»—вотъ самый простой и типичный примѣръ психическаго подбора. Что при этомъ происходитъ въ психической системѣ? Сначала въ полѣ сознанія рядомъ съ зрительнымъ воспріятіемъ огня имѣется представленіе опредѣленной двигательной реакціи («хочу взять это»); оно имѣетъ положительную окраску (характеристика «пріятно»), т.-е. оно соединено съ возрастаніемъ энергіи психической системы; но возрастаніе это происходитъ въ сферѣ ея «координированныхъ измѣненій», въ той области приспособленій, которая соотвѣтствуетъ полю сознанія: повышается энергія зрительнаго воспріятія огня съ одной стороны, двигательнаго представленія хватательной реакціи—съ другой; воспріятіе огня становится ярче, отчетливѣе, богаче элементами—увеличиваются сила и ясность перцепціи; двигательное представленіе дѣлается интенсивнѣе и опредѣленнѣе—переходитъ въ «актъ воли», въ полную психомоторную реакцію. Но тутъ въ поле сознанія вступаетъ интенсивное тактильно-термическое раздраженіе, разрушительно дѣйствующее на психику: сразу обнаруживается значительный отрицательный аффекціональ («очень больно»). Поле сознанія, какъ область *координированныхъ* измѣненій, составляетъ одно цѣлое, и его общій отрицательный аффекціональ означаетъ паденіе энергіи всѣхъ психическихъ приспособленій, въ данный моментъ въ немъ представленныхъ. Въ результатѣ зрительное воспріятіе огня становится смутнымъ и неяснымъ («свѣта не взвидѣлъ»), хотя, конечно, не исчезаетъ, такъ какъ продолжается дѣйствіе его «внѣшней причины»—свѣтовыхъ волнъ на сѣтчатку; двигательная реакція «хватанія» *префривается*; а тактильно-термическое воспріятіе не можетъ исчезнуть вслѣдствіе продолжающагося «внѣшняго раздраженія», но подобно зрительному воспріятію огня, только еще въ большей степени, дѣлается смутнымъ и неяснымъ, какъ «воспріятіе»: въ немъ не различается никакихъ частныхъ и деталей, кромѣ приблизительной локализациі въ пальцахъ руки, оно тонетъ и исчезаетъ въ хаотически поднимающихся волнахъ «жгучей боли»—неопредѣленной судорожной психической реакціи, представляющей колоссальную растрату энергіи психической системы ¹⁾. За-

¹⁾ Нетрудно видѣть, насколько отчетливѣе и опредѣленнѣе тактильно-термическія воспріятія при гораздо болѣе слабыхъ раздраженіяхъ, но безъ

тѣмъ выступаетъ новая психо-моторная реакція—рефлексъ «отдергиванія руки»; и изъ всего дальнѣйшаго для насъ важно только одно: тѣ психическіе комплексы, которые были въ полѣ сознанія въ моментъ отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ воспроизводятся сравнительно ослабленными и болѣе рѣдко: даже зрительный образъ огня, возникая въ памяти ребенка, быстрѣе, чѣмъ прежде, подавляется другими реакціями—ребенокъ «избѣгаетъ» этого воспоминанія; а та двигательная реакція «хватанія», которая ближайшимъ образомъ предшествовала появленію отрицательнаго аффекціонала, въ дальнѣйшемъ совсѣмъ не повторяется въ связи съ воспріятіемъ огня, какъ это здѣсь было, да и во всякой иной связи воспроизводится менѣе быстро и энергично, съ большимъ колебаніемъ и «осторожностью».

Въ большинствѣ случаевъ дѣйствіе психическаго подбора бываетъ менѣе интенсивно, особенно когда оно направлено въ положительную сторону, въ сторону усиленія и упроченія возникающихъ психическихъ комбинацій; но и тогда, повторяясь и накапливаясь, оно въ концѣ-концовъ можетъ оказаться еще гораздо болѣе значительнымъ по своимъ результатамъ. Очевидно, при этомъ, что съ точки зрѣнія принятой нами концепціи *все поле сознанія непрерывно является въ то же время полемъ психическаго подбора*, и вся жизнь сознанія представляется какъ процессъ развитія и разрушенія психическихъ формъ, направленіе котораго во всякій данный моментъ опредѣляется знакомъ аффекціонала.

V.

Связь психическаго подбора съ аффекціоналомъ означаетъ связь съ опредѣленными типами жизнеразностей нервнаго аппарата. Этимъ дается, какъ будто, иная точка зрѣнія на вопросъ о психическомъ подборѣ: его надо «разрѣшить», процессъ психическаго подбора надо «объяснить» на почвѣ физиологіи нервной системы.

Пусть въ сознаніи одновременно имѣется рядъ образовъ, окрашенныхъ чувствомъ «удовольствія», т.-е. въ нервномъ аппаратѣ протекаетъ рядъ жизнеразностей, разнообразной «формы», но имѣющихъ въ суммѣ положительный характеръ (увеличеніе

такого отрицательнаго аффекціонала (напр., когда ребенокъ тѣми же пальцами беретъ и ощупываетъ обыкновенные предметы).

энергіи центрального органа системы). Самая наличность «созна- нія» соотвѣтствуетъ тому факту, что жизнеразности протекають не изолированно въ немногихъ клѣткахъ системы, а распростра- няются въ ней по различнымъ направлєніямъ, находясь въ то же время во взаимной связи и зависимости; но наличность *опредѣ- ленныхъ* реакцій психики означаетъ въ то же время, что у этихъ жизнеразностей имѣются свои собственные центры, которые въ данномъ случаѣ являются главнымъ полемъ жизнеразностей и ихъ исходною точкой,—спеціальные, такъ сказать, органы этихъ реакцій. Такіе органы при современномъ состояніи науки можно представлять себѣ только въ видѣ опредѣленныхъ комплексовъ нервныхъ клѣтокъ, взаимно связанныхъ нервными проводниками и при ихъ посредствѣ легко приводящихъ другъ друга въ со- стояніе «функциональной жизнеразности»—въ «динамическое» состояніе, какъ чаще выражаются. Въ данномъ примѣрѣ харак- теръ жизнеразностей положительный, и энергія нервныхъ клѣ- токъ, входящихъ въ составъ функционирующаго спеціального органа, повышается; увеличивается, слѣдовательно, интенсивность ихъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, и способность функцио- нально «возбуждать» другъ друга, и вообще приходитъ совмѣстно въ «динамическое» состояніе. Такимъ образомъ, во-первыхъ, уве- личиваются шансы повторенія психическихъ реакцій, связанныхъ съ этимъ динамическимъ состояніемъ, во-вторыхъ возрастаетъ и интенсивность этихъ реакцій. То и другое въ совокупности обозначается, какъ положительный психическій подборъ.

Совершенно аналогичнымъ образомъ можно представить себѣ картину отрицательнаго психическаго подбора. При понижаю- щейся энергіи клѣтокъ спеціального органа реакціи, онѣ въ меньшей степени способны возбуждать другъ друга къ функціи, сопротивленіе проводниковъ при прежнихъ условіяхъ уже не преодолевается ослабленнымъ передаточнымъ токомъ — реакція повторятся рѣже и менѣе интенсивна.

Въ такомъ «физиологическомъ» представленіи психическаго подбора передъ нами выступаетъ новая его черта, которую трудно было бы замѣтить при чисто «психологическомъ» способѣ изо- браженія. Какъ мы указывали, во время той или иной психиче- ской реакціи ея спеціальныи органъ служитъ *главнымъ полемъ* жизнеразностей, но не единственною ихъ областью: онѣ распро- страняются — въ ослабленной степени — и на различныя другія

области центрального аппарата, который именно какъ интегральное цѣлое является органомъ сознанія вообще. Если такъ, то процессъ психическаго подбора долженъ захватывать не только тѣ реакціи, которыя имѣются въ полѣ сознанія при данномъ аффекціоналѣ, но и другія, только въ гораздо болѣе слабой степени, — а изъ этихъ другихъ по преимуществу тѣ, спеціальныя органы которыхъ наиболѣе тѣсно связаны со спеціальными органами первыхъ. И есть много фактовъ, которые подтверждаютъ эту дедукцію. Такъ, послѣ ряда перенесенныхъ страданій замѣчается общее уменьшеніе сферы памяти и практическихъ реакцій: «забывается» многое и изъ того, что не было, повидимому, прямо связано съ отрицательнымъ аффекціоналомъ, человѣкъ нерѣдко «разучивается» или «отвыкаетъ» дѣлать то, что само по себѣ опять-таки не было источникомъ страданій. Напротивъ, рядъ интенсивно-пріятныхъ ощущеній нерѣдко воскрешаетъ въ психикѣ много давно забытыхъ образовъ, не стоящихъ, повидимому, ни въ какомъ близкомъ отношеніи съ этими ощущеніями ¹⁾. Во всемъ этомъ выражается реальное жизненное единство психики въ непрерывной смѣнѣ содержаній психическаго опыта.

Но какъ теперь отнестись къ тому факту, что у насъ получилось *два* объясненія психическаго подбора — одно съ точки зрѣнія непосредственныхъ психическихъ переживаній, другое — съ точки зрѣнія физиологіи нервной системы? Нетрудно замѣтить, что оба «объясненія» *тождественны*, какъ энергетическія формулы, съ той только разницей, что въ одномъ говорится о психическихъ реакціяхъ, въ другомъ — о жизнеразностяхъ органовъ этихъ реакцій. Мы признали, что физиологическій процессъ есть *отраженіе* комплексовъ непосредственныхъ переживаній въ социальномъ-организованномъ опытѣ живыхъ существъ. Въ энергетическихъ формулахъ отражаемое и отраженіе совершенно сливаются, потому что формулы эти отвлекаются отъ способа воспріятія — «прямого» или «косвеннаго». Такимъ образомъ два «объясненія» психическаго подбора представляютъ въ дѣйствительности *одно* въ двухъ различныхъ формахъ изложенія; и мы

¹⁾ Указаніе, что эти забытые образы вновь возникаютъ благодаря косвенной ассоціативной связи, само по себѣ въ этомъ случаѣ ничего не объясняетъ: дѣло идетъ именно объ объясненіи этой «косвенной ассоціативной связи», которая представляетъ не болѣе, какъ *обозначеніе* изслѣдуемыхъ фактовъ.

можемъ во всякомъ данномъ случаѣ избирать ту изъ нихъ, которая именно въ этомъ случаѣ удобнѣе для нагляднаго описанія и стройной группировки фактовъ¹⁾.

VI.

Идея психическаго подбора представляетъ изъ себя, какъ мы видѣли, обобщеніе очень широкаго ряда фактовъ. Но мы хотимъ сдѣлать изъ нея нѣчто большее—руководящую точку зрѣнія при дальнѣйшемъ психологическомъ изслѣдованіи. И такъ какъ мы ищемъ *монистическихъ* методовъ, примѣненіе которыхъ могло бы охватить *всю* область психическаго опыта, то естественно поставить вопросъ: насколько широка та область, въ которой возможно, въ которой мыслимо пользоваться для изслѣдованія идеей психическаго подбора? Для самаго общаго отвѣта на этотъ вопросъ данныхъ у насъ уже достаточно.

Психическій подборъ, какъ мы его вначалѣ опредѣлили, есть та форма подбора переживаній, которая связана съ ихъ аффекціоналомъ; аффекціоналъ же есть характеристика переживаній, находимая именно въ «сознаніи», т.-е. въ полѣ непосредственнаго психическаго опыта, и только въ этомъ полѣ. Но здѣсь ли граница явленій психическаго подбора?

Человѣкъ въ опытѣ и познаніи никогда не бываетъ солипсистомъ, — кромѣ непосредственнаго, т.-е. личнаго психическаго опыта, для него существуетъ психическій опытъ другихъ живыхъ существъ; эта несравненно болѣе широкая сфера психическаго опыта конструируется человѣкомъ на основаніи «высказываній» другихъ организмовъ. Ясно, что идея психическаго подбора не только можетъ, но должна быть перенесена на всю эту

1) Въ моихъ прежнихъ работахъ—„Основн. элементы историч. взгляда на прир.“ и „Познаніе съ историч. точки зр.“—я давалъ иное „объясненіе“ психическаго подбора—объясненіе болѣе узкое, чисто-физиологическое, въ которомъ придавалось особенное значеніе функциямъ сосудодвигательной системы, регулирующей питаніе мозга. Эту постановку вопроса я теперь склоненъ считать не то чтобы невѣрной, а недостаточно широкой и недостаточно простой: роль системы, регулирующей питаніе, въ колебаніяхъ жизнеразностей, дѣйствительно, должна быть громадна, но все же „питаніе“—только одна изъ двухъ сторонъ жизненнаго процесса, *всеобщее* объясненіе должно сразу принимать во вниманіе обѣ стороны; при этомъ мои прежнія формулы, исходящія изъ болѣе *частной* группы фактовъ, оказываются и болѣе *сложными*.

область; и это тѣмъ легче, что въ «высказываніяхъ» дается и аффекціональ — люди и животныя «выражаютъ» чувствованія удовольствія и страданія.

Психическій опытъ вообще характеризуется особымъ типомъ координаціи элементовъ и ихъ комплексовъ — именно, ассоціативною связью; этимъ онъ и отличается отъ опыта физическаго съ его высшей, объективной закономѣрностью. Но критика психическаго опыта привела насъ къ выводу, что онъ есть только нѣкоторая часть — именно, наиболѣе организованная часть — той области, въ которой господствуетъ ассоціативная координація и которую мы обозначили какъ область «непосредственныхъ переживаній». Мы пришли къ убѣжденію, что всякой жизнеразности физиологическихъ процессовъ соотвѣтствуютъ, или, лучше сказать, во всякой жизнеразности для познанія обнаруживаются нѣкоторыя непосредственныя переживанія, со свойственной имъ ассоціативной связью элементовъ и ихъ комплексовъ. Съ этой точки зрѣнія психическій опытъ даннаго живого существа есть лишь главная изъ его ассоціативныхъ координацій, съ которою жизненно связаны другія, менѣе сложныя, относительно самостоятельныя координаціи аналогичнаго типа. Вопросъ заключается въ томъ, возможно ли распространеніе идеи психическаго подбора на всѣ *эти* координаціи, слѣдовательно, на всю область непосредственныхъ переживаній вообще, — а она, согласно нашему представленію, совпадаетъ съ царствомъ *жизни* въ природѣ.

Вопросъ этотъ до извѣстной степени рѣшается уже эмпирически. Многія изъ низшихъ координацій, остающихся за порогомъ психическаго опыта, доступны намъ при посредствѣ высказываній, когда мы наблюдаемъ, напр., «автоматическія» дѣйствія людей, поступки лунатиковъ, различныя движенія низшихъ организмовъ, стоящихъ такъ далеко отъ насъ на лѣстницѣ развитія, что мы не можемъ приписать имъ настоящаго «опыта». Автоматическое дѣйствіе глубоко задумавшагося человѣка прекращается, когда встрѣчаетъ «вредное сопротивленіе», которое причинило бы «страданіе», если бы отразилось въ сферѣ сознанія; у лунатика есть прямыя высказыванія аффекціональнаго характера, напр., въ выраженіи лица, и имъ соотвѣтствуютъ перемены въ образѣ дѣйствій лунатика; низшій организмъ, въ родѣ амѣбы, быстро останавливаетъ свое движеніе, когда оно

наталкиваетъ его на «вредное» вліяніе, понижающее энергію клѣтки, и т. д. Ясно, что для всѣхъ такихъ случаевъ принципъ психическаго подбора является познавательнo пѣлесообразнымъ.

Но дальше? Какъ мы знаемъ, далеко *не всѣ* непосредственныя переживанія находятъ себѣ отраженіе въ «высказываніяхъ». Очевидно, что это—не принципиальная разница между ними и по существу ничего не мѣняетъ. Въ самомъ дѣлѣ, полученная нами характеристика психическаго подбора такова: это подборъ, протекающій въ сферѣ координированныхъ измѣненій системы и основанный на возрастаніи или пониженіи ея энергіи. Значитъ, всюду, гдѣ есть такія координированныя измѣненія, — выступающее въ нихъ повышеніе или пониженіе энергіи системы должно вызывать явленія психическаго подбора. Но это относится ко всей области непосредственныхъ переживаній.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны есть всѣ основанія принять идею психическаго подбора за *всеобщій принципъ* изслѣдованія жизни, какъ потока непосредственныхъ переживаній. Это, однако, еще не означаетъ, чтобы его примѣненіе должно было всегда и вездѣ сопровождаться успѣхомъ,—дѣло зависитъ отъ того, достаточно ли конкретныхъ данныхъ для такого примѣненія, — ограниченіе, относящееся ко *всѣмъ* принципамъ познанія.

VII.

Примѣняемый нами терминъ «психическій подборъ» самъ по себѣ можетъ вызвать нѣкоторое недоумѣніе, особенно со стороны читателя-біолога. Терминъ этотъ указываетъ на то, что психическій подборъ есть нѣкоторый частный видъ того всеобщаго подбора жизненныхъ формъ, который обозначаютъ обыкновенно какъ подборъ «естественный». А между тѣмъ способъ дѣйствія психическаго подбора, повидимому, совершенно своеобразенъ и не похожъ на способъ дѣйствія подбора естественнаго: факторы одного—простое повышеніе и пониженіе энергіи психической системы, воспринимаемое какъ удовольствіе и страданіе, факторы другого—размноженіе и смерть особей, воспринимаемая какъ объективныя явленія. Что здѣсь общаго и правильно ли подчинять одно другому какъ видъ—роду?

Прежде всего, различіе способа воспріятія не можетъ имѣть принципиальнаго значенія для метода познанія. То, что «субъек-

тивно», существуетъ какъ удовольствіе и страданіе, то выступаетъ «объективно», какъ физиологическое измѣненіе—въ смыслѣ развитія или деградации системы; и то, что воспринимается «объективно», какъ смерть или размноженіе, то протекаетъ «субъективно» въ видѣ исчезновенія прежнихъ рядовъ непосредственныхъ переживаній, или возникновенія новыхъ. Разница только въ томъ, что въ одномъ случаѣ матеріаль для изслѣдованія легче и полнѣе дается однимъ типомъ воспріятія, въ другомъ случаѣ—другимъ; а это для вопроса не существенно.

Далѣе, ошибочно было бы сводить весь процессъ «естественнаго подбора» къ однимъ моментамъ смерти и размноженія. Идея подбора выражаетъ непрерывное соотношеніе между данною формой жизни и ея средою: отрицательный естественный подборъ только завершается смертью, т.-е. разрушеніемъ жизненной координаціи, а до этого момента онъ выражается именно въ пониженіи энергіи данной формы, въ отнятіи этой энергіи средою; точно также и положительный подборъ не сводится къ сохраненію и размноженію формы, а къ непрерывному равновѣсію или возрастанію ея энергіи за счетъ среды, къ процессамъ, которые въ сохраненіи и размноженіи только обнаруживаются наиболѣе наглядно. Тѣ, напр., «страданія», которыя приходится переносить неприспособленному существу, и которыя, понижая его жизнеспособность, ускоряютъ его гибель, служатъ самымъ настоящимъ выраженіемъ «естественнаго подбора».

Такимъ образомъ, нельзя установить никакого принципиальнаго различія между «психическимъ» и «естественнымъ» подборомъ, если тотъ и другой понимать не въ грубо-реалистическомъ смыслѣ, какъ самостоятельнаго «дѣятеля» жизни, а въ томъ чуждомъ всякаго олицетворенія, строго методологическомъ смыслѣ, въ какомъ мы принимаемъ эти понятія ¹⁾.

Но психическій подборъ долженъ разсматриваться какъ частная форма «естественнаго» подбора, потому что первый отно-

¹⁾ Въ наукѣ методологическая концепція *естественнаго* подбора наиболѣе отчетливо выяснена, на нашъ взглядъ, Le-Dantec'омъ въ его критическихъ работахъ о дарвинизмѣ и нео-ламаркизмѣ. Онъ только придаетъ слишкомъ исключительное значеніе *химическимъ* условіямъ равновѣсія жизненной формы съ ея средою, тогда какъ несомнѣнно, что дѣло идетъ здѣсь также и о физическомъ и о механическомъ равновѣсіи. Впрочемъ, и эта сторона дѣла у него отмѣчена, но слишкомъ бѣгло.

сится только къ ассоціативнымъ координаціямъ переживаній, второй же—ко всѣмъ явленіямъ жизни во всѣхъ формахъ.

VIII.

Неразрывная связь психического подбора съ «аффеціоналомъ» ставитъ передъ нами новый вопросъ. Большинство психофизиологовъ рассматриваютъ самый «аффеціональ», какъ своеобразное психическое приспособленіе, очень важное, особенно необходимое для сохраненія жизни, но все же только *частное* психическое приспособленіе, одно изъ многихъ, выработанныхъ развитіемъ. Принимая такую точку зрѣнія, было бы, очевидно, невозможно самую идею психического подбора, который въ психическомъ опытѣ выступаетъ какъ подборъ аффеціональный, сдѣлать всеобщимъ методомъ психологическаго изслѣдованія. Но можно ли вообще согласиться съ этой точкой зрѣнія?

Аффеціональ означаетъ только удовольствіе и страданіе, какъ непосредственныя чувствованія, вѣрнѣе—какъ нѣкоторую непосредственную окраску переживаній (ихъ «чувственный тонъ»). Взятая въ отдѣльности, сама по себѣ, окраска эта никакого приспособленія, очевидно, не представляетъ. Но удовольствіе есть то, къ чему живое существо стремится, страданіе есть то, чего оно избѣгаетъ, причемъ то и другое служитъ на пользу сохраненію и развитію жизни: то и другое, такимъ образомъ, вполне возможно рассматривать какъ «приспособленіе». Что же это значитъ?

Ребенокъ приближаетъ руку къ огню, испытываетъ извѣстныя температурныя ощущенія въ окраскѣ сильнаго страданія и отдергиваетъ руку. Это — приспособленіе. Ребенокъ видитъ чудовище и сильно пугается; эмоція страха характеризуется сильнымъ страданіемъ, — но здѣсь страданіе это только отнимаетъ у ребенка силы, необходимыя для бѣгства отъ чудовища или борьбы съ нимъ: приспособленія, какъ видимъ, нѣтъ. Страданіе въ обоихъ случаяхъ означаетъ одно и то же—разрушительное вліяніе среды, растрату энергіи психической системы; но реакція системы различна, и различенъ результатъ для психической системы: въ одномъ случаѣ приспособленіе, въ другомъ неприспособленность. Отсюда вытекаетъ такой выводъ: если мы отграничимъ въ познаніи аффеціональ переживанія отъ послѣ-

дующей реакціи со стороны системы, то окажется, что приспособленіе (или неприспособленность) зависитъ всецѣло отъ характера этой послѣдующей реакціи, самъ же аффекціональъ выражаетъ только состояніе системы, пониженіе или повышеніе ея энергіи, т.-е. въ сущности ея отношеніе къ «средѣ», которая является либо факторомъ, отнимающимъ энергію системы, либо, наоборотъ, источникомъ возрастанія энергіи. Если бы ребенокъ отдергиваль руку отъ огня рефлекторно, даже не успѣвши почувствовать страданія, его приспособленность отъ этого не уменьшилась бы, а скорѣе даже возрасла бы, потому что меньше была бы растрата энергіи психической системы.

Итакъ, аффекціональъ не есть приспособленіе, хотя онъ опредѣляетъ собою направленіе и выработку приспособленій. Чрезмѣрно теплый или чрезмѣрно холодный для животнаго климатъ вполне аналогичнымъ образомъ опредѣляетъ собою развитіе въ организмѣ животнаго новыхъ приспособленій; однако сама по себѣ чрезмѣрная теплота или холодъ отнюдь не есть приспособленіе. Аффекціональъ для психическаго подбора означаетъ то же, что разрушительное или благопріятное воздѣйствіе среды на организмъ—для подбора естественнаго.

Психическій подборъ есть психическая причинность, какъ подборъ естественный есть біологическая причинность. Но причинность — не телеологія; и если въ общемъ она приводитъ къ возникновенію и развитію уравновѣшенныхъ, гармоническихъ системъ, то далеко не всегда такъ бываетъ въ частныхъ случаяхъ. Психическій подборъ, какъ и подборъ естественный, очень многое создаетъ только для разрушенія. На психическую систему онъ дѣйствуетъ всегда лишь частично, а не интегрально: координируетъ только «части частей», а не цѣлое. Онъ непосредственно приспособляетъ одни психическія переживанія къ другимъ, когда они вмѣстѣ встрѣчаются въ данной опредѣленной координаціи; но далеко не всегда изъ этого можетъ получаться *общая* приспособленность, для всѣхъ координацій системы. Дѣйствіе психическаго подбора нерѣдко противорѣчиво. Но въ рядѣ вѣковъ его организующая тенденція преодолеваетъ эти противорѣчія, сила развитія господствуетъ надъ ними.

3. Схема ассоціацій.

I.

Основную характеристику всей области психического опыта представляет опредѣленный типъ его координаціи, именно типъ ассоціативный. До сихъ поръ мы пользовались понятіемъ ассоціативной связи только для того, чтобы указать границы области нашего изслѣдованія; но это отнюдь не означаетъ, чтобы данное понятіе имѣло для насъ значеніе познавательнаго «а ргіогі» въ кантіански-гносеологическомъ значеніи этого слова; и какъ только отъ вопроса о всеобщемъ психологическомъ методѣ мы хотимъ сдѣлать шагъ по направленію къ конкретно-психологическому познанію, передъ нами выступаетъ задача—«объяснить» съ точки зрѣнія этого метода фактъ ассоціаціи переживаній въ психическомъ опытѣ.

Прежде всего, что подразумѣваетъ психологъ, когда онъ говоритъ объ «ассоціаціи»?

Тотъ неопредѣленный, неорганизованный потокъ переживаній, который представляетъ дѣйствительное, жизненное «а ргіогі» всякаго опыта и познанія, потому что именно изъ него въ процессѣ развитія кристаллизуется и то и другое, этотъ первичный хаосъ жизни еще не есть, конечно, ассоціативная комбинація элементовъ, а только возможный матеріалъ для ея возникновенія. Но и устойчивый, прочно организованный комплексъ элементовъ также не образуетъ самъ по себѣ «ассоціаціи», пока въ опытѣ и познаніи онъ не разложился на составныя части, которыя и рассматриваются тогда, какъ «ассоціированныя» между собою. Два комплекса, *A* и *B*, которые неизмѣнно встрѣчались бы вмѣстѣ въ полѣ психического опыта, не составляли бы ассоціаціи, потому что вовсе не различались бы какъ два отдѣльныхъ комплекса, а принимались бы какъ одинъ. Такимъ образомъ, если мы говоримъ объ ассоціативной связи комплексовъ *A*, *B*, *C* и т. д., то тѣмъ самымъ подразумѣваемъ не только ихъ взаимную связь, но и ихъ раздѣльность, — подразумѣваемъ, что иногда они выступаютъ вмѣстѣ, а иногда порознь, въ комбинаціяхъ съ другими комплексами. Но въ то же время мы не считаемъ «случайными» встрѣчи комплексовъ *A*, *B*, *C*... въ полѣ сознанія, а признаемъ извѣстную закономерность, состоящую въ томъ, что каждый изъ нихъ «влечетъ» за собою другіе, т.-е.

каждый является положительнымъ, а не отрицательнымъ и не безразличнымъ условіемъ для возникновенія другихъ въ сферѣ непосредственнаго психическаго опыта. Иногда это условіе само по себѣ оказывается достаточнымъ, иногда нѣтъ, но всегда при его наличности для появленія ассоціированныхъ съ нимъ переживаній требуется меньшая сумма всякихъ иныхъ условий, чѣмъ при его отсутствіи.

Основная, наиболѣе общая и типичная форма ассоціативной связи—это ассоціація *по смежности*. Два переживанія, разъ выступавшія въ одномъ полѣ сознанія, обнаруживаютъ затѣмъ тенденцію взаимно вызывать другъ друга, — встрѣчая видѣнную раньше лошадь, человѣкъ вспоминаетъ о сидѣвшемъ тогда на ней всадникѣ, и наоборотъ. Какъ «объясняется» эта связь съ точки зрѣнія психическаго подбора?

Два комплекса, *A* и *B*, одновременно находящіеся въ полѣ сознанія, совмѣстно «подвергаются» психическому подбору, положительному или отрицательному, т.-е., другими словами, совмѣстно испытываютъ энергетическія измѣненія, въ смыслѣ усиленія или ослабленія этихъ комплексовъ. Но тѣмъ самымъ оба комплекса образуютъ въ данной психикѣ *одну систему энергетическаго равновѣсія*. Это вытекаетъ изъ того, что поле сознанія представляетъ, какъ мы видѣли, область координированныхъ измѣненій психической системы, т.-е. измѣненій, энергетически въ данный моментъ связанныхъ, энергія которыхъ обмѣнивается не только со внѣшней для нихъ средой, но и между ними самими ¹⁾.

Итакъ, благодаря процессу психическаго подбора, передъ нами уже не два отдѣльныхъ, «случайно» соединившихся на время комплекса элементовъ, но нѣкоторая опредѣленная система равновѣсія. Она остается «внѣ сознанія», пока это равновѣсіе ничѣмъ не нарушается; если оно опредѣленнымъ образомъ нарушается для одной части этой системы—положимъ, для части *A*,—то «комплексъ *A*» вступаетъ въ поле сознанія; но тогда,—какъ во всякой энергетической системѣ, — нарушается равновѣсіе и для

¹⁾ Такая связь всего нагляднѣе выражается физиологически, именно, въ томъ, что отдѣльныя жизнеразности клѣтокъ и частныхъ центровъ, соответствующія «полю сознанія», сливаются при посредствѣ проводниковъ (ассоціативныхъ и проэкторныхъ волоконъ) въ одну непрерывную, общую жизнеразность центрального аппарата.

части *B*, и мы можемъ ожидать, что *B* также «появится» въ сознаниі. Если бы за все промежуточное время система этихъ двухъ комплексовъ оставалась совершенно неизмѣнною, то каждый изъ нихъ неизбежно вызвалъ бы другой вслѣдъ за собою; но о такой безусловной устойчивости не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о живой и живущей психикѣ: медленно и непрерывно измѣняясь въ своихъ мельчайшихъ частяхъ, система можетъ преобразоваться весьма значительно и даже совсѣмъ разложиться; вотъ почему и ассоціативная связь имѣетъ лишь ограниченное значеніе, вотъ почему она представляетъ массу различныхъ степеней, отъ неумовимаго *minimum* прочности до граничащаго съ неразрывностью *maximum*.

Съ этой точки зрѣнія для насъ вполне объясняются всѣ существенныя особенности ассоціативной связи. Напр., она бываетъ особенно прочна, если возникаетъ при *сильномъ аффекціональнѣ*: все, что пережито въ моментъ высокой радости или интенсивнаго страданія, ассоціируется наиболѣе прочно, такъ что каждая часть тогдашняго поля сознанія, выступая въ сознаниі вновь, съ большою силою и ясностью воскрешаетъ другія, — на этомъ общеизвѣстномъ фактѣ основаны многіе приемы мнемоники и педагогиі ¹⁾. Сильный аффекціональ означаетъ энергичное дѣйствіе психическаго подбора; и такъ какъ именно это дѣйствіе и создаетъ изъ двухъ встрѣтившихся въ сознаниі комплексовъ одну систему равновѣсія, то понятно, что болѣе интенсивный подборъ обуславливаетъ большее относительное единство, болѣе устойчивость новой системы, т.-е. болѣе прочную связь ея частей. Совершенно аналогичнымъ образомъ упрочивается ассоціація переживаній и тогда, когда они многократно выступаютъ вмѣстѣ въ сознаниі: здѣсь только интенсивность психическаго подбора замѣняется его продолжительностью, дѣйствіе его, такъ сказать, накапливается.

Съ другой стороны, чѣмъ интенсивнѣе психическая жизнь за все то промежуточное время, пока ассоціированные комплексы

¹⁾ Въ старыя времена, устанавливая границы помѣстій, на межѣ сѣкли мальчиковъ, чтобы они, доживши до старости, не могли забыть, гдѣ граница. Тѣмъ же методомъ пользуется современный классическій педагогъ, когда онъ оставляетъ ученика безъ объѣда, принуждая въ это время учить вокабулы, или патриархальные родители, когда они бьютъ дѣтей и «приговариваютъ»: «не дѣлай этого, не дѣлай этого»... и т. д.

остаются «за порогомъ» сознаниа, тѣмъ больше ослабляется и ассоціативная связь этихъ комплексовъ, тѣмъ меньше шансовъ, что вступленіе одного изъ нихъ въ поле сознаниа «повлечетъ» за собою вступленіе другого. Интенсивная психическая жизнь означаетъ большое количество измѣненій психической системы, слѣдовательно—большое количество измѣняющихъ вліяній, а вліянія эти дѣйствуютъ и за предѣлами главной координаціи, преобразуя прежде сложившіяся частныя системы энергетическаго равновѣсія—ассоціативныя группировки. И здѣсь, какъ въ предыдущемъ случаѣ, продолжительность измѣняющихъ вліяній имѣетъ однородное значеніе съ ихъ интенсивностью: ассоціаціи становятся менѣ прочными, если долго не возобновляются въ сознаниа.

Все это относится къ простѣйшему и основному типу ассоціативной связи—къ ассоціаціямъ «по смежности»; точно также разумѣется, и къ ассоціаціямъ «по временной послѣдовательности», потому что эта послѣдняя *заключаетъ* въ себѣ моментъ смежности: если комплексъ *A* *вполнѣ* исчезнетъ изъ сознаниа къ моменту появленія комплекса *B*, то ассоціація по послѣдовательности не образуется; она получается лишь въ томъ случаѣ, когда комплексъ *A* хотя бы только отчасти и въ ослабленномъ видѣ сохраняется еще нѣкоторое время на ряду съ *B*. Такимъ образомъ оба первоначальныхъ типа ассоціаціи мы имѣемъ всѣ основанія разсматривать, какъ *результатъ психическаго подбора*. Нѣсколько сложнѣе представляется вопросъ объ ассоціаціяхъ «по сходству» и «по контрасту»—объ ассоціаціяхъ «высшаго» типа. Чтобы перейти къ нимъ, для насъ требуется еще одно промежуточное звено—явленія психическаго «привыканія».

II.

Если какая-нибудь психическая реакція сенсорнаго характера (воспріятіе, представленіе) или двигательнаго (волевой актъ, стремленіе) повторно выступаетъ въ сознаниа, то она тѣмъ дальше, тѣмъ въ большей мѣрѣ становится *привычною*. При этомъ она измѣняется, и именно въ трехъ отношеніяхъ. Съ одной стороны, она все легче воспроизводится въ психикѣ—шансы ея новаго повторенія при прочихъ равныхъ условіяхъ возрастаютъ. Съ другой стороны, какъ комплексъ элементовъ опыта, она при-

обрѣтаетъ все больше опредѣленности и консерватизма—взаимныя отношенія ея элементовъ становятся все прочнѣе и устойчивѣе. Съ третьей стороны, мѣняется аффекціональная окраска реакціи—вообще говоря, въ сторону безразличія: высокій аффекціоналъ, положительный или отрицательный, понижается, становясь все болѣе незначительной величиной; но при отрицательномъ аффекціоналѣ дѣло этимъ не ограничивается,—онъ переходитъ затѣмъ въ положительный, при чемъ, обыкновенно, также не переходитъ извѣстной невысокой величины ¹⁾. Вопросъ заключается въ томъ, что можетъ дать идея психическаго подбора для уясненія этихъ фактовъ, играющихъ такую громадную роль въ душевной жизни и развитіи.

Здѣсь прежде всего очевидно, что дѣло идетъ о многократномъ и въ общемъ продолжительномъ дѣйстви психическаго подбора: повторяясь снова и снова, реакція каждый разъ подвергается этому дѣйствию. Если подборъ положительный (реакція въ сознаніи выступаетъ какъ нѣчто «пріятное»), то сразу же становится понятнымъ, почему возрастаютъ шансы дальнѣйшаго повторенія реакціи—это общая и основная черта положительнаго психическаго подбора. Но какимъ же образомъ получается аналогичный эффектъ «привыканія» и тогда, когда подборъ бываетъ отрицательный, когда реакція непосредственно «непріятна»? А ригорі слѣдовало бы ожидать, повидимому, прямо противоположнаго результата,—все болѣе и болѣе труднаго воспроизведенія реакціи? Правда, *иногда* такъ и случается—чѣмъ чаще данный комплексъ повторяется въ сознаніи, тѣмъ сильнѣе то внутреннее сопротивление, которое онъ при этомъ встрѣчаетъ,—тѣмъ сильнѣе тенденція къ его подавленію и устраненію изъ психическаго поля ²⁾. Но такъ бываетъ скорѣе въ меньшинствѣ случаевъ, насъ

1) Эту сторону процесса привыканія «народная мудрость» выражаетъ словами: «стерпится—слюбится». Профессиональныя привычки даютъ людямъ возможность находить нѣкоторое удовольствіе даже въ томъ, что для всѣхъ непривычныхъ прямо невыносимо. Напр., многимъ химикамъ, работающимъ, хотя бы по анализу, съ сѣководородомъ, запахъ этого газа положительно начинаетъ нравиться.

2) Напр., когда человѣка заставляютъ выполнять непріятную для него работу, то нерѣдко бываетъ такъ, что съ каждымъ разомъ это дѣлается для него все труднѣе, работа становится все менѣе энергичной, координація волевыхъ актовъ, психически ее опредѣляющая, становится все болѣе дисгармоничной и протекаетъ все болѣе вяло—типичная картина отрицательнаго психическаго подбора.

же сейчасъ занимаетъ противоположный типъ явленія — когда «непріятная» реакція возникаетъ все съ меньшимъ и меньшимъ сопротивленіемъ психики, а затѣмъ становится даже «пріятной», когда, напр., человекъ, начавши съ отвращеніемъ заниматься какой-нибудь работой, мало-по-малу «втягивается» въ нее и начинаетъ даже находить въ ней нѣкоторое удовольствіе.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что такое «привыканіе» при отрицательной окраскѣ реакціи происходитъ гораздо медленнѣе и съ большей затратой энергіи, чѣмъ при положительной окраскѣ: «втянуться» въ непосредственно-пріятное занятіе гораздо легче, чѣмъ въ непосредственно-непріятное. Такимъ образомъ и здѣсь, повидимому, типичная тенденція отрицательнаго подбора имѣется налицо — она только парализуется и перевѣшивается какими-то другими вліяніями. Какія же это вліянія? Вопросъ рѣшается очень легко, если припомнить, что полемъ психическаго подбора является *все поле сознанія*, какъ одно цѣлое.

Трудно представить себѣ большія страданія, чѣмъ тѣ, которыя испытываетъ десятилѣтній школьникъ, «пріучаясь» курить. Необычныя осязательныя, обонятельныя и вкусовыя ощущенія отъ табачнаго дыма вызываютъ цѣлый рядъ дисгармоническихъ судорожныхъ реакцій — со стороны діафрагмы и другихъ мускуловъ дыхательнаго аппарата (кашель), со стороны сосудистой системы (сердцебиеніе, учащенный пульсъ), мускуловъ лица (grimаса), различныхъ железъ (слезы, слюнотеченіе) и т. д. Въ совокупности это означаетъ большую растрату энергіи, слѣдовательно большое страданіе. Если бы все дѣло къ этому и сводилось, то врядъ-ли кто-нибудь «привыкъ» бы курить. Но обстоятельства гораздо сложнѣе, и въ полѣ сознанія имѣется, кромѣ указанныхъ комплексовъ, еще немало иныхъ. Представленіе объ актѣ куренія соединяется въ психикѣ ребенка съ представленіемъ о нѣкоторомъ относительномъ «равенствѣ» со взрослыми, стало быть о нѣкоторомъ принципиальномъ расширеніи жизни, о повышеніи ея уровня. Это сочетаніе сводится въ концѣ концовъ, къ ассоціаціи «по смежности» — къ тому факту, что ребенокъ видѣлъ курящими только взрослыхъ, и въ то же время наблюдалъ ихъ взаимныя отношенія — съ его точки зрѣнія весьма «свободныя». Если актъ куренія причиняетъ «непріятныя» ощущенія, то сознаніе возрастающей свободы «пріятно»: одна часть ассоціаціи, взятая въ отдѣльности, имѣетъ отрицательный аффеціональ, другая — по-

ложительный; какова же окраска ассоціаціи, какъ цѣлаго? Чувство страданія, которымъ омрачается первая часть ассоціаціи, очень интенсивно, однако скоропреходяще, и имѣеть лишь индивидуально-физиологическую основу; напротивъ, чувство удовольствія, характеризующее вторую часть ассоціаціи, можетъ быть не особенно интенсивно, но имѣеть социально-психологическую основу, постоянно поддерживается окружающей ребенка общественной средой, и потому отличается длительнымъ дѣйствіемъ. Ребенокъ одинъ-два раза накурится до тошноты и страдаетъ нѣсколько часовъ; но каждый день по многу разъ, глядя на окружающихъ, онъ возвращается къ мысли: «ахъ, какъ хорошо быть взрослымъ, который дѣлаетъ, что хочетъ, и который курить съ очевиднымъ удовольствіемъ». Если въ этой постоянно возобновляющейся ассоціаціи перевѣсъ получить длительное, хотя менѣе интенсивное дѣйствіе положительнаго аффекціонала, то нашъ герой будетъ вновь и вновь возобновлять попытки курить; если побѣдитъ интенсивное, хотя менѣе продолжительное вліяніе отрицательнаго аффекціонала, то попытки будутъ становиться рѣже или прекратятся. Въ первомъ случаѣ шансы повторенія реакціи возрастаютъ, какъ и бываетъ при «привыканіи», во второмъ—уменьшаются.

Этотъ частный примѣръ даетъ намъ указаніе на тотъ общій путь, на которомъ создается «привычка» къ повторенію «непріятной» реакціи. При каждомъ фактическомъ повтореніи реакціи, повтореніи, обусловленномъ совокупностью обстоятельствъ, хотя бы только «внѣшнихъ», реакція эта выступаетъ какъ составная часть опредѣленнаго *поля сознанія*, и психическій подборъ ассоціируетъ ее «по смежности» съ остальнымъ содержаніемъ этого поля. Чѣмъ больше происходитъ такихъ фактическихъ повтореній, тѣмъ больше различныхъ «полей сознанія» вмѣщаютъ данную реакцію, тѣмъ больше у нея образуется «ассоціативныхъ связей» по смежности; а каждая ассоціативная связь, какъ мы знаемъ, увеличиваетъ шансы повторенія реакціи. При этомъ *собственная* аффекціональная окраска реакціи становится менѣе важной, потому что дѣйствіе психическаго подбора относится, какъ мы видѣли, не къ отдѣльной части поля сознанія, а къ его цѣлому; и спеціальнй аффекціональ реакціи входитъ лишь какъ *слабое* въ общую сумму условій психическаго подбора. Если

это слагаемое имѣетъ знакъ минусъ, а другія плюсь, то въ зависимости отъ величины жизненной суммы шансы повторенія реакціи будутъ либо возрастать, либо уменьшаться. Въ первомъ случаѣ мы и получимъ процессъ «привыканія къ непріятному»; и понятно, что процессъ этотъ окажется, вообще говоря, гораздо болѣе медленнымъ и тяжелымъ, чѣмъ «привыканіе къ пріятному».

Другая сторона процесса выражается въ возрастаніи опредѣленности и консерватизма той психической реакціи, которая «входитъ въ привычку». Это объясняется просто общей продолжительностью дѣйствія психическаго подбора, которое выступаетъ на сцену при каждомъ повтореніи реакціи. *Какъ всякій энергетическій процессъ*, психическій подборъ направляется въ сторону устойчиваго равновѣсія и, дѣйствуя на данный комплексъ элементовъ, стремится создать изъ него уравновѣшенную, консервативную систему, что и характеризуетъ «привычные» комплексы. Но получается всегда, конечно, не абсолютная, а только относительная опредѣленность, потому что психическій подборъ стремится въ то же время образовать системы равновѣсія болѣе обширнаго объема—именно, изъ даннаго комплекса *вмѣстѣ* съ другими, съ которыми онъ встрѣчается въ одномъ полѣ сознанія (системы ассоціативныя).

Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется и «притупленіе» аффеціонала по мѣрѣ привыканія. По мѣрѣ того какъ создаются ассоціативныя системы энергетическаго равновѣсія, происходитъ и уравновѣшеніе аффеціоналовъ различныхъ частей каждой такой системы: всякій значительный плюсь или минусъ, такъ сказать, расплывается, распредѣляясь въ этихъ системахъ между всѣми ихъ частями. Получается для различныхъ ассоціированныхъ комплексовъ нѣкоторый средній аффеціоналъ; и вполне естественно, что это, обыкновенно, небольшой *положительный* аффеціоналъ, потому что самое «привыканіе» происходитъ, какъ мы видѣли, только тогда, когда въ общей суммѣ дѣйствіе психическаго подбора на различныя ассоціаціи, включающія *данную* реакцію, положительное, а не отрицательное. Напримѣръ, если химикъ понемногу начинаетъ находить запахъ H_2S довольно пріятнымъ, то это прежде всего потому, что съ этимъ ощущеніемъ для него ассоціируется представленіе о многихъ интересныхъ и по-

лезныхъ химическихъ реакціяхъ,—представленіе, имѣющее положительный аффекціональ, который переходитъ и на ощущаемый запахъ ¹⁾).

Въ массѣ случаевъ измѣненіе аффекціонала происходитъ, однако, еще другимъ путемъ, примѣромъ котораго хорошо можетъ служить хотя бы та же «привычка» къ куренію. У непривычнаго человѣка табачный дымъ, какъ новое интенсивное внѣшнее вліяніе, вызываетъ, мы знаемъ, массу «судорожныхъ реакцій», которыя всѣ «непріятны», такъ какъ представляютъ большую растрату нервной энергіи (кашель, сердцебіеніе, сжатіе периферическихъ сосудовъ и т. д.). Этимъ-то судорожнымъ реакціямъ и принадлежитъ наибольшая доля отрицательнаго аффекціонала при актѣ куренія, и если актъ этотъ повторяется, то онѣ постепенно устраняются психическимъ подборомъ—по общему закону его дѣйствія; а съ ихъ устраненіемъ уменьшается и отрицательный аффекціональ переживаній лица, которое курить,—уменьшается или даже переходитъ въ положительный, если ассоциативно присоединяются «пріятныя» переживанія.

Какъ видимъ, «процессъ привыканія» во всѣхъ своихъ основныхъ проявленіяхъ лежитъ всецѣло въ рамкахъ «психическаго подбора», другими словами—легко имъ «объясняется».

III.

Точка зрѣнія психическаго подбора дала намъ возможность «объяснить» различныя проявленія того процесса, который обозначается словомъ «привыканіе», и который обыкновенно — но не всегда — сопровождаетъ собою психическое «упражненіе» («Uebung»), т.-е. повтореніе сходныхъ психическихъ комплексовъ въ потокѣ опыта. Но она же дала намъ возможность понять и тѣ случаи, когда «упражненіе» не влечетъ за собою «привыканія»—случаи особенно «непріятныхъ» переживаній, при повтореніи которыхъ отрицательный подборъ получаетъ рѣшительный перевѣсъ, все болѣе и болѣе противоудѣствуя дальнѣйшимъ повтореніямъ. Такимъ образомъ идея психическаго подбора ока-

¹⁾ Въ то же время происходитъ, конечно, и обратное явленіе: положительный аффекціональ представленія о такихъ-то интересныхъ и полезныхъ химическихъ реакціяхъ *уменьшается*, благодаря «непріятной» окраскѣ запаха, представляемаго или ощущаемаго въ связи съ этими реакціями.

зывается шире и общѣе того взгляда, который я назвалъ бы «психологическимъ ламаркизмомъ» и который останавливается только на поверхности фактовъ «упражненія» и «привыканія», констатируя ихъ, но не сводя ихъ къ единству съ несомнѣнными фактами противоположнаго характера ¹⁾).

Теперь мы, очевидно, можемъ и тѣ и другіе факты, какъ уже «объясненные», уже сведенные къ единству идеи психического подбора, сдѣлать основой дальнѣйшаго «объясненія» — для психическихъ фактовъ болѣе сложнаго характера. И прежде всего мы сдѣлаемъ это по отношенію къ высшимъ типамъ ассоціативныхъ процессовъ — къ ассоціациямъ по сходству и по контрасту, которыя составляютъ базисъ всякаго познавательнаго «обобщенія» и «различенія».

Всякій комплексъ элементовъ, выдѣляющійся изъ потока переживаній, выступаетъ первоначально въ опытѣ какъ нѣкоторое неопредѣленное цѣлое. Даже отличить его отъ другихъ, смежныхъ съ нимъ, возможно только благодаря тому, что онъ является въ соединеніи не съ одними и тѣми же, но при каждомъ повтореніи — по крайней мѣрѣ, отчасти — съ новыми и новыми комплексами. Вполнѣ аналогичны и тѣ условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ *разложеніе* комплекса на его части и элементы; эти части и эти элементы повторяются въ иныхъ, новыхъ комбинаціяхъ, такъ что прежній комплексъ воспроизводится не только цѣликомъ, но иногда и частично — въ *другихъ* комплексахъ. Напр., если ребенокъ, видѣвшій до сихъ поръ только одну кошку, встрѣчаетъ другую, то въ его психикѣ воспроизводится фактически большая часть комбинацій прежняго комплекса — представленія о кошкѣ, но въ соединеніи съ нѣкоторыми новыми вмѣсто нѣкоторыхъ старыхъ комбинацій. Аналогичные факты въ дальнѣйшемъ происходятъ снова и снова, —

¹⁾ У Авенаріуса въ „Критикѣ чистаго опыта“ такой „ламаркизмъ“ играетъ роль одной изъ центральныхъ идей и связывается со слишкомъ внѣшне-формальнымъ пониманіемъ принципа „чистаго описанія“. Принципъ этотъ, въ сущности, требуетъ, чтобы въ познаніе не вносилось ничего *принципиально* выходящаго за предѣлы даннаго опыта, чтобы всякое „объясненіе“ было только *упрощающимъ описаніемъ*, но онъ отнюдь не сводитъ методы этого упрощающаго описанія къ механическому обобщенію фактовъ, — такое обобщеніе есть только матеріалъ для объединяющей идеи, но еще вовсе не объединяющая идея. Все, что Авенаріусъ говоритъ объ „Uebung“ — только механическое обобщеніе.

повторяющаяся при этомъ «общая» часть всѣхъ соотвѣтственныхъ комплексовъ—воспріятій или представлений о «кошкѣ»—подвергается болѣе длительному и систематическому дѣйствию психического подбора, чѣмъ остальные — «индивидуальные» — части этихъ комплексовъ, а слѣдовательно становится болѣе «привычкой». «Привыканье» и здѣсь ведетъ, разумѣется, къ *большей повторяемости, къ большему консерватизму и сравнительному аффекціональному безразличію*. Всѣ эти черты и характеризуютъ постепенно обособляющійся такимъ образомъ комплексъ — «обобщенное представленіе» о кошкѣ ¹⁾).

Совершающійся такимъ образомъ процессъ «обобщенія» есть въ то же время процессъ *ассоцірованія по сходству*. Дѣло въ томъ, что наиболѣе повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, естественнымъ образомъ, ассоціирована *по смежности* съ каждой изъ частей менѣе повторяющихся, и «влечетъ» ихъ за собою въ сознаніи. Если *A*, какъ болѣе повторяющаяся комбинація, обособилась въ одномъ комплексѣ отъ *B*, какъ болѣе индивидуальной части комплекса, въ другомъ отъ *C*, въ третьемъ отъ *D*, то это обособленіе не безусловное: *A* остается все-таки ассоціировано съ *B*, потому что вмѣстѣ съ нимъ находилось въ одномъ полѣ сознанія и вмѣстѣ подвергалось дѣйствию психического подбора, которое, какъ мы видѣли, создаетъ въ этомъ случаѣ ассоціативное отношеніе; но точно также *A* соединено ассоціативной связью и съ *C*, и съ *D* и т. д. Слѣдовательно, въ какой бы изъ этихъ своихъ ассоціативныхъ комбинацій *A* непосредственно ни являлось, оно «имѣетъ тенденцію» вызвать въ сознаніи и остальные свои комбинаціи: $A+B$ «влечетъ» за собой $A+C$ и $A+D$, и т. д., одна кошка «напоминаетъ» о другихъ кошкахъ, одна птица—о другихъ птицахъ... Это и есть ассоціация «по сходству».

Развитіе психического опыта приводитъ къ прогрессивному «обобщенію» переживаній. Разложеніе комплексовъ опыта идетъ все дальше, повторяющаяся часть одного ряда комплексовъ и

1) Собственно говоря, и первоначальное представленіе о такой-то данной кошкѣ, напр., первой, какую видѣлъ до сихъ поръ данный ребенокъ, образуется такимъ же путемъ: рядъ послѣдовательныхъ воспріятій одной и той же кошки не представляетъ точнаго повторенія одного и того же комплекса, но лишь приблизительное, и представленіе о такой-то данной кошкѣ есть уже „обобщеніе“.

повторяющаяся часть другого ряда могут заключать въ себѣ общія комбинаціи, которыя въ свою очередь обособляются психическимъ подборомъ, какъ особенно «привычныя» для психики, - это «обобщенія второго порядка», и т. д. Обобщенія высшихъ порядковъ являются ассоціативными центрами для обобщеній низшихъ порядковъ, какъ эти для еще болѣе низшихъ. Эта цѣпь обобщенія есть въ то же время цѣпь ассоціаций по сходству, болѣе широкихъ и менѣе широкихъ.

Такъ какъ «обобщеніе», т.-е. повторяющаяся часть сходныхъ комплексовъ, «обособляется» до извѣстной степени лишь благодаря своему повторенію въ составѣ этихъ комплексовъ, и такъ какъ оно образуетъ ихъ общій ассоціативный центръ, то естественно, что оно никогда не является *совершенно отдѣльно* отъ этихъ комплексовъ, никогда не обособляется отъ нихъ вполне, даже на короткое время: какъ мы знаемъ, ассоціативная связь означаетъ выработанную психическимъ подборомъ систему энергетическаго равновѣсія; и потому «обобщеніе», будучи только центральнымъ звеномъ обширной системы подобнаго рода, никоимъ образомъ не можетъ совершенно отъ нея оторваться, хотя бы даже только на одинъ моментъ. Если бы это и случилось, то передъ нами оказалась бы энергетически неуравновѣшенная комбинація, которая по своей неуравновѣшенности тотчасъ же вывела бы изъ равновѣсія смежныя (ассоціативныя) психическія группировки, т.-е. вовлекла бы въ «поле сознанія» свои «частныя» комплексы, которые она обобщаетъ. Другими словами, обобщеніе *всегда* въ психикѣ проявляется какъ центральная часть ассоціации по сходству, и только въ такой ассоціации существуетъ. «Чистаго» обобщенія, которое бы «отвлекалось» отъ всего индивидуальнаго въ обобщенныхъ частныхъ комплексахъ, человѣкъ никогда не можетъ реализовать въ своемъ сознаніи.

Итакъ, обобщеніе представляетъ не что иное какъ ассоціацию по сходству, въ которой психическимъ подборомъ до извѣстной степени обособлена—такъ сказать «подчеркнута»—повторяющаяся часть ассоціированныхъ комплексовъ. Понятно, что чѣмъ выше степень или «порядокъ» обобщенія, тѣмъ болѣе широкой ассоціации по сходству оно соотвѣтствуетъ, тѣмъ болѣе значительную массу частныхъ комплексовъ оно связываетъ. Но поле сознанія, какъ область координированныхъ измѣненій психики

всегда ограничено: какъ всякая организованная система, психика не можетъ безъ нарушенія своей связности и единства испытывать одновременно неопредѣленно большое количество измѣненій. Вотъ почему никогда или почти никогда комплексъ обобщенный не выступаетъ въ сознаніи вмѣстѣ со *всѣми* частными, которые онъ объединяетъ: налицо имѣются только нѣкоторые изъ нихъ, при томъ одни съ большей отчетливостью, другіе съ меньшей, третьи въ совсѣмъ ослабленномъ видѣ; а психическій подборъ очень быстро смѣняетъ одни изъ нихъ другими, такъ что цѣлое имѣетъ колеблющійся, расплывающійся характеръ. Это постоянная психологическая черта «обобщеній».

То, что въ познаніи называется «понятіемъ», есть прочная, социальное-обусловленная ассоціація *по смежности* между расплывчато-неустойчивымъ въ сознаніи комплексомъ «обобщеніемъ», и вполне опредѣленнымъ, незначительнымъ по суммѣ элементовъ, высоко-консервативнымъ комплексомъ «словомъ». Принципіально эта ассоціація «объясняется» такъ же, какъ всякая другая, социальный же ея генезисъ лежитъ пока за предѣлами нашей задачи.

Какъ видимъ, наша точка зрѣнія, опираясь на факты «привыканія», легко сводитъ основные процессы познавательной дѣятельности къ принципу психического подбора. При этомъ она «объясняетъ» и характерную «холодность» познанія, сравнительное аффекціональное безразличіе «обобщеній» и «понятій»: наиболѣе «общее» есть наиболѣе повторяющееся, наиболѣе «привычное», а «привыканіе», какъ мы видѣли, ведетъ къ притупленію аффекціонала. Эта «холодность» познанія есть также условіе того *консерватизма* понятій, который выражается въ логическомъ «законѣ тожества»: высокой аффекціональ означаетъ вѣдь интенсивную работу психического подбора, стало быть — преобразование комплексовъ, находящихся въ сознаніи, нарушеніе ихъ «тожества», — и потому онъ несовмѣстимъ со строгимъ консерватизмомъ сложившихся понятій.

IV.

Прежде чѣмъ перейти къ третьей, самой сложной формѣ ассоціативной связи, намъ слѣдуетъ нѣсколько остановиться на очень важныхъ для объясненія этой формы случаяхъ *конкуренции* психическихъ комплексовъ.

Поле сознанія есть область координированныхъ измѣненій психической системы. Эта область является всегда неизбежно ограниченной и именно въ силу двухъ обстоятельствъ. Съ одной стороны, представляя изъ себя организованное, очень сложное и лишь относительно устойчивое цѣлое, психика вообще не можетъ переносить неопредѣленно большого количества одновременныхъ измѣненій—разъ оно переходитъ извѣстную границу, психика начинаетъ просто разрушаться. Съ другой стороны, и степень координаціи измѣненій уменьшается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше ихъ одновременно возникаетъ, и за извѣстнымъ предѣломъ связность ихъ исчезаетъ,—получается смутная, неопредѣленная масса переживаній, которая не есть психическій опытъ («Verworrenheit»). Получается громадная растрата энергіи психической системы, психическій подборъ направляется въ сторону суженія поля переживаній, и если это достигается, сознаніе «входитъ въ свои нормальныя границы».

Психологи-экспериментаторы, какъ напр. Вундтъ, дѣлали опыты съ цѣлью опредѣлить предѣльный объемъ сознанія. Результаты этихъ опытовъ мало поддаются точному выраженію, потому что единицы измѣренія еще далеко не выработаны; несомнѣнно одно, что для каждой психики такой предѣльный объемъ существуетъ, какъ нѣкоторая естественная граница для расширенія потока переживаній.

Отъ этой границы зависитъ взаимная конкуренція психическихъ ихъ комплексовъ. Чѣмъ ихъ больше въ полѣ сознанія, тѣмъ сильнѣе психическій подборъ стремится уменьшить ихъ количество. При этомъ устраненіе однихъ ведетъ къ увеличенію яркости и ясности другихъ, и наоборотъ. Въ этомъ и состоитъ конкуренція переживаній.

Степень конкуренціи, ея интенсивность, зависитъ, конечно, не только отъ количества конкурирующихъ комплексовъ, но также и отъ ихъ состава, и отъ характера ихъ взаимныхъ отношеній. Чѣмъ болѣе комплексы разнородны, чѣмъ менѣе въ нихъ имѣется общихъ, связывающихъ комбинацій, тѣмъ меньше и тѣмъ труднѣе достигается ихъ взаимная координація, тѣмъ интенсивнѣе они конкурируютъ между собою. Это хорошо знаетъ всякій, кому приходилось сразу думать о нѣсколькихъ различныхъ дѣлахъ. И есть одинъ, чрезвычайно важный рядъ случаевъ, когда конкуренція становится особенно сильной даже

при очень маломъ количествѣ переживаній. Это тогда, когда дѣло идетъ о противорѣчійхъ *волевыхъ* комплексовъ.

Если разсматривать жизнь психики въ ея отношеніяхъ къ внѣшней средѣ, то приходится установить два основныхъ типа психическихъ переживаній: комплексы—*образы* (ощущенія, воспріятія, представленія) и *волевые* комплексы (стремленія, импульсы). «Образы» суть ближайшія отраженія воздѣйствій среды въ психической системѣ, «воля» есть обратная реакція системы на эти воздѣйствія, реакція ихъ измѣняющая. Комплексы «среды» обуславливаютъ измѣненія въ комплексахъ «психики»; поскольку эти послѣдніе имѣютъ пассивный характеръ, не отражаются въ свою очередь въ комплексахъ среды, постольку они только «образы»; поскольку они получаютъ активную окраску, отражаются въ свою очередь въ средѣ, постольку они составляютъ «волю» ¹⁾. Нераздѣльная связь тѣхъ и другихъ, невозможность рѣзкихъ границъ между ихъ областями очевидна сама собою.

Типичная психическая реакція представляетъ неразрывное сочетаніе комплекса перваго рода съ комплексомъ втораго рода. Человѣкъ «воспринимаетъ» опредѣленный образъ, положимъ, «добычу», и этотъ образъ непосредственно влечетъ за собой волевой импульсъ опредѣленнаго характера — актъ «завладѣванія» добычей. Первоначально это — одинъ непрерывный комплексъ, и только съ расширеніемъ и усложненіемъ опыта онъ раздѣляется на двѣ взаимно ассоціированныя части.

Волевой комплексъ, взятый самъ по себѣ, всегда представляетъ *затрату* энергіи психической системы, является для нея *энергетически-отрицательной* величиной. Физиологически онъ и выражается въ *иннервации*, въ потокѣ энергіи, направленномъ отъ центрального аппарата системы къ периферіи, а въ конечномъ счетѣ — къ внѣшней средѣ. Такимъ образомъ, для всякаго комплекса, въ которомъ преобладаютъ «волевые» комбинаціи,

1) „Представленіе“ есть неполный комплексъ-образъ, возникающій не изъ прямого и непосредственнаго воздѣйствія комплексовъ среды, но все же являющійся ихъ *косвеннымъ* отраженіемъ. Стремленіе — неполный волевой комплексъ, не отражающійся ближайшимъ образомъ на комплексахъ среды, но при достаточныхъ условіяхъ непосредственно переходящій въ волевой актъ, который уже „отражается“ въ средѣ. (Объ отношеніяхъ этихъ неполныхъ психическихъ реакцій къ полнымъ см. мою работу „Познаніе съ исторической точки зрѣнія“. Спб. 1901, стр. 68—77).

психическій подборъ долженъ оказываться отрицательнымъ, стремится удалить этотъ комплексъ изъ сознанія; недаромъ многіе философы разсматривали стремленія, волю, какъ страданіе. Такіе комплексы быстро исчезали бы изъ сознанія, если бы не продолжающееся дѣйствіе тѣхъ, по отношенію къ полю сознанія «внѣшнихъ» условій, которыми *вызваны* эти комплексы и которыми они, такъ сказать, вновь и вновь вызываются. Пока продолжается дѣйствіе холода на организмъ, до тѣхъ поръ не прекращается и стремленіе укрыться отъ холода, закутаться чѣмъ-нибудь, не прекращается, несмотря на отрицательную окраску того поля сознанія, въ которомъ выступаетъ; но лишь только условія, порождающія и возобновляющія стремленіе, устранены напр., оно «удовлетворено» — оно съ величайшей быстротой исчезаетъ изъ сознанія подъ дѣйствіемъ отрицательнаго подбора; и напр., послѣ хорошаго обѣда трудно даже представить себѣ, какъ это люди хотятъ ѣсть.

Вполнѣ понятно, что комплексы волевые гораздо сильнѣе конкурируютъ между собою, встрѣчаясь въ сознаніи, чѣмъ-комплексы-образы: получается непрерывная растрата энергіи по различнымъ направленіямъ, и отрицательный аффеціональ особенно значителенъ. При этомъ обыкновенно ни одинъ изъ конкурирующихъ комплексовъ не достигаетъ, именно въ силу конкуренціи другихъ, степени полнаго волевого акта, а остается на стадіи «стремленія»; получается борьба различныхъ стремленій, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока отрицательный подборъ не устранитъ всѣхъ конкурентовъ, кромѣ одного; это наиболѣе интенсивное и устойчивое, а потому и вытѣсненное всѣ прочія стремленіе заполняетъ тогда поле сознанія и переходитъ въ дѣйствіе.

Въ дѣйствительности конкурируютъ, конечно, не чистые волевые комплексы, а цѣлыя ассоціаціи образовъ со стремленіями. Дѣйствіе психическаго подбора становится сложнѣе потому, что образы сами по себѣ могутъ имѣть и положительный аффеціональ, нерѣдко даже очень значительный; и слѣдовательно возникаетъ положительный подборъ, который усиливаетъ не только самый образъ, но и ассоціированное съ нимъ стремленіе. Тогда «стремленіе къ пріятному» становится активнымъ, переходитъ въ дѣйствіе. Но для насъ въ данный моментъ важно другое: въ каждой изъ конкурирующихъ ассоціацій интенсивность

образа измѣняется вмѣстѣ съ интенсивностью соотвѣтственнаго стремленія, повышаясь и понижаясь приблизительно параллельно этой послѣдней. Такое соотвѣтствіе неизбѣжно въ силу тѣснѣйшей ассоціативной связи образа и стремленія.

V.

Рядомъ съ ассоціаціями «по сходству» громадную роль въ познавательной жизни человѣка играютъ ассоціаціи «по контрасту» или, говоря общѣе, «по различію». Это еще болѣе сложный типъ ассоціативной связи.

Когда вы видите чернаго африканца, въ вашемъ сознаніи всплываетъ представленіе о «бѣломъ» кавказцѣ, о «мѣдно-красномъ» индѣйцѣ, о смугло-желтомъ человѣкѣ монгольской расы, и т. д. При этомъ въ вашемъ сознаніи выступаютъ на первый планъ, выдѣляются съ наибольшей яркостью и опредѣленностью именно черты ихъ *различія*, а не сходства, въ данномъ случаѣ — окраска ихъ кожи. Такова ассоціація по различію. Нетрудно замѣтить, что она *предполагаетъ* ассоціацію по сходству. Видя чернаго человѣка, вы не вспоминаете ни бѣлый пухъ, ни бѣлую бумагу, но бѣлаго человѣка; черты сходства, общія этимъ двумъ комплексамъ элементовъ, образуютъ необходимую и первичную связь между ними; и только тѣ комплексы, которые сближены уже этой связью, могутъ послужить матеріаломъ для той новой комбинаціи, которую мы обозначаемъ какъ ассоціацію по различію.

Новая комбинація сама представляетъ нѣкоторую противоположность съ прежней; тогда какъ въ ассоціаціи по сходству наибольшей интенсивностью отличаются общія части объединенныхъ комплексовъ («форма обобщенія»), а черты различія ступиваются и спутываются, сливаясь въ какую-то смутную массу переживаній; въ ассоціаціи по различію отношеніе совершенно обратное: общія черты отступаютъ на второй планъ и сознаются лишь слабо и смутно, а «различія» какъ бы подчеркиваются, выступая со все большей яркостью и опредѣленностью («форма различенія»). Задача состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ психологическій генезисъ такихъ ассоціацій.

Всего легче обрисовать этотъ генезисъ на конкретномъ примѣрѣ. Предположимъ, что между «бѣлыми» людьми и «черными» въ

степяхъ южной Африки ведется война; и вы случайно отстали отъ европейскаго войска и заблудились въ незнакомой вамъ мѣстности. Оглядываясь кругомъ, вы замѣчаете, что на горизонтѣ вдали вырѣзывается силуэтъ какой-то человѣческой фигуры; вы вглядываетесь, но никакъ не можете разобрать, негръ это или европеецъ въ темномъ костюмѣ. Въ вашемъ сознаниіи выступаютъ, взаимно конкурируя, два психическихъ комплекса, но это не только образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка, а образы тѣсно ассоціированные съ опредѣленными *стремленіями*: представленіе объ европейцѣ неразрывно связано со стремленіемъ броситься къ нему навстрѣчу, чтобы получить отъ него помощь или указанія относительно дороги къ войску, представленіе о негрѣ — со стремленіемъ спрятаться и приготовиться къ нападенію. «Внѣшнее воздѣйствіе», вызывающее оба комплекса, не прекращается, — вы продолжаете видѣть неопредѣленный силуэтъ; они интенсивно конкурируютъ, взаимно ослабляя другъ друга и не давая одинъ другому завершиться настоящимъ волевымъ актомъ; это «колебательное» состояніе сопровождается, какъ мы знаемъ, значительной растратой энергіи, что и выражается въ сильномъ отрицательномъ аффекціоналѣ: состояніе безусловно «непріятное». Имѣется, слѣдовательно, интенсивный отрицательный подборъ, который охватываетъ все поле сознанія, но къ чему онъ приводитъ? Это легко выяснитъ, если мы анализируемъ конкурирующіе комплексы.

Образы «бѣлаго» и «чернаго» человѣка имѣютъ общую часть *A* — общія черты обоихъ типовъ, и потому уже ассоціированы въ психикѣ по сходству. Но кромѣ этой общей части, у нихъ есть «различія», часть *B* въ одномъ, часть *C* въ другомъ, главнымъ образомъ — цвѣтовые элементы. $A + B$ (европеецъ) ассоціировано съ однимъ волевымъ комплексомъ, $A + C$ (негръ) съ другимъ; ясно, что часть *A* не находится въ тѣсной и прямой связи ни съ тѣмъ, ни съ другимъ «стремленіемъ», а что объединены съ ними ближайшимъ образомъ съ однимъ — комбинація *B*, съ другимъ — *C*, части различающіяся. Отрицательный подборъ направленъ противъ *всѣхъ* заполняющихъ сознаніе комбинацій, но пока сохраняется «внѣшняя причина», онъ не можетъ устранить вызываемыхъ ею волевыхъ комплексовъ — они, такъ сказать, вновь и вновь возобновляются. Такъ какъ они неразрывно ассоціированы съ *B* и *C* — различающимися частями обо-

ихъ комплексовъ образовъ, то и эти непрерывно поддерживаются въ сознаниі, пока поддерживаются оба «стремленія», которыя конкурируютъ между собою; и здѣсь психическій подборъ, такъ сказать, безсиленъ противъ продолжающагося дѣйствія «внѣшней причины». Но общая часть обоихъ комплексовъ, часть А, связана съ обоими стремленіями гораздо слабѣе и лишь косвенно; поэтому ее отрицательный подборъ фактически подавляетъ всего сильнѣе.

Въ результатѣ по отношенію къ обоимъ комплексамъ-образамъ получается такая картина: ихъ различія выступаютъ въ сознаниі съ наибольшей яркостью, ихъ общая часть ступшевывается и блѣднѣетъ. Только благодаря связи своей съ различающимися частями, она никогда не исчезаетъ вполнѣ изъ сознаниа. Таково основное и первоначальное строеніе ассоціаціи по различію или, что то же, «формы различенія». Она возникаетъ тогда, когда два образа, взаимно связанные по сходству, оказываются въ конкуренціи между собою—благодаря различію ассоціированныхъ съ ними волевыхъ комплексовъ.

Для всякой «формы различенія» при достаточномъ анализѣ можно установить именно такой генезисъ и такое жизненное значеніе. Человѣкъ «не различаетъ», пока «нѣтъ надобности различать», а это и означаетъ—пока данные образы не соединяются съ различными *волевыми реакціями*. Но такъ какъ нѣтъ такихъ психическихъ образовъ, которые не были бы связаны съ волевыми комплексами, потому что въ сущности то и другое представляетъ лишь двѣ различныя фазы полной психической реакціи, то область «различенія» равняется области опыта; «по мѣрѣ надобности», психика создаетъ всевозможныя формы различенія на почвѣ уже сложившихся формъ обобщенія. Къ этимъ двумъ видамъ сводятся *всѣ познавательныя комбинаціи* ¹⁾.

Въ процессахъ такъ называемаго «чистаго познанія» человѣкъ часто создаетъ формы различенія тамъ, гдѣ, повидимому, нѣтъ особыхъ «практическихъ различій», т.-е. связи данныхъ сходныхъ образовъ съ различными волевыми комплексами, которые бы конкурировали между собою. Но въ дѣйствительности такую

1) Подробнѣе объ этихъ двухъ ассоціативныхъ типахъ, образующихъ вмѣстѣ «монистическую тенденцію сознаниа», я писалъ въ работѣ «Познаніе съ историч. точки зрѣн.», стр. 85—107.

связь всегда можно найти; и даже въ «схоластическихъ забавахъ», когда «различіе въ волосокъ расщепляется на четыре равныя части», и тогда сущность дѣла все та же; «слово» представляетъ въ психикѣ главнымъ образомъ *волевою* реакцію — реакцію высказыванія; и поскольку сходные образы обозначаются различными словами, они тѣмъ самымъ связываются съ различными волевыми актами. Но и помимо этого, нѣтъ такихъ образовъ, зрительныхъ, слуховыхъ, осязательныхъ и т. д., которые бы не заключали въ своемъ составѣ «иннервационныхъ элементовъ», а это и есть элементы волевыя ¹⁾. Все это достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ всякая ассоціація по сходству можетъ послужить исходной точкой для возникновенія многихъ ассоціацій по различію.

Всякая психическая ассоціація—по смежности, по сходству, по различію—представляетъ изъ себя нѣкоторое цѣлое, сложный психическій комплексъ, и подобно всякимъ другимъ, болѣе простымъ комплексамъ, вступаетъ въ ассоціативныя связи съ другими аналогичными ассоціаціями. Получаются ассоціаціи высшаго порядка, въ которыхъ «обобщаются» или «различаются» первичныя ассоціаціи съ характеромъ обобщенія и различенія ²⁾. Далѣе слѣдуютъ ассоціаціи еще высшаго порядка, и этотъ процессъ продолжается въ направленіи къ гармоническому ассоціированію всѣхъ данныхъ опыта. Въ прогрессивномъ процессѣ обобщенія ассоціируются по сходству всевозможныя «формы обобщенія» и «формы различенія», и осуществляется тенденція къ наибольшей гармоніи познанія; въ прогрессивномъ процессѣ различенія всѣ комбинаціи того и другого рода ассоціируются по различію,

¹⁾ Въ своей вышеупомянутой работѣ «Познаніе» и т. д., я останавливался подробнѣе на происхожденіи «формъ обобщенія» и «формъ различенія», на явленіяхъ *вниманія*, играющихъ такую роль въ развитіи этихъ формъ, указывалъ и на нѣкоторыя экспериментальныя доказательства въ пользу изложенной точки зрѣнія, найденныя у другихъ авторовъ, при чемъ рассматривалъ психическіе процессы главнымъ образомъ со стороны ихъ физиологическаго выраженія или «проявленія» (стр. 78—107). Здѣсь нѣтъ мѣста вновь излагать все это.

²⁾ Мы не касаемся здѣсь той роли, которую играетъ въ этомъ процессѣ прогрессивнаго ассоціированія могучее социальное его орудіе—слово, то орудіе, безъ котораго собственно «познаніе» даже невозможно. Это завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей главной темы (спеціально объ этомъ см. «Познаніе», стр. 128—156).

и осуществляется тенденція къ наибольшей полнотѣ познанія. Смыслъ обѣихъ тенденцій одинъ и тотъ же—maximum жизни въ сферѣ познанія ¹⁾).

Мы выясняли раньше, что ассоціативная организація опыта есть *генетически-первичная*, болѣе общая и менѣе опредѣленная, что объективная закономерность есть одна изъ ея частныхъ и производныхъ формъ, одинъ изъ результатовъ ея прогрессивной гармонизаціи ²⁾). Ознакомившись съ тѣми силами, которыя создаютъ и развиваютъ эту основную организацію опыта, мы видимъ, что въ нихъ нѣтъ ничего ни трансцендентнаго, ни трансцендентальнаго, — ничего, что можно было бы принципиально отличать отъ содержаній развивающагося опыта, какъ его абсолютныя формы. Съ этой точки зрѣнія психологія представляется наукой о психическихъ (или ассоціативныхъ) формахъ опыта, *опредѣляемыхъ* его перемѣннымъ содержаніемъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

А. Богдановъ.

¹⁾ Комплексы-образы и комплексы волевые исчерпываютъ собою, въ сущности, все содержаніе психическаго опыта. Обыкновенно различаютъ въ психикѣ еще комплексы «чувства». Но поскольку при этомъ подразумеваютъ удовольствіе и страданіе вообще, постольку дѣло идетъ вовсе не объ особыхъ комплексахъ, но объ ихъ общей окраскѣ, имѣющей, какъ мы указали, опредѣленное энергетическое значеніе. Что же касается *эмоцій* въ собственномъ смыслѣ слова, какъ страхъ, гнѣвъ, радость, любовь, то это недифференцированные комплексы неопредѣленныхъ «ощущеній» съ неопредѣленными «стремленіями» — неразвитыя образно-волевая комбинаціи.

²⁾ «Жизнь и психика», «Вопр. фил. и псих.» 1903, 11—12.

О реалистическомъ міровоззрѣніи.

Нѣсколько словъ по поводу выхода въ свѣтъ сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія». С.-Петербургъ. 1904.)

Мы переживаемъ теперь своеобразный и во многихъ отношеніяхъ интересный моментъ духовнаго развитія русскаго общества. Въ міровоззрѣніи образованной его части, несомнѣнно, происходитъ кризисъ, явственно обозначается переломъ. Въ настоящее время исходъ этого кризиса еще не опредѣлился, но симптомы его мы видимъ въ томъ разбродѣ и шатаніи, которыми характеризуется современная общественная мысль. Еще недавно міровоззрѣніе нашей интеллигенціи опредѣлялось господствующимъ вліяніемъ какой-нибудь опредѣленной доктрины (народничество, марксизмъ). Марксизму послѣднему по времени удалось добиться хотя и кратковременнаго, но довольно полнаго господства надъ умами, которое отчасти еще удерживается имъ и сейчасъ. И тѣмъ не менѣе единовластіе и въ особенности увѣренность въ этомъ единовластіи, даже просто увѣренность въ завтрашнемъ днѣ марксизмомъ безвозвратно утеряна. Стали заявлять свои права настроенія, которыя не вмѣщаются въ рамкахъ марксизма и ихъ ломаютъ, стали раздаваться голоса, которые при полномъ признаніи практическихъ задачъ и дѣятельности сторонниковъ марксизма совершенно отрицаютъ его какъ теоретическое міросозерцаніе, стремясь обосновать однохарактерную практическую программу на иныхъ теоретическихъ началахъ. Мы разумѣемъ новѣйшее *идеалистическое* теченіе въ русской мысли, которое непосредственно изъ его представителей явилось у нѣкоторыхъ на смѣну марксизму ¹⁾.

1) Генетическую связь съ марксизмомъ мы приписываемъ новѣйшему идеалистическому направленію, конечно, только какъ извѣстному общественному теченію. Какъ направленіе теоретической философіи, идеализмъ въ Россіи родился гораздо раньше и имѣетъ совершенно другую генеалогію.

Идеалистическое направленіе молодо во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ литературная группа, его представители выступили впервые годъ тому назадъ съ сборникомъ «Проблемы идеализма». До сихъ поръ идеалисты еще не имѣютъ своего литературнаго органа, приобрѣтеніемъ котораго отмѣчается у насъ обыкновенно гражданское совершеннѣе новаго направленія; они остаются гонимы или допускаются лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія въ общіе органы печати; другими словами, идеализмъ находится еще въ томъ литературномъ возрастѣ, который переживалъ марксизмъ въ періодъ до приобрѣтенія «Новаго Слова» (и который хорошо еще памятенъ пишущему эти строки).

Но помимо внѣшнихъ признаковъ молодости идеалистическаго направленія существуютъ и внутренніе. Для читателя, знакомаго съ «Проблемами идеализма» и другими писаніями идеалистовъ, ясно, что не всѣ изъ нихъ имѣютъ и даже претендуютъ имѣть сложившееся философское міровоззрѣніе, находясь въ періодѣ *исканій*. Съ другой стороны, поскольку они уже опредѣлились, идеалисты вовсе не представляютъ изъ себя согласованной, сплѣвшейся группы, имѣющей вполне однородныя мнѣнія по основнымъ вопросамъ философскаго міровоззрѣнія; здѣсь можно найти довольно различныя, хотя и недостаточно еще дифференцировавшіяся оттѣнки мысли, дѣлающіе нѣкоторыя изъ нихъ не спутниками, а лишь попутчиками между собою (причемъ наиболѣе глубокія различія касаются, думается мнѣ, отношенія къ религіи и пониманія религіозныхъ проблемъ). И это завѣдомое разногласіе, въ философіи совершенно неизбѣжное и вполне понятное, не мѣшаетъ однако идеалистамъ, по крайней мѣрѣ, до поры до времени, выступать въ качествѣ представителей *одного* направленія, отстаивающихъ нѣкоторыя общія философскія позиціи. Въ теоретической области идеалистовъ соединяетъ въ одно направленіе не столько то, что они уже нашли въ своихъ философскихъ исканіяхъ, сколько то, что они оставили позади и отвергли какъ навсегда перейденную ступень. Они отвергли то отрицаніе философіи и ея самостоятельныхъ проблемъ, которое мы, въ сущности, имѣемъ въ такъ называемомъ позитивизмѣ и въ частности въ марксизмѣ. Идеалисты не могутъ уже помириться съ той простотой и грубостью, съ какою разрѣшались, вѣрнѣе, устранялись въ марксизмѣ и вообще въ пози-

тивизмъ—якобы во имя науки и ея правъ—важнѣйшіе вопросы жизни и духа: объ истинѣ и ея познаніи, о добрѣ и злѣ, о нравственности и идеалахъ, о свободѣ воли, о смыслѣ человѣческой жизни, человѣческой исторіи и всего мірового бытія. Всѣ эти вопросы, составляющіе содержаніе философіи, естественно далѣе обобщаются во всеобъемлющую и универсальную *религіозную* проблему, которая даже не ставилась въ марксизмѣ. Конечно, религіозная проблема, которую ставитъ и рѣшаетъ философія, не есть еще религія, ибо религія есть жизнь, и положительное разрѣшеніе религіозной проблемы въ философіи еще не дѣлаетъ человѣка дѣйствительно религіознымъ въ своей жизни. Однако не слѣдуетъ забывать, что въ нашъ рационалистическій вѣкъ и самая пламенная религіозная вѣра должна получить философское оправданіе и закалиться въ горнилѣ философскихъ сомнѣній. Поэтому философскій идеализмъ есть необходимый путь къ религіи, представляетъ станцію, которой не можетъ миновать современный человѣкъ въ своемъ стремленіи къ религіозному міровоззрѣнію. Право невѣрія какъ и право вѣры должно быть пріобрѣтено мыслью.

Такимъ образомъ, идеалистическое направленіе вновь вынесло на поверхность общественнаго сознанія забытые или отринутые, но никоимъ образомъ не порѣшенные еще вопросы; оно поставило русской мысли «проблемы идеализма».

Другой отличительной чертой, характеризующей идеализмъ какъ общественное направленіе, являются вполне опредѣленные политическіе и социальныя идеалы и проистекающія отсюда симпатіи и антипатіи. Въ общемъ и цѣломъ представители идеализма раздѣляютъ ту программу, которая въ своихъ принципиальныхъ основаніяхъ была искони общепринятою въ передовыхъ слояхъ русской интеллигенціи. Въ своемъ общественно-политическомъ міровоззрѣніи идеализмъ, слѣдовательно, не отличается и сознательно не желаетъ отличаться отъ существующихъ настроеній передовой части русскаго общества, стремясь только подъ старыя идеалы подвести новое теоретическое основаніе.

Поистинѣ, книги имѣютъ свою судьбу. Книга «Проблемы идеализма» также имѣла свою судьбу, странную и интересную. Нельзя сказать, чтобы она пріобрѣла идеализму много сознательныхъ сторонниковъ. Да и невозможно, какъ было уже ука-

зано выше, заразъ раздѣлять нѣсколько различныхъ точекъ зрѣнія, намѣтившихся въ «Проблемахъ». У самихъ сотрудниковъ «Проблемъ» нѣтъ общаго катехизиса и общаго символа вѣры. Поэтому, чтобы сдѣлаться «идеалистомъ», нужно пройти длинный искусъ и продѣлать болѣе или менѣе продолжительную самостоятельную работу; при этомъ условіи легкость и быстрота успѣховъ идеалистическаго міровоззрѣнія была бы прямо подозрительной и компрометирующей. Задача сборника могла состоять только въ томъ, чтобы возбудить интересъ къ «проблемамъ идеализма», поставить ихъ предъ умственнымъ взоромъ читателя. И можно съ увѣренностью сказать, что эта задача сборникомъ исполнена. Лучшее доказательство тому состоитъ въ обилии статей, посвящаемыхъ за послѣднее время «Проблемамъ идеализма». Правда, подавляющее большинство этихъ критикъ отличается враждебностью, доходящей до ожесточенности. Однако почему же «Проблемамъ» суждено было вызвать такое ожесточеніе? Крестовый походъ противъ идеализма отнюдь не можетъ быть объясненъ соображеніями практической необходимости въ виду того, что число его прозелитовъ пока вовсе не такъ значительно, чтобы нужно было тратить изъ-за этого столько чернилъ и желчи. И не изъ-за того же въ самомъ дѣлѣ поднялся весь этотъ шумъ, что между идеалистами оказалось нѣсколько бывшихъ марксистовъ,—худая трава изъ поля вонь, это даже соотвѣтствуетъ нынѣшней политикѣ марксистовъ. Я могу объяснить это только тѣмъ, что доводы идеалистовъ произвели впечатлѣніе на самихъ критиковъ, и эти послѣдніе, анаематствуя идеализмъ, въ сущности стремятся убѣдить и успокоить прежде всего самихъ себя. Они чувствуютъ, что въ ихъ собственномъ міровоззрѣніи образовалась брешь, которую нужно задѣлать и которая лишаетъ ихъ спокойствія и самообладанія. Словомъ, при чтеніи всѣхъ этихъ грозныхъ отповѣдей мнѣ невольно вспоминается игривое стихотвореніе Гейне (въ переводѣ И. И. Н.).

Меня не утратило
 Твое письмо: давно
 Меня ты разлюбила,
 А пишешь такъ длинно!
 Исписана тетрадка
 Въ полдюжины листовъ!
 *Когда дають отставку,
 Не тратятъ столько словъ.

Рѣшительная отставка идеализму дается и въ только что вышедшемъ сборникѣ статей подъ заглавіемъ «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія», представляющемъ «тетрадку» въ 676 страницъ. Этотъ сборникъ является хорошимъ поводомъ для устранения одного изъ весьма серьезныхъ недоразумѣній, существующихъ относительно идеалистическаго міровоззрѣнія, и для выясненія важнаго вопроса: въ чемъ же состоитъ истинный реализмъ? Какое изъ двухъ міровоззрѣній, позитивизмъ или идеализмъ, имѣетъ больше правъ считать себя реалистическимъ?

Слово *реализмъ*, подобно большинству ходячихъ выражений, имѣетъ много различныхъ значеній, въ зависимости отъ того соотношенія, въ которомъ оно въ каждомъ данномъ случаѣ употребляется. Напримѣръ, въ средніе вѣка, при столкновеніи послѣдователей Платона и Аристотеля, понятіе реализма имѣло значеніе совершенно противоположное тому, въ какомъ оно употреблено въ заглавіи «Очерковъ»: тогда этимъ именемъ называлось философское направленіе, утверждавшее реальное существованіе общихъ понятій или идей и приближавшееся къ теперешнему метафизическому идеализму, а ему противопологалось подъ именемъ номинализма направленіе, которое считало понятія существующими лишь въ логическомъ отвлеченіи. Въ области теоріи познанія реализмъ опять-таки имѣетъ особое значеніе (здѣсь онъ противопоставляется такъ называемому иллюзионизму или субъективному идеализму). Имѣютъ ли объекты нашего познанія самостоятельное бытіе, независимое отъ насъ и внѣ насъ, суть ли они вещи, существующія не только для насъ и нашего сознанія, но и помимо насъ, сами по себѣ или сами для себя (реалистическая точка зрѣнія), или же они безъ остатка разрѣшаются въ наши предсказанія (точка зрѣнія субъективно-идеалистическая)? И опять-таки нужно замѣтить, что въ теоріи познанія многіе метафизическіе идеалисты (въ томъ числѣ и авторъ) стоятъ именно на почвѣ реализма, между тѣмъ какъ многіе позитивисты стоятъ на точкѣ зрѣнія субъективнаго идеализма. Наконецъ, въ области соціальной политики и практической жизни реализмъ всего чаще противопоставляется утопизму, который не умѣетъ считаться съ условіями и возможностями дѣйствительности, благодаря недостатку знакомства съ ними или же тѣмъ или другимъ предвзятымъ мнѣніямъ и предрасудкамъ. Поэтому понятіе реализма почти совпадаетъ здѣсь съ понятіемъ

научности въ соціальной политикѣ. Можно было бы привести и другіе примѣры различнаго значенія понятія реализмъ въ зависимости отъ того соотношенія, въ которомъ оно употребляется.

Очевидно, то значеніе, которое придано слову реализмъ въ интересующемъ насъ случаѣ, взято изъ обыденнаго словоупотребленія; оно обозначаетъ здѣсь вѣрность дѣйствительности, трезвость, научность, соединенную съ устраненіемъ всякихъ иллюзій, фантазмагорій, обмановъ и самообмановъ. Стремленіе къ реализму въ этомъ смыслѣ, не исключая, конечно, возможности частныхъ ошибокъ и заблужденій, требуетъ безусловнаго признанія нуждъ и фактовъ дѣйствительности, правдиваго и внимательнаго къ нимъ отношенія. Трезвость, научность, правдивость и искренность—вотъ что можетъ значить слово реализмъ въ той связи, какъ оно употребляется авторами «Очерковъ реалистическаго міровоззрѣнія» (иначе совершенно нельзя понять плана этой книги); въ этомъ смыслѣ и мы будемъ употреблять его въ дальнѣйшемъ изложеніи.

И вотъ нужно прежде всего указать, что хотя «реалистическое» міросозерцаніе противопоставляется идеалистическому и признается, очевидно, чуждымъ для идеалистовъ, эти послѣдніе имѣютъ претензію считать именно себя представителями истинно реалистическаго міровоззрѣнія, и на этомъ основаніи такое противопоставленіе имъ представляется совершенно ошибочнымъ и незаконнымъ. Высказанное утвержденіе противорѣчитъ, вѣроятно, привычнымъ представленіямъ многихъ читателей, ибо распространенное обвиненіе противъ идеалистовъ въ томъ и состоитъ, что они измѣняютъ реализму. Поэтому разберемъ подробнѣе главныя основанія, на которыхъ утверждается такое обвиненіе.

Первое и важнѣйшее основаніе состоитъ въ томъ, что идеалисты выступили въ защиту правъ челоѣческаго духа, снова выдвинувъ «проклятые вопросы» философскаго и религіознаго характера, которые открыто гнала или просто игнорировала господствующая философія позитивизма. Они поставили въ связи съ этимъ общій и основной вопросъ философіи реализма: какъ мыслить ту таинственную первооснову, изъ которой вырастаютъ измѣнчивыя и преходящія явленія бытія? что есть міръ или *все*, и что дѣлаетъ міръ міромъ, т. е. разрозненныя, фантастическія явленія соединяетъ въ единое, закономерное цѣлое? На философскомъ языкѣ вопросъ этотъ (т. наз. онтологическій) форму-

лируется такъ: какова субстанція міра,—матерія или духъ? Уступая доводамъ философствующаго разума и даннымъ внутренняго опыта, — нравственнаго и религіознаго сознанія, большинство идеалистовъ признаетъ, что міръ реального не ограничивается явленіями, наблюдаемыми нами черезъ посредство пяти чувствъ, что этотъ міръ явленій есть лишь обнаруженіе духовной міровой субстанціи, почему и область бытія оказывается и шире и, такъ сказать, глубже чувственно познаваемаго міра явленій. Сферу реального, истинно сущаго идеалисты сознательно расширяютъ поэтому за предѣлы чувственно познаваемаго и дѣлаютъ это не вопреки философіи реализма, а именно во имя требованій этой послѣдней. Нѣкоторые же идеалисты дошли при этомъ даже до такой дерзости, что открыто возвратились къ «необразованной вѣрѣ въ Бога», за которую въ свое время доставалось еще Достоевскому отъ «образованныхъ» людей.

Напротивъ, позиція философіи позитивизма, которая считаетъ себя научной и потому реалистической, въ данномъ случаѣ представляется намъ въ дѣйствительности антиреалистической. Вѣдь «проклятые вопросы» представляютъ собой такой же фактъ дѣйствительной жизни, такое же показаніе сознанія, какъ и данныя пяти чувствъ, а жажда духовная, религіозно-метафизическая столь же реальна какъ и жажда физическая, и въ отдѣльныхъ случаяхъ достигаетъ даже меньшей интенсивности.

И какъ же поступаетъ въ виду этого позитивизмъ? Онъ просто отмахивается отъ этихъ вопросовъ, говоритъ: не спрашивай, ибо на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить опытная наука (т. е. наука, изучающая міръ явленій), а все, что внѣ нея, не существуетъ и не имѣетъ права на просвѣщенное вниманіе. Впрочемъ, въ настоящее время рѣдко уже встрѣчается столь прямодушная откровенность догматическаго позитивизма. Теперь въ качествѣ послѣдняго слова философіи предлагается критическій позитивизмъ, гдѣ тожественный отвѣтъ закутывается въ туманную форму теоріи познанія. При помощи діалектическихъ изворотовъ ученій теоріи познанія (идушей въ данномъ случаѣ по совершенно тому же пути, что и древняя софистика) здѣсь доказывается, что «проклятые вопросы» суть вовсе не вопросы, ибо они лишены всякаго содержанія и представляютъ такимъ образомъ родъ философскаго недомыслия. Философія этого направленія изслѣдуетъ шелуху, заранѣе вынувъ орѣхъ, и для утоленія духовнаго

голода человечества она имѣетъ лишь педантически высокоумѣнное заявленіе, что онъ есть простое недоразумѣніе, которое достаточно устраняется критической теоріей познанія.

Эта точка зрѣнія можетъ доказываться и фактически доказывається на разные лады, ибо формальная способность нашего ума къ отвлеченію и логическимъ построеніямъ практически безгранична. Мы не ставимъ здѣсь своей задачей критику этой точки зрѣнія, да и вообще думаемъ, что окончательно уничтожить теоретически многоголовую гидру критическаго позитивизма фактически невозможно вслѣдствіе многообразія его формъ: позитивизмъ нужно не столько опровергнуть, сколько перерости. Это есть философія, которая вполнѣ удовлетворяетъ духовныя потребности человѣка въ извѣстной стадіи развитія; бороться съ нею слѣдуетъ, пробуждая новыя потребности и показывая, что возможно міросозерцаніе, которое полнѣе, богаче, научнѣе, даже реалистичнѣе. Да, реалистичнѣе, ибо, правда, какое изъ двухъ міровоззрѣній стоитъ ближе къ жизни и дѣйствительности: то ли, которое отстаиваетъ духовные запросы человѣка, или то, которое надменно обзываетъ попытку на нихъ отвѣтить недоразумѣніемъ или просто и откровенно чепухой. Сократъ, не опровергая софистовъ аргументами теоріи познанія, помогъ человечеству перерости софистику, фактически показавъ ему ея ограниченность, открывъ для него новый міръ реального. И мы предоставляемъ рѣшить безпристрастному читателю, кто былъ болѣе реалистомъ: софисты ли, которые своею скептической теоріей познанія рашатали всякую реальность, или же Сократъ, который открылъ новую реальность, помимо реальности преходящихъ явленій, нравственный міръ человѣка? Истинному реализму одинаково чуждо какъ то міровоззрѣніе, въ которомъ человѣкъ разсматривается въ качествѣ безплотнаго духа, такъ и то, гдѣ онъ фигурируетъ только въ качествѣ животнаго. Это легко пояснить на примѣрѣ художественныхъ направленій. Извѣстно, каковы особенности натуралистическаго направленія, связаннаго съ именемъ Золя. Человѣкъ изображается здѣсь какъ животное, обладающее физическими потребностями и разными низшими чувствами. Естественно, что міръ при такомъ пониманіи человѣческой природы превращается въ зоологическій музей, и отдѣльныя камеры этого музея и показываетъ намъ Золя въ своихъ романахъ. Реалистиченъ ли подобный натурализмъ? Не содержитъ ли онъ въ себѣ

такую же ложь, такую же фальсификацію жизни, какъ и ложно-классицизмъ или крайній романтизмъ, которымъ онъ противоплагается? Кто въ большей степени реалистъ: Золя и его подражатели, или же Гете и Байронъ, Пушкинъ и Лермонтовъ, Достоевскій и Толстой, которымъ вѣдомы и глубины человѣческаго духа и его идеальные запросы? Кто изъ нихъ въ самомъ дѣлѣ больше знаетъ человѣческую душу и живую дѣйствительность? Въ философскомъ идеализмѣ русская мысль вступаетъ на путь того реализма, который давно уже открыло русское искусство, идущее вообще впереди русской мысли. Идеалисты могутъ считать Пушкина и Лермонтова, Достоевскаго и Толстого своими философскими учителями, раскрывшими въ художественныхъ образахъ тѣ начала истиннаго реализма, которыхъ путемъ логическаго отвлеченія ищетъ философская мысль, и радостно идти по стопамъ такихъ учителей...

Второе основаніе, которое любятъ приводить противники идеализма въ доказательство его антиреалистичности, есть его якобы антинаучность. Реалистическое міросозерцаніе должно быть научнымъ; точнѣе оно должно находиться въ согласіи съ данными научнаго знанія и не можетъ имъ противорѣчить; всякое ученіе которое въ наши дни идетъ противъ науки, тѣмъ самымъ подписываетъ себѣ смертный приговоръ (хотя это никоимъ образомъ не значитъ, чтобы оно должно было замыкать кругъ своихъ проблемъ и ученій границами опытной науки). Но никакое міровоззрѣніе неспособно въ такой степени утвердить права познающаго разума и научнаго знанія, какъ именно идеализмъ; вѣра въ разумъ, характерная для конца XVIII и начала XIX вѣка, утверждена была никѣмъ инымъ, какъ великими представителями философскаго идеализма, начиная съ Канта. Для позитивиста разумъ, познавательная и мыслительная способность человѣка, есть только одно изъ многочисленныхъ слѣдствій многочисленныхъ причинъ, простое орудіе борьбы за существованіе, одинъ изъ попутныхъ результатовъ приспособленія въ этой борьбѣ, и только; понятіе истины устанавливается *полезностью* въ борьбѣ за существованіе, такъ что истинность и полезность соединяются почти знакомъ равенства. Если бы позитивисты были послѣдовательнѣе, они должны были бы придти къ скептическому взгляду на науку и на возможность и даже цѣлесообразность познанія истины. Напротивъ, для идеалиста разумъ есть абсолютное міровое начало, универсальный

принципъ, царящій какъ въ мірѣ, такъ и въ нашемъ сознаниі; единство и тожество объективнаго разума вещей и субъективнаго познающаго разума только и дѣлаетъ возможнымъ и понятнымъ существованіе науки и ставитъ ей опредѣленную задачу познанія истины мірового разума. Для идеалиста разумъ (*Λόγος*) божествененъ, онъ есть очевидное и непосредственное откровеніе божества, «свѣтъ міра», а, слѣдовательно, божественна и наука, божествененъ научный геній человѣчества, раскрывающій предъ нимъ безконечные горизонты. И именно идеалистамъ приписывается отрицаніе науки, средневѣковъй обскурантизмъ!

Но, конечно, неразумнымъ поклоненіемъ изъ всего можно сдѣлать кумирь, и въ такой кумирь превращена позитивистами наука, которой они хотятъ замѣнить и устранить философію. Идеалисты потому только и навлекли на себя указаннныя обвиненія, что возражали противъ предразсудковъ, связанныхъ съ неправильнымъ расширеніемъ правъ науки; но, борясь за дѣйствительныя права науки, которыя нарушаютъ позитивисты, хотя бы и въ сторону ихъ преувеличенія, идеалисты выступаютъ именно въ защиту истинной научности, научнаго реализма. И здѣсь они хотятъ быть никѣмъ другимъ, какъ только реалистами.

Остается, наконецъ, еще одна сторона, съ которой идеализмъ противопоставляется реалистическому міросозерцанію, именно область практической жизни, практическаго разума. Идеализмъ приводитъ къ квіетизму, стремится установить пассивное и равнодушное отношеніе къ жизни, отвлекаетъ отъ важнѣйшихъ практическихъ задачъ историческаго момента—вотъ ходячія обвиненія, которыя безъ конца повторяются критиками. Обвиненія тяжелыя, въ особенности для міровоззрѣнія, для котораго высшимъ нравственнымъ догматомъ должны являться слова великаго апостола: «если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимваль звучащій. Если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви,—то я ничто». Можно ли помирить это ученіе съ пассивностью, безучастностью, квіетизмомъ? Въ чаду фанатической нетерпимости создалась и поддерживается легенда о «реакціонности» идеализма. Идеалистамъ приходится лишь терпѣливо ожидать, покуда разсѣется самъ собою этотъ предразсудокъ, и въ отвѣтъ на это снова и снова указывать, что при свѣтѣ

религіознаго идеализма историческія задачи получаютъ значеніе безусловныхъ обязанностей, а жизнь, «даръ напрасный, даръ случайный» для позитивиста, пріобрѣтаетъ вѣчный и глубокий смыслъ миссии, которую мы должны исполнить, внося свой вкладъ въ историческій процессъ устроенія царствія Божія.

Но какъ же относятся, однако, идеалисты къ реальной политикѣ и положительной общественной наукѣ, на которой въ значительной степени эта политика основана? Не желаютъ ли они въ самомъ дѣлѣ, какъ это можно прочесть или услышать, замѣнить точное научное изслѣдованіе декретами абсолюта, не считая презрѣнную «эмпирическую дѣйствительность» достойною своего вниманія? Единственное косвенное подтвержденіе этого фантастическаго мнѣнія можно видѣть въ томъ, что сборникъ «Проблемы идеализма» состоитъ исключительно изъ статей философскаго характера, но, конечно, это нисколько не означаетъ, чтобы авторы безучастно игнорировали политическую экономію, статистику и т. д. За невозможностью въ одномъ сборникѣ объять необъятное, а также въ интересахъ литературнаго самоопредѣленія идеалисты остановились только на тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ они отличаются отъ существующихъ направленій, умалчивая или ограничиваясь короткими заявленіями по всѣмъ остальнымъ вопросамъ, по которымъ они болѣе или менѣе примыкаютъ къ существующимъ теченіямъ. Правда, идеалисты отрицаютъ за положительной соціальной наукой право на рѣшеніе чисто философскихъ задачъ, связанныхъ съ основами міросозерцанія, но за то съ тѣмъ большимъ успѣхомъ ею можетъ быть исполнено скромное и непритязательное дѣло разрѣшенія специальныхъ вопросовъ въ предѣлахъ специальности.

Въ частности въ вопросахъ экономическихъ идеализмъ, какъ міровоззрѣніе, характеризуется сравнительнымъ нейтралитетомъ по отношенію къ двумъ существовавшимъ у насъ направленіямъ, т. е. къ марксизму и къ народничеству. Эти направленія различаются между собою не столько по философскимъ мнѣніямъ (они представляютъ собой простыя разновидности позитивизма и оба въ настоящее время съ одинаковымъ ожесточеніемъ враждуютъ противъ идеализма), сколько по экономическому міровоззрѣнію, гдѣ они отстаиваютъ различное пониманіе и истолкованіе фактовъ экономическаго развитія Россіи. Особенность обоихъ міровоззрѣній состоитъ въ томъ, что вопросы экономической дѣйствительности,

вопросы факта, получаютъ въ нихъ значеніе вопросовъ принципа, направленной догмы.

Это легко понять, если принять во вниманіе, что, согласно этимъ ученіямъ, и тѣ идеалы, которыми обусловливается такой интересъ къ экономическимъ вопросамъ, обосновываются въ предѣлахъ той же экономической науки, т.-е. не на вѣчныхъ непререкаемыхъ философскихъ началахъ, а на фактическомъ, историческомъ ходѣ вещей. Марксизмъ только послѣдовательно народничества формулируетъ эту точку зрѣнія, но принципиальнаго различія здѣсь между ними нѣтъ. По логикѣ марксизма, слѣдуетъ согласоваться съ законами общественнаго развитія, которые съ желѣзной необходимостью опредѣляютъ будущее: на этомъ основаніи разумно и естественно стремиться къ коллективизму, потому что наступленіе его опредѣляется внутренними («имманентными») законами развитія капиталистическаго общества, которыхъ нельзя ни предотвратить, ни измѣнить. Въ лексиконѣ строгаго марксизма не полагается даже слова *идеалъ*, здѣсь слышатся слова: естественная необходимость, законъ развитія, желѣзный ходъ вещей, муки родовъ, колесо исторіи. Въ «субъективной социологіи» слово идеалъ употребительно, но, по философскому ея строенію, здѣсь ему также мало мѣста, какъ и тамъ. При такомъ міровоззрѣніи естественно придавать исключительное, т.-е. не только социальное политическое, но и принципиальное философское значеніе тому или иному рѣшенію вопросовъ экономическаго развитія, разъ въ этихъ вопросахъ разрѣшаются всѣ вопросы міровоззрѣнія. Однако со стороны видно, что марксизмъ, въ меньшей степени, и народничество, впадаютъ здѣсь въ иллюзію, полагая, что въ социальной наукѣ рѣшается вопросъ и о самыхъ социальныхъ идеалахъ, въ дѣйствительности заранѣе извѣстнымъ образомъ предрѣшенный.

Для интеллигента идеалы свободы, равенства и братства стали второй натурой, какъ бы его априори, срослись неразрывно съ его сердцемъ. Естественно, если социальная наука уступаетъ этому горячему желанію сердца, и «неумолимо объективное» изслѣдованіе даетъ именно этотъ предрѣшенный результатъ, въ формѣ той или другой фактической доктрины. Ибо социальная наука, и даже статистика, которая импонируетъ многимъ своимъ цифровымъ языкомъ, вовсе не есть точная наука и слишкомъ легко уступаетъ предвзятымъ мнѣніямъ, особенно если они обладаютъ несокрушимой прочностью.

Ясно, что подобное извращеніе значенія тѣхъ или иныхъ вопросовъ, т.-е. превращеніе социальныхъ наукъ, рѣшающихъ лишь спеціальныя вопросы, въ науки міровоззрѣнія, которыми ставятся общіе философскіе вопросы, въ высшей степени неблагоприятно для спеціального научнаго анализа, который требуетъ внутренней свободы отъ предвзятыхъ мнѣній. На этомъ основаніи оба экономическія направленія оказываются враждебны дѣйствительному научному реализму именно въ области экономическихъ вопросовъ, потому что ими неизбѣжно вносится совѣтъ не идущій въ спеціальныя области знанія догматизмъ. При такомъ положеніи вещей къ спеціальнымъ наукамъ приступаютъ не только въ цѣляхъ спеціального поученія, но съ готовыми тезисами, которые нужно во что бы то ни стало доказать *подъ угрозою ломки цѣлаго міросозерцанія*.

Потому-то марксистская экономическая литература нерѣдко и отличается въ такой степени тенденціозностью и у насъ, и на западѣ; то же можно сказать и о народнической ¹⁾.

Возможный нейтралитетъ, въ смыслѣ отсутствія предвзятостей по отношенію къ возможному рѣшенію того или другого вопроса экономической и политической жизни создаетъ наиболѣе благоприятныя условія для научнаго реализма, и по крайней мѣрѣ въ наибольшей степени къ нему предрасполагаетъ. Такимъ нейтралитетомъ именно и характеризуется позиція идеализма въ области вопросовъ практической политики. *Какъ таковой*, онъ не имѣетъ опредѣленныхъ, предвзятыхъ мнѣній по вопросамъ экономической и социальной политики, и можетъ совмѣщаться съ различнымъ практическимъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ при неизмѣнности, конечно, общаго идеала; онъ можетъ признать эти рѣшенія въ соотвѣтствіи указаніямъ науки и жизни, не опасаясь изъ-за этого ломки міросозерцанія и крушенія своего основнаго идеала. Нейтралитетъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ ничего общаго съ безпринципностью и индифферентизмомъ. Идеализмъ столь же мало индифферентенъ къ вопросамъ политики и экономики, какъ и народничество и марксизмъ, и его воодушевляютъ

¹⁾ Беря за одну скобку марксизмъ и народничество въ томъ, что у нихъ общаго, мы стнюдь не игнорируемъ различій между ними именно въ степени ихъ приближенія къ идеалу научнаго реализма. Въ силу общей своей исторической позиціи марксизмъ оказался вообще значительно реалистичнѣе народничества, какъ болѣе позднее направленіе, умудренное историческимъ опытомъ того же народничества и новыми фактами исторіи.

тѣ же конечные идеалы свободы, равенства и братства, что и эти оба направленія. Онъ отличается лишь способомъ обоснованія этихъ идеаловъ, ибо онъ обосновываетъ ихъ философски, а не исторически и социологически, какъ они. Въ исторіи и общественной наукѣ идеализмъ ищетъ не обоснованія идеала, а наиболѣе подходящихъ и практичныхъ средствъ для его осуществленія при данныхъ обстоятельствахъ, въ данной исторической обстановкѣ. Идеаль есть общая руководящая цѣль, которая воплощается въ жизни во множествѣ частныхъ конкретныхъ цѣлей и практическихъ задачъ, вырастающихъ изъ извѣстныхъ историческихъ условій. И эти условія должны быть тщательно изучены и учтены въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго преобразованія дѣйствительности въ направленіи идеала.

Мы изучаемъ, напр., положеніе промышленности и въ частности анализируемъ условія развитія и конкуренціи крупной и мелкой промышленности. На основаніи этого анализа мы приходимъ къ нѣкоторымъ обобщающимъ выводамъ относительно жизнеспособности той или другой формы промышленности и соотвѣтственно тому вырабатываемъ и планъ практической политики. Для идеалиста при этомъ совершенно не имѣетъ значенія жгучій для марксиста вопросъ объ установленіи во что бы то ни стало «закона развитія» современнаго общества, на основаніи котораго можно было бы предопредѣлить фактической ходъ будущаго развитія. Идеализмъ совсѣмъ отрицаетъ возможность подобныхъ историческихъ предвидѣній и даже самое существованіе такихъ желѣзныхъ и неотвратимыхъ законовъ развитія, которые бы позволяли сдѣлать такое предсказаніе. Всѣ попытки предсказаній, которыя производились иногда весьма выдающимися людьми (напр., Марксомъ), скоро опровергались исторіей, да и самое понятіе историческаго закона полно логическихъ недоразумѣній и противорѣчій. Во всякомъ случаѣ желѣзнымъ законамъ механической необходимости нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ дѣйствуетъ человѣческая воля. Практической мотивъ, ради котораго марксисты такъ дорожатъ своей идеей желѣзныхъ законовъ общественнаго развитія, состоитъ въ томъ, что устанавливая подобные законы, они надѣются укрѣпить свою вѣру въ добро, создать увѣренность въ торжество идеаловъ. Какъ было замѣчено выше, они стоятъ при этомъ на совершенно ложномъ пути, который не можетъ привести ихъ къ желанной

и притомъ вполне законной цѣли. Отрицая этотъ путь и не нуждаясь въ такомъ подкрѣпленіи, идеалисты въ области социальной политики руководятся принципомъ: довлѣть дневи злоба его. Намъ нужно для злобы нашего дня знать наши нынѣшнія условія и, на основаніи этого знанія, готовиться къ завтрашнему дню (хотя, конечно, это отнюдь не значитъ, чтобы идеалисты склонны были къ проповѣди такъ называемыхъ малыхъ дѣлъ и не признавали великихъ историческихъ задачъ, которыя ставитъ намъ наше время). Другими словами, отношеніе идеалистовъ къ вопросамъ социальной науки исключительно практическое, свободное отъ постороннихъ теоретическихъ цѣлей.* Для нихъ не существуетъ въ экономической наукѣ марксистскихъ или народническихъ, мелко-буржуазныхъ или какихъ-либо другихъ мнѣній, а есть только истинныя или ошибочныя, доказанныя или недоказанныя положенія науки. На этомъ основаніи идеалисты по отдѣльнымъ конкретнымъ вопросамъ могутъ примыкать какъ къ марксизму, такъ и къ народничеству, оставаясь при этомъ самими собою; они удерживаютъ за собой и драгоцѣнное право, не связывая себя догматическими рамками, развиваться и измѣнять свои практическія мнѣнія вмѣстѣ съ жизнью и развивающейся социальной наукой. Въ данный моментъ нѣкоторые идеалисты въ своемъ экономическомъ міросозерцаніи соединяютъ черты, на основаніи которыхъ ихъ можно было бы причислить и къ марксистамъ, и къ народникамъ. Въ пониманіи общаго экономическаго развитія Россіи, какъ процесса капиталистическаго, и въ рабочемъ вопросѣ они близко стоятъ къ марксизму, напротивъ, въ аграрномъ и крестьянскомъ вопросѣ скорѣе приближаются къ народникамъ (не раздѣляя, впрочемъ, ихъ предубѣжденій и ихъ идеализаціи общиннаго землевладѣнія). Вообще, признавая полную зависимость своей практической программы отъ историческихъ условій и при полной готовности измѣнять ее въ соотвѣтствіи требованіямъ измѣняющейся жизни, идеалисты имѣютъ и въ настоящее время опредѣленную политическую и социально-экономическую программу.

Подводя итоги сказанному, мы констатируемъ, что во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ идеализмъ имѣетъ полное право считать себя реалистическимъ міросозерцаніемъ по преимуществу; между идеализмомъ и реализмомъ не только нѣтъ противоположности, но существуетъ значительное внутреннее сродство,

такъ что, если бы не неудобства введенія новаго и необычнаго термина, идеализмъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, слѣдовало бы называть, во избѣжаніе недоразумѣній, *идеаль-реализмомъ*.

Теперь обратимся къ «Очеркамъ реалистическаго міровоззрѣнія» и посмотримъ, въ какой мѣрѣ оно удовлетворяетъ вышеустановленнымъ требованіямъ реализма, и дѣйствительно ли оно есть то, за что себя выдаетъ. Мы не будемъ при этомъ входить въ разсмотрѣніе отдѣльныхъ статей и ихъ аргументаціи, насъ интересуютъ лишь отправные пункты и окончательные выводы. Мы предполагаемъ воспользоваться имъ, главнымъ образомъ, какъ отрицательной иллюстраціей къ намѣченному выше пониманію реализма.

Въ сборникѣ пріятно поражаетъ прежде всего отдѣлъ, посвященный тѣмъ же вопросамъ, что и «Проблемы идеализма». Итакъ, послѣднія получаютъ, наконецъ, права гражданства, и позитивисты съ неменьшимъ усердіемъ, чѣмъ идеалисты, занимаютъ философскими проблемами. Я хорошо еще помню время, когда это считалось предосудительнымъ (такъ что, напр., мой споръ съ г. Струве о свободѣ и необходимости признавался компетентными судьями для марксизма совершенно ненужнымъ). Кантъ же, который цитируется въ сборникѣ несравненно чаще чѣмъ Марксъ (и иногда съ уваженіемъ), просто объявлялся представителемъ «мелкобуржуазной» формы мышленія, и этой квалификаціи было достаточно, чтобы покончить съ кенигсбергскимъ Сократомъ. Въ первомъ отдѣлѣ сборника настолько сильно отразились новыя вѣянія, что можно положительно забыть о марксизмѣ ихъ авторовъ, которые только изрѣдка и какъ бы по долгу службы вспоминаютъ сакраментальныя формулы объ «экономическомъ базисѣ» и нѣкоторыя иныя, если не изъ забытыхъ, то несомнѣнно уже забываемыхъ словъ. Въ статьяхъ перваго отдѣла такъ мало специфически марксистскаго, что подъ ними могутъ почти цѣликомъ подписаться и свободомыслящій народникъ и даже—*horribile dictu*—представитель «буржуазнаго міровоззрѣнія», совершенно чуждый и даже прямо враждебный идеаламъ марксизма. Вообще, мы имѣемъ здѣсь кругъ проблемъ и идей, Марксу и Энгельсу совершенно чуждый ¹⁾, но за то зна-

1) Такъ, напр., совершенно противорѣчитъ основной идеѣ марксизма объ естественной, научно вычисляемой необходимости наступленія будущаго

чительно приближающийся къ Ницше и новѣйшимъ представителямъ нѣмецкой школьной философіи (Маху и Авенариусу).

Не мы, конечно, будемъ корить за то участниковъ сборника, напротивъ, включеніе въ него «проблемъ идеализма» мы въ качествѣ реалистовъ можемъ только привѣтствовать, ибо это включеніе дѣйствительно вызывается требованіями правильно понятаго реализма. Къ сожалѣнію, привѣтствіе это можетъ относиться только къ формальной постановкѣ задачи. Въ ея разрѣшеніи авторы перестаютъ быть реалистами. Съ доктринерствомъ совершенно антиреалистическимъ они декретируютъ уничтоженіе тѣхъ самыхъ духовныхъ запросовъ и потребностей, ради которыхъ только и существуютъ «проблемы идеализма»; съ утопизмомъ также вполне нереалистическимъ они надѣются, что человѣчество послѣдуетъ этимъ декретамъ и заглушитъ въ себѣ эти запросы и потребности. Пояснимъ сказанное на двухъ основныхъ вопросахъ. Первый вопросъ, вопросъ всѣхъ вопросовъ, касается того, что представляется намъ съ одной стороны самымъ близкимъ и непосредственнымъ, а съ другой — наиболѣе проблематичнымъ, жизни нашей, ея смысла и цѣнности. Наша жизнь содержитъ въ себѣ столько противорѣчій, представляетъ такую смѣсь высокаго и низкаго, понятнаго и непонятнаго, что человѣческое сознаніе не принимаетъ и не можетъ принять ее какъ фактъ, не возбуждающій никакихъ вопросовъ, самъ собою понятный; оно ищетъ путеводной нити въ этомъ лабиринтѣ, свѣта въ этомъ хаосѣ. Вспомнимъ нашего великаго поэта, который съ отчаяніемъ вопрошалъ:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества воззвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣваемъ взволновалъ?..

свѣтлаго царства сужденіе на стр. 181 (въ статьѣ г-на Луначарскаго): «не вѣра—увѣренность—въ фатальномъ наступленіи царства счастья, дѣлающая насъ пассивными, дѣлающая лишними наши усилія, а вѣра—надежда—вогъ сущность религіи человѣчества». Такое сужденіе, казалось бы, было естественнѣе встрѣтить на страницахъ «Русскаго Богатства», а не то и «Проблемъ Идеализма», а не въ марксистскомъ сборникѣ. Я лично вполнѣ раздѣляю высказанную здѣсь точку зрѣнія.

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Какой же отвѣтъ на Пушкинскій вопросъ находимъ мы въ сборникѣ? А вотъ какой: «смысль жизни есть жизнь. Возникнувъ на землѣ, жизнь стремится сохраняться, но, окрѣпнувъ въ борьбѣ, она принимаетъ наступательный (?) характеръ. Смысль жизни для человѣка есть ея расширение» (180). Отвѣтитъ подобнымъ тожесловіемъ, которое на разные лады усердно повторяется разными авторами, значить, по-моему, одно изъ двухъ: или посмѣяться надъ спрашивающимъ, повторить вопросъ въ формѣ отвѣта, или же отвѣтитъ: не спрашивай, ибо на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта и спрашивать не о чемъ. Старый, наивный позитивизмъ поступалъ серьезнѣе и прямѣе, нежели модернизированный, прямо и открыто исключая эти ^{вс} вопросы, ограничивая область разумнаго изслѣдованія только вопросомъ *почему*, но не *зачѣмъ*. Допуская, что человѣкъ можетъ послѣдовать этой указкѣ и спрашивать только о томъ, что разрѣшено, а не о томъ, что нужно и важно, позитивизмъ впадаетъ въ очевидный утопизмъ. И исторія философіи въ дѣйствительности подтверждаетъ, что господство позитивизма въ человѣческой мысли никогда не было долговѣчнымъ, и подавленные запросы духовной жизни съ новой силой вставали предъ мыслью; это происходитъ и въ настоящее время. Тавтологическій отвѣтъ «цѣль жизни есть жизнь» не можетъ почитаться отвѣтомъ еще и потому, что жизнь есть понятіе неопредѣленного и, можно сказать, прямо безграничнаго объема и содержанія. На этомъ основаніи въ разсматриваемой формулѣ при неизмѣнномъ значеніи понятія «жизнь» какъ подлежащаго, «жизнь» какъ сказуемое можетъ получить самое различное, хотя и подразумевающееся значеніе, и подъ этимъ ничего не говорящимъ этикетомъ можно провести какой угодно, даже самый контрабандный грузъ. «Пить кипрское вино и цѣловать красивыхъ женщинъ» или бороться за освобожденіе человѣчества (извѣстная дилемма Лассала), и то, и другое одинаково есть «жизнь». Какъ извѣстно, по поводу Пушкинскихъ стансовъ было написано нѣсколько стихотвореній, и одно изъ нихъ (Клюшниковъ) также цѣликомъ повторяетъ указанную формулу:

Даръ мгновенный, даръ прекрасный,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
 Умъ молчить, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

Но вотъ какъ въ дальнѣйшемъ развертывается эта формула:

Все прекрасно въ Божьемъ мѣрѣ:
 Сотворивый мѣръ въ немъ скрытъ...
 Но Онъ въ чувствѣ, но Онъ въ лирѣ,
 Но Онъ въ разумѣ открытъ.
 Познавать Его въ твореньѣ,
 Видѣть духомъ, сердцемъ чить—
 Вотъ что значить назначенье,
 Вотъ что значить въ Богѣ жить!

Излишне подчеркивать, до чего противоположно содержаніе, вкладываемое въ одну и ту же неопредѣленную формулу авторами сборника и Ключниковымъ. Вторымъ пробнымъ камнемъ для испытанія реализма авторовъ сборника служить вопросъ о нравственности. Добро и зло, долгъ, совѣсть,—всего этого мы не можемъ удалить изъ своего сознанія, оторвать отъ своей личности, даже если бы мы того и хотѣли. Это неумолчный и таинственный голосъ, который говоритъ человѣку объ его высшемъ достоинствѣ и высшемъ предназначеніи. Нравственная проблема давно уже не была настолько обострена, какъ теперь въ Россіи, во-первыхъ, потому, что жизнь ставитъ ее въ очень рѣзкой формѣ, требуя сплошь и рядомъ героическаго самоотверженія во имя идеала и нравственнаго долга, а во-вторыхъ, благодаря общему кризису міровоззрѣнія философскаго и религіознаго. Для позитивистовъ нравственная проблема есть самая неудобная потому, что она настойчиво выводитъ мысль за предѣлы чувственнаго, эмпирическаго міра, царства причинъ и слѣдствій, въ область свободнаго самоопредѣленія человѣческаго духа, которой нѣтъ мѣста въ позитивной философіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ большинству ея сторонниковъ практически нравственность слишкомъ дорога, чтобы можно было пожертвовать ею ради теоретическаго предубѣжденія. Проблема о нравственности принимаетъ поэтому прямо трагическій характеръ.

Возможны три способа рѣшенія нравственной проблемы. Первый способъ характеризуется тѣмъ, что обоснованіе нравственности ищется въ истинахъ религіозно-метафизическаго характера;

съ этой точки зрѣнія нравственность необходимо приводитъ къ метафизикѣ и, въ конечномъ счетѣ, къ религіи. Второй способъ состоитъ въ томъ, что нравственность пытаются установить средствами науки. Въ результатѣ получается т. наз. научная нравственность. Но можетъ ли наука, спрашивающая лишь *почему* и *отчего*, дать основанія для долженствованія, для того приказа совѣсти, которымъ характеризуется нравственная жизнь? Въ этой своей основной характеристикѣ нравственность есть нѣчто настолько своеобразное, внѣнаучное и сверхнаучное, что не поддается научному обоснованію. Болѣе рѣшительнымъ и послѣдовательнымъ намъ представляется поэтому третій способъ разрѣшенія вопроса о нравственности, которое состоитъ ни больше, ни меньше какъ въ устраненіи самой проблемы, во имя торжества научнаго позитивизма. Это, дѣйствительно, послѣдовательно, но справедливо ли и возможно ли это? Уничтожается ли однимъ отрицаніемъ вопросъ о загадочномъ фактѣ нравственности? Отрицая нравственность и ея проблему, не походимъ ли мы на человѣка, который закрылъ глаза, чтобы отдѣлаться отъ вопроса о содержаніи картины, или намѣренно зажалъ уши, чтобы не слышать возраженій? Реалистично ли это?

Именно послѣднее воззрѣніе на мораль представлено въ сборникѣ (въ особенности въ статьѣ г. Базарова). Вопросъ рѣшается очень просто и радикально: мораль выпроваживается здѣсь изъ сознанія «свободнаго» человѣка во имя этой фантастической свободы (какихъ только значеній нельзя при желаніи придать слову свобода: въ данный моментъ внутренней свободой называется свобода отъ нравственности, слѣдующимъ шагомъ будетъ, вѣроятно, свобода отъ логики). Но при этомъ совершенно отсутствуютъ тѣ трагическіе тоны, которые исторгаетъ разрушеніе нравственности у тѣхъ, кому это, дѣйствительно, въ серьезъ; отрицаніе морали, аморализмъ или точнѣе антиморализмъ, выступаетъ у нашихъ декадентовъ отъ марксизма облеченное какимъ-то ухарствомъ, изъ трагедіи получается водевиль съ переодѣваньемъ. Новые эстеты высказываютъ пожеланіе и надежду, что совѣсть со временемъ утратитъ свой этический характеръ, замѣнивъ его эстетическимъ; попутно устраняется кантовскій принципъ: человѣкъ для человѣка есть самоцѣль; всѣ трудности и неудобства, проистекающія отъ этихъ опустошеній, устраняются однимъ тарбарскимъ словомъ «гармонизація вну-

тренияго опыта», подкрѣпляемымъ еще и противорѣчивымъ понятіемъ «гедонистическихъ нормъ» (при помощи которыхъ, къ слову сказать, съ задняго крыльца можетъ быть впушена обратно вся нравственность, изгнанная съ передняго). Конечнымъ идеаломъ объявляется (идеалы все-таки оставляются) полное упраздненіе понятій добра и зла, совѣсти и нравственнаго сознанія, т. е. то состояніе, которое въ видѣ исключенія достигнуто уже нѣкоторыми вполне «свободными» личностями, но... душевно-больными. *Insanitas moralis въ качествѣ идеала*, таково послѣднее слово марксистскаго декаданса.

Однако все это не такъ страшно, какъ кажется. Наши «реалисты» только пугаютъ своимъ аморализмомъ, а на самомъ дѣлѣ люди очень благонамѣренные и въ высшей степени добродѣтельные. За нихъ можно быть спокойнымъ, что они изъ какихъ угодно посылковъ сдѣлаютъ—и дѣйствительно дѣлаютъ—надлежащіе выводы и всегда оставятъ лазейку, черезъ которую обратно приведутъ изгнанную добродѣтель. Они не провозгласятъ, подобно Раскольникову, права преступленія, не раздѣлятъ антидемократическаго ученія Ницше, не возведутъ въ идеалъ ни Наполеона, ни Лукреціи Борджіа. Своевременно у нихъ явится и «непосредственное» (и на этомъ основаніи почему-то почитаемое ими внѣморальнымъ) или «эстетическое» отвращеніе къ пороку, и идеалы свободы и равенства (которые все-таки христіанскаго происхожденія). Постники и вегетаріанцы, они проповѣдуютъ эпикурейскій аморализмъ, который скорѣе приличествуетъ Петронію и Луккуллу. Какъ это напоминаетъ героевъ романа Чернышевскаго «Что дѣлать», которые, усвоивъ совершенно несвойственную имъ утилитарную мораль, старательно оправдываются отъ всякаго добродѣтельнаго поступка, доказывая, что онъ проистекаетъ изъ соображеній личной пользы. Вѣрно не устарѣли еще слова Вл. Соловьева, который давно уже писалъ: «люди, требовавшіе нравственнаго перерожденія и самоотверженныхъ подвиговъ на благо народное, связывали эти требованія съ такими ученіями, которыми упраздняется самое понятіе о нравственности: ничего не существуетъ, кромѣ вещества и силы, человѣкъ есть только разновидность обезьяны, а потому мы должны думать только о благѣ народа и полагать душу свою за меньшихъ братьевъ». Много костюмовъ съ чужого плеча примѣряла къ себѣ русская интеллигенція, къ счастью, несмотря на всѣ эти переодѣванія,

оставаясь сама собою; очевидно, не хватало еще, чтобы она выступила въ декольтэ аморализма и объявила войну нравственности во имя... нравственности. Nonny soit qui mal у pense! ¹⁾).

Такова скорая и короткая расправа, которую чинятъ авторы «Очерковъ» надъ важнѣйшими «Проблемами идеализма». Однако подобная философская хирургія была допустима въ пору перво-бытной пѣвинности марксизма, теперь же, когда философская дѣвственность почти повсюду утеряна, героическія средства едва ли приведуть къ цѣли. Мы, съ своей точки зрѣнія, совершенно отказываемся признать этотъ образъ дѣйствій реалистическимъ и видимъ здѣсь не торжество реализма, а совершенно противоположное.

Весьма характерно для теперешней стадіи разложенія теоретическаго марксизма, что сборникъ задается преимущественно оборонительными, апологетическими задачами; здѣсь нѣтъ попытокъ къ дальнѣйшему развитію и усовершенствованію доктринъ марксизма, напр. экономическаго матеріализма, ученія о соціальной законмѣрности и законахъ исторіи, историческихъ предсказаніяхъ, роли личности въ исторіи и т. под. Теперешніе марксисты заняты не столько развитіемъ своего собственного міровоззрѣнія, сколько защитой такихъ положенія, которыя ни-

¹⁾ Съ этимъ, несомнѣнно, несогласенъ авторитетнѣйшій изъ современныхъ нѣмецкихъ представителей ортодоксальнаго марксизма К. Каутскій, который говоритъ: „мы, марксисты, никоимъ образомъ не отрицаемъ силы и значенія нравственности, мы отрицаемъ лишь, чтобы она происходила изъ другого міра, нежели тотъ, съ которымъ только мы и имѣемъ дѣло, міра явленій. Она есть продуктъ общественной жизни, и сама становится важнѣйшей связью, соединяющей общество. Безъ нравственности нѣтъ общества. Каждая общественная форма, каждый общественный классъ имѣетъ свою особую нравственность, но никогда она не представляетъ собой чего-либо чисто условнаго, надъ чѣмъ можетъ распоряжаться каждый по своему желанію, но нѣчто необходимое, необходимое не только въ томъ смыслѣ, что она необходимою вырастаетъ изъ общественныхъ условій, но и въ томъ, что она неизбѣжна.“

Въ настоящее время, когда буржуазная классовая мораль находится въ полномъ разложеніи, многие элементы, которые не въ состояніи усвоить пролетарскаго самочувствія и пролетарской классовой морали, отбрасываютъ отъ себя вмѣстѣ съ буржуазной и всякую мораль, но у пролетариата не должно встрѣчаться подобныхъ формъ преодоленія буржуазной морали“ (Статья по поводу дрезденскаго партейтага: Nachklänge zum Parteitag въ Die Neue Zeit, Jahrgang 1903—4, № 1, отъ 3 окт. 1902 года). Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Каутскій попытался обосновать утверждаемый имъ абсолютный характеръ морали, ему пришлось бы многое уступить изъ марксизма.

сколько не характерны для марксизма какъ такового, а болѣе или менѣе общи у него со всѣми представителями позитивизма; потому, между прочимъ, теперь и оказывается не мало новыхъ Сауловъ во пророкахъ марксизма, но эти новые союзники отнюдь не суть его прозелиты; ихъ соединяетъ не общая любовь, а общая ненависть.

Вторая часть сборника стремится, повидимому, дать экономическое выраженіе ортодоксальнаго марксизма. Понять планъ, по которому она составлена, въ частности довольно трудно. Если оставить въ сторонѣ сведеніе счетовъ различныхъ экономистовъ между собою, то приходится заключить, что въ качествѣ реалистическаго здѣсь предлагается ортодоксально-марксистское пониманіе экономическихъ вопросовъ, въ особенности аграрнаго, а всякое другое, сколь бы научно оно ни обосновывалось, напередъ отвергается какъ нереалистическое. Критеріемъ реализма здѣсь оказывается признаніе экономическихъ догматовъ марксизма. Такой догматизмъ въ положительной наукѣ, возводимый въ принципъ, есть полное отрицаніе требованій научнаго реализма.

Говоря это, мы не имѣемъ въ виду достоинства той или другой статьи. Намъ интересенъ общій планъ съ точки зрѣнія первоначальнаго *заданія*, общей постановки вопросовъ, поскольку она характеризуетъ то міросозерцаніе, которое авторы совершенно ошибочно называютъ реалистическимъ. Я не остановился бы на словахъ и названіяхъ, если бы въ заглавіи сборника не было скрыто полемическое остріе, направленное противъ идеализма, если бы не подразумевалась въ немъ совершенно невѣрная характеристика идеализма. Относительно молодого и недостаточно опредѣлившася въ литературѣ міровоззрѣнія легко возникаютъ всевозможныя недоразумѣнія. Однимъ изъ самыхъ досадныхъ недоразумѣній, которое я и стремился разсѣять въ этой замѣткѣ, является то, будто бы идеализмъ враждебенъ или противоположенъ реализму, между тѣмъ какъ идеалистическое міровоззрѣніе во всѣхъ отношеніяхъ является принципиально и глубоко реалистическимъ. Высшую задачу этого реалистическаго міровоззрѣнія гениальный реалистъ Достоевскій формулировалъ такъ: *при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человека* ¹⁾.

1) Приведу цѣликомъ этотъ замѣчательный фрагментъ изъ записной книжки Достоевскаго: „при полномъ реализмѣ найти въ человѣкѣ человека. Это

Въ заключеніе настоящей замѣтки я долженъ все таки привѣтствовать появленіе сборника «Очерки реалистическаго міровоззрѣнія» не въ интересахъ нынѣшняго дня, а съ болѣе широкой исторической точки зрѣнія. Для нынѣшняго дня проповѣдь аморализма, если она будетъ имѣть успѣхъ, можетъ принести только вредъ. Но разсматриваемый въ исторической перспективѣ сборникъ представляетъ собой яркій симптомъ марксистскаго декаданса. Онъ наглядно показываетъ, сколь глубокая трещина прошла въ сердцевиנѣ марксизма и, предназначенный замазать эту трещину, онъ несомнѣнно ее только расширяетъ и углубляетъ. Такихъ противниковъ идеалисты имѣютъ полное основаніе считать своими союзниками и соработниками въ трудномъ дѣлѣ построенія и утвержденія въ умахъ русскаго общества истинно реалистическаго міросозерцанія.

Сергій Булгаковъ.

русская черта по преимуществу, и въ этомъ смыслѣ я, конечно, народень (ибо направленіе мое истекаетъ изъ глубины христіанскаго духа народнаго)— хотя и неизвѣстенъ русскому народу теперешнему, но буду извѣстенъ будущему. Меня зовутъ психологомъ: неправда, я лишь реалистъ въ высшемъ смыслѣ, т.-е. изображаю всѣ глубины души человѣческой“. Реализмъ „въ высшемъ смыслѣ“, свойственный Достоевскому и Толстому, можно поистинѣ назвать *Евангельскимъ реализмомъ*.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Обзоръ книгъ.

Baumann S. *Deutsche und ausserdeutsche Philosophie der letzten Jahrzehnte dargestellt und beurteilt. Ein Buch zur Orientirung auch für Gebildete.* Gotha, 1903. VIII + 553.

Авторъ названной книги ставитъ своею задачею, какъ это уже можно видѣть изъ заглавія, дать характеристику самыхъ послѣднихъ теченій философской мысли. Этому намѣренію автора можно только сочувствовать, ибо существующія руководства по исторіи новой философіи далеко не всегда удовлетворяютъ указанной цѣли. Такъ извѣстный «Очеркъ» Ибервегъ-Гейнце иногда даетъ слишкомъ краткія характеристики новѣйшихъ философскихъ направленій, нерѣдко представляющія собою афористическій подборъ отдѣльныхъ мыслей того или другого философа, недостаточно связанныхъ между собою одной общей идеей. Успѣшному выполненію поставленной задачи могло бы способствовать еще то обстоятельство, что авторъ является почтеннымъ дѣятелемъ на поприщѣ философіи, и ему принадлежатъ довольно крупныя работы по самымъ разнообразнымъ отраслямъ философскаго вѣдѣнія ¹⁾. Къ сожалѣнію, при ближайшемъ разсмотрѣніи, новое произведеніе Баумана не всегда оправдываетъ наши ожиданія, и книга не лишена нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ. Такъ, прежде всего, мы не видимъ никакой системы въ расположеніи характеризуемыхъ философскихъ направленій, и авторъ, повидимому, даже не дѣлаетъ

¹⁾ Ему, между прочимъ, принадлежитъ двухтомное сочиненіе по исторіи философіи: *Die Lehre von Raum, Zeit und Mathematik in der neuen Philosophie.* Berlin, 1868.

попытки къ установленію связи излагаемыхъ имъ ученій съ болѣ ранними теченіями философской мысли. Поэтому, напр., мыслители, болѣе приближающіеся къ критицизму (Либманъ, Риль, Тиле), излагаются въ разныхъ мѣстахъ, раздѣленные характеристикой возрѣній совершенно не родственныхъ имъ философъ.

Повидимому, у автора господствуетъ просто хронологическій принципъ, однако и этотъ послѣдній не вездѣ выдержанъ, и философія Фрошаммера, напр., излагается послѣ характеристики Паульсена. Въ самомъ изложеніи Бауманъ не всегда пытается опредѣлить основную точку зрѣнія (характеризуемаго мыслителя, а предпочитаетъ держаться плана того или другого произведенія, принадлежащаго характеризуемому философу, и поэтому нерѣдко подобная характеристика отличается недостаткомъ цѣнности и рельефности. Далѣе, распредѣленіе матеріала въ изложеніи автора не всегда равномерно, и Бауманъ иногда удѣляетъ много мѣста такимъ мыслителямъ, которые по своему философскому значенію едва ли заслуживали бы подробнаго разсмотрѣнія (напр., Эйкенъ, Гипау, Гольдшмидтъ и др.). Въ мѣстѣ съ тѣмъ мы не находимъ въ книгѣ даже упоминанія о нѣкоторыхъ современныхъ мыслителяхъ, которые пользуются заслуженно извѣстностью и имѣютъ довольно цѣнныя философскія работы (напр., представители такъ называемаго «психологизма»).

Но наряду съ указанными недостатками названной книгѣ присущи и нѣкоторыя положительныя качества, которыя дѣлаютъ ее замѣтною среди другихъ очерковъ по исторіи философіи. Такъ, авторъ нерѣдко отбѣняетъ возрѣнія такихъ мыслителей, которые сравнительно кратко характеризуются другими историками философіи. Особенно это нужно сказать о нѣкоторыхъ болѣе позднѣйшихъ теченіяхъ философской мысли. Сюда, напр., можно отнести представителей такъ называемой «имманентной философіи» (Шуппе, Ремке, Шубертъ-Золькернъ) или такихъ мыслителей, какъ Э. Махъ и Г. Риккертъ: характеристикѣ этихъ философъ Бауманъ удѣляетъ сравнительно много мѣста (напр., Маху — 35 стр., Риккертъ — 18 стр.). Захватываетъ въ своемъ изложеніи Бауманъ и такихъ лицъ, которыя не принадлежатъ къ профессиональнымъ философскимъ писателямъ, но которыя однако въ нѣкоторыхъ изъ своихъ произведеній пытались затронуть основныя философскія проблемы, выходя иногда изъ дан-

ныхъ опредѣленной естественно-научной дисциплины. Такъ, напр., Бауманъ посвящаетъ больше 60 страницъ изложенію философскихъ воззрѣній извѣстнаго В. Оствальда. Затрогиваются у него и писатели-художники, какъ, напр., Толстой и Метерлинкъ, хотя онъ говоритъ о нихъ сравнительно кратко. Наконецъ, не обходятся у него молчаніемъ и такія, большею частью игнорируемая мистико-философскія теченія, какъ оккультизмъ, и въ связи съ характеристикой этого послѣдняго направленія Бауманъ довольно подробно излагаетъ очень интересное послѣднее произведеніе У. Джемса (*The varieties of religions thought*).

Все это, повторяемъ, дѣлаетъ разбираемую книгу далеко не лишнею, и она, дѣйствительно, можетъ содѣйствовать ориентированію среди многочисленныхъ направленій современной философской мысли.

Н. Виноградовъ.

Zu Kants Gedächtniss. Zwölf Festgaben zu seinem 100jährigen Todestage von O. Liebmann, W. Windelband, F. Paulsen, A. Riehl, E. Kühnemann, E. Tröltsch, F. Heman, F. Staudinger, G. Vunze, B. Bauch, F. A. Schmid, E. v. Aster, herausgegeben von H. Vaihinger und B. Bauch. Mit vier Beilagen. Berlin. Verlag von Reuther v. Reichard 1904. S. 350.

Какъ и слѣдовало ожидать, чествованіе памяти Канта по поводу столѣтія, 12-го февраля текущаго года, со дня его смерти, вызвало цѣлый рядъ статей и изслѣдованій, посвященныхъ основателю критической философіи. Сборникъ «Zu Kants Gedächtniss» одно изъ проявленій этого всеобщаго подъема духа соотечественниковъ великаго философа. Сборникъ состоитъ изъ статей представителей неокантіанскаго движенія въ Германіи, болѣе или менѣе близко подходящихъ къ собственному ученію Канта и сконцентрировавшихся вотъ уже нѣсколько лѣтъ (съ 1896 г.) около издаваемаго Файгингеромъ, извѣстнымъ комментаторомъ Канта, журнала «Kantstudien», специально посвященнаго ученію Канта и всему, что его касается. Собственно и предлагаемый сборникъ есть нечто иное, какъ отдѣльный оттискъ изъ IX тома «Kantstudien», специально посвященный 12-го февраля 1904 г.

Неокантіанство, ведущее свое начало съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, само вступаетъ уже во вторую стадію своего развитія, и этотъ переходъ очень отчетливо обозначается въ

этомъ сборникѣ, въ особенности въ статьяхъ хорошо извѣстныхъ русской публикѣ Виндельбанда и Паульсена. Неокантіанское движеніе началось съ рѣзкаго подчеркиванія *позитивнаго* духа Кантовой критики, послѣднее время все настойчивѣе повторяется призывъ къ *метафизикѣ*, основаніе которой опять-таки предлагается искать у Канта. Тогда какъ, напр., Ланге, Риль и др. ближе подходятъ къ позитивизму, а Когенъ считаетъ непониманіемъ Канта изслѣдованіе о томъ, допускалъ ли онъ существованіе вещей въ себѣ, уже Паульсенъ центръ тяжести Кантовой философіи видитъ въ обоснованіи метафизики (см. ниже), а Геманъ (*idem*) даже усматриваетъ причину нѣкотораго забвенія о Кантѣ и уклоненія отъ начертаннаго имъ пути послѣ его смерти въ томъ, что его послѣдователи старались изъавить трансцендентальную философію отъ вещи въ себѣ. Но «*Kantstudien*» даетъ мѣсто на своихъ страницахъ всѣмъ этимъ отгѣнкамъ, и они представлены и въ настоящемъ сборникѣ. Но, повторяю, характернымъ для него является новое или, вѣрнѣе, все усиливающееся теченіе въ сторону метафизики.

Открывается сборникъ довольно тяжеловѣснымъ, обладающимъ скорѣе философскими, чѣмъ поэтическими достоинствами, стихотвореніемъ *Кантъ*, принадлежащимъ перу іенскаго профессора Отто Либмана, одного изъ первыхъ неокантіанцевъ. Либманъ именно рѣшительно провозгласилъ въ своемъ сочиненіи «*Kant und die Epigonen*», вышедшемъ въ 1865 году, ставшее теперь лозунгомъ—*Also muss auf Kant zurückgegangen werden*—итакъ, надо вернуться къ Канту.

Затѣмъ, идетъ талантливая, можно сказать, самая блестящая въ сборникѣ статья Виндельбанда *Спустя сто лѣтъ* (*Nach hundert Jahren*). Къ достоинствамъ этой со свойственной Виндельбанду красотой написанной статьи надо отнести также ея доступность. На ней слѣдуетъ остановиться.

Оглядываясь на истекшее столѣтіе, невольно задаешься вопросомъ, дѣйствительно ли прошло сто лѣтъ со времени смерти кенигсбергскаго мудреца,—такъ живо стоятъ передъ нами проблемы, надъ которыми работалъ этотъ великій умъ. До сихъ поръ еще не установлено даже окончательно правильное пониманіе Канта. Поворотъ къ Канту въ 60-хъ годахъ въ своемъ толкованіи совпадаетъ съ пониманіемъ критицизма въ эпоху его появленія. Въ силу сходныхъ причинъ,—одинъ разъ, какъ реак-

ція противъ всевѣдущаго рационализма, другой, какъ средство въ рукахъ натуралистовъ, въ критической теоріи познанія подчеркивается ея разрушительная сторона, ея «антиметафизичность». Но развитіе наукъ, установленіе такихъ общихъ принциповъ, какъ законъ сохранения энергіи, эволюціи и т. под., съ одной стороны, потребность въ цѣльномъ міровоззрѣніи, съ другой, заставляетъ задаться вопросомъ объ еще болѣе высокихъ принципахъ, охватывающихъ въ себѣ все богатство новой жизни. Тутъ на первый планъ выступаетъ метафизическое наслѣдство Канта.

Споръ о томъ, метафизикъ ли Кантъ, споръ о словахъ, потому что для всякаго знакомаго не только съ Критикой чистаго разума, но и съ Критикой практическаго разума и съ Критикой способности сужденія, очевидно, какъ то, что *наука*, по Канту, не выходитъ за предѣлы опыта, такъ и то, что реальность «интеллигибельнаго міра» для него несомнѣнна. А ея доказательство претендуетъ на такую же общеобязательность, какъ и доказательство возможности опыта. Именно все величіе и оригинальность Канта въ томъ, что онъ включилъ въ содержаніе своего міросозерцанія не только науку, но и все, что составляетъ продуктъ разума. Его значеніе еще болѣе усиливается, если вспомнить, что онъ уничтожаетъ ту неувѣренность и колебаніе, которыя такъ характерны для нашихъ дней. Элементы метафизики различны, но обще въ нихъ значеніе для «сознанія вообще», для «разума». Какъ метафизика явленій основывается на *знаніи*, такъ метафизика сверхчувственнаго—на *разумно-необходимой вѣрѣ*.

Но тутъ возникаетъ проблема, дающая точку приложенія критическому духу и начинающая получать удовлетворительный отвѣтъ только теперь. Кантъ слишкомъ узко понималъ науку. Исторически это понятно и простительно. Кантъ не считалъ науками химію и психологію; мы не сомнѣваемся въ томъ, что это науки, идемъ дальше и открываемъ новую область научнаго знанія—*историческія науки*. Разработка ихъ методологіи—задача сегодняшняго дня. Во времена Канта на исторію смотрѣли просто какъ на беллетристику, но нельзя не признать, что перемѣна взгляда произошла исключительно благодаря внесенію въ научное изслѣдованіе «критическаго духа», духа критической философіи. Исторія предъявляетъ свои права рядомъ съ естествознаніемъ на *теоретическое ученіе*. Собственно въ логикѣ и

методологіи обращено вниманіе на задачи и формы историческаго мышленія со времени Лоце и Зигварта, къ тому же должна стремиться и теорія познанія.

Естествознаніе интересуется въ вещахъ постояннымъ, видовыя понятія подводитъ подъ общія, доводя свое построеніе до наивысшихъ основоположеній, приводящихъ въ связь все разнообразіе космоса, связь, которую мы можемъ установить только, какъ форму разума въ интуиціяхъ и понятіяхъ. Исторія, хотя имѣетъ дѣло съ отдѣльнымъ и индивидуальнымъ, также не интересуется всѣмъ, что происходитъ, но выбираетъ согласно той цѣнности, какую оно имѣетъ для человѣка. Принципомъ выбора, стало быть, и здѣсь является не случайный и личный интересъ, а то, что имѣетъ общеобязательную и необходимую цѣнность.

Это расширеніе гносеологическаго изслѣдованія прекрасно развитое и сформулированное Риккертомъ ¹⁾, приводитъ къ проблемѣ, параллельной проблемѣ апіорности интеллектуальныхъ формъ. Вопросъ о цѣнностяхъ — центральный вопросъ этой «Критики историческаго разума». Опорнымъ пунктомъ этого параллелизма долженъ быть нравственный законъ, какъ максима, которая можетъ стать закономъ природы. Этотъ, по существу, формальный законъ можетъ быть оплодотворенъ жизненными цѣнностями философіи исторіи. Возникаетъ философія общества, по которой всякая частность осмысливается въ отношеніи къ цѣлому, въ отношеніи индивида къ роду, въ историческомъ развитіи человѣчности. Такимъ образомъ, этика выполняетъ свое научное назначеніе и вноситъ свою долю въ общее философское міровоззрѣніе, т.-е. въ метафизику, обнимающую, какъ «метафизику знанія» вещей, науки о законахъ, вопросъ объ отношеніи объективнаго мышленія къ реальному, такъ и вопросъ о реальномъ, метафизику вещей въ себѣ, науки о цѣнностяхъ:

¹⁾ Недавно вышелъ русскій переводъ его книги „Границы естественнонаучнаго образованія понятій“. Дѣйствительно, нельзя не согласиться съ Риккертомъ въ его постановкѣ проблемы объ образованіи историческихъ понятій и указанныхъ имъ путейъ къ ея рѣшенію. Хотя можно не соглашаться съ его раздѣленіемъ наукъ по содержанію на естествовѣдѣніе и культуровѣдѣніе. Благодаря неудачному дѣленію Риккертъ проходитъ мимо специфически историческаго, и рѣзкое разграниченіе „историческаго“ и „естественнаго“ ему не удается сдѣлать даже *логически*.

естествознаніе, стало быть, и *исторію*. Дѣло специальныхъ наукъ разбираться въ частностяхъ, а философія должна дать отвѣтъ еще на одинъ весьма важный вопросъ: объ общемъ отношеніи царства закона къ царству цѣнности. Это—проблема Критики способности сужденія, примиряющей оба эти понятія въ высшемъ понятіи, въ принципѣ развитія.

Значеніе этого принципа для естествознанія общепризнано; гораздо менѣе распространено, что этотъ принципъ есть *принципъ цѣнности*. И кто потрудится внимательно прочесть Критику способности сужденія, не можетъ не согласиться, что въ цѣнности надо искать критерія высшаго или низшаго развитія нормального или ненормального и т. д. Такъ въ принципѣ, который, казалось, приподнималъ таинственную завѣсу *законовъ* мірового механизма, получаетъ право гражданства выходецъ изъ міра цѣнностей.

Въ царствѣ закона, которое мы мыслимъ, и въ царствѣ цѣнности, которое мы переживаемъ, мы одинаково познаемъ себя въ великомъ порядкѣ мірового цѣлаго, съ полнымъ правомъ вызывающаго наше благоговѣніе: «въ звѣздномъ небѣ надо мной и нравственномъ законѣ во мнѣ».

Ближе другихъ, по содержанію, къ статьѣ Виндельбанда подходитъ статья Паульсена *Къ столѣтію со дня смерти Канта*, представляющая вмѣстѣ съ тѣмъ предисловіе къ новому 4-му изданію его книжки И. Канта.

Въ идеалистической философіи Канта Паульсенъ различаетъ три момента: во-первыхъ, *Практическій идеализмъ*,—убѣжденіе въ томъ, что практическія идеи, идеи долженствованія, опредѣляютъ нашу жизнь; во-вторыхъ, *Гносеологическій идеализмъ*,—убѣжденіе въ томъ, что познаніе не получается извнѣ, а создается внутри насъ творческими силами духа; въ-третьихъ, *Метафизическій идеализмъ*,—убѣжденіе въ томъ, что идеи имѣютъ значеніе не только для *человѣческаго* поступанія и познанія, но для всей дѣйствительности, что идеи являются творческими принципами дѣйствительности.

Наиболѣе спорнымъ при этомъ является его метафизика. До сихъ поръ въ этомъ вопросѣ не пришли къ окончательному соглашенію. Метафизика Канта основывается на слѣдующихъ двухъ пунктахъ: во-первыхъ, структура нашей чувственной интуиціи и нашего разсудка образуетъ схему дѣйствительности,

какъ она является намъ; поэтому, метафизика возможна, какъ «чистое естествознаніе»; во-вторыхъ, структура нашего разума, мыслящаго, полагающаго цѣли, осуществляющаго идеи, даетъ схему дѣйствительности, какъ она въ качествѣ сущаго въ себѣ, хотя *не научно познается нами*, но необходимо мыслится и предполагается дѣйствительной въ практической вѣрѣ. Поэтому, метафизика возможна, какъ постиженіе міра интеллигибельнаго. Это несомнѣнно указываетъ на зависимость Кантовой метафизики отъ Платоновой и Лейбницевой, и это отчасти лишаетъ ее оригинальности. Тѣмъ не менѣе для Канта она представляется основнымъ ядромъ всей его философіи и какъ бы ни интерпретировали его нѣкоторые кантіанцы, Паульсенъ настаиваетъ на томъ, что самъ Кантъ центръ тяжести видѣлъ въ обоснованіи метафизики.

Для теоріи познанія Канта характерна безусловная *вера въ разумъ*. Правда, первое впечатлѣніе при чтеніи Канта, что онъ врагъ метафизики, но это объясняется психологически, при чемъ психологическое объясненіе совпадаетъ съ историческимъ. Когда Кантова критика появилась, она уничтожила метафизику Лейбница-Вольфа; возвращеніе къ Канту въ 60-хъ годахъ было реакціей, съ одной стороны, противъ Гегеля, съ другой,—противъ матеріализма. Но это не весь Кантъ, это «самодѣльный Кантъ». «Изъ идеи *mundus intelligibilis*, который разумъ мыслить необходимо, можно понять и опредѣленіе границъ, но изъ опредѣленія границъ не понять *mundus intelligibilis*».

Ту же необходимость метафизики въ кантіанствѣ подчеркиваетъ и Геманъ (Heman), немножко *plus royaliste que le roi même*... Въ статьѣ *Философское наследство Им. Канта* онъ задается двумя интересными вопросами: во-первыхъ, почему прямые послѣдователи Канта настолько отклонились отъ самого Канта, что привели его собственную философію въ забвеніе? Во-вторыхъ, почему возрожденіе Кантовой философіи еще не достигло своей дѣйствительной цѣли? Затѣмъ его интересуютъ тѣ мысли, которыя высказывалъ Кантъ въ послѣдніе годы своей жизни,—мысли, которыя, по мнѣнію Гемана, должны служить руководящими въ дальнѣйшемъ развитіи философіи.

На первый вопросъ Геманъ отвѣчаетъ,—Канта забыли оттого, что его ближайшіе послѣдователи, вопреки неоднократнымъ объясненіямъ Канта, истолковали его ученіе въ смыслѣ чистаго идеализма. Уже его ближайшіе ученики (Шульце, Маймонъ

Бекъ и др.) находили противорѣчіе въ его ученіи о вещи въ себѣ. Фихте окончательно отбросилъ ее и повернулъ къ идеализму Беркли. Канта не только смѣшиваютъ съ Беркли, но не различаютъ его гносеологической точки зрѣнія отъ психологической. Задача Канта была только узнать, какъ далеко простирается наше апріорное познаніе, и онъ никогда не утверждалъ, что мы *все* познаемъ апріори. Если бы обратили вниманіе на критику Канта, навѣрное не выводили бы не-Я изъ Я.

Что касается второго вопроса, то и на него отвѣтъ надо искать, оказывается, въ сходныхъ причинахъ. Опять-таки хотятъ имѣть дѣло съ Критикой чистаго разума и не обращаютъ вовсе вниманія на согласованіе ея со всей идеалистической системой Канта,—центр тяжести переносятъ на критическую теорію познанія и этимъ достигаютъ только того, что сама эта критика становится исходнымъ пунктомъ для критики всей системы. По мнѣнію Гемана, такъ слѣдуетъ формулировать Кантову философію, какъ исходный пунктъ дальнѣйшаго философскаго развитія: все, что мы апріори знаемъ о вещахъ, въ чувствахъ, или въ понятіяхъ, мы знаемъ изъ самихъ себя и въ ихъ эмпирической реальности. Что мы узнаемъ апостеріори, мы познаемъ изъ вещей и дѣйствія вещей, какъ онѣ суть внѣ нашего представленія, т.-е. вещей въ себѣ. Но существуютъ не просто образы представленій, а вещи въ себѣ, нумены, и я самъ не только чувственная вещь, не только представленіе, но и нумень, разумное существо, вещь въ себѣ, тогда для меня, какъ разумнаго существа, можетъ быть дѣйствительнымъ нечувственный, категорическій императивъ, и тогда ясно, почему я необходимо долженъ образовать себѣ идеи, Бога, міръ, свободу, безсмертіе и т. д., хотя я не могу доказать ихъ реальности ни эмпирически, ни метафизически.

Двѣ послѣдующія главы этой статьи заняты изложеніемъ какъ «съ формальной стороны, такъ и съ матеріальной», оставшихся послѣ Канта рукописей, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни, недавно изданныхъ Р. Рейке (Reike). Чтобы ни говорили о старческой слабости Кантова ума, онъ, по мнѣнію Гемана, настолько великъ, что было бы непростительно игнорировать его мысли. Рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о послѣднемъ неоконченномъ сочиненіи Канта. См. Куно Фишеръ, Им. Кантъ. Рус. пер. Стр. 102—3 и 136—40.

Уже менѣе общаго интереса представляетъ изслѣдованіе Э. Трельча (Troeltsch) объ *Историческомъ въ Кантовой философіи религіи*. Это большая работа, занимающая третью часть всего сборника. Разобравъ изслѣдованія о Кантовой философіи религіи К. Фишера, Пфлейдерера, Швейцера и мн. др., Трельчъ различаетъ въ ней двѣ группы вопросовъ, гносеологически-метафизическихъ и религіозно-историческихъ. Находя, что первая достаточно освѣщена, онъ задается цѣлью точнѣе и полнѣе разобраться во второй. Нормативное — центръ тяжести Кантова ученія; этимъ опредѣляется мѣсто и положеніе психически-историческаго. Кантова философія религіи принципиально независима отъ исторіи религіи, хотя Канту и не удалось, по мнѣнію автора, вполне провести это раздѣленіе, и ученіе Канта явно носитъ слѣды компромисса «позитивнаго и раціональнаго». Говоря о религіозной вѣрѣ, Кантъ никогда, конечно, не смѣшивалъ ее съ церковной вѣрой, и религіозная вѣра, если она хочетъ доказать свою истинность, необходимость и дѣйствительность, что ей безусловно присуще, должна избѣгать всего историческаго.

Частной областью Кантова ученія занимается также статья Штаудингера (Staudinger), — педагогическими идеями Канта, — *Значеніе Канта для современной педагогики*. Хотя самъ Кантъ не развилъ спеціально своихъ взглядовъ въ этой области, но и то немногое, что осталось послѣ него, можетъ служить руководящимъ для современныхъ педагоговъ. Не лишне подчеркнуть, что основная идея Канта, дающая широкое приложеніе самымъ плодотворнымъ выводамъ, гласитъ: «дѣти должны воспитываться примѣнительно не къ современному, а будущему, возможно лучшему состоянію человѣческаго рода, т.-е. примѣнительно къ идеѣ человѣчества и всего его назначенія». Статья Штаудингера посвящена выясненію спора, возникшаго въ Германіи между Наторпомъ, авторомъ знаменитой теперь, вышедшей въ этомъ году вторымъ изданіемъ, книги «Соціальная педагогика» (Sozialpädagogik, Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft), и послѣдователями очень распространенныхъ педагогическихъ идей Гербарта. (О педагогическихъ идеяхъ Гербарта см. статью А. Л.—скаго въ «Русской Мысли» 1901 г.) Штаудингеръ становится на сторону Наторпа, настаивающаго въ своей «Соціальной педагогикѣ» на томъ, что ученіе объ обще-

ствѣ и ученіе о воспитаніи связаны между собой самыми тѣсными неразрывными узами, и что воспитаніе должно имѣть главной цѣлью развитіе свободной воли на началахъ общественности. Въ ученіи о свободной волѣ Наторпъ и Штаудингеръ примыкаютъ къ Кантовой этикѣ. И такъ какъ педагогика должна основываться на ученіи объ обществѣ, то всякая педагогика есть социальная педагогика. Отсюда вытекаетъ плодотворнѣйшая идея о согласованіи и связи педагогики и социальной пропаганды. Развитіе свободной воли, стало-быть, развитіе индивидуальности, нисколько не противорѣчитъ требованіямъ общественности въ виду того, что настоящій социализмъ никогда не исключаетъ, а даже предполагаетъ, самое широкое и всестороннее развитіе личности.

Три статьи, Кюнемана, Рия и Рунце, посвящены философскимъ параллелямъ. Изъ нихъ самой интересной надо признать статью Рия *Отношеніе Гельмгольца къ Канту*. Гельмгольцъ, какъ извѣстно, находилъ родство между теоріей натавистовъ и ученіемъ Канта объ апріорности пространства, точно также и въ ученіи о причинности онъ думалъ, что апріорный законъ, въ смыслѣ Канта, долженъ быть врожденъ. Такимъ образомъ, онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приближается къ физиологическому истолкованію Канта Шопенгауэромъ и Ланге.

«Нельзя забывать Гельмгольца, — говоритъ Риль, — при чествованіи памяти Канта. *Онъ былъ первымъ*, высказавшимъ, что идеи Канта еще живы». Гельмгольцъ началъ изученіе Канта съ 17-ти лѣтъ и въ продолженіе всей своей научной дѣятельности чувствовалъ влеченіе къ критической философіи. Но нужно сказать, Риль идетъ нѣсколько въ разрѣзъ съ общимъ тономъ сборника, подчеркивая, что «въ одномъ Гельмгольцъ остался приверженцемъ Канта, въ отклоненіи всякой трансцендентной метафизики»... Въ остальномъ отношеніи Гельмгольца къ Канту имѣетъ свою исторію, состоящую въ постепенномъ переходѣ его, подъ вліяніемъ ученія знаменитаго физиолога I. Мюллера, къ чисто эмпирическому направленію, къ натавизму. Какъ бы ни было, заслуга Гельмгольца, натуралиста, обратившаго вниманіе на критическую теорію познанія въ эпоху «тиранніи» естественныхъ наукъ, заслуживаетъ самаго полного признанія со стороны послѣдователей Канта.

Забавный характеръ носить статья профессора Гео Рунце

(G. Runze) *Эмерсонъ и Кантъ*. Сѣверо-американецъ Эмерсонъ, скорѣе проповѣдникъ, чѣмъ философъ, захватывающій скорѣе красотою слова, чѣмъ убѣдительною, проповѣдникъ широкаго индивидуализма, пользуется симпатіями нѣкоторыхъ круговъ европейской публики за свою самостоятельность и увлекательную искренность. Это — философъ одного типа съ Рескиномъ, гр. Толстымъ, отчасти Карлейлемъ; находятъ сходство между нимъ и Ницше, несомнѣнно онъ оказалъ вліяніе на Метерлинка (см. его ст. объ Эмерсонѣ въ его «Le Trésor des Humbles», рус. пер. почему-то «Блаженство души»). Въ русской литературѣ о немъ, кажется, ничего или почти ничего нѣтъ. Было, впрочемъ, *Эмерсона*, Образцы американской литературы. Съ англ., Спб., 1868 г. и есть въ изд. «Посредника» два его Essays—«Высшая душа», 1902 г. и «О довѣрѣн къ себѣ», 1900 г. ¹⁾.

Этого писателя Рунце цѣнить очень высоко и задается плодотворнымъ вопросомъ, почему такой великій умъ молчалъ о Кантѣ, тогда какъ упоминалъ о цѣломъ рядѣ другихъ, часто незначительныхъ философовъ. Изслѣдовавъ возможные отвѣты— непониманіе, незнаніе, отсутствіе новаго въ философіи Канта для Эмерсона, Рунце, пускается въ изслѣдованіе психологіи conspiratio ingeniorum и несходства натуръ Канта и Эмерсона. Получается изъ пустого мѣста занятная статья.

Третья параллель—*Гердеръ и Кантъ*—Кюнемана (Kühnemann) имѣетъ въ виду также психологію сравниваемыхъ умовъ. Это сопоставленіе, дѣйствительно, крайне интересно,—учитель и ученикъ вначалѣ, враги впослѣдствіи. Одинъ—человѣкъ громадной живой поэтической фантазіи, проповѣдникъ и пророкъ, другой—человѣкъ логики, у котораго нѣтъ жизни внѣ научно обоснованныхъ, безусловныхъ понятій. Для Гердера конечная данность и исходный пунктъ всякой науки великій фактъ великой, покоящейся на вѣчныхъ законахъ природы, существованіе которой отражается въ нашемъ духѣ. Для Канта нѣтъ возможности выйти за предѣлы нашего духа, сознанія, внѣ представленія его не можетъ быть познанія, о сущности вещей не можетъ быть рѣчи. Какъ нельзя лучше эта противоположность вылилась

¹⁾ Въ прошломъ году «Нов. Журн. Иностр. Литературы» изданы его сочиненія. Т. I, Трактатъ о природѣ и опыты; Т. II, Представители человѣчества. — Representative Мепплатонъ, Сведенборгъ, Монтэнъ, Шекспиръ, Наполеонъ, Гёте.

въ ихъ отношеніи къ самой тонкой логической проблемѣ чело-вѣческой жизни,—проблемѣ исторіи. Два пункта Кантовой критики убивали Гердера—у Гердера нѣтъ единства развитія исторіи, стало-быть нѣтъ критерія оцѣнки исторической культурной роли народовъ; еще невыносимѣе для Канта Гердерово понятіе природы, какъ факта божественнаго существованія съ его духовными во всемъ откровенными силами. Тѣмъ не менѣе, несмотря на такое различіе, оба духа не исключаютъ другъ друга, они живы до сихъ поръ и должны жить. Ясность логическаго мышленія и основанное на ней знаніе должны сочетаться съ пониманіемъ душевныхъ поэтическихъ формъ. И, конечно, совпавшія годовщины смерти Канта и Гердера († 1803 г.) не исключаютъ необходимости чествовать cadaго изъ нихъ.

Статья Бауха (Br. Bauch), соредатора Файгингера «Kantstudien», *Личность Канта*, посвящена психологической характеристикѣ Канта. Характеристика очень восторженная, очень мѣщанская, очень тенденціозная и не достаточно красиво написанная, чтобы можно было простить ни на чемъ, въ сущности, не основанныя вылазки въ область психологіи Канта и генія вообще; въ добавокъ еще съ фактической стороны ничего не прибавляющая къ тому, что уже извѣстно.

Гораздо интереснѣе въ этомъ отношеніи статья Шмида, который пытается освѣтить личность Канта на основаніи его писемъ.

Заканчивается сборникъ статьей Астера о первомъ томѣ новаго академическаго изданія Канта и двумя замѣтками Файгингера—первая: объясненіе приложений къ сборнику, трехъ портретовъ Канта (одинъ—силуэтъ—очень интересенъ) и вида дома, гдѣ жилъ и умеръ Кантъ, другая: *Обращеніе къ друзьямъ Кантовой философіи*, сообщеніе объ основаніи *Общества и фонда имени Канта*.

Незадолго передъ годовщиной Файгингеромъ было выпущено воззваніе слѣдующаго содержанія:

12-го февраля 1904 г. исполнится столѣтіе со дня смерти Канта, основателя новой эры въ философіи. Къ этому дню появится немало книгъ и статей, посвященныхъ его памяти, будутъ говоритья академическія рѣчи, «Kantstudien» также готовятъ выпустить увеличенный номеръ со статьями выдающихся авторовъ (Либмана, Виндельбанда, Рила, Паульсена, Кю-

немана и др.) Но было бы желательно отмѣтить этотъ день вполне достойно памяти великаго генія. «Kantstudien», начинающія къ этому времени свой IX томъ, отчасти выполняютъ эту задачу. Въдѣ не можетъ быть большей чести для философа, какъ имѣть собственный журналъ, распространяющій его идеи, разъясняющій его ученіе. «Kantstudien» приобрѣли себѣ друзей и въ Германіи и за границей. Однако абонентная плата еще не достигла такой степени, чтобы покрывать всѣ издержки по изданію. Было бы желательно не ставить журналъ въ положеніе случайности и зависимости отъ средствъ издателя или случайнаго жертвователя. Лучше всего для этой цѣли было бы имѣть постоянный капиталъ. Въ Англии и Америкѣ не рѣдкость встрѣтить подобнаго рода учрежденія. Послѣдніе годы изданіе требовало въ годъ добавки въ 500—600 марокъ. Издатель «Kantstudien» въ соглашеніи съ нѣкоторыми своими единомышленниками предлагаетъ основать *Общество имени Канта*.

Общество ставитъ своей ближайшей цѣлью поддержку «Kantstudien», а именно, привлеченіе выдающихся сотрудниковъ и вообще обезпеченіе возможности самостоятельной работы, — работъ на премію, специальныхъ изслѣдованій (диссертаций), учрежденіе стипендій молодымъ ученымъ кантіанскаго направленія и т. под. На заголовкѣ «Kantstudien» будетъ обозначено: «Издаваемое при поддержкѣ общества имени Канта». Взносы дѣлятся на разовые и годовые. Годичный взносъ составляетъ 20 марокъ. Лица, сдѣлавшія этотъ взносъ, считаются *годовыми членами*, получаютъ бесплатно «Kantstudien», ихъ фамиліи ежегодно печатаются въ «Kantstudien». Единовременные взносы поступаютъ на учрежденіе «Фонда имени Канта». Лица, внесшія 25 марокъ, считаются *постоянными членами* общества и пользуются правомъ голоса. Сдѣлавшіе единовременный взносъ въ 400 марокъ, получаютъ «Kantstudien» бесплатно въ продолженіе всей жизни. Фамиліи лицъ, сдѣлавшихъ единовременные взносы, также печатаются въ «Kantstudien». Взносы менѣе 25 марокъ считаются подарками и не даютъ права голоса въ общихъ собраніяхъ. Фондъ неприкосновененъ и только проценты съ него поступаютъ на удовлетвореніе названныхъ цѣлей. Фондъ находится въ завѣдываніи куратора Галльскаго университета. Распредѣленіемъ поступающихъ доходовъ завѣдуетъ редакція «Kantstudien», подлежащая въ этомъ отношеніи контролю постоянной комиссіи изъ трехъ чле-

новъ; постояннымъ членомъ комиссіи состоитъ кураторъ Галльскаго университета, два другіе члена выбираются общимъ собраніемъ, происходящимъ ежегодно 12 февраля, день смерти Канта, въ Галле. Первое общее собраніе состоится въ этомъ году 22-го апрѣля (день рожденія Канта.) Обзоръ занятій и задачъ разъ въ годъ будетъ печататься въ «Kantstudien». Если «Kantstudien» прекратятся, *Фондъ имени Канта* поступаетъ въ собственность Кенигсбергскаго университета съ тѣмъ, чтобы при неприкосновенности капитала, проценты съ него тратились на нужды изученія Кантовой философіи. Взносы просятъ присылать или Файгингеру или въ банкирскую контору Лемана (H. F. Lehmann in Halle. a. S.) Именной списокъ сдѣлавшихъ взносы будетъ напечатанъ въ выходящемъ къ 12 февраля 1904 г. торжественномъ номерѣ. Этотъ списокъ вмѣстѣ съ портретомъ Канта и его факсимиле, впервые воспроизведенномъ (рѣчь идетъ объ упомянутомъ силуэтѣ), будетъ разосланъ лицамъ, помѣченнымъ въ списокѣ. Отдѣльные оттиски этого номера будутъ напечатаны въ большомъ количествѣ для сдѣлавшихъ большіе единовременные взносы въ *Фондъ имени Канта*. Файгингеръ, посвятившій свои силы и время журналу, равно какъ понесшій и денежныя затраты, открываетъ собраніе, такъ какъ онъ самъ дѣлаетъ единовременный взносъ въ 300 марокъ.

Затѣмъ слѣдуетъ списокъ лицъ, сдѣлавшихъ единовременные взносы до 27 января т. г. въ общемъ на сумму 9.185 марокъ, и списокъ годовыхъ членовъ общества въ количествѣ 34. Возможно, что годичный взносъ впослѣдствіи будетъ пониженъ, когда *Фондъ* достигнетъ достаточной суммы для постоянного поддержанія «Kantstudien», для чего потребуется сумма около 15—20.000 марокъ.

Общее собраніе состоялось уже. Оно открылось рѣчью Бауха, редактора «Kantstudien», которому Файгингеръ передалъ теперь всю редакцію. Предсѣдателемъ общества избранъ Файгингеръ.

Г. Шпеттъ.

Новыя книги и брошюры, полученные въ редакціи.

А. Богдановъ. Изъ психологіи общества. Спб., 1904. Ст. 215. Ц. 80 к.

Его же. Эмпириомонизмъ. Статьи по философіи. Москва, 1904. Ст. 184. Ц. 80 к.

В. А. Богородицкій. Общій курсъ русской грамматики. Казань, 1904. Ст. 211.

Сергѣй Булгаковъ. Отъ марксизма къ идеализму. Спб., 1904. Ст. XXI+347. Ц. 1 р. 50 к.

Н. П. Дружининъ. Какъ должна вестись война. Москва, 1904. Ст. 6. Ц. 25 к.

Friedrich Jodl. Ludwig Feuerbach. Stuttgart, 1904. Ст. 135.

А. Ѳ. Кони. Ѳедоръ Петровичъ Гаазъ. Спб. 1904. Изд. А. Маркса. Ст. 184. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50.

А. Крымскій. Исторія мусульманства. Москва, 1904. Часть IIб. Ст. XXXVI+32×16. Ц. 75.

Hans Lindau. Philosophische Studien herausgegeben von Wilhelm Wundt. Namen—und Sachregister zu Band I—XX. Лейпцигъ, 1904. Ст. IV+171.

И. М. Любомудровъ. Введение въ философію Герберта Спенсера. Ковровъ, 1904. Ст. 45. Ц. 40 к.

Nuel. La vision. Paris 1904. Edit. O. Doin. Ст. 380. Ц. 4 Fr.

Отчетъ бібліотеки Общества взаимнаго вспомошествованія приказчиковъ-евреевъ г. Одессы. Одесса, 1904. Ст. 19.

Отчетъ Общества попеченія о дѣтяхъ народныхъ учителей и учительницъ въ Москвѣ. Съ 19 ноября 1902 г. по 31 декабря 1903 г. Ст. 23.

Проф. И. А. Сикорскій. Характеристика черной, желтой и бѣлой расъ въ связи съ вопросами русско-японской войны. Кіевъ, 1904. Ст. 12.

П. А. Соколовъ. Чтенія по педагогической психологіи. Екатеринославъ, 1904. Ст. XI+242. Ц. 1 р.

Труды Юридическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Т. I. Харьковъ, 1904. Ст. 270.

А. И. Фаресовъ. Противъ теченій. Н. С. Лѣсковъ. Его жизнь, сочиненія, полемика и воспоминанія о немъ. Съ рѣдкимъ портретомъ. Спб. 1904. Ст. 411. Ц. 1 р. 50.

Обзоръ журналовъ.

Revue philosophique. 1903 годъ. №№ 1—8.

D-r Sollier. «L'autoscopie interne».

Авторъ разсматриваетъ явленіе внутренняго зрѣнія, охватывающаго все внутреннее, недоступное обыкновенному зрѣнію устройство органовъ и обнаруживающагося особенно характернымъ образомъ въ гипнозѣ (загипнотизированный субъектъ не только сознаетъ измѣненія въ своемъ организмѣ, но и можетъ вызывать произвольныя сокращенія произвольныхъ, гладкихъ мускуловъ).

Матеріаль для даннаго изслѣдованія взятъ авторомъ изъ наблюденій надъ больными, преимущественно истеричками, находящимся въ состояніи гипноза. Во всѣхъ приводимыхъ случаяхъ одно и то же явленіе: истерія, т. е. расстройство мозга, заключается въ томъ, что тѣ или другіе мозговые центры засыпаютъ и одновременно съ этимъ—анестезія извѣстныхъ органовъ.

Моментомъ возникновенія внутренняго зрѣнія служитъ моментъ пробужденія мозга, вслѣдъ за которымъ возвращается чувствительность вмѣстѣ съ органической дѣятельностью.

Объектомъ внутренняго зрѣнія могутъ быть всѣ органы безъ исключенія.

Представленія, образующія внутреннее зрѣніе, не зрительныя, а ценестезическія, переводимыя уже субъектомъ на зрительныя.

Больные, страдающіе внутреннимъ зрѣніемъ, употребляютъ для описанія своихъ органовъ не техническіе термины, а описательныя выраженія (легкія — грозди винограда, печень и почки — губки и т. п.).

По степени ясности внутреннее зрѣніе бываетъ различно; встрѣчаются подробнѣйшія описанія больными своихъ внутреннихъ органовъ.

Исчезновеніе внутренняго зрѣнія такъ же внезапно, какъ и его появленіе.

Это безусловно реальное явленіе, со стороны больныхъ нѣтъ никакого обмана.

Объясненіе этого явленія—въ предполагаемомъ авторомъ соотвѣтствіи между органами и центрами коркового вещества мозга.

Явленія внутренняго и внѣшняго зрѣнія совершенно однородны.

Въ концѣ статьи авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1. Наши представленія связаны съ измѣненіями въ кортикальной дѣятельности. 2. Сознаніе связано не съ максимумомъ мозговой дѣятельности, а съ различными ея степенями. Полной безсознательности нѣтъ: она граничила бы со смертью органа или соотвѣтствующаго ему центра. 3. Внушеніе теряетъ весь свой престижъ: оно объясняется такимъ состояніемъ субъекта, въ которомъ ему становится доступнымъ внутреннее зрѣніе, а благодаря ему и воздѣйствіе на дѣятельность органа. Несамостоятельность явленія внушенія подтверждается тѣмъ, что внушенію поддается дѣятельность лишь извѣстныхъ органовъ, отправленія которыхъ у данныхъ субъектовъ ненормальны.

F. Paulhan. «Sur la mémoire affective (suite et fin)».

Воспоминаніе не есть точное воспроизведеніе дѣйствительности. Такъ, можетъ произойти эволюція чувствованія: въ воспоминаніи оно часто выигрываетъ въ интенсивности и ясности и составляетъ такимъ образомъ противоположность съ произведеннымъ представленіемъ, которое въ большинствѣ случаевъ есть лишь слабая копія оригинала. Такое, преобразованное, благодаря воздѣйствію другихъ элементовъ, чувствованіе дѣлается уже частью нашей духовной организаціи, элементомъ умственной жизни.

Но утилитарныя соображенія заставляютъ подчасъ хранить во всей неприкосновенности воспоминаніе того или другого чувствованія. Для того, чтобы получить эту неприкосновенность, надо прибѣгать исключительно къ механической ассоціаціи—по смежности.

Параллельно индивидуальной аффективной памяти должна быть отмѣчена социальная аффективная память.

Kozlowsky. «La psychogénèse de l'étendue» (окончаніе).

Протяженіе—первичная форма зрительнаго воспріятія; что ка-

сается третьяго измѣренія, оно приобрѣтается постепенно, при помощи движеній, какъ это видно изъ наблюденій надъ ново-рожденными и оперированными слѣпорожденными.

H. Piéron. «La rapidité des processus psychiques».

Авторъ этой небольшой замѣтки утверждаетъ, что быстрота ассоціаций, приписываемая извѣстнымъ состояніямъ (воздѣйствіе гашиша, сновидѣнія, предсмертная агонія), на самомъ дѣлѣ есть опредѣленное, независящее отъ этихъ состояній психологическое явленіе и объясняется механизмомъ ассоціаций: чѣмъ ярче центральное представленіе, тѣмъ больше привлекаетъ оно къ себѣ разнообразныхъ представленій, и тѣмъ быстрее смѣняются они другъ друга, при чемъ воображаемая быстрота въ смѣнѣ представленій превосходитъ реальную и варьируетъ въ зависимости отъ индивидуальности.

F. Raup. «Du role de la logique en morale».

Въ поведеніи должна быть такая же логика, какъ и въ мышленіи. Система морали или поведенія, какъ и научная система, нуждается въ провѣркѣ, но критеріемъ истины будетъ для нея согласіе не съ объективнымъ фактомъ, а съ извѣстнымъ моральнымъ опытомъ. Логичность не въ томъ, чтобы упрямо проводить въ жизни свое опредѣленное вѣрованіе, а въ томъ, чтобы не измѣнять ему изъ утилитарныхъ соображеній. Въ морали, какъ и въ наукѣ, основные принципы въ сущности лишь *средства*. Одинъ лишь опытъ, измѣняющійся, смотря по времени и мѣсту, можетъ опредѣлить выборъ между обязанностями, которыя съ одной стороны граничатъ съ неизмѣнными моральными категоріями, съ другой—съ частными и единичными моральными сужденіями.

A. Binet. «La pensée sans images».

Изъ опытовъ, произведенныхъ надъ двумя дѣвочками-подростками, Бинэ получилъ слѣдующія данныя: у нѣкоторыхъ субъектовъ, не лишенныхъ вообще способности къ образамъ, мысль не сопровождается образами, а если и сопровождается, то образы эти или совсѣмъ не отвѣчаютъ мысли, или же отвѣчаютъ одной какой-нибудь ея части. Отсюда Бинэ дѣлаетъ такой выводъ: образъ есть лишь маленькая частица того сложнаго явленія, которое зовется мыслью; образы наравнѣ съ словеснымъ выраженіемъ придаютъ мысли точность, но не играютъ первенствующаго значенія—она существуетъ и безъ нихъ.

G. Rageot. «Sur le seuil de la vie affective».

Основываясь на своихъ наблюденіяхъ изъ области дѣтской психологіи, авторъ приходитъ къ выводу, что эмоція есть явленіе поздняго порядка въ сравненіи съ ощущеніями, страданіемъ и т. п., и кромѣ того явленіе сложное, для возникновенія котораго еще недостаточно одной совокупности органическихъ ощущеній.

Le Dantec. «Instinct et servitude».

Посвящая свою статью изученію инстинкта, авторъ разсматриваетъ имѣющія тѣсное отношеніе къ инстинкту проявленія свободы, равенства и братства въ обществахъ животныхъ и человѣка.

Cantecor. «La philosophie nouvelle et la vie de l'esprit».

Критика такъ называемой Новой Философіи въ лицѣ г. Ле-Рюа — одного изъ умѣренныхъ ея представителей. По мнѣнію автора, центральный пунктъ этого ученія, діаметрально противоположнаго Кантовской теоріи познанія, т. е. теорія интуиціи, даетъ поводъ къ многимъ недоразумѣніямъ.

Истина все-таки остается за критицизмомъ, несмотря на мелкіе его недочеты.

Winiarsky. «Le principe du moindre effort».

Разсматривая принципъ наименьшаго усилія, какъ основной принципъ всей соціальной жизни, авторъ останавливается на анализѣ соціальной жизни, и заканчиваетъ свое изслѣдованіе критикой теоріи соціальной эволюціи.

C. Bos. «Contribution à l'étude des sentiments intellectuels»,

Обзоръ такъ называемыхъ интеллектуальныхъ чувствованій, т. е. чувствованій, связанныхъ съ логическими операціями.

То, что называется умственнымъ разстройствомъ, есть зачастую разстройство аффективнаго, а не умственного характера.

Чувствованіе кроется въ глубинѣ познанія и неотдѣлимо отъ него; въ этомъ комплексѣ первиченъ аффективный элементъ.

Въ прежней силѣ остается аксіома Локка, видоизмѣненная Гегелемъ: нѣтъ ничего въ разумѣ, что бы не прошло предвари-тельно черезъ чувство.

P. Rousseau. «La mémoire des rêves dans le rêve».

Описаніе явленія, состоящаго въ воспризнаніи во снѣ образовъ, служившихъ уже раньше предметомъ сновидѣній.

E. Durkheim et E. Fauconnet. «Sociologie et sciences sociales».

Соціологія есть не что иное, какъ система соціальныхъ наукъ. Это положеніе, измѣняющее и методъ, и организацію соціальныхъ наукъ, доказывается авторомъ при помощи послѣдовательнаго анализа соціологіи, начиная съ ея основателя Конта, въ концепціяхъ слѣдующихъ философовъ: Спенсера, Милля, Гиддингса и Зиммеля. Трудъ Шмоллера по политической экономіи, представляющей синтезъ самыхъ разнородныхъ изслѣдованій, нагляднымъ образомъ доказываетъ необходимость раздѣленія труда между различными, уже существующими въ наше время, соціальными дисциплинами.

Duprat. «La négation: étude de psychologie pathologique».

На основаніи наблюденій и ссылки на патологическіе случаи авторъ высказываетъ мысль, что отрицаніе не есть простой недостатокъ, отсутствіе вѣры или воли, а вполне самостоятельное, положительное явленіе.

B-on Ch. Mourre. «La volonté dans le rêve».

Авторъ разсматриваетъ сновидѣнія съ точки зрѣнія: 1) проявляемой въ нихъ психической активности, 2) съ точки зрѣнія воздѣйствія сновидѣній на состояніе бодрствованія и 3) со стороны непослѣдовательности въ сновидѣніяхъ.

A. Landry. «L'imitation dans les beaux-arts».

Говоря о подражаніи въ искусствѣ, авторъ имѣетъ въ виду живопись, скульптуру, драму.

Произведеніе искусства,—говоритъ онъ,—никогда не достигаетъ полной объективности вслѣдствіе избытка подробностей въ реальномъ предметѣ, ограниченности средствъ воспроизведенія и субъективности пониманія художника. Подражаніе въ искусствѣ не есть подражаніе отдѣльнымъ предметамъ, а общимъ типамъ. Относительно простыхъ объектовъ можно еще говорить о вѣрности изображенія, относительно же сложныхъ—о вѣрности композиціи, о правдѣ въ подражаніи. Эта правда есть прежде всего отсутствіе противорѣчій между частями.

Большая публика часто полагаетъ, что совершенство въ подражаніи и есть красота въ произведеніи искусства. Удивленіе, вызываемое въ насъ сходствомъ портрета съ оригиналомъ не есть эстетическое чувство. Въ составъ эстетическаго чувства входитъ эмоція, вызванная произведеніемъ искусства. При помощи подражанія искусство вызываетъ въ насъ тѣ же эмоціи, что и реальные объекты, но красота произведенія искусства

превосходитъ красоту реальныхъ образцовъ: художникъ выбираетъ для воспроизведенія наиболѣе характерныя черты оригинала, что и придаетъ произведенію искусства особый отпечатокъ. Кроме того, произведеніе искусства отличается большей гармоніей въ сравненіи съ образцомъ и отражаетъ въ себѣ субъективность художника. Невозможность для художника достигнуть точности въ подражаніи обуславливаетъ собой красоту произведенія искусства.

A. Schinz. «Esquisse d'une philosophie des conventions sociales».

Въ своемъ очеркѣ философіи социальныхъ условностей авторъ исходитъ изъ воззрѣній на жилье, пищу и одежду американскаго философа Торо, живущаго въ лѣсу отшельникомъ и, отмѣчая свое разногласіе съ приведенными взглядами, пытается изобразить причины, вызвавшія тѣ или другія социальныя условія въ примѣненіи къ тремъ указаннымъ пунктамъ.

E. Blum. «Le mouvement pédologique et pédagogique».

Обзоръ литературы по педологіи и педагогіи за послѣдніе годы.

D-r P. Bonnier. «Le sens du retour».

Запоминаніе пройденнаго пути, возвращеніе на прежнее мѣсто свойственны въ той или другой степени и людямъ, и животнымъ. Явленіе это объясняется различными гипотезами, между прочимъ—наличностью у насъ особаго органа чувства возвращенія или трехъ полукружныхъ каналовъ внутренняго уха, и должно быть отнесено къ разряду инстинктовъ.

Palante. «Une idole pédagogique: l'éducationisme».

Терминъ «éducationisme» примѣняется авторомъ къ тому направленію, которое вѣритъ въ непогрѣшимость и безграничную силу воспитанія, при чемъ воспитаніе берется не въ качествѣ случайно воспитательнаго воздѣйствія, оказываемаго социальной средой, а въ видѣ сознательной преднамѣренной системы воспитанія.

Теорія эта признаетъ за обществомъ право преобразовать по своему личность, сильно преувеличивая вліяніе воспитанія на развитіе и цѣнность личности. Стремленія этой теоріи рационалистичны и догматичны, связаны съ оптимизмомъ и клонятся къ тому, чтобы всѣхъ подогнать подъ одинъ шаблонъ. Уповая на исключительную силу разума, она забываетъ о многообразіи индиви-

дуальной чувствительности, оказывающей противодѣйствіе выставляемому социальной группой идеалу моральнаго и социальнаго единообразія.

Кантъ сдѣлалъ большую психологическую ошибку своей универсализаціей максимы. Немыслимо серьезно желать того, чтобы всѣ люди придерживались одной и той же моральной дисциплины. Интересы личности идутъ въ разрѣзъ съ интересами группы, и личности нечего сообразоваться ни съ господствующимъ социальноморальнымъ направлениемъ, ни съ собственнымъ поведениемъ, и если хочетъ человѣкъ сохранить свою свободу, пусть, по совѣту Ницше, остерегается какихъ бы то ни было учителей и не довѣряетъ современному кумиру—*éducationism*'у.

P. Regnaud. «*La Mythologie a-t-elle été un recul de l'esprit humain*»?

Въ краткой замѣткѣ авторъ, опираясь на изслѣдованіе объ языкѣ Макса Мюллера, высказываетъ мысль, что мифологическое заблужденіе было въ исторіи человѣчества необходимымъ шагомъ къ достиженію истины.

G. Rageot. «*Les formes simples de l'attention*».

Вниманіе есть явленіе сложное, обнимающее одно или цѣлый рядъ представленій въ связи съ движеніями и измѣненіями въ дыханіи и кровообращеніи, аффективными состояніями, чувствомъ усилія и утомленія. Та или другая теорія вниманія представляетъ одинъ изъ этихъ элементовъ какъ основное условіе всего цѣлаго.

Простое вниманіе есть состояніе, предваряющее воспріятіе.

Если сразу наступаетъ цѣльное воспріятіе, вниманіе тотчасъ же ослабѣваетъ; если же воспріятіе возникаетъ въ сознаніи постепенно, отдѣльными элементами, въ такомъ случаѣ и вниманіе движется толчками.

Интеллектуальный механизмъ вниманія во многомъ зависитъ отъ состоянія памяти и ея отношенія къ ощущенію. Отсюда особенности во вниманіи у ребенка, первобытнаго человѣка и человѣка развитого.

Итакъ, вниманіе, рассматриваемое интеллектуально, можетъ быть названо не народившимся еще воспріятіемъ. Интеллектуальный механизмъ вниманія осложняется мускульнымъ, эмоціональнымъ, волевымъ, имѣющими наряду съ психологической и физиологическую сторону.

Н. Piéron. «L'association médiate».

Посредствующая ассоціація есть несомнѣнный фактъ нашего сознания, хотя многіе психологи и отрицаютъ ея существованіе, отчасти слѣдуя тому предрасудку, будто ассоціація состоитъ изъ простыхъ элементовъ въ прямолинейной послѣдовательности, отчасти подчиняясь экспериментальнымъ недочетамъ. Въ дѣйствительности, посредствующая ассоціація вполне возможна въ тѣхъ случаяхъ, когда вторичный элементъ ассоціаціи всецѣло приковываетъ къ себѣ вниманіе нашего сознательнаго «я» въ ущербъ предшествующему элементу,—при непремѣнномъ однако условіи отсутствія въ нашемъ сознательномъ «я» экспериментальнаго анализа (направленнаго на ассоціацію).

М. Mauxion. «Les éléments et l'évolution de la moralité».

Нельзя отождествлять нравственность съ социальностью, но социологи совершенно правы, рассматривая нравственность, какъ естественное, эволюціонное явленіе. Отсюда выясняется этической методъ, главная задача котораго обособить нравственность отъ другихъ явленій, особенно отъ социальной организаціи для опредѣленія происхожденія и генезиса означеннаго явленія, для опредѣленія моральнаго идеала, идеи добра въ исторіи человѣчества въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время. Анализъ моральнаго идеала обнаруживаетъ въ немъ три разныхъ элемента: эстетическій, рационалистическій или логическій, симпатическій или альтруистическій.

Поэтому эволюцію идеи добра можно замѣнить эволюціей указанныхъ элементовъ.

Предметомъ восхищенія первобытныхъ народовъ служатъ сначала физическія качества, мѣсто которыхъ впоследствии заступаютъ храбрость, хитрость, а затѣмъ — осторожность, благоразуміе, умѣренность, позже — могущество, и наконецъ — полное отреченіе отъ всего земнаго въ браманизмѣ.

Въ Греціи мудрецы смѣняютъ героевъ и уступаютъ мѣсто философамъ. Въ своей эволюціи эстетико-моральный идеаль претрпѣваетъ нѣсколько отклоненій въ сторону.

Эволюція эстетическаго элемента подготавливаетъ и поясняетъ подчиненную ей эволюцію логическаго элемента. Такъ, идея справедливости, только что народившись, уже сообразуется съ эстетико-моральнымъ идеаломъ: справедливость требуетъ, чтобы земныя блага были распределены сообразно могуществу, мудрости,

храбрости и т. д., т.-е. сообразно эстетико-моральной цѣнности личности. То же требованіе предъявляется и къ будущей жизни—къ благамъ небеснымъ. Только христіанство со своимъ идеаломъ нищеты и смиренія разрушаетъ установившійся порядокъ, опять-таки выдвигая эстетико-моральный идеаль. Отъ начала до конца эволюціи господствуетъ все та же идея пропорціональности. Черезъ такую же эволюцію прошла и идея равенства.

Симпатическій элементъ развивается отдѣльно отъ эстетическаго, но не вполне независимо отъ него. Корень симпатіи въ привычкѣ и инстинктѣ раздражительности. Интенсивность пассивной симпатіи зависитъ отъ фізіологической организаціи. Что же касается активной симпатіи, то ея эволюція не всегда согласуется съ эволюціей пассивной симпатіи. Развитію чувствъ взаимныхъ симпатій и благожелательства способствовала солидарность во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но истинной школой симпатіи должна считаться семья, на помощь которой приходитъ аскетизмъ, сначала буддійскій, и, наконецъ, христіанскій, провозглашавшій заповѣди безграничнаго милосердія и любви.

Эволюціонный характеръ нравственности нисколько не умаляетъ ея значенія. Напротивъ, генезисъ нравственности раскрываетъ многія заблужденія соціологической школы.

D-r Ulrich. «Phénomènes de synesthésie chez un épileptique».

Въ результатъ наблюденій, произведенныхъ надъ однимъ эпилептикомъ, получились слѣдующія данныя: 1) слуховое возбужденіе вызываетъ въ немъ окрашенное зрительное ощущеніе, затѣмъ—вкусное и термическое.

- 2) Воспріятіе болей—вкусное и термическое ощущенія.
- 3) Зрительное образное воспріятіе сопровождается зрительнымъ окрашеннымъ и вкусомъ ощущеніями.
- 4) Вкусное—вызываетъ зрительное окрашенное ощущеніе.
- 5) Термическое—тоже зрительное окрашенное и вкусомъ.
- 6) Ощущеніе укола и головная боль вызываютъ вкусное ощущеніе и зрительное окрашенное, а зубная боль—только вкусомъ.
- 7) Нѣкоторыя изъ перечисленныхъ синестезій взаимны.

В. Волковичъ и З. Столица.

Rivista filosofica май—декабрь 1903.

Zuccante. *Женщина въ философіи Платона.*

Въ государствѣ Платона женщина является совѣмъ въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ въ философіи Сократа: Платонъ отрицаетъ семью и, сохраняя бракъ только по имени, подъ этимъ словомъ разумѣетъ нѣчто совершенно ему противоположное, потому что женщину онъ признаетъ общественною собственностью. Въ одномъ только Платонъ соглашается съ Сократомъ и, пожалуй, даже превосходитъ его: оба проповѣдуютъ равенство двухъ половъ, но Платонъ, въ противность Сократу, не хочетъ обратить вниманіе на особенности каждаго пола и, напримѣръ, гимнастику и музыку признаетъ необходимыми для женщинъ совершенно въ той же степени, въ какой онѣ преподаются самымъ лучшимъ изъ мужчинъ (классу правителей). Слишкомъ большое увлеченіе Платона этими идеями коммуны и полного равенства половъ осмѣяно Аристофаномъ въ комедіи «Женщины въ народномъ собраніи». Подъ влияніемъ отчасти этой насмѣшки, а отчасти—собственныхъ размышленій Платонъ въ послѣдствіи, въ Законахъ, нѣсколько измѣнилъ свой идеаль. Правда, и здѣсь Платонъ признаетъ необходимымъ воспитаніе женщины совершенно наравнѣ съ мужчиною, но онъ соглашается, что воинственныя добродѣтели ея могутъ имѣть приложеніе только въ рѣдкихъ случаяхъ столкновенія съ врагами, а въ обыкновенное время гораздо важнѣе добродѣтели супружескія и материнскія, ибо теперь женщина — уже не общественная собственность, а представительница семьи и воспитательница дѣтей. Въ связи съ этимъ и бракъ понимается въ Законахъ гораздо возвышеннѣе, чѣмъ въ Государствѣ, и внѣсемейная любовь подвергается строгому осужденію.

Chiappelli. *Теоретическое значеніе исторіи философіи.*

Faggi. *Философія, исторія, искусство.*

Обѣ статьи посвящены, собственно говоря, одному и тому же вопросу о значеніи исторіи философіи. Faggi предпосылаетъ этому вопросу сѣтованія на малое распространеніе въ Италіи интереса къ философіи и указываетъ на усиленіе философскаго элемента въ народномъ образованіи и на созданіе чисто итальянскаго философскаго языка, какъ на единственныя средства, которыми можно поднять интересъ къ національной философіи. Что касается исторіи философіи, то оба автора полагаютъ, что

она есть совершенно особая отъ философіи наука, имѣющая свой особый предметъ — изученіе развитія философскихъ идей и ихъ взаимныхъ отношеній. Поэтому Faggi, для пониманія философіи, считаетъ одинаково необходимымъ изученіе и исторіи философіи, и исторіи наукъ, хотя и не отрицаетъ за ними обѣими нѣсколько эстетическаго характера, т.-е. отсутствія полнаго безпристрастія при характеристикѣ философовъ и ученыхъ и ихъ системъ.

Bottero. *„Октавій“ Минуція Феликса и его отношеніе къ классической культурѣ.*

Минуцій Феликсъ принадлежитъ къ тѣмъ апологетамъ христіанства, которые не только не враждовали противъ языческой культуры, но даже ставили христіанство въ тѣснѣйшую связь съ язычествомъ. Въ діалогѣ «Октавій», посвященномъ апологіи христіанства, эта связь выражается въ слѣдующемъ: Во-первыхъ помимо внѣшняго сходства съ діалогами Цицерона, на примѣръ, въ обстановкѣ или въ положеніи дѣйствующихъ лицъ, авторъ нерѣдко высказываетъ мысли древнихъ философовъ, чаще всего Сенеки или Цицерона, съ которыми нѣкоторыя мѣста «Октавія» сходны чуть не буквально. Во-вторыхъ, еще болѣе существенно отраженіе римско-языческихъ взглядовъ въ самомъ содержаніи діалога. Содержаніе «Октавія» распадается на двѣ части: въ первой язычникъ Цецилій нападаетъ на христіанство за отрицаніе имъ самыхъ основныхъ идей власти и силы, которыми создано могущество Рима, а во второй Октавій оправдываетъ христіанство отъ взводимыхъ на него обвиненій. Обѣ части одинаково проникнуты любовью и почтеніемъ къ языческому міру и, главнымъ образомъ, къ Риму; но во второй части еще сильнѣе сознаніе того, что христіанство не противорѣчитъ римской цивилизации, что, въ сущности, весьма многое, что кажется присущимъ только христіанству, можетъ быть найдено и въ язычествѣ, только тамъ оно извращено и помрачено суевѣріемъ. На примѣръ, ученіе о единствѣ божества, о богочеловѣчествѣ, о концѣ міра — все это Октавій находитъ въ язычествѣ; а ученіе о добродѣтели изложено, пожалуй, даже ближе къ философіи Сенеки, нежели къ словамъ Іисуса Христа. Однимъ словомъ, христіанство не только не отрицаетъ язычества, но пользуется его плодами и засѣваетъ новыя сѣмена на старой нивѣ, которая даетъ свои соки новымъ растеніямъ.

Vidari. *Современное пониманіе жизни и задачи нравственной философіи.*

Авторъ отмѣчаетъ четыре основныхъ мѣропониманія въ современномъ обществѣ. Аскетическое отношеніе къ жизни, представителемъ котораго онъ считаетъ Толстого, выражается въ отрицаніи всей такъ называемой культурной жизни и въ призывѣ къ развитію индивидуальности путемъ введенія въ жизнь христіанской любви. Эстетическое міропониманіе яснѣе всего выражается въ философіи Ницше: это — преклоненіе передъ силой и красотой выдающейся человѣческой индивидуальности, передъ которою должно пасть во прахъ все остальное человѣчество. Третье, либеристическое пониманіе жизни (*concezione liberistica*), имѣетъ своего высшаго представителя въ Кантѣ и отражается особенно сильно въ его ученіи объ автономности человѣческаго разума. Всѣ эти три системы, при всемъ различіи, имѣютъ одинаково индивидуалистическій характеръ: онѣ ставятъ человѣческую личность на первое мѣсто и отъ нея ждутъ всѣхъ возможныхъ измѣненій въ устройствѣ человѣческаго общества. Въ этомъ отношеніи всѣмъ имъ противоположно четвертое міропониманіе — солидаристическое — представители котораго, начиная съ Маркса, провозглашаютъ необходимость полнѣйшей солидарности между членами человѣческаго общества для достиженія какого бы то ни было прогресса. Задача нравственной философіи заключается въ примиреніи этихъ основныхъ точекъ зрѣнія — индивидуалистической и общественной, — потому что, для пониманія философіи во всемъ ея объемѣ необходимо слѣдить за ходомъ нравственнаго развитія не только во всемъ человѣчествѣ, но и въ единичномъ человѣческомъ сознаніи.

Rigoni. *Психологическія замѣчанія по поводу книги Villa. La Psicologia contemporanea.* Во-первыхъ, Rigoni не согласенъ съ мнѣніемъ Вундта (котораго держится Villa), что сознаніе есть только комплексъ психическихъ процессовъ; по его мнѣнію, необходимо предполагать нѣкоторое объединительное начало — душу или «я», къ которому мы могли бы относить эти процессы. Во-вторыхъ, Rigoni не признаетъ возможности существованія въ ощущеніи чего-нибудь такого, чего не было бы въ сознаніи: внѣ границъ впечатлѣнія нѣтъ ощущеній, а то, что производитъ впечатлѣніе, непременно является и объектомъ сознанія.

Ferro. *Теорія параллелизма и теорія физическаго вліянія.*

Теорія параллелизма духовныхъ и физическихъ явленій есть естественное слѣдствіе невозможности найти связь между этими двумя группами явленій и наблюдать переходъ отъ одной къ другой. А если нельзя указать перехода отъ физическаго міра къ духовному, то нельзя и положить между ними рѣзкой границы, и приходится признать одушевленность всего міра. Если же мы не всегда замѣчаемъ эту одушевленность и склонны скорѣе признавать природу неодушевленную, то это потому, что мы смѣшиваемъ одушевленность съ сознательностью; а между тѣмъ жизнь душевная далеко не всегда сознательна. Такимъ образомъ, теорія параллелизма приводитъ къ признанію безсознательнаго, къ чему склоняются и многіе современные психологи, особенно Шопенгауэръ, Паульсенъ и Вундтъ, которые первое мѣсто въ душевной жизни отводятъ не представленіямъ, а волѣ, слѣдовательно, безсознательному. Съ своей стороны, эта психологія безсознательнаго много помогаетъ найти исходъ изъ теоріи параллелизма, ибо признаніе волевыхъ процессовъ основнымъ явленіемъ духовной жизни уничтожаетъ непреходимую пропасть между существами мыслящими и чувствующими, которыя одинаково надѣлены волею. Другая теорія—теорія физическаго вліянія—за то никакъ не можетъ перейти эту пропасть, ибо происхожденіе душевныхъ явленій нельзя объяснить ни механическимъ характеромъ всѣхъ силъ природы, ни движеніемъ атомовъ или закономъ сохраненія энергіи, ни вообще подчиненіемъ психологіи законамъ физиологіи мозга.

Bonatelli. *Психологическія категоріи.*

Авторъ возражаетъ противъ стремленія современной психологіи свести психологическія категоріи къ тремъ, двумъ или даже къ одной группѣ душевныхъ явленій; онъ доказываетъ необходимость признать рѣзкую границу между явленіями разнаго порядка и распредѣлить ихъ ни болѣе, ни менѣе какъ по пяти слѣдующимъ категоріямъ: сознаніе, чувствительность, чувство, аппетитъ и воля.

Nazzari. *Геній въ изображеніи психіатровъ и антропологовъ.*

Разсматривая сочиненія Рише, Низбета, Ронкорони и другихъ послѣдователей Ломброзо, авторъ во всѣхъ находитъ двѣ главныхъ ошибки. Первая заключается въ стремленіи свести геніальность къ болѣзни, къ физическому вырожденію и установить строгую параллельность между возвышеніемъ умственнаго разви-

тія и одновременнымъ ослабленіемъ физической жизни. Вторая, еще болѣе рельефная ошибка—та, что послѣдователи Ломброзо указываютъ весьма точно главныя физическія и духовныя свойства гениальныхъ людей; а между тѣмъ, говоритъ авторъ, невозможно установить какой бы то ни было законъ, и какой бы признакъ мы ни разсматривали, всегда окажется, что онъ присутствуетъ у разныхъ гениальныхъ людей въ весьма различной степени. Въ концѣ статьи приводятся мнѣнія Мебіуса, Гирша и Флексига, которые болѣе всего склонны считать генія продуктомъ постепеннаго накопленія культурнаго развитія или, самое большее, допустить, что геній стоитъ на границѣ между полнымъ здоровьемъ и болѣзню; но никто изъ названныхъ сейчасъ ученыхъ не соглашается признать генія продуктомъ вырожденія.

Н. К. Вальденбергъ.

Московское Психологическое Общество.

ССХV. Протоколъ соединеннаго засѣданія Московскаго Психологическаго Общества и Общества Невропатологовъ и Психіатровъ, состоящаго при Московскомъ Университетѣ.
28-го февраля 1904 г.

Засѣданіе было открыто въ библіотечной залѣ университета предсѣдателемъ Общества Невропатологовъ и Психіатровъ В. К. Ротомъ въ 8¹/₂ час. вечера. Присутствовали члены Обществъ: Н. А. Абрикосовъ, П. В. Безобразовъ, А. С. Бѣлкинъ, В. В. Воробьевъ, П. Б. Ганнушкинъ, С. И. Кирильцевъ, А. А. Корниловъ, М. И. Молчановъ, Л. С. Миноръ, Н. П. Постовскій, П. А. Преображенскій, Г. И. Россолимо, Э. А. Савей-Могиловичъ, В. П. Сербскій, Э. А. Усольцевъ и приглашенный въ засѣданіе директоръ Рукавишниковскаго пріюта А. А. Фидлеръ. Секретарями были С. А. Сухановъ и А. Н. Бернштейнъ.

Въ засѣданіи происходило слѣдующее:

1. Секретарь Соединенной комиссіи, избранной для обсужденія вопросовъ, представленныхъ на разсмотрѣніе Обществъ Постояннымъ бюро Съѣздовъ русскихъ исправительныхъ заведеній, А. С. Бѣлкинъ прочелъ докладъ комиссіи, утвержденный собраніемъ съ незначительными измѣненіями редакціоннаго характера; послѣ оживленныхъ преній, въ которыхъ участвовали: А. С. Бѣлкинъ, А. Н. Бернштейнъ, А. А. Корниловъ, Н. П. Постовскій, А. А. Фидлеръ, Г. И. Россолимо, В. В. Воробьевъ, В. П. Сербскій, В. К. Ротъ и Л. М. Лопатинъ, постановлено: 1) сообщить докладъ Комиссіи Постоянному Бюро отъ каждаго изъ Обществъ отдѣльно; 2) напечатать его въ «Журналъ имени С. С. Корсакова» и въ приложеніи къ протоколамъ Психологическаго Общества; 3) выразить благодарность за понесенный

трудъ А. А. Фидлеру, секретарю Комиссии А. С. Бѣлкину и всѣмъ членамъ ея.

2. Подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина была выслушана рѣчь д. чл. Г. И. Россолимо о нѣкоторыхъ обязанностяхъ Общества по отношенію къ юношеству, имѣвшая цѣлью предложить обоимъ Обществамъ заняться совмѣстно обсужденіемъ вопроса о добрачной половой жизни и смежныхъ съ нимъ вопросовъ медицинскаго и моральнаго характера. Послѣ живого обмѣна мнѣній, собраніе просило Г. И. Россолимо подготовить мотивированный докладъ къ Соединенному засѣданію, которое будетъ специально организовано для этой цѣли.

Засѣданіе закрыто въ 10¹/₂ часовъ.

ДОКЛАДЪ СОЕДИНЕННОЙ КОМИССИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА И ОБЩЕСТВА НЕВРОПАТОЛОГОВЪ И ПСИХІАТРОВЪ ПО ВОПРОСАМЪ, ПРЕДСТАВЛЕННЫМЪ НА ИХЪ РАЗРЪШЕНІЕ ПОСТОЯННЫМЪ БЮРО СЪЪЗДОВЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКИХЪ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, ПРИНЯТЫЙ ВЪ СОЕДИНЕННОМЪ ЗАСЪДАНІИ ОБОИХЪ ОБЩЕСТВЪ 28 февраля 1904 года.

Постоянное бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній обратилось въ Московское Психологическое общество и въ Московское общество невропатологовъ и психіатровъ съ отношеніемъ отъ 8-го ноября 1903 г., въ которомъ просило эти общества оказать свое содѣйствіе работѣ Бюро посредствомъ разсмотрѣнія слѣдующихъ вопросовъ, поставленныхъ на V съѣздѣ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній въ 1900 г., а именно:

1) объ организаціи въ воспитательно-исправительныхъ заведеніяхъ медико-педагогическаго надзора за воспитанниками и психіатрическомъ обслѣдованіи поступающихъ въ эти заведенія малолѣтнихъ;

2) о составленіи особаго опроснаго листка для указанного медико-педагогическаго надзора, по которому этотъ надзоръ могъ бы осуществляться воспитателями воспитательно-исправительныхъ заведеній;

3) о желательности составленія популярнаго руководства по психіатріи, пригоднаго для директоровъ и педагоговъ.

4) о листкѣ для собиранія свѣдѣній о содержащихся воспитанникахъ въ исправительныхъ заведеніяхъ.

Къ отношенію бюро были присоединены: 1) копія съ заключеній совѣщанія гг. директоровъ исправительныхъ

заведеній по указаннымъ вопросамъ; 2) проектъ листка для собиранія свѣдѣній о воспитанникахъ.

Для разсмотрѣнія предложенныхъ Бюро вопросовъ Психологическое общество и Общество невропатологовъ и психіатровъ избрали каждое по комиссіи. Въ составъ комиссіи Психологическаго общества вошли слѣдующія лица: А. Н. Бернштейнъ, А. С. Бѣлкинъ, В. В. Воробьевъ, Г. И. Россолимо, В. П. Сербскій и С. А. Сухановъ. Общество невропатологовъ и психіатровъ избрало въ свою комиссію: Н. Н. Баженова, А. Н. Бернштейна, В. В. Вейденгаммера, В. В. Воробьева, И. Д. Жданова, А. А. Корнилова, Н. П. Постовскаго, Г. И. Россолимо, В. И. Семидалова, В. П. Сербскаго, П. П. Стрѣльцова, С. А. Суханова и В. И. Яковенко. Въ виду того, что нѣкоторые изъ этихъ лицъ вошли въ составъ обѣихъ комиссій, было рѣшено образовать одну соединенную комиссію отъ обоихъ обществъ. Въ засѣданія Соединенной комиссіи былъ приглашаемъ также директоръ Рукавишниковскаго исправительнаго пріюта А. А. Фидлеръ, который много помогъ Комиссіи въ ея работѣ тѣми разъясненіями и указаніями, которыя онъ давалъ по разнымъ вопросамъ.

Предсѣдателемъ Соединенной Комиссіи былъ избранъ В. П. Сербскій, секретаремъ А. С. Бѣлкинъ.

Засѣданія происходили въ Психіатрической клиникѣ.

Всего засѣданій Соединенная комиссія имѣла шесть: 17 и 22 декабря 1903 г.; 9 и 30 января и 13 и 18 февраля 1904 г.

Подвергнувъ обсужденію вышеуказанные вопросы, предложенные Постояннымъ бюро съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній, Соединенная комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

I. По вопросу объ организациіи медико-педагогическаго надзора въ исправительныхъ заведеніяхъ, а также о психіатрическомъ обслѣдованіи поступающихъ въ эти заведенія малолѣтнихъ Комиссія признала, что для правильнаго веденія дѣла воспитанія въ исправительныхъ заведеніяхъ

рѣшительно необходимо участие врача-психіатра: *во-первыхъ*, такъ какъ въ такія заведенія, при настоящей ихъ постановкѣ, какъ показываетъ опытъ, нерѣдко поступаютъ малолѣтніе съ тѣми или другими уклоненіями отъ нормальной психической дѣятельности и даже страдающіе несомнѣннымъ душевнымъ разстройствомъ, а потому нуждающіеся въ постоянномъ медицинскомъ надзорѣ за собой; *во-вторыхъ*, такъ какъ врачъ-психіатръ можетъ оказать большую пользу своимъ совѣтомъ вообще въ веденіи воспитательнаго дѣла въ исправительномъ заведеніи.

Что касается организациі психіатрическаго надзора за воспитываемыми въ исправительныхъ заведеніяхъ, то Комиссія признала необходимымъ слѣдующее:

1) Врачъ-психіатръ при исправительномъ заведеніи долженъ производить предварительное психіатрическое обслѣдованіе поступающихъ въ это заведеніе съ цѣлью выясненія того, не окажутся ли у нѣкоторыхъ изъ нихъ явные признаки душевнаго разстройства или предрасположенія къ нему.

2) Онъ долженъ имѣть особое наблюденіе надъ явно ненормальными воспитанниками исправительнаго заведенія.

3) Онъ долженъ принимать участие въ медико-педагогическомъ надзорѣ за всѣми вообще содержащимися въ исправительномъ заведеніи и состоять постояннымъ членомъ педагогической конференціи.

Подвергнувъ далѣе обсужденію заключенія совѣщанія директоровъ исправительныхъ заведеній, *во-первыхъ*, о томъ, „что доколѣ не будетъ при заведеніяхъ постоянныхъ врачей-психіатровъ, слѣдуетъ употреблять всѣ средства, дабы поступающіе въ заведеніе подлежали по возможности точному изслѣдованію въ психіатрическомъ и медицинскомъ отношеніи въ отдѣльныхъ помѣщеніяхъ заведенія или даже въ ближайшихъ больницахъ“; *во-вторыхъ*, о томъ, „что врачъ-психіатръ можетъ съ полнымъ успѣхомъ для дѣла вѣдать всею медицинско-санитарною частью въ заведеніи“, Комиссія признала, что для психіатрическаго обслѣдованія посту-

пающихъ въ исправительныя заведенія нѣтъ необходимости имѣть отдѣльное помѣщеніе, со вторымъ же заключеніемъ совѣщанія директоровъ Комиссія вполне согласилась.

II. По вопросу „о составленіи особаго опроснаго листа для медико-педагогическаго надзора за воспитанниками исправительныхъ заведеній, по которому этотъ надзоръ могъ бы осуществляться воспитателями воспитательно-исправительныхъ заведеній“, въ виду объясненія, даннаго А. А. Фидлеромъ, что въ этомъ случаѣ разумѣется такой опросный листъ, по которому врачъ-психіатръ, получивъ его изъ исправительнаго заведенія, могъ бы судить безъ личнаго изслѣдованія о состояніи психическаго здоровья воспитанника, Комиссія высказалась отрицательно, такъ какъ для постояннаго врача-психіатра при исправительномъ заведеніи такой листъ не является необходимымъ, а при неимѣніи постояннаго врача-психіатра онъ не можетъ достигать цѣли, потому что не можетъ правильно заполняться неспеціалистомъ.

III. По вопросу о составленіи популярнаго руководства по психіатріи, пригоднаго для директоровъ и воспитателей исправительныхъ заведеній, Комиссія высказалась, что составленіе такого руководства желательно и вполне возможно.

IV. По вопросу о листѣ для собиранія свѣдѣній о содержащихся воспитанникахъ въ исправительныхъ заведеніяхъ Комиссія признала:

1. что введеніе такого листа необходимо.

2. что цѣли, которыя могутъ быть достигнуты введеніемъ такого листа, слѣдующія: а) удовлетвореніе практической потребности болѣе систематическаго изученія личности воспитанниковъ, при чемъ такой листъ можетъ служить руководствомъ для веденія кондуитныхъ списковъ; б) такого рода листы, правильно періодически заполняемые, могутъ давать понятіе о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя происходятъ въ личности воспитываемаго; в) эти листы могутъ также давать понятіе объ общемъ состояніи и ходѣ дѣла

воспитанія въ исправительномъ заведеніи; г) наконецъ, собранныя посредствомъ этихъ листовъ свѣдѣнія могутъ дать очень цѣнный матеріалъ для научной разработки.

3. что, кромѣ опроснаго листа, необходимъ отдѣльный подробный анамнестическій листокъ (такіе листки, по объясненію А. А. Фидлера, составляются во всѣхъ исправительныхъ заведеніяхъ).

4. что опросный листъ долженъ быть составленъ и заполняться слѣдующимъ образомъ: а) онъ долженъ включать въ себѣ, помимо чисто педагогической, также и медицинскую характеристику воспитываемаго, изъ которыхъ вторая должна представлять собою общій заключительный выводъ состоящаго при исправительномъ заведеніи врача-психіатра относительно состоянія физическаго и психическаго здоровья воспитываемаго; б) остальная, главная часть опроснаго листа должна носить медико-педагогическій характеръ, при чемъ всѣ вопросы, входящіе въ нее, должны быть таковы, чтобы отвѣтъ на нихъ не требовалъ спеціальныхъ медицинскихъ знаній, заполняться же опросный листъ долженъ при совмѣстномъ участіи воспитателей и врача; в) постоянный врачъ-психіатръ, находящійся при исправительномъ заведеніи, долженъ дополнять полученную посредствомъ опроснаго листа характеристику воспитываемаго своими наблюденіями и соображеніями.

Опросный листъ, доставленный Бюро, былъ признанъ Комиссіей составленнымъ недостаточно систематично. Переработку его, а также дополненіе новыми вопросами, взяли на себя В. В. Воробьевъ, Н. П. Постовскій и Г. И. Россолимо, образовавшіе подкомиссію, которая имѣла четыре засѣданія. Переработанный ими опросный листъ былъ подробно рассмотрѣнъ Комиссіей въ двухъ ея засѣданіяхъ, при чемъ онъ получилъ слѣдующій окончательный видъ.

Листъ для изслѣдованія воспитанника.

I.

Данныя антропологическаго изслѣдованія.

II.

Физическое здоровье.

III.

Психическое здоровье.

IV.

Характеристика личности воспитываемаго.

Интеллектъ.

1. Правильно ли развивается умственно, т.-е. соответственно ли своему возрасту? Развитие своевременное, р. преждевременное, р. запоздалое.

2. Запоминаетъ — особенно хорошо, удовлетворительно, плохо: молитвы, стихи, прозу, числа, дни, хронологию, лица, мѣста, рисунки, чертежи, имена, слова, музыкальные мотивы, техническія указанія, порученія, правила, предписанія. Запоминаетъ быстро или медленно?

3. Прочно ли удерживаетъ въ памяти (забывчивость, непрочность памяти)?

4. Не ошибается ли при воспоминаніи?

5. Соображаетъ быстро или медленно, хорошо, плохо, понятливъ, малопонятливъ? (усвоиваетъ — хорошо, плохо — читанное и преподаваемое?)

Хорошо ли излагаетъ устно и письменно свои мысли?

6. Проявляетъ ли наблюдательность, изобрѣтательность, творчество, практическую смѣтливость?

7. Не проявляетъ ли стремленія къ резонерству?

8. Не проявляетъ ли — а) неправильности мышленія (нелогичность, непослѣдовательность, поверхностность разсужденія и т. п.)? б) умственной односторонности?

9. Не проявляет ли суевѣрія или какихъ-нибудь странныхъ мыслей?

10. Фантазія: а) Не проявляет ли творческой фантазіи? б) Не вносит ли своихъ дополненій въ рассказы о видѣнномъ? Не сочиняет ли небылицъ? в) Не склоненъ ли принимать вымыслы за дѣйствительность?

11. Каково его вниманіе: а) Разсѣянъ ли и легко ли отвлекается? б) Может ли сосредоточивать вниманіе и чѣмъ именно (путемъ ли привлекательности предмета или путемъ воли)? в) Быстро ли утомляется вниманіе?

12. Оказывает ли успѣхи въ школьныхъ предметахъ?

13. Общая оцѣнка интеллектуальныхъ способностей: среднія способности, выше среднихъ, ниже среднихъ?

14. Не замѣчается ли преобладанія памяти, воображенія или разсудка?

Чувство.

15. Каково душевное настроеніе: а) Довольное или недовольное? б) Добродушное или раздражительное? в) Общительное? г) Нѣтъ ли стремленія къ одиночеству, замкнутости, нелюдимости? д) Веселое или грустное? е) Бодрое или подавленное? ж) Измѣнчивое (смѣна настроеній медленная, скорая, внезапная)?

16. Склоненъ ли къ душевнымъ волненіямъ (аффектамъ)? а) Въ чемъ проявляются эти аффекты: (пугливъ, трусливъ, тоскливъ, вспыльчивъ, злобенъ, восторженъ и пр.) и какіе встрѣчаются чаще? б) Достигают ли эти аффекты степени умоизступленія?

17. Не обнаруживает ли немотивированныхъ страховъ—темноты, грозы, безвредныхъ животныхъ, насѣкомыхъ и т. п.? Не обнаруживает ли немотивированныхъ симпатій и антипатій?

18. Религіозное чувство: а) Охотно ли молится и посѣщаетъ церковныя службы? б) Какъ относится къ исповѣди и таинству причащенія (съ благоговѣніемъ или равнодушно)? в) Не замѣчается ли чрезмѣрной религіозности, длитель-

ныхъ молитвъ, аскетизма, стремленія въ монастырь? г) Не замѣтно ли религіознаго ханжества? д) Любить ли читать священныя книги?

19. Нравственныя чувства: а) Любить ли родныхъ? б) Обнаруживаетъ ли привязанность къ воспитателямъ и товарищамъ? в) Развито ли чувство товарищества? Не замѣчается ли наклонности къ ябедѣ, доносу? г) Проявляетъ ли доброе отношеніе къ приюту? д) Воспріимчивъ ли и памятливъ ли къ доброму воздѣйствію? е) Обнаруживаетъ ли любовь къ животнымъ? ж) Совѣстливъ? з) Справедливъ? и) Честенъ? і) Откровененъ? к) Правдивъ или лживъ (лицемѣріе, притворство, обманъ)? л) Хитеръ? м) Лъстивъ? Не любить ли подслуживаться къ начальству? н) Не хвастливъ ли и не любить ли рисоваться? Не замѣчается ли самомнѣнія? о) Недовѣрчивъ? п) Не упрямъ ли и не склоненъ ли къ противорѣчію? р) Своенравенъ? с) Завистливъ? т) Озорникъ? у) Вѣжливъ? ф) Нахаленъ? х) Сварливъ? ц) Грубъ? ч) Не золь и не жестокъ ли? Не обнаруживаетъ ли жестокости къ животнымъ и склонности мучить ихъ изъ-за удовольствія? щ) Развито ли чувство собственнаго достоинства? щ) Обидчивъ? ъ) Злопамятенъ? Мстителенъ? ы) Насмѣшливъ? ь) Мягокъ, деликатенъ? Не преувеличенно ли чувствителенъ? ъ) Стыдливъ? Застѣнчивъ? э) Каково отношеніе къ собственности? Насколько проявляются чувство выгоды, чувство самосохраненія, забота о тѣлесномъ и душевномъ покоѣ? ю) Не жаденъ ли? Не скупъ ли? Бережливъ ли? Не расточителенъ ли? я) Каково чувство долга—отношеніе къ своимъ обязанностямъ: равнодушное, ревностное?

20. Эстетическое чувство: а) Есть ли стремленіе къ франтовству или, наоборотъ, чрезмѣрное равнодушіе къ одеждѣ? б) Чувство чистоплотности: не проявляетъ ли неряшливости и нечистоплотности? в) Есть ли способность и любовь къ музыкѣ, рисованію и живописи, сценическому искусству, поэзіи и изящной литературѣ?

21. Низшія чувства: а) Не замѣчается ли прожорливости?

Нѣтъ ли любви къ лакомству? б) Развито ли половое чувство, въ чемъ оно выражается и нѣтъ ли ненормальныхъ проявленій его или извращеній (неприличные разговоры, непристойное поведеніе съ товарищами (онанизмъ, педерастія и т. п.)?

Воля.

22. Исполняетъ ли задуманное и какъ: а) Энергично или вяло? б) Скоро ли остываетъ въ своихъ стремленіяхъ или настойчивъ, упоренъ?

23. Охотно или нѣтъ исполняетъ приказанное?

24. Представляются ли его дѣйствія достаточно мотивированными, или бываютъ стремленія и поступки бессмысленные, непонятные для окружающихъ и неожиданные?

25. Не противорѣчатъ ли дѣйствія и поступки словамъ его, мнѣніямъ, взглядамъ и т. п.?

26. Подъ вліяніемъ какихъ стремленій преимущественно дѣйствуетъ: а) Къ личному удовольствію? б) Къ собственной выгодѣ? в) Къ доставленію удовольствія другимъ? г) Къ избавленію другихъ отъ неудовольствія? д) Изъ чувства долга и справедливости? е) Изъ страха наказанія? ж) Изъ самолюбія, желанія похвалы? з) Изъ стыда передъ воспитателями или товарищами? и) Подъ вліяніемъ хорошаго или дурного примѣра? і) Не проявляетъ ли властолюбія (стремленія первенствовать) или легко подчиняется другимъ? к) Не обнаруживаетъ ли подражательности, внушаемости?

27. Не проявляетъ ли склонности: а) Къ воровству? б) Къ спиртнымъ напиткамъ? в) Къ куренію? г) Къ ссорѣ и дракѣ? д) Къ подстрекательству къ бунту и неповиновенію?

28. Есть ли стремленіе къ хорошему и къ исправленію своихъ недостатковъ?

29. Умѣетъ ли сдерживаться или нѣтъ? Не обнаруживаетъ ли чрезмѣрной подвижности, суетливости, болтливости?

30. Проявляетъ ли любовь къ труду?

31. Прилеженъ или нѣтъ въ ученѣи и работахъ?

32. Обучается ли и какимъ именно ремесламъ и сельскохозяйственнымъ работамъ? Способенъ ли къ нимъ?
33. Чѣмъ занимается только по принужденію?
34. Чѣмъ занимается съ интересомъ и увлеченіемъ?
35. Къ чему имѣеть склонность (къ искусствамъ, ручному труду, чтенію)? Любитъ ли читать и что именно (книги историческія, сказки, путешествія и т. п.)?
36. Любитъ ли играть въ подвижныя игры?
37. Какъ проводитъ охотнѣе всего часы досуга?
38. Не проявляетъ ли склонности къ шутовству, гаерству?
39. Нѣтъ ли какихъ-либо странностей въ поступкахъ? Нѣтъ ли какихъ-либо странныхъ привычекъ? Нѣтъ ли какихъ-либо странныхъ влеченій и вкусовъ?

V.

Дополнительныя замѣчанія врача.

ВЫШЛА МАИСКАЯ КНИЖКА ЖУРНАЛА

XV г. „ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“ XV г.

I. *Оригинальныя и переводныя статьи.* 1. Итоги русской художественной литературы XIX в. (Продолженіе.) Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. 2. Принципы эволюціонной теоріи и социологіи. Л. Стѣдова. 3. Дѣти въ современной нѣмецкой беллетристикѣ. (Окончаніе.) Юрія Веселовскаго. 4. Переходная пора въ жизни средней школы. Г. Рокова. 5. О психологіи французскаго народа. В. П. Х—ова. 6. Какъ я веду занятія по исторіи въ VIII классѣ женской гимназіи. А. Г. 7. Международная школьная переписка. П. Первова. 8. Интеллигентная бѣднота. П. Берлина. II. *Критика и библиографія.* Доступность начальной школы въ Россіи, А. Н. Куломзина. — П. Медьгуновъ, Первые уроки исторіи, Древній Востокъ, изд. 5-е. Н. Никольскаго. — З. А. Рагозина, Исторія Мидіи, второго Вавилонскаго царства и возникновенія Персидской державы. Его же. — Жизнь моря, Пр. К. Келлера, изд. второе. С. Григорьева. — Э. Гюитеръ, Исторія географическихъ открытій и успѣхи научнаго землѣвѣдѣнія въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Его же. — Генрихъ Дюмоляръ, Японія въ политическомъ, экономическомъ и социальномъ отношеніяхъ. Л. С. — А. А. Ивановскій, Объ антропологическомъ составѣ населенія Россіи. Его же. — Человѣкъ, животныя и растенія, начальное природовѣдѣніе, сост. О. Шмейль, выпускъ первый. Его же. — Павелъ Вольногорскій, Страницы изъ книги природы. Его же. — Проф. В. В. Куриловъ. Общеобразовательные курсы для народныхъ учителей и учительницъ. Ч. — Д-ръ Э. Шульце, Общедоступныя бібліотеки, народныя бібліотеки и читальни. X. — Д-ръ Рейхъ, Научно-популярная оптическая гигиена глазъ. — „Дѣтскій Другъ“, январь—апрѣль 1904 г. — Сборники пѣсенъ и стиховъ, составленные Горбуновымъ-Посадовымъ, 12 книжекъ. — Робертъ Борисъ и его произведенія въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. Бѣлоусова. — На новомъ мѣстѣ, разск. П. Хотымскаго; Митрошкино жертвоприношеніе, разск. Н. Рубакина; Дѣдъ Игнатъ, разск. А. Догановичъ; Король камышей, пов. для дѣтей. И. Митропольскаго. — Вася Горбунъ, разск. А. Догановичъ; Дни дѣтства, разск. Л. Черскаго; Милосердный орелъ и другія легенды и сказки, В. Попова; По островамъ Ладожскаго озера, очеркъ его же. — Изданія „Посредника“ для народа. — Дѣдушка Илья, Деревенскіе герои, Невѣста, Левониха, Бабы, Дядя Фирсай, разсказы С. Семенова. — Книги и брошюры, поступившія въ редакцію. III. *Рефераты и мелкія сообщенія.* Опыты совмѣстнаго обученія дѣтей обоего пола. Л. С. — Состояніе школьной гігіены въ Германіи. — Въ нѣмецкой женской школѣ. М. Наблунновой. — Учебники и глазная гигиена. Д-ра Л. Шейниса. — Народныя бібліотеки въ Нижегородской губерніи. Ч. — Объ учительскихъ обществахъ взаимопомощи. IV. *Хроника.* 1. Школа, литература и жизнь. I—В. Ивановича, II—Р. П. 2. Новый управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія. 3. Педагогическіе сельскохозяйственныя курсы въ Мраморномъ дворцѣ. 4. Отъ комиссіи по организаціи домашняго чтенія при учебномъ отдѣлѣ общ. распр. техн. зн. 5. Присужденіе золотой медали редакціи „Вѣстника Воспитанія“. V. *Приложенія.* Извлеченія изъ протоколовъ преподавателей исторіи Педагогическаго общества, состоящаго при московскомъ Императорскомъ университетѣ. VI. *Объявленія.*

Продолжается подписка на 1904 годъ.

Кромѣ педагогическихъ статей, въ журналѣ помѣщаются научно-популярныя статьи по естествознанію, психологіи, философіи, филологіи, обществовѣдѣнію, исторіи, исторіи литературы, а также по вопросамъ искусства.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Минист. Нар. Просв. для фундаментальныхъ бібліотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Журналъ выходитъ 9 разъ въ годъ (въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала не менѣе 20 печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: въ годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу — 7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей цѣна уменьшается на 1 руб.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер., д. Михайлова) и во всѣхъ крупныхъ книжныхъ магазинахъ обихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель Н. Ф. Михайловъ.

Продолжается подписка на 1904 г. на журналъ

24 годъ изданія. „РЕБУСЪ“ 24 годъ изданія.

Выходитъ выпусками не менѣе 2-хъ разъ въ мѣсяць въ объемѣ отъ одного до пяти печатныхъ листовъ. Статьи по мѣрѣ надобности сопровождаются пояснительными чертежами, рисунками и портретами.

Подписная цѣна: на годъ 5 руб., на шесть мѣс. 3 руб., на три мѣс. 2 руб.; болѣе льготныя условія по соглашенію съ редакціей.

По содержанію помѣщенного въ предыдущіе годы матеріала, „Ребусъ“ единственный въ Россіи журналъ, который главное мѣсто отводитъ обзору и изученію таинственныхъ и загадочныхъ явленій: телепатіи, ясновидѣнія, передачи мыслей, раздвоенія личности, одержанія, сомнамбулизма, животнаго магнетизма, медиумизма, спиритизма и т. п. сверхъ-нормальныхъ фактовъ и явленій въ области психизма. Загадочность человѣческаго существа, существованіе независимаго отъ тѣла духовно-разумнаго начала и безсмертіе человѣческой личности, вотъ главные вопросы, изслѣдованію которыхъ былъ и будетъ посвященъ журналъ; независимо отъ этого на его страницахъ всегда найдутъ откликъ и мѣсто всѣ спорныя и нерѣшенные вопросы въ области тайнъ и загадокъ природы, науки и жизни. Помѣщаются отзывы о новыхъ и старыхъ книгахъ; разъясненія редакціи и отвѣты на запросы подписчиковъ и письма. Въ литературномъ отдѣлѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, романы, стихотворенія и новеллы, соответствующіе направленію журнала.

За прошлые года въ журналѣ въ числѣ прочихъ статей были напечатаны: проф. А. Майерса—„О послѣднемъ существованіи“ и „Прижизненные призраки“, проф. А. Бутлерова—„Статьи по медиумизму“, А. Ансанова—„Анимизмъ и спиритизмъ“, проф. Н. Вагнера—„Фотографія невидимой руки“, А. Дассье—„Позитивизмъ въ области спиритуализма“, А. Шопенгауэра—„О духовидѣніи“, д-ра Дю-Преля—„Душа какъ организующее начало“, В. Сабуровой—„Смерть только метаморфоза“, проф. Шарно—„О сомнамбулизмѣ и гипнотизмѣ, д-ра Охоровича—„Лекціи о животномъ магнетизмѣ, А. Уоллеса—„Духовный дарвинизмъ“, проф. В. Крэнса—„Объ относительности человѣческихъ знаній“, П. Чистякова—„Исторія волшебства и суевѣрій“, затѣмъ отчеты Лондонскаго общества психическихъ изслѣдованій и др.

Подписка принимается въ редакціи: Москва, Смоленскій бул., д. Мишке, кв. № 8 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Лицъ сочувствующихъ направленію журнала просятъ способствовать его распространенію.